СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ РККА
УПРАВЛЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

Г. ИССЕРСОН

КАННЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ГИБЕЛЬ АРМИИ САМСОНОВА)

С девятью чертежами в тексте
и шестью схемами в приложении

„Не ординарные победы,
но уничтожающие сражения".
Граф фон ШЛИФФЕН.

„Моя мысль вознеслась
к гр. Шлиффен, и я благодарил
своего учителя".
ЛЮДЕНДОРФ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926

Глубокоуважаемому
Борису Михайловичу Шапошникову,
под руководством которого автор
продолжает практическое изучение
проблем стратегии.

[illegible]

5/II 1926г

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1465.
ТИРАЖ 3.000.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 3003.
ЗАКАЗ № 2463.
Типография КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, д. № 57.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Превосходство немецкой стратегической мысли сказалось не только в восточно-прусской операции, но и в продолжении всей империалистической войны 1914—18 г.г. Внимательное изучение действий нашего бывшего противника может служить средством воспитания в командном составе высоких качеств стратега, дерзновения и воли к победе, точности и ясности в оперативной работе.

Труд Г. Иссерсона, раскрывающий перед читателем процесс претворения творческой мысли стратега в реально выраженную победу, отвечает этой задаче. Однако, следует иметь в виду, что автор слишком увлечен немецкими военными источниками, которые сверх меры восхваляют руководителей германской армии. Руководителю операции обычно приходится пользоваться военным чутьем, так как противник редко открывает свою игру. Германское же командование из перехваченных русских радио-телеграмм довольно точно знало положение почти всех русских частей и план их ближайших действий. Операцию оно проводило при самых выгодных условиях в отношении сведений о своем противнике и при крупнейших ошибках, допущенных командованием русских армий. Тем не менее восточно-прусская операция, по размаху своего замысла, быстроте и стройности выполнения, заслуживает самого серьезного внимания и изучения.

ВСТУПЛЕНИЕ.

„На самых опасных положениях следует чаще всего останавливаться мыслью“.

Клаузевиц.

Мировая война 1914—1918 г.г. не была богата искусными маневрами и решительными сражениями.

Огромные массы вооруженных сил сделали армии мало подвижными и мало способными к решительным маневрам, каковыми отличались войны прошлого.

Восточно-прусская операция в августе 1914 года представляет в этом отношении редкое на протяжении 4-х летней войны исключение. По изящности своего маневра, решительности достигнутой им цели и, наконец, частому в военной истории осуществлению полного окружения противника едва ли не уступающими ему силами — восточно-прусская операция 8 германской армии против 2 русской является на всем протяжении не только мировой войны, но, пожалуй, и войн последних столетий редким образцом военного искусства и заслуживает совершенно исключительного внимания. В этом сражении, разыгравшемся на сравнительно незначительном фронте [1]), между двумя отдельными армиями, имевшими свободные фланги, а потому и свободу маневрирования, стратегическое искусство командования выявилось с полной отчетливостью и представляет потому огромный поучительный интерес, выявление которого и составляет задачу всякого военно-исторического описания.

Военная операция есть двухсторонний акт и в этом отношении при ее описании могут быть избраны два пути. Представляется, однако, целесообразным, чтобы всякая операция была описана с точки зрения наибольшего выявления

---

[1]) Сражение началось на фронте в 120 клм. и кончилось на фронте 50 клм., между тем как сражение на Марне велось на фронте в 250 клм. на таком же примерно фронте—Галицийское сражение. *Г. И.*

ее поучительности. Вопрос этот не всегда получает одинаковое разрешение в смысле описания всякой операции с точки зрения победившей стороны. Разумеется, оценка военных действий не имеет в конечном итоге другого критерия кроме их результата. Было бы нелепо оценивать военные действия лишь с точки зрения соблюдения в них установленных военной теорией правил: в этом случае действия многих побежденных сторон могли бы быть признаны превосходящими действия своих победителей. Однако, военное дело не может быть оценено лишь с точки зрения чистой теории.—«Теории присущ лишь логический путь, — говорит Шлихтинг — но на войне 2×2 не всегда равно 4». В этом отношении результат военных действий, как их выполнение, является единственным критерием для их оценки с точки зрения военного искусства. Но при этом никогда не следует упускать из виду условий, в которых действуют стороны и, главным образом, соотношение сил. Операция, проигранная благодаря значительному превосходству сил противника, в известных случаях несравненно более поучительна со стороны потерпевшей поражение, чем со стороны победившей; блестящим примером этому является хотя бы проигранное германцами Марнское сражение. Действия первой германской армии Клука, унесшей с Марнского поля сражения лавры тактического победителя, представляют несравненно больший интерес, чем действия сражавшихся против нее армии ген. Монури, английской армии и левого фланга 5 французской армии.

Если мы, с этой точки зрения, бросим беглый взгляд на соотношение сил сторон на вост.-прусском театре военных действий в начале войны 1914 г., то увидим, что одна германская армия в составе 4-х корпусов, одной кавалерийской дивизии и второочередных формирований, силой до 3-х дивизий, была противопоставлена двум русским армиям в составе 8-ми корпусов, двух стрелковых бригад и 8-ми с половиной кавалерийских дивизий, т. е., уступала им в численности более чем в два раза.

Оценив затем так же бегло общую стратегическую обстановку, мы увидим, что, благодаря выступающему географическому очертанию Восточной Пруссии,—две русские армии, на много превосходящие германцев, наступая с востока

со стороны Немана и с юга со стороны Нарева, брали слабую германскую армию в клещи, грозя ей охватом обоих флангов. Эти выгодные условия, в каких находились русские армии, имеют настолько самодовлеющее стратегическое значение, что ни в коем случае не компенсируются более развитой сетью железных и грунтовых дорог в Восточной Пруссии и более совершенным оборудованием ее театра военных действий, что, к тому же, должно быть причислено не к оцениваемому здесь положению противных армий, как к таковому, а к предусмотрительности прусского генерального штаба в мирное время.

И тем не менее, значительно уступая русской стороне по своей численности и стратегическому положению, германцы выходят победителями над обеими русскими армиями, доведя поражение одной из них до полного окружения и уничтожения. Поучительность действий победившей в столь тяжелых и опасных условиях стороны в этом случае огромна; она должна нам показать, как при невероятно трудных стратегических условиях организуется и достигается решительная победа над численно превосходящим противником. Является несомненным, что операция 8 германской армии против 2 русской должна быть, в целях выявления наибольшей поучительности, описана с германской стороны с возможной полнотой:—этот путь и избран в дальнейшем изложении. Трудно признать, чтобы он был более легким в отношении имеющегося материала.

Русские источники об операциях 2 армии в августе 1914 года, правда, бедны и неполны: ограничиваясь в сущности одним очерком Циховича и брошюрой А Вацетиса, заключающей в себе одно сухое изложение голых фактов, они далеко не удовлетворяют требованиям критического военно-исторического исследования.

Германские источники в отношении количества не оставляют желать большего: Танненберг освещается и воспевается в неисчислимом множестве описаний. Но оценка и использование этих описаний требуют большой осторожности. Германский шовинизм столь силен, что в самых строгих, с академической точки зрения, научных трудах мы встречаемся с пристрастностью, простором фантазии и само-

восхвалением, от которых жестоко страдает объективное изложение событий.

Достаточно указать на то, что множество легенд, сложившихся в представлении населения Пруссии о беспримерной хитрости германских войск, завлекших якобы русские корпуса в болота и озера, где последние и погибли, нашли свое отображение во многих военных исследованиях. В 1914 г. можно было быть свидетелем многих рассказов германских офицеров и солдат, участвовавших в операци и передававших о ней легенды, которые, под видом достоверной истины, через несколько дней появлялись в газетах или журналах и в том или другом виде нашли свое отражение в большинстве германских полуоффициальных источников.

Требуется много труда и тщательного изучения для того, чтобы отделить в германских источниках все объективно ценное и правдивое, критически выяснив всю действительную поучительность восточно-прусской операции.

Наиболее полным и авторитетным германским источником является оффициальное издание истории мировой войны: «Reichsarchiv Der Weltkrieg». Объективное изложение фактов, выявленных по архивным материалам, делает этот труд основным источником.

Далее заслуживают внимания: Ludendorff—«Meine Kriegserinnerungen» [1]), François—„Marneschlacht und Tannenberg", v. Morgen—„Meiner Truppen Heldenkämpfe", Oberst Frantz—„Der Grosse Krieg 1914".

Эти последние источники не свободны от субъективизма, ибо излагают события с личной точки зрения авторов, принимавших в них активное участие, и потому, естественно, не могущих быть вполне беспристрастными и объективными; это в особенности относится к трудам генералов Франсуа и Моргена. В этом отношении известное преимущество имеет краткое, но вполне обстоятельное объективное описание восточно-прусской операции 14 года в популярном труде Stegemann'a „Geschichte des Weltkrieges».

Наконец, было бы крупным недочетом при использовании немецких источников оставить без внимания брошюру фон-Гирля под названием «Танненберг». Автор этого труда

---

[1]) Имеется в русском переводе.

участвовал в восточно-прусской операции в качестве офицера генерального штаба при штабе 6 ландв. бригады 3 рез. дивизии. Эта небольшая должность, не обеспечивавшая широты стратегического кругозора, не помешала, однако, фон-Гирлю составить полное описание этой операции, как единого стратегического целого. Весьма ценным для освещения моральной обстановки, в коей протекала операция 8 герм. армии, является, кроме того, труд, Hesse—«Der Feldherr Psychologos». Этот своеобразный и, пожалуй, единственный в своем роде психологический анализ войны 14—18 г.г. с большим мастерством раскрывает настроение моральной подавленности и высокого энтузиазма, которые при известной обстановке владели психикой германского солдата в операции под Танненбергом.

Настоящее изложение ограничивается материалами перечисленных немецких источников, не оставляя, однако, без внимания и русские источники Циховича, Борисова и Вацетиса, равно, как и хранящиеся в Военно-Ученом Архиве дела 2 армии, ибо без последних описание страдало бы узкой односторонностью, не обеспечивающей критического подхода к оценке военных операций.

Ввиду невозможности указания всех упоминаемых в тексте пунктов на схемах и черчениях, вследствие их малого масштаба,—просьба при чтении труда обращаться к услугам карты масштаба 10-ть верст.

ГЛАВА I.

Германский план развертывания на Востоке.

„Условия охвата могут и должны быть изучены в мирное время, но выполнение его не может и не должно быть предопределено".

Граф Шлиффен.

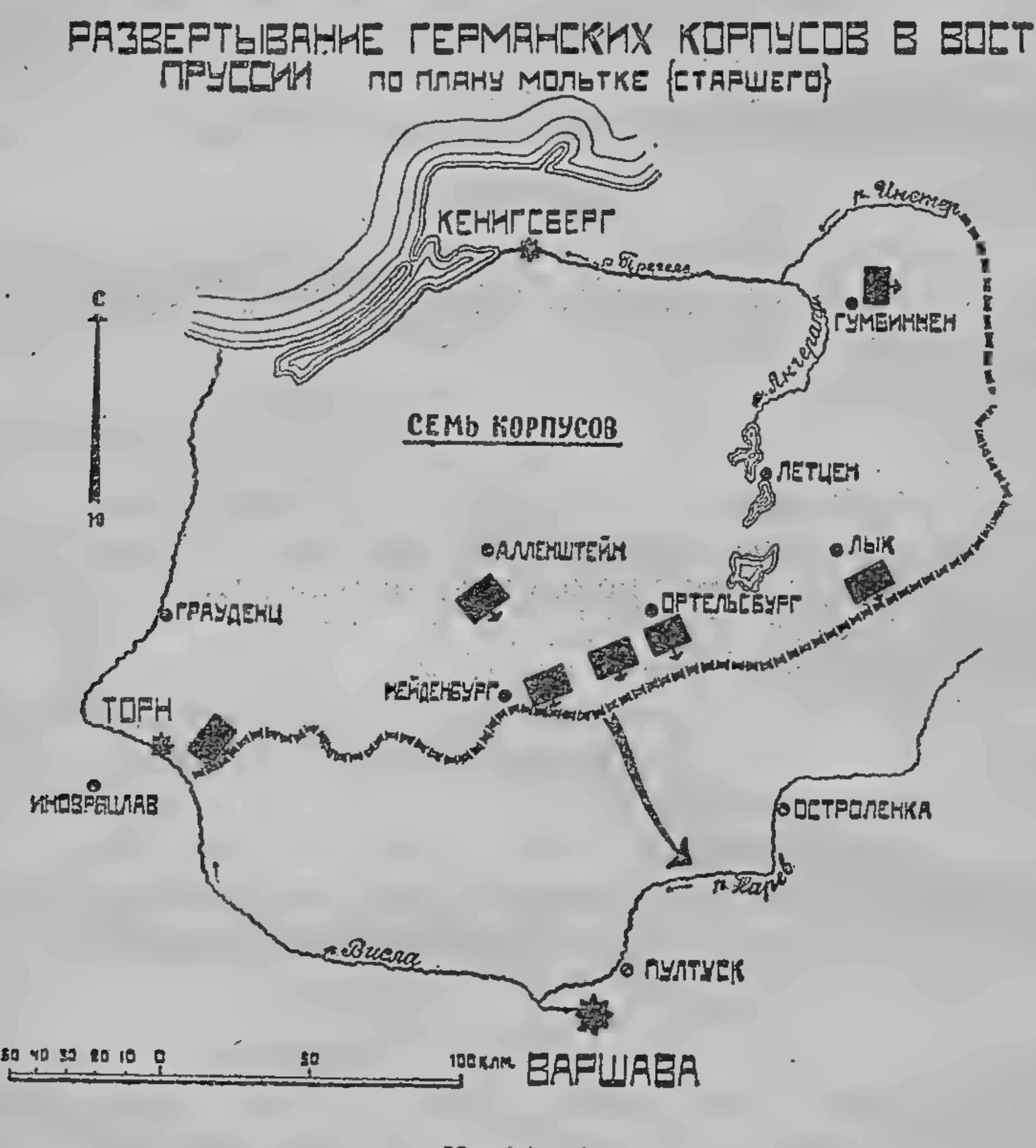
Оборона Восточной Пруссии в 1914 году не явилась следствием решения, принятого германским генеральным штабом лишь к тому времени: план развертывания германских армий имеет свою историю, связанную с деятельностью ряда крупных имен германского военного мира.

Беглый взгляд на эту историю является необходимым для уяснения всех соображений, легших в основу развертывания 8 германской армии.

Уже непосредственно после франко-прусской кампании 70—71 годов Германия стала перед фактом возможности войны на два фронта. Тогдашний начальник прусского генерального штаба граф Мольтке разрешал в 1880 году эту оперативную проблему обороной на западе и наступлением на востоке. Он исходил из фактов усиления французской армии и укрепления французской границы, исключавших возможность быстрого разрешения военных действий на западе. Тем не менее французская армия была в то время еще мало способной к активному наступлению, почему Мольтке считал наиболее целесообразным использовать на западе преимущества, предоставляемые Рейном и расположенными на нем сильными крепостями. Наоборот, на востоке Мольтке считал возможным использовать условия быстроты сосредоточения германских войск, рассчитывая с превосходными силами разбить постепенно сосредоточивавшиеся русские армии. Для проведения операции на восточном фронте Мольтке предполагал назначить 7 армейских корпусов, из коих два он выдвигал прямо к Гумбиннену и Лыку, а главные силы, вследствие тогда еще недостаточно развитой железнодорожной сети, развертывал на широком

30-мильном фронте от Иновращлава (Гогензальца) до Ортельсбурга, предполагая их соединить с движением вперед. (Чертеж 1).

Такое развертывание предопределяло наступление на правобережьи Вислы, чем достигался обход укрепленного фронта этой реки; главные силы должны были наступать на фронт Пултуск-Остроленка.

Чертеж 1.

Примерно таким же образом разрешал проблему развертывания германских сил на востоке преемник Мольтке граф Вальдерзе: по его плану против России сосредоточивались те же 7 армейских корпусов, но уже с приданными им резервными дивизиями. Линию развертывания главных сил Вальдерзе переносил дальше на восток, примерно, на линию Ортельсбург-Иоганнисбург-Лык с операционными направлениями одной армии на Ломжу—Белосток и другой—от Гумбиннена на реку Неман, выше Ковно. Вальдерзе, однако, учитывал при этом трудность проведения операции, ставя условия ее возможности в зависимость от времени года. (Чертеж 2).

Во всяком случае эти два руководителя прусского генерального штаба стояли за активный способ действий на восточном фронте с достаточным количеством сил, и потому оборона Восточной Пруссии не ставилась в их планах перед фактом того трудного стратегического положения, в котором она оказалась в 1914 г.

С 90-х годов прошлого столетия германский план развертывания терпит коренное изменение, совпадающее с вступлением на пост начальника большого генерального штаба графа Шлиффена. К его времени условия, лег-

Чертеж 2.

шие в основу соображений Мольтке, успели сильно измениться. Если в ближайшие годы после войны 1870—71 годов можно было серьезно усомниться в вероятности французского наступления, то ко времени Шлиффена оно стало более чем вероятным; оборона реки Рейна не могла более рассчитывать на прежнюю прочность. Вместе с тем наступление на востоке становилось затруднительным, вследствие укрепления линии рек Бобра и Нарева, что исключало возможность быстрой здесь развязки. Эти условия заставили графа Шлиффена склониться к разрешению оперативной проблемы развертыванием главных сил германской армии на западе с целью решительного наступления—и обороной на востоке.

Создается грандиозный замысел захождения всей совокупности германских вооруженных сил правым плечом через Бельгию вокруг оси, пунктом коей был назначен Диденгоффен. На востоке оставался минимум сил которые граф Шлиффен определял в 4—5 корпусов. При этом он считал Вост. Пруссию наиболее приспособленной к обороне. Его соображения были таковы: русские армии при наступлении со стороны Немана и Нарева оставались разобщенными; их соединение затруднялось линией Мазурских озер и укреплениями, созданными на перешейках между ними. Время, необходимое русским армиям для соединения к западу от озерного района, является достаточным для использования его германцами в целях уничтожения одной из русских армий ранее, чем к ней на помощь подоспеет другая. Эта мысль, неоднократно высказываемая Шлиффеном во время проводимых им в Вост. Пруссии полевых поездок, легла краеугольным камнем в основу системы ее обороны. (Чертеж 3).

Преемник Шлиффена, граф Мольтке (младший), в принципе не расходился с планом своего предшественника. Оборона Вост. Пруссии поручалась одной (восьмой) армии в составе 13 пехотных дивизий. Командованию Вост. Пруссии предоставлялась, однако, в отношении, способа действий полная свобода, вплоть до выбора оборонительного или наступательного ведения военных действий. Соображениями графа Мольтке, имевшими в своей основе грандиозную идею Шлиффена, завершилась эволюция германского плана развертывания, достигшаго таким образом полюса, противоположного тому, у которого он взял свое начало; разразившаяся в 1914 году война остановила его дальнейшее развитие и разработку. События ближайших недель должны были теперь показать его состоятельность и обнаружить готовность войск и командования к его трудному и ответственному выполнению.

В какие же условия поставил план германского генерального штаба оборону Вост. Пруссии в 14 году?

Одна армия, числившая в своем составе 13 пехотных дивизий и одну кавалерийскую дивизию, была предназначена для обороны восточной провинции, географическое очертание коей ставило столь незначительные силы в трудные стратегические условия возможности охвата обоих флангов. Эта армия должна была, несомненно, считаться с численным превосходством противника. Единственным условием, облегчающим ее трудное положение, было озерное пространство в юго-восточном углу Пруссии, разъединявшее наступающие силы противника и дававшее возможность бить их порознь. Неизбежная, в связи с такими условиями, тактика маневрирования по внутренним операционным линиям на расстоянии от противника, которое не могло быть

ОБОРОНА ВОСТ. ПРУССИИ ПО ПЛАНУ ГРАФА ШЛИФФЕНА И МОЛЬТКЕ МЛАДШ.
{МАНЕВРИРОВАНИЕ ПО ВНУТРЕННИМ ОПЕРАЦИОННЫМ ЛИНИЯМ ПОД ПОКРОВОМ МАЗУРСКИХ ОЗЕР}
ПЛАН РАЗВЕРТЫВАНИЯ РУССКИХ АРМИЙ {СЛУЧАЙ А 1912 г.}
КЕНИГСБЕРГ
р. Прегель
ГУМБИННЕН
КОВНО
I-АРМИЯ
15½ пех. див.
5½ К. Д.
р. Неман
ГРОДНА
заслон
ЛЕТЦЕН
ЛЫК
13-ПЕХ ДИВ.
1-КАВ. ДИВ.
АЛЛЕНШТЕЙН
заслон
ИОГАННИСБУРГ
ОРТЕЛЬСБУРГ
С
Ю.
р. Висла
ГРАУДЕНЦ
ТОРН.
ЛОМЖА
II-АРМИЯ
14½-ПЕХ. ДИВ.
4-КАВ. ДИВ.
БЕЛОСТОК
р. Нарев
50 40 30 20 10 0 50 100 клм.
ВАРШАВА

Чертеж 8.

значительным,—являлась, однако, весьма трудной и ответственной задачей, требовавшей большого искусства и инициативы со стороны командования и колоссальной выдержки и высокой подготовки войск.

Предопределял ли, однако, этот план развертывания и конкретный план операции, как это склонны полагать многие военные исследователи, считающие военную игру, проведенную Шлиффеном во время полевой поездки в Вост. Пруссии в 1903 г. и им же в 1905 г., прототипом действий германцев в 1914 году?

Полевая поездка 1903 года в очень малой степени предвосхитила события 1914 года; она представляет, однако, огромный интерес: в результате стратегического и тактического розыгрыша на местности наступавшая с линии р. Немана русская армия, которой в полевой поездке руководил командир 1 прусского корпуса генерал Франсуа, была окружена южнее Инстербурга и, согласно решения руководства, сдалась германцам. На возражение Франсуа, что, по его мнению, армия никогда не может положить оружие, Шлиффен открыл отчет о военной игре и прочел: «Командующий Неманской армией признал положение своей армии безнадежным. Он искал смерти в передовой линии фронта и нашел ее».

За одиннадцать лет Шлиффен предсказал судьбу русской армии, правда, не Неманской, а Наревской...

Что же касается военной игры 1905 года, то она во многом напоминала происшедшее через 10 лет. Наступавшая по игре в Восточную Пруссию русская сторона по своему развертыванию и составу в точности соответствовала действительной обстановке сосредоточения и наступления 1 и 2 русских армий в 1914 году. Шлиффен всегда ставил противника в наилучшие условия, а себя в наихудшие; в проведенной игре он оставил без внимания возможный более поздний срок сосредоточения русских сил и допустил их соединение на линии реки Алле западнее озерного района, который оказался обойденным. Противопоставляя правому крылу противника крепость Кенигсберг с ее незначительным гарнизоном, Шлиффен стянул всю совокупность своих сил к югу и достиг здесь окружения левого фланга наступавшей со стороны Нарева русской армии.

Лишь при известной натяжке можно действию германской стороны в этой игре придать значение прототипа действий в 1914 году. По существу это, однако, совершенно неверно. Операция 8 германской армии протекала, в действительности совершенно иначе и при совершенно иных условиях, усматриваемых хотя бы уже из факта изолированности русских армий, что именно отсутствовало в обстановке игры 1905 года. Известное сходство в общестратеги-

ческой обстановке, конечно, неизбежно при наличии двух единственно возможных для русской стороны операционных направлений, предопределяемых местностью театра военных действий. Но оно ни в коем случае не определяет одинаковости планов операций. Именно в отношении последних германскому командованию предъявлялись основные требования полной самостоятельности, широкой инициативы и образа действий, вызывающихся одной обстановкой. „Das freie gewissenhafte Handeln“—это образное, трудно переводимое на русский язык, выражение могло одно составлять доктрину восточно-прусского командования. Если, однако, говорить о глубоком изучении условий обороны Вост. Пруссии, выявлений всех ее особенностей и учете возможной стратегической обстановки — то этот факт остается несомненным и говорит лишь о серьезной работе германского генерального штаба в мирное время. Изучение условий операции в мирное время было всегда одним из строгих требований графа Шлиффена, который вместе с тем резко возражал против предопределения плана ее выполнения.

Что касается русского плана развертывания, то официально он числил свою давность лишь с 1912 года, т.-е. почти только с кануна мировой войны; он был по отношению к германскому плану в сущности новорожденным ребенком.

План А, клавший в свою основу главное операционное направление против Австрии, предусматривал развертывание против Германии, и именно против Восточной Пруссии, 2-х армий: первой—на среднем Немане, в составе 15 пех. дивизий, одной стр. бригады и 5½ кав. дивизий, и второй армии—в районе Гродно-Белосток-Ломжа, в составе 14 пех. дивизий, одной стр. бригады и 4 кав. дивизий. Обоим армиям ставилась задача овладения Вост. Пруссией путем концентрического наступления в обход озерного района. (См. чертеж 3).

План Г, клавший в свою основу главное операционное направление против Германии, не меняя развертывания против нее 1 и 2 армии по плану А, включал в состав германского фронта еще 4 армию, сосредоточивавшуюся в Риго-Шавельском районе в составе 11 пех. дивизий и 2½ кав. дивизий; эта армия должна была наступать на правом фланге 1 армии, задача коей, равно как и 2-ой, оставалась та же, что и в плане А.

Русский план развертывания ставил свои армии в условия, весьма благоприятствовавшие их стратегическому положению; изолированность благодаря мазурскому озерному району не могла, при значительном численном превосходстве, считаться серьезным отрицательным условием; она требовала

лишь энергичных и быстрых действий с целью наиболее скорого соединения двух армий западнее линии Мазурских озер. Слабо развитая сеть железных дорог, особенно затруднявшая действия и передвижения 2 русской армии, требовала, кроме того, своевременных еще в мирное время осуществленных мероприятий генерального штаба по организации коммуникаций и тыла этой армии при ее продвижении в Вост. Пруссию.

Таковы, в общем, условия, в какие были поставлены русские армии своим планом развертывания, созданным почти накануне мировой войны и не имевшим потому за собой той истории, которая могла ему обеспечить детальное усовершенствование и длительное глубокое изучение всех условий его выполнения.

Перед нами раскрылись планы развертывания на восточно-прусском театре военных действий двух противных сторон. Наша задача ни в коем случае не заключалась в их оценке, как таковых. Ни один оперативный план, как таковой, не может быть оценен ни положительно, ни отрицательно, ни лучше, ни хуже, ибо никогда он не является единственным условием победы или поражения. Наша задача заключалась здесь лишь в выяснении условий создания планов развертывания сторон. Кроме того, эти планы развертывания дают нам возможность судить, какой же из них ставил свою сторону в более благоприятные условия. Этот вопрос разрешается, безусловно, в пользу русской стороны, обладавшей по плану развертывания более чем двойным численным превосходством (30 пех. и $9^{1}/_{2}$ кав. дивизий против 13 пех. и 1 кав. дивизии германцев)—и более благоприятным стратегическим положением, создававшим возможность концентрического наступления в охват обоих флангов германской армии.

ГЛАВА II.

Восточная Пруссия.

„Каждый театр военных действий требует своей стратегии, каждое поле сражения—своей тактики".

Вост. Пруссия не была лучшей провинцией Германии; ее, в сущности, даже мало знали и из-за прославившейся грубости пруссаков мало любили. Между тем, эта область—богатый живописный уголок. Внутри покрытая множеством озер и молчаливыми лесами, она омывается на севере Балтийским морем, храня у своих берегов драгоценный янтарь. Суровая сравнительно с остальной Германией природа и долгая зима сделали из пруссаков трудолюбивый народ, превративший упорным трудом дикую природу своей страны в культурный оазис. Невольно поражала глубокая разница в пейзаже, представлявшемся глазу по северо-западную и юго восточную стороны прусской государственной границы. Последняя—между обширными болотистыми пространствами с плохими малочисленными дорогами и неуютными грязными польскими деревнями по одну сторону и высушенной, культивированной местностью, пересекаемой густой сетью шоссе и украшенной чистыми благоустроенными городками с каменными зданиями—по другую сторону, пролегала резкой гранью, словно стена, разделявшая два мира. Вост. Пруссия издавна слыла за богатую сельско-хозяйственную провинцию, известную высокими породами своего скота и образцовым коневодством; в этом отношении она была весьма ценной для Германии областью.

Своеобразное очертание границ этой провинции, вдававшейся клином в пределы России, ставило ее оборону, вообще, в трудные условия. Эти последние не были, однако, облегчены возведением каких-либо значительных укреплений как это сделали, например, французы против Германии.

Границы Вост. Пруссии были, в сущности, открыты и не защищены. Единственные искусственные укрепления, расположенные вблизи границы, ограничивались крепостью Летцен (см. схема № 1), построенной на перешейке между озерами Дарген и Левентин, и затем линией блокгаузов, пересекавшей Иоганнисбургскую рощу. Наконец, в сев.-зап. углу Вост. Пруссии возвышалась ее цитадель—сильная крепость Кенигсберг, ее главная защита и опора как со стороны суши, так и моря. От остальной Германии прусскую провинцию отделяла река Висла с расположенными на ней крепостями Данциг, Мариенбург, Грауденц, Кульм и Торн. Эта линия укреплений имела, однако, уже назначение обо-

роны центральной Германии в случае занятия противником Вост. Пруссии и к системе укреплений последней причислена быть не может.

Таким образом, на кратчайших путях к Кенигсбергу, с востока и с юга, отсутствовали какие бы то ни было искусственные укрепления; лишь линия Мазурских озер в юго-вост. углу Пруссии была укреплена крепостью Летцен,—в сущности, одним фортом Бойен, и носившей характер полевых укреплений линией блокгаузов в Иоганнисбургской роще, имевшей, очевидно, назначением обеспечение правого фланга германских войск, развертывающихся севернее озер. Однако, крупным преимуществом, которое имела Вост. Пруссия в отношении своей обороноспособности, была линия Мазурских озер в юго-вост. ее углу. Глубокие, частые, с болотистыми лесистыми берегами озера, тянувшиеся в меридианальном направлении на протяжении до 80 *кл* и отделенные друг от друга лишь узкими дефиле, они представляли серьезное препятствие для движения войск с востока на запад. Обход же их с севера и с юга ставил наступающего в неизбежные условия изолированности двух действовавших групп; при этом, так как сами озера представляли собою щит, под покровом коего германские войска могли маневрировать по внутренним операционным линиям, каждая из этих групп могла быть подвержена атаке, ранее чем успеет соединиться с другой. Как мы уже видели, эти условия местности легли в основу Шлиффенской идеи обороны Вост. Пруссии. Наконец, с военной точки зрения, исключительно важное значение приобретала необычайно развитая сеть железных дорог, позволявшая производить переброску войск решительно во всех направлениях и во все пункты близ границы от Торна до Тильзита. Многочисленные воинские платформы, часто длиною в несколько километров, были построены в наиболее важных узловых пунктах, лежащих вблизи границы, что имело чрезвычайно важное значение, облегчая погрузку и подвоз частей, и составляло, в сущности, основу всей стратегии на этом театре военных действий. Эта стратегия, верная школа Шлиффена, строилась на активном маневре незначительных сил по внутренним операционным линиям под покровом Мазурских озер с целью поражения наступающих сил противника порознь, ранее, чем они успеют соединиться.

Таковы были своеобразные условия восточно-прусского театра военных действий. Эти условия, глубоко и детально изученные германским генеральным штабом, явились одним из крупных факторов, сделавших возможной операцию против 2 русской армии.

ГЛАВА III.

Развертывание 8-й германской армии в августе 1914 года и ее первые боевые действия.

„Часто необходимо принимать решения, не взирая на неопределенность их последствий, именно—когда ничего лучшего сделать нельзя“.

Клаузевиц.

План развертывания германских армий в августе 1914 года оставлял против России минимальное количество войск, едва ли достаточное для обеспечения восточной границы Германии от вторжения крупных сил противника. Этих войск было далеко недостаточно для выполнения взятого на себя Германией по отношению к Австрии, обязательства согласно которого одна германская армия должна была наступать на Ломжу с целью отрезать польский мешок совместно с наступавшими с юга на Брест-Литовск австро-венг. армиями. Это обязательство не было выполнено, и Германия ограничилась лишь выделением для совместного с австрийцами наступления на их левом крыле одного ландверного корпуса Войрша. К тому же уже после начала сосредоточения с востока было взято несколько предназначенных против России дивизий, так что в итоге развернувшаяся в восточной Пруссии 8 герм. армия под командованием генерал—полковника фон-Притвица числила в своем составе: 4½ арм. корпуса—(I, XVII и XX армейские и I резервный), 3 рез. дивизию, 3 ландв. бригады—33, 6 и 70, составившие уже во время операции (28 (15) авг.) 1 ландв. дивизию,—и затем одну кав. дивизию. К этим силам уже в течение самой операции были присоединены некоторые второочередные части [1]).

Эти ограниченные силы, растянутые на фронте от Торна до Тильзита, т.-е. на протяжении более 300 километров, без какой-либо надежды получить в ближайшие недели поддержку,—и были предоставлены генералу Притвицу для выполнения его ответственной и трудной задачи.

Боевые столкновения с передовыми русскими частями начались уже с первых дней августа. Особенно интенсивны были они на путях к Гумбиннену, где первый прусский корпус под командой горячего, энергичного и подчас недисциплинированного генерала Франсуа [2]) своими активными дей-

[1]) См. в приложении боевое расписание 8 герм. армии.

[2]) Сын прусского генерала, который первым пал в войну 1870 года и, смертельно раненый, воскликнул: „кажется, мы побеждаем,—я рад умирать в такую минуту!“ *Г. И.*

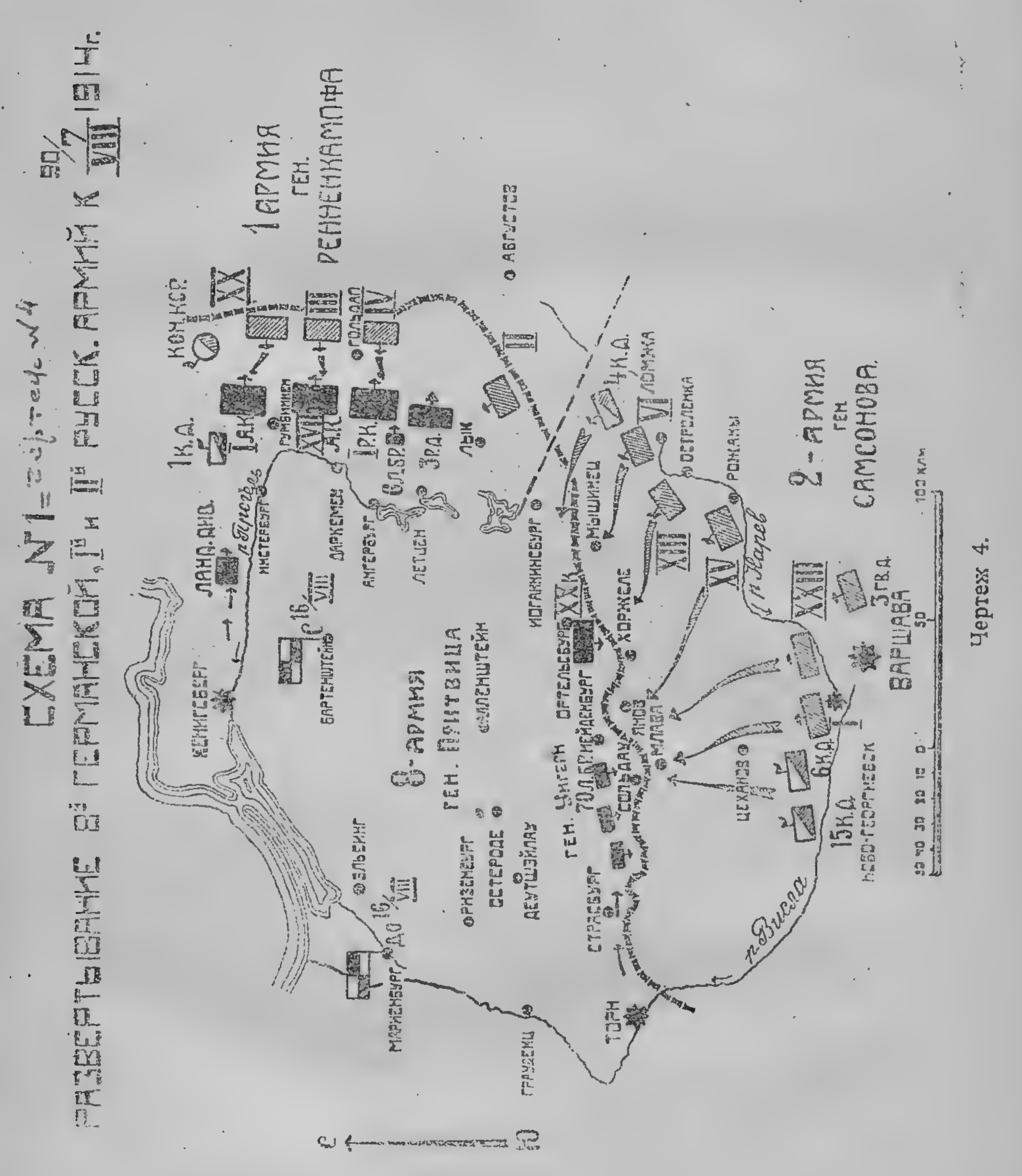
ствиями всячески затруднял русским отрядам вторжение в Вост. Пруссию. Ген. Притвиц, остановившись со своим штабом 8 авг. (27 июля) в Мариенбурге, решил выжидать выяснения обстановки; он склонился к выжидательному образу действия, и известным оправданием его решения является, конечно, ограниченность предоставленных ему сил, с которыми переход в наступление либо в Наревском направлении, либо на средний Неман был бы — при отсутствии сведений о противнике — более чем неосмотрительным. Вскоре штабу 8 армии становится известным, что Царство Польское свободно от русских войск и что, вместе с тем, в районе Ковно-Гродно сосредоточиваются крупные силы, очевидно, предназначенные для вторжения в Восточную Пруссию с востока. Относительно Наревского района сведения отсутствовали. Левый фланг развертывающихся русских войск предполагался в Ломже, при чем силы их оценивались в две армии, в составе до 10 корпусов и 7-ми кавалерийских дивизий. Главным направлением наступления этих армий считалось Гумбинненское. При таком представлении общей стратегической обстановки Притвиц решил сосредоточить еще разбросанные силы своей армии к левому флангу в район между Гумбинненом и Ортельсбургом, дабы перейти в наступление против северного крыла русских армий, стремясь охватить их правый фланг.

В исполнение этого плана XVII арм. корпус Макензена, сосредоточившийся у Дэйтш-Эйлау, был перевезен по железной дороге на Даркемен. Сосредоточившийся у Ангербург-Норденбург 1 рез. корпус фон-Белова получил приказание занять линию на реке Ангерап от Ангербург до Даркемен. 1 арм. корпус должен был оставаться в районе Гумбиннен-Инстербург; левый фланг его обеспечивала 1 кав. дивизия. 3 рез. дивизия ф.-Моргена и 6 ландв. бригада ген. Кремера были оставлены на линии Летцен-Николайкен для обеспечения междуозерных проходов. Обеспечение правого фланга со стороны Нарева было поручено XX арм. к-су, сосредоточившемуся в районе Ортельсбург. В качестве армейского резерва Кенигсбергский гарнизон должен был выделить ландверную дивизию, получившую название „ландверная дивизия Кенигсберг“ и сосредоточившуюся у Инстербурга (см. черт. 4).

16 (3) авг. эта группировка уже заканчивалась; в тот же день штаб армии прибыл для руководства операцией в Бартенштейн.

Следует заметить, что в эти же дни крепости на нижней Висле получили приказание выделить отряды для прикрытия обнаженной юго-вост. границы Вост. Пруссии. Отряды эти были сформированы из различных мелких ландверных и эрзац-резервных частей, наиболее крупной из коих была 70 ландв. бригада. Под командой ген. Унгерн эта группа сосре-

доточилась для выполнения задачи по прикрытию границы в районе Страсбург-Лаутенбург и сыграла впоследствии немалую роль в операции против 2 русск. армии. Само собою

Чертеж 4.

разумеется, что южная граница Вост. Пруссии была этими мерами далеко не обеспечена. Между тем, обстановка становилась здесь все более тревожной. У Млавы имели место бои с русской кавалерией (6 и 15 кав. дивизии), и донесения говорили о сосредоточении русских сил к границе значительно

западнее, чем это предполагалось. Эти сведения совершенно не соответствовали предположениям командования 8 армии.

В то время, когда один XX корпус и незначительный отряд ген. Унгерн должны были быть готовы сдержать натиск очевидно превосходных сил противника со стороны Нарева, 20 (7) авг. разыгралось встречное сражение у Гумбиннена между начавшей свое наступление с линии реки Ангерап 8 герм. армией и вторгшейся в пределы Вост. Пруссии 1 русской армией ген. Ренненкампфа.

В этот день в штабе 8 герм. армии царило напряженное настроение. Г. Притвиц нетерпеливо ожидал донесений с фронта, с тревогой озираясь на южную границу Вост. Пруссии, которая по всем признакам оказывалась под серьезной угрозой вторжения сильного противника.

Обстановка в Гумбинненском сражении сложилась вначале благоприятно для германцев: 1 прусскому корпусу удалось совместно с 1 кав. дивизией разбить 28 пех. дивизию XX-го право-флангового русского корпуса и зайти ему во фланг. Но после полудня наступление 1 к-са было приостановлено; вместе с тем сражение приняло неблагоприятный для германцев оборот на их правом фланге. XVII корпус понес здесь огромные потери; в его 35 пех. дивизии произошла паника, создавшая настолько катастрофическое положение для всего корпуса, что ген. Макензену, лично появившемуся на поле сражения, удалось лишь с величайшим трудом водворить порядок. В итоге, в 17 часов XVII корпус доносил, что не чувствует себя более способным противостоять русскому наступлению. Это донесение было встречено в штабе армии с величайшей тревогой: оно говорило о коренном изменении обстановки на Гумбинненском поле сражения. Последнее, правда, не было проиграно, но оно не дало никакого разрешения, оно затягивалось, что ставило германскую армию, при определившемся наступлении новых русских сил со стороны Нарева, в более чем серьезное стратегическое положение. Когда же в 19 час. переданное через штаб XX корпуса донесение ген. Унгерн сообщило о наступлении крупных неприятельских колонн, достигших уже линии Млавы и простиравших свой левый фланг даже западнее этого пункта—и без того нерешительное командование 8 армии потеряло равновесие и почувствовало себя беспомощным перед сложившейся стратегической обстановкой.

И действительно, 8 герм. армия, ввязавшаяся у Гумбиннена в бой с сильным противником, оказалась под серьезной угрозой обхода своего правого фланга. При такой обстановке ген. Притвиц счел оборону Вост. Пруссии невозможной и в целях сохранения своих живых сил решил немедленно оборвать Гумбинненское сражение и отойти за Вислу. Это

тяжелое и ответственное решение, имевшее огромные последствия, было встречено глубоким молчанием офицеров штаба 8 армии. Лишь старшие офицеры генерального штаба—ген. Грюнерт и полк. Гофман—высказали мнение относительно ответственности за очищение Вост. Пруссии, в сущности, без боя; они полагали, что если ничего лучшего сделать нельзя, необходимо решиться на крайнее, т. е. решительно атаковать одну из наступавших неприятельских армий, пока она еще не соединилась с другой. Г. Притвиц оказался, однако, непреклонным в своем решении. В 21 час 20 (7) августа была отдана руководящая директива, коей предписывалось противостоящим Ренненкампфу корпусам немедленно прервать сражение, оторваться от противника и ночью же начать поспешное отступление на запад. Директива, конечно, не отразила в себе нервного настроения командования; удачно редактированная чужой рукой, она говорила лишь о „марше в западную Пруссию".

Однако, действительное решение г. Притвица нашло свое полное выражение в его личных переговорах по аппарату с командирами корпусов. Один из этих записанных переговоров в 21 час с г. Макензеном гласит: „Обстановка коренным образом изменилась. Новые неприятельские силы наступают с юга. Местопребывание 1 кав. дивизии остается невыясненным. 1 рез. корпусу, имевшему задачу охватить левый фланг армии Ренненкампфа, противостоит с фронта равный противник. Новые неприятельские силы, примерно, до корпуса, обнаружены в районе Лык. Сильная Наревская армия наступает на Ортельсбург и Сольдау. 8 армия отходит потому за Вислу".

Итак, первый акт обороны Вост. Пруссии разыгрался; он не был длителен, но мог иметь серьезные последствия для германцев. События разыгрались со стороны противника, примерно, так, как это предполагал германский ген. штаб и в частности Шлиффен: две русские армии вели концентрическое наступление со среднего Немана и Нарева в обход Мазурских озер с севера и юга. Но с германской стороны предположения Шлиффена не оправдались. Ген. Притвиц увидел себя под угрозой со стороны русской армии, наступавшей с Нарева, ранее чем он успел разбить армию Ренненкампфа. Он счел себя вынужденным к отходу и очищению Вост. Пруссии, в сущности, без боя,—не выполняя соображений Шлиффена, ид йным учеником коего он должен был быть, как германский генерал. Было ли решение Притвица действительно вызвано объективностью сложившейся обстановки, или оно содержало огромную долю его личной моральной силы или бессилья? Ген. Притвиц не принадлежал к числу сильных и стойких по своей воле командиров; так о нем отзываются все его приближенные

офицеры. В продолжение дня 20 (7) авг. настроение Притвица менялось несколько раз в зависимости от полученных донесений; в этом отношении он мог бы быть, пожалуй, сравнен с Фридрихом Великим под Мальвицем. Но Фридрих никогда не терял способности к объективной оценке событий, никогда не терял свойственной ему решимости и энергии.

Сложившаяся обстановка была, действительно, серьезна. Но ведь Наревская армия достигла к вечеру 20 (7) авг. лишь линии Млавы. Непосредственная угроза тылу 8 армии, сражавшейся под Гумбинненом, создавалась лишь с достижением противником линии Остероде-Алленштейн; но до этой линии русским войскам нужно было сделать три перехода (80 км.) с боями. Правда, на юге были оставлены незначительные силы, но пересеченная лесами местность создавала здесь возможность успешной обороны и против значительно превосходящих сил. Таким образом, три перехода, оставшиеся до линии Остероде-Алленштейн, могли быть расчитаны на несравненно больший срок, чем трое суток. Наконец, и в случае достижения Наревской армией этой линии— положение 8 герм. армии нельзя было признать безнадежным: коммуникация на Кенигсберг оставалась свободной, а туда германский флот, господствовавший на Балтийском море, мог доставить необходимые для армии средства.

Таким образом, оставались достаточная возможность и стратегическое обоснование для продолжения Гумбинненского сражения с решительной целью разбить армию Ренненкампфа, а потом уже обратиться против Наревской армии. Первый день боя, оставшийся, в общем, безрезультатным, ни в коем случае не мог заставить стойкого начальника отказаться от возможности достижения победы. Требовались лишь решимость и энергия, но этих то качеств Притвиц и не имел, а оперативная решимость была ему чужда. Далее, мы увидим, как при несравненно более тяжелых условиях, имея неприятельскую армию у себя в тылу на расстоянии двух переходов, другой полководец провел решительную операцию уничтожения одной армии противника и был далек от мысли об отходе в самые критические минуты.

Решение ген. Притвица отступить за Вислу и очистить Вост. Пруссию было вызвано его личным моральным настроением и не находит себе оправдания в бесспорно тяжелой стратегической обстановке.

Первый боевой шаг 8 герм. армии не был удачным. Он обнаружил, что германским войскам могли быть при известной обстановке свойственны все слабые стороны всех армий мира, вплоть до паники и беспорядочного бегства с поля сражения целых войсковых соединений (XVII арм. корп.) и неуравновешенности и нервности высшего командования.

Оборона Вост. Пруссии была весьма трудным и ответственным делом. Она требовала совершенно исключительной выдержки командования и стойкости войск. Первый состав командования оказался неготовым к выполнению своей высокой задачи. Войска же, в сущности, себя еще не обнаружили (один день боя слишком малый срок); во всяком случае, они принадлежали к разряду высококвалифицированной вооруженной силы и под другим руководством должны были это показать.

Ночь на 21 (8) авг. застает 8 герм. армию в спешном ночном марше на запад. Во многих колоннах подавленное настроение, которое зловещая тишина ночи делает еще более напряженным; это особенно сказывается в колоннах XVII-го арм. и 1 рез. корпусов. Бойцы устали и измучены после боевого напряжения; их настроение глубоко отлично от энтузиазма тех германских войск, которые в это время, гордые и уверенные в победе, выполняли грандиозный марш—маневр вглубь Франции.

Когда на западном театре военных действий разыгрывался пролог к Марнскому сражению, на востоке вглубь Пруссии отходили войска 8 герм. армии и тянулись бесконечные вереницы повозок, нагруженных крестьянским скарбом и сопровождаемых детьми, женщинами и стариками, покидавшими свои села; беженцы буквально приросли к войсковым колоннам, усматривая в них единственную защиту и надежду. Но в то время, когда в Вост. Пруссии царило настроение моральной подавленности, а отчасти и растерянности, происшедшие события объективно и спокойно воспринимались холодным оперативным рассудком графа Мольтке в главной квартире действующей армии в Кобленце.

ГЛАВА IV.

Перемена командования 8 германской армии.

> «На войне от самого начала все неустойчиво и непостоянно, кроме воли и силы стремления полководца».
>
> *Мольтке.*

Обстановка, сложившаяся на востоке, была предметом самого серьезного об уждения в Главной Квартире германской армии, наступление коей на западе находилось в самом разгаре.

Еще вечером 21 (8) авг. ген. Притвиц имел разговор по телефону с г. Мольтке, которому изложил свое решение отступить за Вислу, полагая, что даже отход осуществим лишь с боями в тяжелых условиях. Г. Притвиц просил подкрепления, без коего, по его мнению, оборона Вислы—при низком уровне воды—была навряд ли возможна. Такое решение командования на востоке в корне расходилось со взглядами Мольтке, считавшего возможным достичь победы над одной из русских армий ранее, чем с нею успеет соединиться другая. Поставленный перед фактом уже начавшегося отхода, Мольтке предлагал сосредоточить войска 8 армии к западу от линии Мазурских озер, разъединявших русские армии, и, пользуясь этим географическим условием, как препятствием для Ренненкампфа, атаковать южную Наревскую армию по кратчайшему направлению в ее правый фланг. Это предложение всецело разделяли командиры корпусов 8 армии, мнение которых Мольтке непосредственно запросил по телефону. Наконец, Мольтке считал совершенно невозможным с общестратегической и политической точек зрения очистить Вост. Пруссию, ибо такой оперативный шаг давал русской армии возможность, без опасения за свой правый фланг, сосредоточиться в выступающей части Царства Польского, непосредственно угрожая центру Германии и создавая серьезную угрозу левому крылу австрийской армии, достигшему к тому времени Красника.

Г. Притвиц находился, однако, под впечатлением грозности своего положения, и при этих условиях согласование его взглядов с мнением главной квартиры казалось совершенно невозможным. Мольтке это понял и тут же предложил Вильгельму отозвать Притвица от командования 8 армией, назначив на восток более решительного и готового взять на себя ответственную задачу обороны Вост. Пруссии командующего. Решение необычайно радикальное и резкое. Но, как казалось, могло оно исправить создавшееся на востоке положение? Ведь там был дорог каждый час. Оперативные соображения Мольтке либо требовали немедленного осуществления, либо они, вообще, не могли быть осуществлены. Время, определявшее возможность выполнения плана Мольтке, измерялось часами. Смена же командования требовала, по крайней мере, одного—двух дней времени: казалось, эта мера должна была стать паллиативом и ничто не могло быть исправлено в создавшемся положении. Но г. Мольтке думал иначе: войска 8 армии находятся на пути к Висле, куда их отводит Притвиц, оказавшийся неспособным к выполнению тяжелой и ответственной задачи обороны Восточной Пруссии. Возобновление наступления против армии Ренненкампфа навряд ли даст какие-либо результаты. Но, быть может, представится еще возможным войска повернуть

на юг и отступление превратить в наступление против Наревской армии, атаковав ее ранее, чем она успеет соединиться с армией Ренненкампфа? Для этого требуется, однако, сильный, готовый взять на себя ответственность начальник; необходимо его дать 8 армии,—и тогда, быть может, еще не все потеряно. Ухудшиться от этого положение не может.

Вот как мыслил Мольтке, когда поздно вечером 21 (8) авг. докладывал Вильгельму свое мнение о смене командования 8 армии. Вильгельм питал безграничное доверие к своему начальнику штаба и согласился с его предложением. Теперь Мольтке предстояло трудное дело выбора. Под рукой сильных и выдающихся начальников не было; и вот, не наметив еще кандидата для смены самого Притвица, Мольтке в тот же вечер пишет ген. Людендорфу, которого он высоко ценил по работе в большом генеральном штабе и который успел уже показать свою исключительную энергию и самоотвержение при атаке Льежа. Согласно мобилизационным спискам 1914 года, г. Людендорф предназначался в обер-квартирмейстеры штаба 2 германской армии. Но, как раз в то утро, когда он прибыл из под Льежа, куда его командировал командующий 2 армии генерал Бюлов, ему в 9 часов 22 (9) авг. на пути от Вавра к Намюру вручили письмо г. Мольтке, которое гласило:—«Вам ставится новая тяжелая задача, быть может, еще более трудная, чем атака Льежа. Я не знаю никого другого, к кому питал бы столь безграничное доверие, как к Вам. Быть может, Вы еще спасете положение на востоке. Простите меня, что я отзываю Вас с поста, на котором Вы, быть может, стали бы соучастником решающего акта, который с божьей милостью не преминет наступить. Но Вы должны эту жертву принести отечеству. Также и император питает доверие к Вам. На Вас, конечно, не может быть возложена ответственность за то, что случилось; но с Вашей энергией Вы еще можете отвратить самое худшее. Примите поэтому Ваше назначение, как самое почетное, какое может получить солдат. Я не сомневаюсь, что Вы оправдаете возлагаемое на Вас доверие». Это письмо не походило на официальное приказание; оно было тем живым словом, с которым фактический глава армии обращался своему подчиненным и которое было единственно возможно в столь серьезному момент. В этом отношении оно представляет высокий интерес. В письмо было вложено подписанное ген.-кварт. гл. квартиры ген. Штейном официальное приказание о назначении Людендорфа начальником штаба 8 армии на востоке и предписание немедленно выехать к новому месту назначения.

В 18 час. г. Людендорф был уже в Кобленце и получал личные указания от графа Мольтке. Он был также принят

Вильгельмом, который под видом внешнего спокойствия плохо скрывал тревогу за Восточную Пруссию.

Между тем, был сделан и выбор нового командующего на востоке; он пал на бывшего командира IV арм. корпуса ген. Гинденбурга, жившего в отставке в Ганновере.

Сведения, которых мне не удалось проверить, говорили, что ген. Гинденбург был в большой немилости у Вильгельма, якобы, потому, что оказался победителем над ним на одном крупном маневре. Во всяком случае, в начале войны 1914 года Гинденбург не получил никакого назначения. Теперь 22 (9) авг. он был по телеграфу запрошен о согласии занять пост в армии, на что он тотчас же лаконически ответил: «готов». Однако, этот ответ не успел еще дойти до главной квартиры, когда вторая телеграмма гр. Мольтке сообщила Гинденбургу о его назначении на пост Командующего 8 армии и предложила немедленно выехать на восток с имеющим проехать через Ганновер в специальном поезде ген. Людендорфом, вновь назначенным начальником штаба 8-й армии.

Итак, выбор был сделан; он пал на одних из лучших германских генералов,—это показала вся война 1914 года. Нельзя отрицать, что граф Мольтке оказался большим знатоком людей, ибо его выбор был не случайным, а глубоко продуманным и взвешенным. Из выбранных двух генералов едва ли не более крупным лицом оказался начальник штаба Людендорф. По его просьбе вечером 22 (9) авг. из главной квартиры была послана директива, приостанавливавшая отступление на 23 (10) число.

1 рез. XVII арм. корпуса и Кенигсбергская ландв. дивизия должны были остановиться на месте и в случае необходимости действовать по собственной инициативе. 1 арм. корпус, погруженный в эшелоны и следовавший к Висле на Гослерсгаузен, должен был выгружаться в Д. йшт Эйлау в непосредственной близости к XX корпусу, который получил задачу обороняться против наступавшей Наревской армии в занимаемом районе. Наконец, крепости Торн, Кульм, Грауденц и Мариенбург должны были выделить из своих гарнизонов все, что только возможно; образовавшаяся таким образом почти сплошь из ландверных частей группа должна была сосредоточиться в районе Страсбург-Лаутенбург, где уже находилась группа ген. Унгерн. (см. чертеж 5).

Итак, первые оперативные мероприятия для подготовки нового плана операции были предприняты уже на 23/10 августа и были переданы Людендорфом из главной квартиры еще без ведома нового командующего. Очевидно, они не только соответствовали соображениям Мольтке, но явились результатом его директивных указаний. Эти мероприятия намечали уже новую предполагаемую операцию. Во-первых, была категорически отвергнута мысль об отходе

за Вислу; во-вторых, было приостановлено дальнейшее отступление; в третьих, в юго-западном углу Восточной Пруссии намечалось сосредоточение группы, имевшей возможность занять фланговое положение по отношению к Наревской армии.

Таким образом, к 23/10 августа намечались уже известные признаки перелома в оперативных действиях 8 армии и начинался новый акт в обороне Восточной Пруссии. Сохранявшая всю свою серьезность обстановка, вынудившая Притвица к отступлению, позволила Мольтке и исполнителям его идеи Гинденбургу и Людендорфу принять твердое решение перегруппировать свои силы и атаковать одну из неприятельских армий. В этом сказывается все колоссальное на войне значение морального элемента. Одна и та же обстановка воспринимается одним, как безнадежная, а другим, как допускающая переход в наступление. Здесь поистине, раскрывается великий смысл фразы Мольтке старшего: „на войне нет ничего постоянного, кроме воли и силы стремления полководца“.

Гинденбург и Людендорф направлялись на восток с твердо принятым решением повести 8 армию от отступления к наступлению и атаковать Наревскую армию противника. Перед новым командованием стратегическая альтернатива—отхода за Вислу или активной обороны путем наступления—возникнуть не могла. Оно было определенно поставлено перед фактом наступательного плана, проведением коего обуславливался весь смысл перемены командования на востоке. Это, однако, нисколько не умаляет значения твердой готовности взять на себя тяжелую ответственность, и затем высокого искусства, с каким новое командование взялось за свою трудную задачу и которое сделало единственно возможным ее осуществление. Заметим лишь, что последнее стало бы немыслимым без высоких моральных задатков, таившихся в войсках, вынужденных изменчивой военной обстановкой к временному отступлению.

В 21 час 22 (9) авг. ген Людендорф выехал в специальном поезде в Ганновер. Здесь в 4 часа 23 (10) авг. в вагон сел ген. Гинденбург. Генералы встретились в первый раз, но решимость и сознание ответственности не могли скрыть под этикетом официального представления их глубокого внутреннего взаимопонимания. В 14 час. 23 (10) авг. поезд, промчавшийся в 10 часов из западной Германии к Висле, доставил их в штаб-квартиру 8 армии в Мариенбург.

В то время, когда акт обороны Восточной Пруссии был, казалось, закончен, — он на самом деле только должен был начаться.

ГЛАВА V.

Развертывание и план операции 2 русской армии.

(чертеж № 4 и № 5).

«Вся суть стратегии заключается в том, чтобы врозь двигаться, но вместе драться»,

Мольтке.

23 (10) августа оперативная обстановка на восточно-прусском театре военных действий значительно изменилась.

Намерения противника стали известны германцам уже 21 (8) авг. из документа, найденного на одном убитом русском офицере 28 пех. дивизии. Выяснился в общих чертах весь оперативный план русского командования, заключавшийся, как это и предвидел германский генеральный штаб, в концентрическом наступлении двух русских армий в обход Мазурских озер с севера и юга с конечной целью завладения Восточной Пруссией. План этот был ясен и прост и, сам по себе, не возбуждал никакой критики. Его выполнение было, однако, сопряжено с большими трудностями; оно требовало тесного взаимодействия двух армий, их энергичного наступления с целью скорейшего соединения и высокой подготовки войск, которым приходилось иметь дело с первоклассной германской армией.

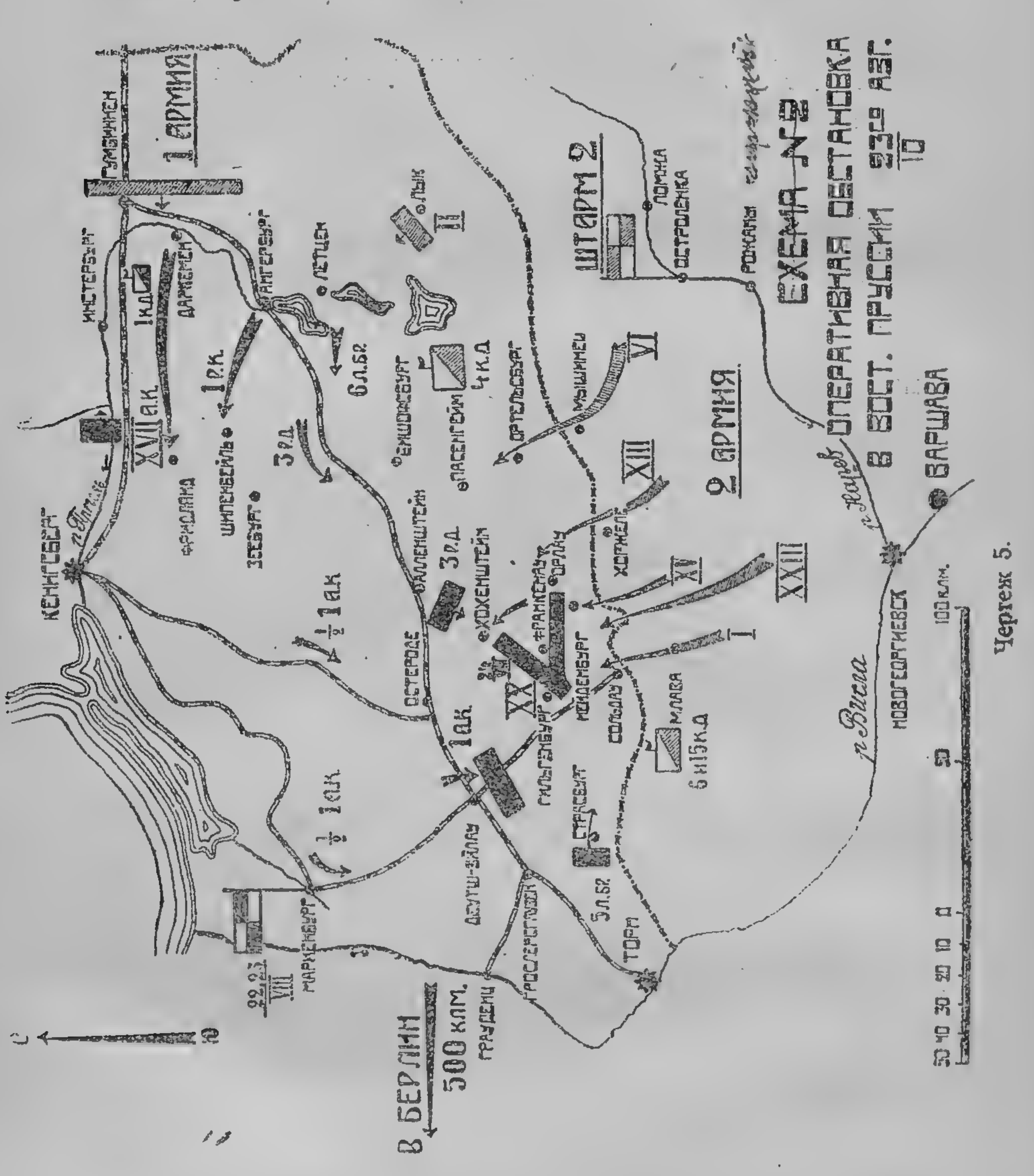
Как же проводился этот план русским командованием.

Первая русская армия ген. Ренненкампфа, перед коей в ночь на 21 (8) авг. стали отходить германцы, наступала со среднего Немана на фронт реки Ангерапп, имея в своем составе три, а затем, после передачи из состава 2 армии одного корпуса, всего четыре корпуса (XX, III, IV, II) одну (5-ю) стр. бригаду и 5 с 1/2 кав. дивизий (1 и 2 гв., 1, 2 и 3 кавалерийские и 1 отд. кав. бригаду).

2-я русская армия ген. Самсонова, развертывавшаяся в районе Ломжа - Остроленка - Новогеоргиевск, числила в своем составе, справа налево, VI, XIII, XV, XXIII (в составе одной 2 пех. дивизии) и 1 арм. корпуса (сначала в районе Августова и II корпус, переданный потом в 1 армию), 1-ю стр. бригаду и 4, 6 и 15 кав. дивизии, из которых одна действовала на правом фланге, а две на левом.

Командующим 2 армией был назначен ген. от кавалерии Самсонов, который перед началом войны пять лет подряд занимал должность командующего войсками Туркестанского Военного Округа и был очевидно далеко недостаточно знаком не только с условиями северо-западного театра военных действий, но и с оперативным планом, разработанным рус-

ским генеральным штабом в 1912 году. Последнее с очевидностью усматривается из соображений ген. Самсонова, представленных им Главнокомандующему Сев.-Зап. фронтом ген. Жилинскому 7 июля за № 2915.

Чертеж 5.

В этом интересном документе излагается план войны против Германии, при чем главным операционным направлением считается Варшава—Берлин.

«Для наступления по левому берегу Вислы на Берлин может быть назначена 2-я армия в составе XIII, XV, XXIII

и I армейских корпусов»—читаем мы в докладе, и далее: «2 армия должна развернуться на линии Сохачев—Петроков».

«Для обеспечения наступления в Германию со стороны Восточно-Прусской (очевидно германской) армии может быть назначена 1 армия в составе II, VI, III, IV и XX армейских корпусов».

«1-я армия должна наступать с фронта Гродно-Белосток-Малкин в меридиональном направлении в обход линии Мазурских озер с запада». (В.-Уч. Архив. Дело 2-й армии № 13—129).

В конце доклада даются расчеты сосредоточения корпусов 2-й армии на левом берегу Вислы.

Казалось, командующий армией должен еще до объявления войны точно знать свою задачу по плану развертывания; мало того, целым рядом пограничных полевых поездок и военных игр он должен условия выполнения этой задачи тщательно изучить.

Между тем, уже после того, как войска 2 армии прибыли в район своего развертывания, Самсонов составляет план наступления на Берлин, который совершенно не входил в расчеты русского генерального штаба и, наоборот, был им совершенно справедливо отвергнут. Подобная неосведомленность о плане войны высшего командования и, значит, незнакомство с условиями выполнения предстоящей задачи не могли, конечно, содействовать успеху операции [1]).

7 авг. (26 июля) ген. Самсонов предлагал еще наступать на Берлин по левому берегу Вислы, а 9 авг. (28 июля) он получил директиву главнокомандующего Сев.-Зап. фронтом № 2, согласно которой его армия должна была наступать «с линии Августов—Граево—Мышинец—Хоржеле на фронт Летцен—Арис—Руджаны—Ортельсбург, направляя главные

---

[1]) Ген. Самсонов, по должности нач-ка штаба Варшавского в. о., которую он занимал в течение 1905—7 г.г., имел возможность ознакомиться с местными условиями. Одно время он считался кандидатом на должность команд. в. этого же округа. Этим отчасти объясняется его назначение на должность к-щего 2 армией. Новому же плану, с которым Самсонов, возможно, до того не был знаком, он не сочувствовал, и это сразу же расстроило всю дальнейшую оперативную работу Жилинскому в Вост.-Пруссии, которая могла привести к победе только при строго согласованной работе 1 и 2 армий. В течение всей недолгой операции Самсонов стремился вести свою армию в сев.-зап. направлении, к Висле, чтобы ударить по глубокому тылу отступающих в воображении Жилинского немцев и опереться на единственную желдорогу Млава — Новогеоргиевск, а Жилинский тянул 2 армию к северу, чтобы сомкнуть внутренние фланги 1 и 2 армии.

Начальник штаба 2 армии ген. Постовский, в течение 5 лет (1908—1913 г.), занимавший должность ген. кварт. штаба Варшавского в. о., не мог быть чужд вопросам, связанным с ведением войны на западном театре. Предложенный Самсоновым план действии составлял, видимо, один из вариантов планов штаба Варшавского в. о. до 1912 года.

Прим. ред.

силы от линии Мышинец—Хоржеле на фронт Руджаны—Пассенгейм и далее к северу во фланг и тыл линии озер».

Эта задача была, очевидно, для ген. Самсонова неожиданной. Насколько просто и ясно была определена задача 2 армии, настолько затруднено было ее выполнение объективными условиями района военных действий до восточнопрусской границы.

Современная война требует надлежащей подготовки театра военных действий как в тактическом, так и техническом отношениях.

Район развертывания 2 армии не был заблаговременно обеспечен достаточной сетью железных дорог, достаточным разветвлением и оборудованием станций. Наступая на север от линии р. Нарева, армия должна была более чем на 100 *км* оторваться от единственной пролегавшей в этом районе железной дороги Остроленка—Пасека—Вышков.

При отсутствии заблаговременно заложенных баз и складов и необходимости все питание базировать на подвозе—снабжение армии должно было неминуемо попасть в чрезвычайно тяжелые условия.

Но более того,—весь район к северу от р. Нарев был в сущности бездорожным. Шоссе отсутствовали совершенно, за исключением одного Рожаны—Маков—Прасныш. Остальные сплошь грунтовые дороги пролегали по песчано-лесистой местности, быстро размывающейся во время дождей.

В военно-дорожном отношении район был совершенно не подготовлен, и это ложится тяжелой ответственностью на генеральный штаб, не позаботившийся в мирное время о соответствующих работах, вызываемых принятым планом развертывания [1]).

Подобные условия естественно потребовали от войск проявления большой энергии еще до перехода государственной границы, к северу от которой обильная сеть шоссе не создавала каких-либо трудностей для движения.

Между тем, бодрость частей 2 армии пала в значительной степени еще до выступления в поход. Непосредственно перед началом наступления линейные полки должны были нести тыловую службу по охране железных дорог и сборных пунктов. К тому же мобилизованные корпуса оставались в далеко неполном составе и должны были выступить в поход, не насчитывая иногда целых полков (XV, VI корпуса), а XXIII корпус даже целой дивизии.

1) На это не было времени, так как только в сен. 1913 г. при свидании Жоффра с Жилинским были окончательно намечены направления для наступления 1 армии на Гумбиннен и 2—на Нейденбург. До плана войны 1912 г., когда главное направление действий русских армий было на Берлин, весь район по правому берегу р. Нарев, в целях оборонительных, содержался умышленно в бездорожном состоянии.

Прим. ред.

Все эти условия, выявившиеся уже в период развертывания, малая осведомленность командующего армией о предстоящей ему задаче и условиях ее выполнения, необорудованность театра военных действий, недопустимое мотание предназначенных к наступлению войск тыловой службой и их далеко неполный боевой состав—могли, конечно, иметь только отрицательное значение.

17 (4) авг. 2 армия развернулась на 210 *км* фронте от Правдзинскена до Новогеоргиевска (чертеж 4). Справа налево части располагались: II корпус (с 22 (9) авг. подчиненный I-й армии)—Правдзинскен—Райгрод; 4 кав. дивизия—Кольно; VI корп.—Ломжа; XIII корпус—Остроленка; XV корпус—Рожаны—Щелков—Залуже; XXIII корпус—2 див.—Новогеоргиевск, 3 гв. див.—Домброво; I корпус с 1-ой стр. бригадой—Новогеоргиевск; 15 и 6 кав. дивизии—Цеханов.

Итак, в то в время, когда первая армия вела передовые бои, вторгаясь в Восточную Пруссию,—вторая находилась только на линии своего развертывания, откуда ей оставалось до прусской границы, в среднем, не менее 3-х переходов по плохим песчаным дорогам. Таким образом, тесное взаимодействие обеих армий в смысле их совместного вторжения в Вост. Пруссию не было обеспечено с самого начала. Вторая армия неминуемо запаздывала. Конечно, при энергичном руководстве и надлежащей подготовке войск, а главное, при менее энергичном противнике — этот факт, сам по себе, не являлся опасным.

Военная история дает нам другой пример подобной операции отдельных армий по внешним операционным линиям—это Богемская кампания 1866 года. Три прусские армии были развернуты на таком расстоянии друг от друга и взаимодействие их было по ходу операции столь затруднено, что их удалось соединить — и то благодаря энергии командования — лишь на поле сражения под Кениггретцом, и, тем не менее, победа была достигнута.

Русское командование должно было исходить в своих оперативных расчетах из факта превосходства германской армии, уяснение чего должно было составлять непременную задачу генерального штаба и, в частности, его разведывательного органа еще в мирное время. Поэтому, в своем плане русское командование должно было особенно тщательно соблюсти условия тесного взаимодействия двух отдельно наступающих армий—а этого сделано не было.

Во всяком случае, 20 (7) августа, когда первая русская армия сравнительно успешно сражалась с 8 германской армией под Гумбинненом, вторая армия не успела еще перейти своими корпусами восточно-прусскую границу. Начав свое наступление 18 (5) авг., она к вечеру 23 (10) авг., т. е. в тот день, когда Гинденбург и Людендорф прибыли

в Мариенбург и отдавали свои первые распоряжения о подготовке наступательной операции, достигла линии Ортельсбург (VI корпус) — Едвабно (XIII корпус) — Нейденбург (XV корпус) и Сольдау (I корпус) (чертеж 5).

Этот фронт был 2 армией занят с боем лишь на участке XV корпуса, который у Орлау-Лана имел свое первое боевое столкновение с оборонявшимся здесь XX герм. корпусом.

Между тем, I-я русская армия, считавшая себя победительницей под Гумбинненом, оставалась на поле сражения, потеряв всякое соприкосновение с отходившими германцам и до 22 (9) авг. включительно бездействовала. Армия, которая должна была возможно скорее обогнуть линию Мазурских озер с севера, дабы своим левым флангом войти в связь с соседней армией, оставалась двое суток в бездействии, имея перед собой отступавших германцев!—и это по причине полной неосведомленности о противнике и направлении его отступления... в то время, когда в распоряжении командования находилось 5 $^{1}/_{2}$ кав дивизий.

Лишь 23 (10) авг. 1 армия снялась с места и, мало осведомленная об обстановке перед своим фронтом, сделала маленький переход, достигнув на линии реки Ангерапп фронта Пеленингкен-Даркемен.

Итак, к исходу 23 (10) авг. новое командование 8 армии находилось перед фактом следующей оперативной обстановки: 2 русская армия успела лишь перейти границу Вост. Пруссии и достигла фронта указанного выше; она еще не ввязалась в серьезный бой с оставленным против нее XX корпусом. 1 армия, очевидно, удовлетворенная делом под Гумбинненом, двое суток бездействовала и лишь на третий день продвинулась на незначительный переход. Все это не говорило в пользу активности и энергичности противника.

Между тем, совершенно неожиданное бездействие Ренненкампфа и медленное продвижение армии Самсонова изменило и в представлении ген. Притвица создавшуюся обстановку: он уже не считал положение своей армии столь безнадежным. Под давлением офицеров своего штаба у него зародилась собственная мысль о возможности повернуть отступавшие колонны на юг и сосредоточить свои силы, согласно указаниям графа Мольтке, против 2 русской армии, пытаясь ее разбить ранее, чем она успеет соединиться с армией Ренненкампфа. 22 (9) авг. ген. Притвиц отказался от своего первоначального решения отойти за Вислу, но, не успев еще предпринять какие-либо шаги к перегруппировке армии против Самсонова, получил извещение об отозвании с поста командующего и вышеприведенную директиву из главной квартиры о приостановке отступления на 23 (10) авг. На следующий же день он сдал командование ген. Гинденбургу.

Основываясь на этом последнем намерении Притвица, некоторые немецкие критики отрицают его первое решение отойти за Вислу, которого он якобы никогда не принимал. Они далее утверждают, что Гинденбург был бы бессилен провести свой маневр без подготовительных мероприятий Притвица. Надо полагать, что эти критики были приближенными единомышленниками ген. Притвица и заинтересованы в его защите. Изложенные факты, ныне документально установленные, говорят противоположное. Г. Притвиц прервал к вечеру 20 (7) авг. Гумбинненское сражение и решил отойти за Вислу. 22 (9) авг. он, правда, изменил свое решение, склонившись к возможности проведения активной операции против Самсонова; он, однако, не успел для этого ничего предпринять. Приостановка отступления I рез. и XVII арм. к. и перенесение пункта выгрузки I арм. к-са в Деутш-Эйлау были исполнены, согласно директиве из главной квартиры, а не распоряжению ген. Притвица. Перед суровым судом военной истории облик последняго не меняется: это облик морально нестойкого и оперативно несмелого начальника; изменение первоначального решения говорит лишь о его неуравновешенности и моральной неустойчивости. В условиях оперативной обстановки 23 (10) авг. для проведения наступления против Наревской армии требовались другой характер и другая сила воли. Эти моральные качества оказались у нового командования.

ГЛАВА VI.

Оперативный план нового командования.

«Никакой оперативный план не может простираться далее первого столкновения с противником».

Мольтке.

Холодный прием встретили в Мариенбурге Гинденбург и Людендорф; они явились сюда как бы людьми с другого света. Приказ Притвица об отступлении успел в моральном отношении сделать свое дело. Над штабом 8 армии и всей окружающей средой властвовало настроение моральной подавленности.

Новый план контр-маневра, к коему 22 (9) авг. склонился Притвиц, не был принят настолько категорически и решительно, чтобы сразу изменить настроение и внести

резкий перелом. Чувствовалось, что это—попытка, которую Притвиц решил использовать, но которой он не придавал значения решающего и единственно возможного плана обороны Вост. Пруссии.

Новое командование стало, прежде всего, перед необходимостью изменить господствовавшую моральную обстановку. Мы уже говорили о том, что перед Гинденбургом не могла стать стратегическая альтернатива отхода за Вислу или принятия боя в Вост. Пруссии. Само назначение его было обусловлено проведением активной операции против наступающих русских армий и означало резкий переход 8 армии от отступления к наступлению. В этом смысле назначение Гинденбурга и Людендорфа и было понято всеми командующими генералами, а затем и войсками. Та решимость и уверенность, с коими явилось новое командование, еще более внедрило во всю окружающую среду сознание значения отозвания Притвица. Короткие, точные и не допускавшие никаких колебаний приказания Гинденбурга ясно указывали на резкое изменение в плане действий 8 армии, и в отношении морального перелома вскоре оказали свое влияние. Этому в значительной мере помогло личное общение нового командования с командированными из штабов корпусов офицерами генерального штаба, а частью и с самими командирами корпусов. Ген. Франсуа, войска коего уже перевозились к назначенному им пункту выгрузки Деутш-Эйлау, вечером 23 (10) авг. лично представился Гинденбургу и имел с ним продолжительную беседу. В ген. Франсуа, как и в прочих командующих генералах, Гинденбург нашел особенно горячего и решительного сторонника необходимости наступательного образа действия.

Итак, первый фундамент для подготовки наступательной операции—подъем морального настроения, водворение спокойствия и внедрение стойкости и воли к победе—был вскоре и без затруднения заложен, ибо для этого в войсках имелись все потенциальные факторы.

Несравненно труднее была вторая, чисто оперативная, задача. Положение и планы противника могли, в большей степени, считаться выясненными; определилась также его чрезвычайная медлительность. Последний фактор был особенно существенен в данной обстановке; он, между прочим, уж давно фигурировал в оценке русской армии, официально даваемой Разведывательным бюро германского Генерального штаба, сводка коего в 1913 году гласила: «Передвижение русских войск совершается теперь, как и раньше, крайне медленно. Быстрого использования благоприятной оперативной обстановки от русского командования ожидать так же трудно, как быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Для этого слишком велики

препятствия при издании, передаче и выполнении приказов. Поэтому германское командование может при столкновении с русскими войсками расчитывать на возможность таких маневров, которых оно не позволило бы себе с другим противником».

Теперь, после того как ужасная катастрофа армии Самсонова стала достоянием истории, мы можем объективно оценить это мнение германского генерального штаба о русской армии: оно, несомненно, поразительно верно: оно подмечает именно наиболее характерные черты — медлительность, бездеятельность, нерешительность, налагавшие свой тяжелый отпечаток на всю старую русскую военную систему и имевшие решающее значение в гибели армии Самсонова.

Хотя при разработке своего оперативного плана командование 8 армии могло и должно было этот фактор принять в расчет и действительно приняло, тем не менее, решение атаковать Наревскую армию было чрезвычайно серьезно и ответственно и требовало совершенно исключительной силы воли. Сам Людендорф говорит о нем: „Намерение принять бой с Наревской армией было построено на расчете медлительности действий русского командования; несмотря на превосходство сил противника, оно было глубоко обосновано твердой волей к победе; тем не менее, оно было делом величайшей ответственности и трудности“.

К вечеру 23 (10) авг. расстояние между левым флангом первой армии у Даркемена и правым флангом второй армии у Ортельсбурга исчислялось в 125 *км*, т.е. пять переходов. Двигаясь энергично друг другу навстречу, русские армии могли у Бишофсбурга сомкнуться своими внутренними флангами на третий день. Своими наружными флангами они могли бы тогда начать захождение, дабы замкнуть германские силы в районе Алленштейна. Через три – четыре дня положение 8 армии могло стать критическим. Сосредоточение своих сил Гинденбург намечал именно в районе Алленштейн-Бишофсбург. Таким образом, германские войска могли быть в этом районе атакованы с фронта и тыла через три дня. Если бы Ренненкампф двинулся вперед на следующий же день после Гумбинненского сражения, эта угроза, в смысле уменьшения срока соединения флангов русских армий еще значительно усугубилась бы.

Итак, германское командование стояло перед колоссальными трудностями. Ясно, что, исходя из одного приведенного оперативного расчета, никакое сосредоточение против армии Самсонова было вообще невозможно; и тем не менее оно было осуществлено. Требовалась совершенно исключительная решимость, почти граничащая с авантюризмом, но авантюризмом, основанным на сознании своего превосходства и на необычайно сильной воле к победе, чтобы при подоб-

ном положении, уступая в силах, решиться на проведение активной операции.

Вспомним теперь ген. Притвица в бою под Гумбинненом: его положение было несравненно легче, ибо русские армии находились друг от друга на бо́льшем расстоянии. Притвиц счел тогда положение 8 армии в Восточной Пруссии угрожающим и решил отходить за Вислу. Гинденбург и Людендорф, находясь в более трудных условиях, не допускали колебаний в принятии наступательного оперативного плана против 2 армии, и основным фактором, объясняющим их решение и действия, была моральная сила.

В своих воспоминаниях Людендорф рассказывает, что оперативный план наступления против армии Самсонова был создан в дни 24—26 (11—13) авг. И это именно так. Оперативный план командования 8 армии тем и отличается, что нельзя указать момента, часа и дня, когда он был бы создан, как таковой. Этот план был сплошной динамикой и эволюцией: в нем не было ни одного статического момента. Он был наилучшим образцом учения Мольтке «стратегия есть система подпорок». Далее мы увидим, что каждый новый оперативный фактор вызывал новое распоряжение германского командования. Тем не менее, краеугольные камни оперативного плана были заложены уже вечером 23 (10 авг.), но эти камни предопределяли лишь план, идущий не далее первого боевого столкновения. В разработке своего оперативного плана германское командование должно было исходить из некоторых частных факторов оперативной обстановки, к коим принадлежали:

1) Сосредоточение XX арм. к-са с самого начала на южной границе Вост. Пруссии.

2) Выделение Привислинскими крепостями сборных отрядов в район Страсбург-Лаутенбург и

3) Сосредоточение в этом же районе (Деутш-Эйлау) 1-го арм. к-са.

Группировка XX арм. к-са определяла его значение, как центра, сдерживающего наступление 2-й русской армии с фронта. Группа войск, сосредоточивавшаяся в районе Деутш-Эйлау-Лаутенбург, занимала фланговое положение по отношению к 2 рус. армии, левый фланг коей простирался не далее Сольдау.

Эти два фактора в основных чертах намечали весь остов оперативного плана.

Сдерживая наступление противника с фронта, XX корпус должен был сыграть роль того щита, под покровом которого остальные части 8 герм. армии совершали свою перегруппировку и, сосредоточившись в районе Деутш-Эйлау-Лаутенбург, могли нанести свой удар в левый фланг наступающей Наревской армии. Однако, задача XX корпуса за-

ключалась не только в пассивном сдерживании; он играл, вместе с тем, роль той руки, которая брала противника за горло и должна была, хотя бы своим отступлением, поставить его в такое положение, чтобы другая рука могла нанести наиболее ощутительный удар—это именно та роль, которую Фош в своих «Принципах войны» приписывает авангарду. Значение XX корпуса было в этом отношении велико.

Таким образом, эти частные оперативные факторы обусловливали остов плана, который вечером 23 (10) авг. в общих чертах созрел в уме германского командования.

В своих основах этот план заключался, таким образом, в решительном наступлении против Наревской армии и сдерживании наступления Ренненкампфа.

План атаки Наревской армии определялся в общих чертах в виде сдерживающего центра (XX корпус) и атакующего правого крыла (1 армейский корпус и сборные отряды). Наибольшее затруднение встречал этот план в использовании XVII арм. и I рез. корпусов. Возможность привлечения последних для совместной атаки Наревской армии зависела всецело от действий Ренненкампфа; в случае быстрого продвижения последнего эти корпуса неминуемо ввязались бы в бой на северном участке Вост.-Прусского театра военных действий; наоборот, медлительность Ренненкампфа могла дать возможность сосредоточить их к югу и привлечь к совместному наступлению против Самсонова. Так как днем 23 (10) авг. эта возможность была еще проблематична, то германское командование приняло принципиальное решение наносить главный удар из района Деутш-Эйлау-Лаутенбург в левый фланг наступающей армии Самсонова.

Необходимо отметить, что этот план существенно расходился с предположениями графа Мольтке в том отношении, что последний предлагал атаковать Наревскую армию по кратчайшему направлению на Бишофсбург, т. е. в ее правый фланг, исходя, очевидно, из соображений наименее длительной перегруппировки.

Этот расчет был бы, конечно, верен, если бы корпуса Самсонова успели достичь высоты Алленштейна; в этом случае, конечно, нельзя было бы думать о каких-либо перегруппировках; надо было действовать немедленно и по кратчайшему направлению, каким, действительно, являлось Бишофсбургское,—в правый фланг Наревской армии.

К 23 (10) авг. обстановка была, однако, несколько иной. Своим правым флангом Наревская армия достигла лишь Ортельсбурга, так что немедленная атака в этом направлении была невозможна. Между тем, головные эшелоны 1 арм. корпуса уже прибывали в Деутш-Эйлау; в районе Лаутенбурга успели сосредоточиться сборные отряды ген. Унгерн.

Левый же фланг армии Самсонова достиг к этому времени Сольдау. Таким образом, атака именно этого фланга совпадала с наикратчайшим направлением наступления и могла быть в сравнительно кратчайший срок осуществлена.

Но, главное,—армия Ренненкампфа достигла уже линии реки Ангерапп; она могла ее беспрепятственно форсировать ибо никаких арьергардов на ней оставлено не было. Проводя главный удар против правого фланга Наревской армии на Бишофсбург, германское командование ставило бы результат решения в наибольшую зависимость от действий Рененненкампфа. Малейшее продвижение последнего могло сорвать операцию и, более того, привести к окружению оперирующих в районе Бишофсбурга германских войск. Именно в целях обеспечения своему главному удару условий независимости от первой русской армии и предоставления ему наибольшей оперативной свободы—германское командование, пользуясь уже начавшимся сосредоточением своих войск в районе Деутш-Эйлау-Лаутенбург, переносит центр тяжести наступательной операции на правое, наиболее отдаленное от Ренненкампфа крыло, придавая наступлению XVII арм. и I рез. корпусов, все же привлеченных к атаке Наревской армии, второстепенное значение.

В случае дальнейшего продвижения Ренненкампфа, эти корпуса были бы, естественно, оставлены на севере, но тем самым наступление против Наревской армии не должно было прекратиться; хотя и значительно уступающими силами атака ее левого фланга должна была, а главное—могла и в этом наихудшем случае продолжаться.

Такой план германского командования был безусловно правилен.

Итак, принципиальное решение было принято уже вечером 23 (10) авг., и того же дня были отданы руководящие директивы для сосредоточения.

ГЛАВА VII.

Сосредоточение 8 герм. армии и первое боевое столкновение со 2 русск. армией.

(Чертеж № 5).

> „Чтобы достигнуть великой цели на войне, нужно отважиться и на великий риск".
>
> *Клаузевиц.*

Перегруппировка 8 германской армии для перехода в наступление против армии Самсонова состояла в следующем.

В районе Гильгенбург-Орлау сосредоточился XX арм. корпус, включивший в свой состав и 70 ландв. бригаду. К правому его флангу примкнул отряд ген. Унгерн. Уступом за левым флангом сосредоточилась подчиненная корпусу 3 рез. дивизия, которая, не успев принять участие в Гумбинненском сражении, была еще по распоряжению ген. Притвица 21 (8) авг. погружена в Ангербурге в эшелоны с назначением на Алленштейн, куда успела полностью прибыть 23(10) авг. Эта дивизия служила в это время единственным обеспечением левого фланга XX к—са и была тем более необходима, что правый фланг наступавшей Наревской армии был значительно отброшен к востоку, касаясь Ортельсбруга.

Эта группа войск должна была сыграть роль щита, первым принимавшего на себя удар противника, давая тем самым возможность, под своим прикрытием, сосредоточиться остальным частям 8 армии. Вместе с тем, в задачу этого щита входило также привлечение на себя всех сил противника, дабы, связав их своими боевыми действиями, сделать удар главной группы еще более решительным. От искусной и стойкой обороны XX арм. корпуса, которому в продолжение нескольких дней предстояла борьба с численно превосходившим его в несколько раз противником, зависела вся возможность сосредоточения и последующей атаки 8 армии.

Под защитой этого корпуса началось сосредоточение остальных частей армии. На правом крыле они, в сущности, исчерпывались одним 1-ым арм. корпусом. Его первые эшелоны уже выгружались в Деутш-Эйлау, но подвоз все же задерживался неблагоприятными условиями железнодорожного транспорта. Вместе с выделенной из Привислинских крепостей 5 ландв. бригадой ген. Мюльмана, сосредоточившейся в районе Страсбурга, этот корпус предназначался для нанесения решительного удара в левый фланг Наревской армии. Таким образом, сосредоточение правого крыла 8 германской армии было к 23(10) авг. уже в стадии исполнения.

Значительно труднее была эта перегруппировка на левом крыле, которое представлялось возможным составить лишь из частей XVII арм., 1 рез. корпусов, кав. дивизии и Кенигсбергской ландв. дивизии. Но эти части находились в непосредственной близости к армии Ренненкампфа; они успели оторваться от последней на расстояние лишь одного перехода и составляли против нее единственный заслон.

Армия Ренненкамфа наступала хотя и медленно, но верно. Своим правым флангом она вскоре уперлась бы в форты Кенигсбергской крепости, по направлению к которым и отступала Кенигсб. ландв. дивизия; но ее центр и левый фланг могли беспрепятственно продвигаться в зап. и юго-зап. направлениях.

Тем не менее, Гинденбург решился эти два корпуса повернуть на юг и, фланговым маршем мимо левого фланга первой русской армии, сосредоточить для удара по правому крылу армии Самсонова. Это был тяжелый и ответственный шаг, — когда поздно вечером 23(10) авг. новое командование подписало приказ о движении этих двух корпусов на юг. В известной обстановке этот шаг мог быть решающим для участи всей операции; в нем заключалась доля великого риска.

В 23 часа 23 (10) авг. XVII арм. и 1 рез. корпуса получили приказ выступить — первый на Бишофсбург и второй на Зеебург. 1 рез. корпусу была подчинена отходившая из Летцена 6 ландв. бригада. Маршруты корпусов пересекались, перекрещивание колонн было, однако, избегнуто. Под прикрытием 1 рез. к-са и 1 кав. дивизии XVII к-с должен был выступить фланговым маршем прямо на юг, и лишь после того, как он миновал высоту 1 рез. к-са, последний должен был выступить сначала в западном направлении и затем уже повернуть на юг на Зеебург. Прикрывая отход обоих корпусов, 1 кав. дивизия должна была отойти из района Гердауэн в Шиппенбейль, оставаясь здесь единственным заслоном против левого крыла армии Ренненкампфа и, значит, единственным обеспечением тыла XVII арм. и 1 рез. к-сов. (см. схему № 1).

Таким образом, в ночь на 24 (11) авг. фронт против Ренненкампфа был почти оголен. Против армии, имевшей к этому времени в своем составе 4 пех. к-са и 5 с 1/2 кав. дивизий, были оставлены: Кенигсбергская ландв. дивизия, занявшая фронт на реке Дейме от Куришской гавани до реки Прегель, и 1 кав. дивизия в районе Шиппенбейль. Из состава последней была в следующие дни еще выделена одна бригада, направленная на Зеебург, так что против армии Ренненкампфа здесь остались лишь две кав. бригады.

Вот все, что отныне обеспечивало со стороны Ренненкампфа 8 германскую армию, сосредоточивавшуюся против Самсонова в трех группах:

Первая группа — сдерживающий противника центр из усиленного XX арм. к—са; справа от него в районе Деутш-Эйлау-Страсбург вторая группа—ударное крыло из 1 арм.к-са и отр. ген. Мюльмана: наконец, третья группа из XVII арм. и 1 рез. корпусов только выступала на поле сражения. (См. черт. № 6). Три перехода оставалось ей до выхода на линию XX арм. к-са, а продвижение Ренненкампфа могло во всякое время заставить их снова повернуться фронтом на сев.-восток. Таким образом использование этой группы не могло быть предрешено и всецело зависело от обстановки. Между тем, задача 1 арм. к-са заключалась в атаке левого фланга

Наревской армии с целью ее обхода — «эта оперативная идея, — говорит ген. Франсуа — переданная мне лично ген. Гинденбургом вечером 23(10) авг.,—оставалась руководящей в действиях 1 арм. корпуса на всем протяжении операции».

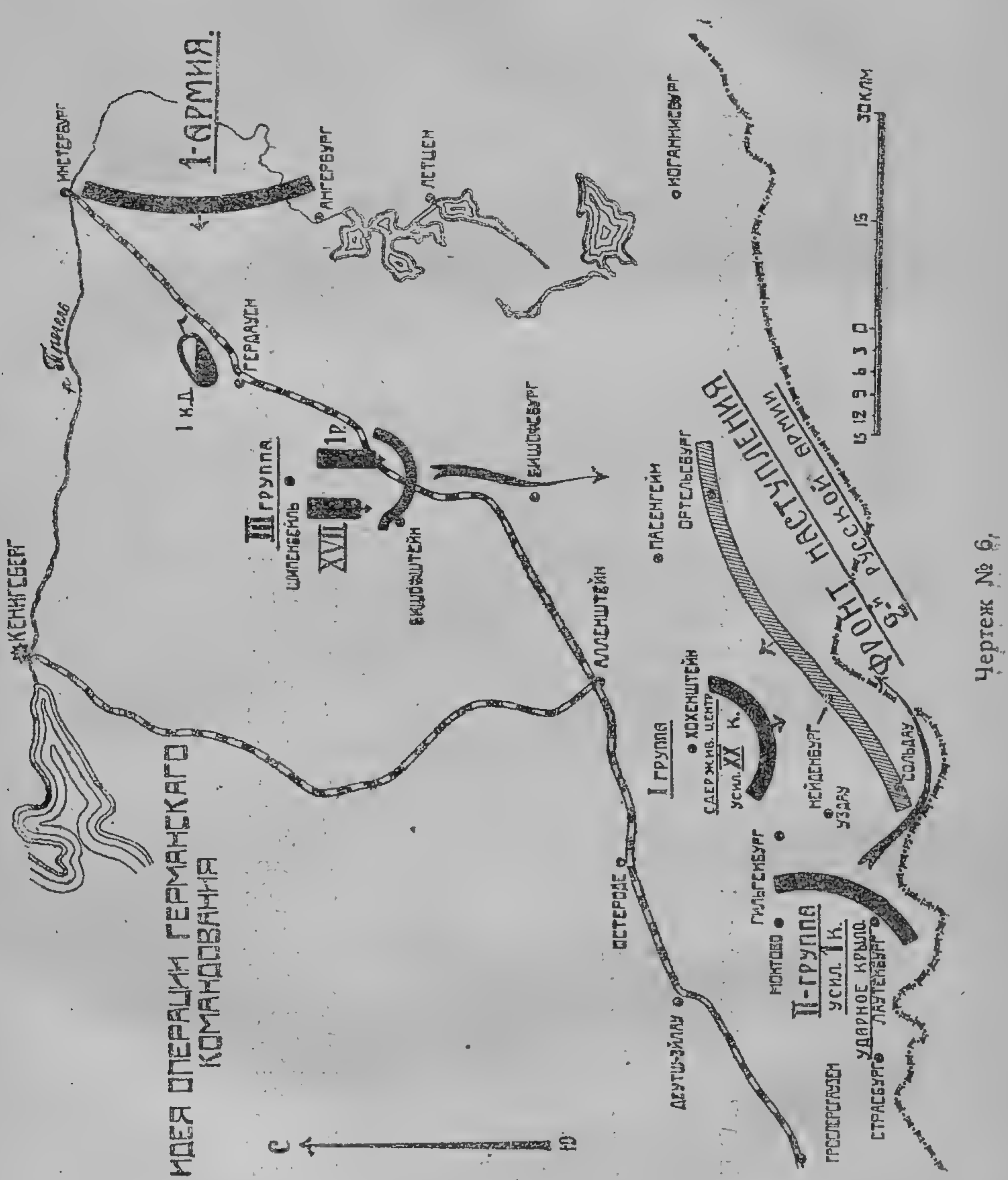
Отдав все распоряжения к вышеизложенному сосредоточению, Гинденбург поздно вечером 23(10) авг. доносил в главную квартиру: «принято решение сосредоточить армию 26(13) авг. к XX корпусу для охватывающего наступления».

Указанный в этом донесении срок обусловливался временем, необходимым для перевозки 1 арм. к-са и подхода XVII арм. и 1 рез. к-сов. Срок этот был минимальным и вынуждал войска последних двух корпусов к огромным переходам, особенно тяжелым вследствие утомления бойцов от напряжения в предыдущие дни. 1 кав. дивизия сделала например, в три дня с 19 по 21(6—8) авг. 190 *кил.* Между тем, и этот короткий срок сосредоточения ставил в весьма трудные условия XX арм. корпус, который вместе с отрядом Унгерна и 3 рез. дивизией должен был прикрыть фронт от Нейденбурга до озера Спирдинг протяжением в 100 *кил.*

Командир корпуса, ген. Шольц, оценивший сначала противника в три корпуса, предполагал было действовать наступательно; вскоре он, однако, отказался от этой мысли и занял своим корпусом оборонительное положение на линии Гильгенбург-Лана-Орлау, намереваясь здесь дать отпор наступавшему противнику. Необходимо отметить, что при этом положении левый фланг XX к-са был далеко не обеспечен и мог быть обойден со стороны Вилленберга.

Правда, в Алленштейне уже успела сосредоточиться 3 рез. девизия, но до выхода на линию XX к—са ей оставалось более 40 *км.* Правый фланг XX к—са был в этом отношении более обеспечен. В районе Лаутенбурга он охранялся отрядом Мюльмана, а в Деутш-Эйлау сосредоточивались войска I арм. корпуса. День и ночь сюда прибывали через каждые 25 мин. эшелон за эшелоном; их пускали вопреки установленным правилам железнодорожного движения. В продолжение 5-ти минут прибывшие войска должны были очищать поездной состав, дабы освободить путь для уже подъезжавшего следующего эшелона. Работа железнодорожного транспорта оказалась здесь отлично приспособленной к военной обстановке, к тому же столь напряженной. Прибывшие головные полки 1 арм. к-са — (1 и 3 грен.) были тотчас же направлены по указанию штаба армии в район Лебау, дабы, в случае необходимости, находиться ближе к XX к-су. Это распоряжение вызвало, между прочим, большое недовольство со стороны ген. Франсуа, желавшего для выполнения поставленной ему задачи иметь свой кор-

пус сосредоточенным в кулаке. Опасение Франсуа было, однако, напрасно, ибо Людендорф указал командиру XX корпуса, что на эти полки он ни в коем случае не может рас-

Чертеж № 6.

считывать, ибо они предназначались не для обороны, а для наступления.

Все это имело место уже 23 (10) авг., и тем не менее положение XX к-са оставалось тяжелым: до 26 (13) авг. он был предоставлен своим собственным силам; три дня он

должен был держаться против значительно превосходившего его противника. Между тем, именно в этот день 23 (10) авг. имело уже место первое боевое столкновение XX к-са с наступавшей Наревской армией.

В полдень 23 (10) авг. цеппелин, разведывавший направление Нейденбург—Млава, донес, что южнее Орлау он был встречен огнем русской пехоты, находившейся в крупных колоннах на марше к Нейденбургу. О подходе крупных сил противника сообщало также бежавшее с границы местное население. Действительно, на Нейденбург наступал XV русский корпус.

Таким образом, стало очевидно, что левому флангу XX корпуса,—именно его 37-й дивизии,—предстоит боевое столкновение. Под натиском передовых отрядов противника сторожевое охранение 37 дивизии в полдень отошло на выбранную оборонительную позицию на линии Лана—Орлау. В 14 ч. русские открыли артиллерийский огонь по всему фронту 37-й дивизии и в 15 ч. перешли в наступлени. Наиболее горячий бой завязался вдоль шоссе Нейденбург—Хохенштейн; с переменным успехом он продолжался здесь до 23 часов; в итоге германцы все же удержали свои позиции. Менее удачно обстояло дело для германцев на крайнем левом фланге XX к-са у Орлау. Позицию удалось удержать, но к вечеру 23 (10) авг. германцы увидели свой фланг обойденным крупными силами противника—это был XIII-й русский корпус. 3 рез. дивизия была еще слишком далеко, чтобы подоспеть на помощь, и потому ген. Шольц решил в ночь на 24 (11) авг. оттянуть свой левый фланг на Хохенштейн, освободив его от охвата. XX корпус именно не отошел всем фронтом на север, а совершил отступательное захождение левым флангом назад почти на 90° вокруг оси, коей являлся Гильгенбург. Тем самым корпус переменил направление своего фронта с южного на юго-восточное. Тактически такой маневр был весьма труден, в особенности для 37 дивизии, которой пришлось по внешней дуге пройти после боя наибольшее расстояние. С точки зрения всей обстановки, он был весьма целесообразен и искусно задуман. Отходя не на север, а на запад и выстраиваясь фронтом на юго-восток, XX корпус, во-первых, не отступал на армию Ренненкампфа, что было наиболее важно; тем самым он обеспечивал операции условия наибольшей оперативной свободы. Он занимал, далее, фланговое положение по отношению к фронту наступавшей на север Наревской армии и получал, таким образом, наравне с I корпусом возможность охвата ее левого фланга. Если бы Наревская армия продолжала наступать прямо на север, она неминуемо подставила бы свой левый фланг сильному противнику. Но если бы,—как это чаще бывает—отступающий XX корпус мог увлечь

за собою части Наревской армии (что в действительности и случилось), то последняя подставила бы свой правый фланг и тыл XVII армейскому и I резервному корпусам, спешно наступавшим с севера.

Этот искусный маневр XX корпуса—отход, связанный с переменой фронта, сыграл затем крупную роль в поражении армии Самсонова.

24 (11) авг. застает 8 германскую армию в начальной стадии ее сосредоточения для перехода в наступление. Оголяется фронт против Ренненкампфа. На правом крыле сосредоточивается ударная группа, к левому крылу подводятся XVII арм. и I рез к-са. Центр — усиленный XX корпус— только что выдержал бой с атаковавшим его противником у Лана—Орлау и, обойденный с востока, отошел своим левым флангом на Хохенштейн, выстраиваясь фронтом на юго-восток.

В то же время Наревская армия наступает; у Лана—Орлау она имела 23 (10) авг. успех. Но, чтобы уяснить себе обстановку на русской стороне, обратимся к ее освещению.

ГЛАВА VIII.

Наступление 2 русской армии генерала Самсонова

(чертеж № 5 и схема № 1).

„Теория учит также расчитывать на моральные факторы".

Клаузевиц.

Гумбинненское сражение и отступление германских корпусов в ночь на 21/8 авг. дало повод русскому командованию заключить о полном отходе якобы разбитого противника к Висле. Первой армии это не помешало двое суток оставаться в бездействии. Ренненкмпф даже доносил: „разбив корпуса германцев, победоносно гоню... и т. д." Вторая же армия получила 21/8 авг. указания спешно наступать на север, дабы отрезать германцам пути отхода к Висле.

23/10 авг. застало Наревскую армию на пятом переходе от начала наступления с линии развертывания.

Согласно приказа глав-щего сев.-зап. фронтом Жилинского, 2 армия должна была наступать на фронт Руджаны—Пассенгейм и далее Растенбург—Зеебург „во фланг и тыл линии озер".

Между тем, левофланговый первый арм. корпус был Самсоновым нацелен на Млаву—Сольдау, т. е. левый фланг второй армии значительно отклонился к западу. Это обстоятельство вызвало сразу недовольство Жилинского, считавшего, кроме того, продвижение 2 армии слишком медленным и вялым. 23/10 авг. в день боевого столкновения XV корпуса у Орлау Самсонов просил официально об изменении направления; он полагал более целесообразным наступать на фронт Алленштейн—Остероде, мотивируя это следующими соображениями:

1) „Движение на фронт Остеродэ—Алленштейн не уклоняет армии от поставленной ей задачи: отрезать противника от путей отступления к Висле. 2) Движение в этом направлении даже более обеспечивает возможность ее выполнения, т. к. выводит армию глубже в тыл противника. Вместе с тем это движение не может не отразиться не успехе действий I армии, т. к. угрожает тылу противника, находящеюся против нее. 3) При направлении армии на фронт Растенбург—Зеебург (не менее трех переходов) противник, находящийся против I армии, может отойти раньше, нежели 2 армия успеет отрезать его от Вислы. При направлении на Остероде—Алленштейн 2 армия имеет более шансов обрушиться на него с тыла и фланга. 4) В случае необходимости движения впоследствии на запад в сердце Германии; это очень легко сделать с фронта Алленштейн—Остероде и очень трудно с фронта Растенбург—Зеебург. 5) При направлении на фронт Алленштейн—Остероде армия может базироваться на жел. дорогу от Млавы, что необходимо для правильной организации ее тыла“.

Генерал Жилинский с предложением Самсонова не согласился, хотя в основе его лежали весьма веские и субъективно правильные соображения. Если немцы действительно отступали к Висле, как это полагало русское командование, то ясно, что пути их отхода надо было перехватить западнее, иначе можно было промахнуться и ударить в пустое место.

Правда, перенесение направления наступления более к западу должно было увеличить срок соединения 1 и 2 армий. Но в данном случае это было уже не так важно, ибо основная задача заключалась, по мнению русского командования, в перехвате путей отхода германцев. Обе армии были достаточно сильны, чтобы иметь возможность вести самостоятельный бой, тем более, с отступающим и потерпевшим неудачу противником; а само их положение по отношению друг к другу таило в себе для 8 германской армии неминуемую катастрофу. Наоборот, отодвижение направления наступления 2 армии более на восток на фронт Растенбург—Зеебург как бы расправляло охватывающие

крылья русских армий, давая возможность немцам беспрепятственно уйти на запад. Наконец, рассуждая с германской стороны, перенесение направления наступления 2-й армии к западу поставило бы в более затруднительное положение сосредоточивавшееся в районе Деутш—Эйлау—Лаутенбург правое крыло Гинденбурга, которое, тем самым, лишилось бы преимущества своего флангового положения и могло быть потревожено еще до окончания своего сосредоточения.

Правда, в этом случае правый фланг 2 армии, естественно, отделялся от линии озер и становился под угрозу охвата со стороны направленных на юг XVII арм. и 1 рез. герм. корпусов.

Как бы то ни было, предложение Самсонова было отклонено; между тем, в действительности, его армия и без того касалась своим левым флангом меридиана Млавы, чем только увеличила фронт наступления.

Таким образом, вся операция 2 армии развивалась при крупном несогласии между командованиями фронта и армии.

Это не могло, конечно, создать устойчивого морального состояния высшего командования, основанного на взаимном понимании своей основной оперативной задачи. К тому же ген. Жилинский, очевидно, сам не остановился на определенном решении. Того же 23 (10) авг., только что отклонив предложение Самсонова, он сам изменил направление наступления 2 армии, приказав наступать на фронт Зенсбург—Алленштейн, т.-е., именно западнее,—однако, не настолько, насколько предлагал генерал Самсонов. Это приказание было, очевидно, компромиссом. Наконец, после успешного боя у Лана-Орлау, когда выяснилось, что XX герм. корпус отступил не прямо на север, а скорее на запад, генерал Жилинский разрешил, по вторичному предложению Самсонова, изменить направление наступления 2 армии на фронт Алленштейн-Остероде.

Таким образом, 2 армия меняла направления своего наступления в сущности три раза: первое направление, назначенное главкомом, было сразу изменено Самсоновым, который растянул свой фланг значительно западнее, чем это ему было указано. Второй раз оно было изменено 23 (10) авг. в несколько западном направлении и, наконец, в третий раз, после боя у Орлау, оно было нацелено на фронт Алленштейн-Остероде. Эти изменения направлений были, однако, чисто теоретичны [1]); они сводились лишь к изменению

---

[1]) Несогласие в направлениях между командармом и главкомом сыграло роковую роль—привело к растяжке фронта, ибо Жилинский обязал Самсонова направить VI корп. с 4 кав. див. на Зенсбург—Растенбург, в то же время I корпус был привязан к Сольдау распоряжением Верх. Глав-щего. *Прим. ред.*

разграничительных линий на карте под незначительным углом; по сути же в объективном положении дел ничего не изменялось. При переходе через границу 2 армия имела свой левый фланг у Сольдау; там он и оставался до своего отхода.

Изменить направление движения целого фронта армии далеко не легко; во всяком случае, одно изменение разграничительных линий на карте для этого далеко не достаточно.

Имело бы смысл наступать на фронт Алленштейн-Остероде по перпендикуляру наперерез прямо с юга и, тем самым, перехватить пролегавшую здесь коммуникацию по кратчайшему расстоянию. Но, находясь на линии Ортельсбург-Нейдейнбург, изменить направление своего наступления на фронт Алленштейн-Остероде—было заведомо бесцельно, ибо отныне наступление должно было вестись под углом и неминуемо запоздать с своевременным захватом коммуникации германцев, — не говоря уже о трудности тактической организации такого марша, требовавшего захождения всей армии своим правым плечом. Этот марш должен был, кроме того, привести к неминуемому отставанию право-флангового корпуса, коему предстояло пройти наибольшее расстояние, и, значит, к неравномерному вступлению корпусов в бой, как это и случилось с XIII-м корпусом.

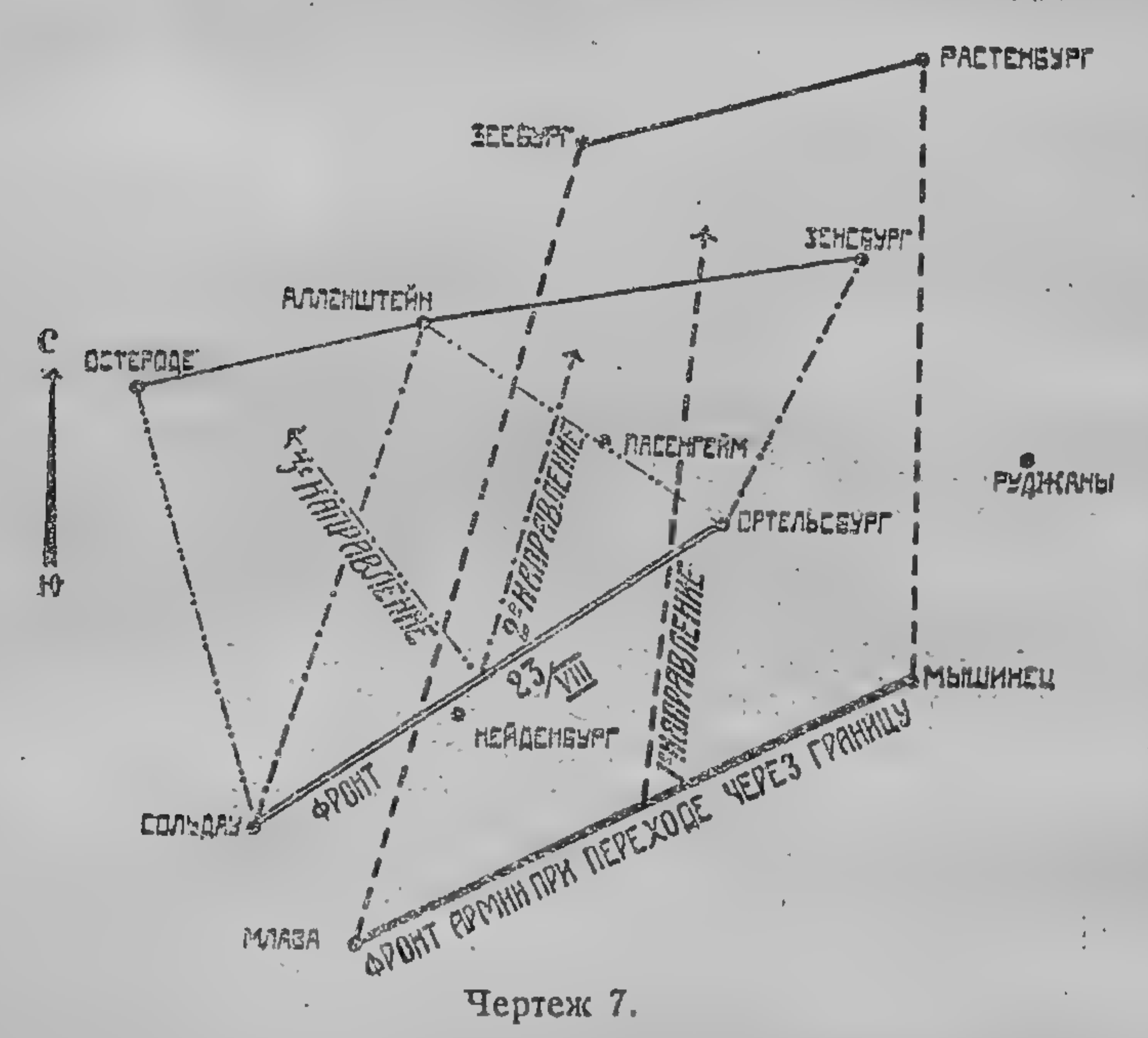
Первоначальное направление наступления армии имеет чрезвычайно важное значение; его редко удается изменить; но когда такое изменение и возможно, оно должно, во всяком случае, осуществляться на значительном расстоянии от объекта действий, иначе оно все равно не достигает цели.

Чертеж № 7 показывает всю практическую бесцельность изменения операционных направлений 2 армии и их полное несоответствие тем фронтам, которые она занимала в данное время.

Итак, не сказавшись реально на действительном изменении операционного направления 2 армии, последнее направление ее наступления имело все же своим последствием оторванность, примерно, на два перехода правофлангового VI корпуса, имевшего задачу наступать от Ортельсбурга на Бишофсбург. В этом факте не таилось, в сущности, ничего отрицательного: VI корпус имел ответственную задачу обеспечения правого фланга 2 армии, который, как мы уже знаем, был действительно угрожаем. Таким образом, оставление VI корпуса на путях к Бишофсбургу оправдывалось действительной обстановкой. Другое дело, что эта обстановка была ген. Самсонову совершенно не ясна и оставление им VI корпуса на путях к Бишофсбургу имело в своей основе, скорее, вошедшее в систему обеспечение фланга вообще при всякой обстановке.

Итак, 2 армия, имея вполне определенную и ясно поставленную задачу, не имела, однако, определенного конкретного плана ее выполнения.

Все ее действия, частные направления ее корпусов, линия ее фронта, наконец, изменения направлений ее наступления — все это говорило о какой-то неопределенности и неясности тех средств, коими может и должна быть выполнена поставленная оперативная задача. Отсутствие взаимного понимания между высшим командованием усматрива-

Чертеж 7.

лось здесь вполне отчетливо и не обеспечивало нормальных условий для проведения операций. Но оно шло гораздо дальше и граничило с явной неприязненностью отношений между Жилинским и Самсоновым.

Достаточно привести несколько выдержек из телеграмм: „Возможно энергичнее развейте операцию“. „Ранее обращал ваше внимание и ныне крайне не одобряю растянутое положение фронта и разброску ваших корпусов вопреки данной вам директиве“. „Данную вами диспозицию признаю крайне нерешительной и требую немедленных и решительных действий“. „Наступление армии шло вообще значительно медленнее, чем я предполагал“. Все это сви-

детельствует о напряженности существовавших отношений. Последние же говорят, в сущности, о том, что либо высшее командование совершенно не сговорилось о конкретном плане проводимой операции, либо ген. Самсонов явно не соответствовал своему назначению, — но тогда надо было прибегнуть к радикальной мере и отозвать его.

Мольтке воздержался от хотя бы одного, упрека или выражения своего неудовольствия по адресу ген. Притвица; но увидя, что последний действует несоответственно взглядам главной квартиры, его отозвал. Жилинский на такой шаг не решился; вместо этого обращался с Самсоновым так, как это не подобает по отношению к генералу и командующему армией.

Какую глубокую разницу усматриваем мы здесь в германском и русском институтах отношений между лицами высшего командования!

Вполне естественно, что моральное состояние ген. Самсонова должно было быть весьма напряженным и нервным, что впоследствии сыграло, очевидно, немалую роль в его трагической гибели.

Жилинский и Самсонов мысленно взваливали друг на друга вину за какую-то невязку в операции. Трудно, в сущности, указать, в чем эта невязка заключалась. Задача была поставлена, армия наступала. 23 (10) авг. она имела даже успех в бою у Орлау—и тем не менее во всей сознательной ее части ощущалась какая-то неопределенность и неуверенность, – это передают сами участники операции.

Причина такого морального состояния заключалась в отсутствии у всего командного состава отчетливого плана действий, ясно поставленных ближайших задач, которые, очевидно, не получили своего точного оформления и в представлениях Жилинского и Самсонова.

Чем глубже продвигалась 2 армия в Вост. Пруссию, чем чаще менялись ее направления, тем более выявлялось это отсутствие представления о своей ближайшей задаче, внедряя в сознание зачатки неуверенности и деморализации.

Весьма характерной является в этом отношении присланная на имя начальника штаба 2 армии 23 (10) авг. телеграмма начальника 6 кав. дивизии. Эта телеграмма гласила:

— „Первой директивой дивизии дана задача восточнее линии Млава-Гильгенбург; второй и третьей—западнее этой линии. Только что полученной телеграммой 6302 снова район изменен восточнее. Для выполнения директивы пришлось отказаться итти севернее Сольдау и, не успев собрать разведывательных эскадронов, перешел Грушки, где теряю время на устройство переправы. Выполнение новой задачи, изменяющей третий раз район действий, будет задержано отозванием уже высланной разведки Лаутенбург-Лоебау“.

Необходимо отметить, что первая директива, о которой говорится в телеграмме, была отдана 16 (3) авг., вторая 20 (7), третья 21 (18), а телеграмма 6302—22 (9) авг.

Приведенная телеграмма начальника 6 кав. дивизии дает богатый материал для суждения о всей обстановке, в коей проводилась операция 2 армии. Это есть в сущности обстановка оперативного хаоса.

Еще до начала боевых столкновений штаб армии три раза меняет направление кавалерийской дивизии; ясно, что в штабе не уточнили и не осознали своей задачи; тем менее может ее осознать начальник кав. дивизии.

Наоборот, эти, друг другу противоречащие, директивы сбивают с толку, лишают возможности понять, чего же хочет командование армии; заставляют терять уверенность в своем начальнике, а следовательно, сомневаться и в самом себе — такова неразрывная цепь эволюции и психики, приводящая к деморализации.

Не во всех частях неуверенность в своей задаче вылилась в подобные телеграммы, но обстановка была одинакова во всей армии. Если командование последней не уяснило себе задачи для 6 кавалерийской дивизии, то это было верно и для всех остальных частей. Это наилучшим образом иллюстрирует директива № 3, приказывавшая корпусам (XVи I), —„приступить к подготовке операции для овладения районами Нейденбург-Сольдау“—и это в то время, когда корпуса непосредственно приблизились к объектам, коими надо было овладеть. Такая редакция директивы говорила, конечно, о чрезвычайной нерешительности и не могла не оказать соответствующего влияния на моральное состояние получивших ее командиров.

Отсутствие моральной бодрости господствовало в армии Самсонова с первых же дней ее вступления в Вост. Пруссию.

Один из участников операции пишет: „На 7-й день марша боевой подъем сменился усталостью, обозы отстали, хлеба нет; кормимся местными средствами. Начинается нервность и раздаются вопросы: куда идем в глубь лесов и почему не видим противника“.

По мере дальнейшего продвижения это моральное состояние сменилось сначала неуверенностью в своей задаче, затем растерянностью и, наконец, подавленностью: — дальнейшая ступень есть уже деморализация. Зачатки ее обнаружились уже 23 (10) авг., когда 2 дивизия XXIII к-са, наступавшая слева от ввязавшегося в бой у Орлау XV корпуса, по просьбе последнего, развертывалась на линии Ковнаткен-Тальгейм; под влиянием крика «кавалерия» в дивизии произошла паника; пехота начала стрелять друг в друга, при чем оказалось 10 убитых, 60 раненых и много испорченных повозок.

Вся обстановка наступления способствовала быстрому моральному разложению войск.

Чрезвычайная нервность командования явилась, в значительной мере, следствием неудовлетворительной постановки разведки. Конница, имевшаяся в достаточном количестве, не была подготовлена к несению разведывательной службы, и войска остались без всяких сведений о противнике.

В штабах корпусов и дивизий царила полная неосведомленность не только о том, что делается впереди, но и о том, что происходит у соседей. Об общем положении на фронте не знал ни один из корпусных командиров. Армейское командование сообщало лишь цели дневных переходов соседей; все остальное, а главным образом, задача Ренненкампфа и местонахождение его армии, держалось почему-то в секрете, очевидно, по причине чрезвычайной неопытности штабных офицеров в службе генерального штаба.

Вследствие негодной организации связи, дневные приказы прибывали в штабы корпусов, а тем более в самые части, чрезвычайно поздно. Часто войска узнавали задачу своего дневного перехода только к 10 часам; выступали не ранее полудня и потому лишь с наступлением позднего вечера достигали—по плохим песчаным дорогам—места ночлега. Организация технической связи оставляла желать много лучшего. Телефонный кабель и аппараты имелись в очень ограниченном количестве. А радиосвязь использовалась неумело и без кода, благодаря чему германские радио перехватывали многие русские передачи оперативного характера. Известно, что они перехватили директиву Самсонова на 25 (12) авг.

Наконец, тыл совершенно не был организован: армия оторвалась на значительное расстояние от железной дороги, а колесный подвоз отсутствовал. Уже при переходе через границу явилась необходимость прибегнуть к неприкосновенным запасам. Между тем, в Вост. Пруссии не было никаких местных средств продовольствия. Все эти условия в значительной мере отягощали моральное состояние войск, естественно, вызывая упадок их сил.

Генерал Самсонов это понимал и еще 22 (9) авг. телеграфировал Жилинскому:

«Необходимо организовать тыл, который до настоящего времени организации еще не получил. Страна опустошена; лошади давно без овса, хлеба нет. Подвоз из Остроленка невозможен». (Архив. Дело 2 армии № 13, 129).

Корпусам же 23 (10) авг. было приказано: «при исполнении операции войскам довольствоваться преимущественно местными средствами», из чего можно судить о том, что какая-либо организация питания и подвоза полностью отсутствовала.

Психология массы — трудно постижимая вещь. Впечатление минутно выявившейся растерянности командира или где-либо обнаружившейся неорганизованности военного аппарата — словно электрический ток распространяется по войсковой колонне, оставляя в рядах свой тяжелый, трудно изгладимый отпечаток. А таких впечатлений было в колоннах Самсоновских корпусов слишком много.

Итак, в то время, когда в настроении 8-й германской армии происходил резкий перелом в сторону укрепления в ней воли к победе, в русской армии медленно распространялось настроение моральной неуверенности, таившее в себе зачатки деморализации.

Все это произошло еще раньше завязки решительных боев, в которые корпуса 2-й армии вступили уже надломленными, хотя они до сих пор не имели ни одного даже незначительного неуспеха. Наоборот, первое боевое столкновение XV корпуса с XX германским кончилось отходом последнего. Этот незначительный боевой эпизод, стоивший, XV корпусу 50 офицеров и 2500 солдат, был русским командованием переоценен и истолкован, как крупный успех. Жилинский прислал даже Самсонову поздравительную телеграмму.

Способность приходить в восторг от незначительных успехов, не утруждая себя объективной здравой оценкой событий, и затем так же быстро падать духом, лишь только положение становилось более серьезным — эта моральная неустойчивость и неспособность к объективной оценке были неизменно присущи русскому командованию.

Очевидно, удовлетворившись достигнутым успехом, 2 армия после боя у Орлау — Франкенау значительно замедляет темп своего наступления. К вечеру 24 (11) авг. она достигла лишь линии Рильбен—Гайслинген (VI кор.) Едвабно — Омулеофен (XIII кор.), Орлау — Франкенау — Михалькен (XV кор.), Скоттау — Липпау XXIII кор.) и Уздау (1 кор.). В тот же день 3 гв. дивизия прибыла в Млаву. Что же касается конницы, то на правом фланге 4 дивизия заняла 24 (11) августа Зенсбург, а на левом фланге 6 кав. дивизия овладела районом Уздау—Гардинен и 15 кав. дивизия районом Зелюнь. Пехотные корпуса заняли указанную линию без сопротивления со стороны противника. К вечеру 25 (12) авг. корпуса армии находились на линии: Бишофсбург (VI кор.), Куркен (XIII кор.), Орлау—Франкенау (XV кор.), Уздау (I кор.). (Схема № 1).

Таким образом, в течение двух суток центр армии топтался, в сущности, на месте: XIII кор. сделал, например, лишь 10—15 *км*, а XV и XXIII и того меньше.

Как Ренненкампф остановился на двое суток после сражения у Гумбиннена, так и Самсонов остановился на

те же двое суток после боя у Орлау. Какое-то „фатальное“ совпадение, которое может дать повод к заключению, что у русского командования вошло в систему отказываться от преследования и оставаться на поле сражения, довольствуясь достигнутым успехом. Центральные корпуса, таким образом, двое суток бездействовали; тем не менее, от них поступали жалобы на утомление и просьбы разрешить дневку; последние вызывались, однако, скорее отсутствием подвоза и полным истощением возимых при войсках запасов.

БЕЗИДЕЙНЫЙ ПЛАН ОПЕРАЦИИ 1а и 2а РУССК. АРМИЙ, КАК ОН ОСУЩЕСТВЛЯЛСЯ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.
(1а АРМИЯ ИЗБРАЛА СВОИМ ОПЕРАЦИОННЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ ГУМБИННЕН-КЕНИГСБЕРГ, 2а СОВЕРШАЛА ЗАХОЖДЕНИЕ ПРАВЫМ ПЛЕЧОМ.)

Чертеж 8.

Между тем, в эти дни 24 (11) авг. ген. Самсонов получает первые сведения о сосредоточении германских войск в районе Гильгенбург—Лаутенбург. Нельзя было не уяснить себе всего значения этого фактора для обеспеченности левого фланга армии. Если полученные сведения не давали еще повода заключать о серьезной угрозе обхода последнего, то они, во всяком случае, предопределяли охватывающее положение обнаруженной группировки противника по отношению ко всему фронту наступления Наревской армии; значение этого для дальнейшего сохранения последней своей оперативной свободы было, конечно, чрезвычайно велико.

Самсонов это понял и поручил 24 (11) авг. 1 армейскому корпусу взять на себя обеспечение левого фланга

армии, оставаясь в районе Сольдау. Это решение было принято Самсоновым, очевидно, под влиянием полученной им 23 (10) авг. от Жилинского телеграммы, которая гласила:

«Германские войска после тяжелых боев, окончившихся победой над ними армии Ренненкампфа, поспешно отступают, взрывая за собой мосты. Перед вами, повидимому, противник оставил лишь незначительные силы. Поэтому, *оставив I корпус в Сольдау и обеспечив левый фланг*

ЦЕЛЕСООБРАЗНЫЙ ПЛАН ОПЕРАЦИИ 1й и 2й РУС. АРМ.
{1я АРМИЯ ЗАХОДИТ ПРАВЫМ ПЛЕЧОМ, 2я-ЛЕВЫМ ПЛЕЧ.}

Чертеж 9.

надлежащим уступом (курсив наш), всеми остальными корпусами энергично наступайте на фронт Зенсбург—Алленштейн, который предписываю занять не позже 12 (25) августа. Движение ваше имеет целью наступление навстречу противнику, отступающему перед армией генерала Ренненкампфа с задачей пресечь немцам отход к Висле № 3004» (Архив. Дело № 13, 123).

С оставлением 1 корп. в Сольдау стратегическое положение можно было уже сейчас признать, по меньшей мере, неудобным.

Вся линия фронта наступления принимала форму выпуклой дуги, при чем эта последняя должна была в дальнейшем еще больше изгибаться к северу. 1 корпус получил оборонительную задачу и должен был оставаться на месте; между тем, центральные корпуса продолжали наступление в северном и северо-западном направлениях. Таким образом, фронт наступления оставался своим левым флангом на месте, а центром продолжал выдаваться, совершая захождение правым плечом. Наступавший на правом фланге центра XIII корпус должен был при подобных условиях оторваться от соседа справа—VI корпуса и, описывая своим движением наибольшую дугу, висеть правым флангом в воздухе—как это в действительности и случилось.

Получалось какое-то нескладное построение всей линии фронта; опасность, которая в нем таилась, заключалась в том, что малейший неуспех на флангах должен был поставить 2 армию сразу в критическое положение, грозя ей обходом и окружением. Центр армии, наступавший на фронт Хохенштейн—Алленштейн, отрывался от своих фланговых корпусов и оказывался, в случае неустойки последних и занятия Ортельсбурга и Нейденбурга, под серьезной угрозой перехвата всех коммуникаций на юг.

Угроза окружения 2 армии таилась в ее положении уже с 25 (12 авг.).

Единственная возможность исправить это положение и выравнять линию фронта заключалась в обеспечении левого фланга не обороной на месте, а решительным наступлением на фронт Гильгенбург-Лаутенбург, дабы продвигать свой левый фланг, наравне с центральными корпусами[1]).

Более того, весь центр тяжести операции надо было отныне перенести на левый фланг, что вполне позволяли усиленный состав 1 арм. корпуса и действовавшие слева от него две кавалерийские дивизии. Если бы такой план был принят, в положение охватывающего стали бы не германцы, а русские; вместе с тем было бы и расстроено сосредоточение правого крыла армии Гинденбурга.

С 24 (11) авг. весь стратегический смысл операций Самсонова становится совершенно непонятным и по меньшей мере несообразным.

2-я армия должна была перехватить пути якобы отступавших на запад германцев; она должна была, очевидно, далее отбросить их на север, и, по возможности, на северо-восток на войска Ренненкампфа и таким образом окружить и уничтожить. Необходимо было захождение 2 армии левым

---

[1]) 1 арм. корпус был придан 2 армии для обеспечения операции со стороны Торна, при чем Верх. Глав. не разрешил выдвигать его далее Сольдау. Последовавшее 21 (8) авг. разрешение выдвигать его и далее этого пункта до Самсонова не дошло. *Прим. ред.*

плечом, дабы совместно с захождением армии Ренненкампфа правым плечом привести к окружению противника,—между тем Самсонов совершал почему-то захождение правым плечом, тем самым, отбрасывая германцев от армии Ренненкампфа на запад, помогая им, в сущности, выбраться из тяжелого стратегического положения. (см. чертежи №№ 8 и 9).

Такое наступление 2 армии было стратегически совершенно непонятно и таило в себе грозные возможности. Что же касается войск, выполнявших этот маневр, то как раз в то время, когда они приближались к противнику, должны были вот-вот с ним ввязаться в серьезные бои и, значит, сохранить максимум энергии—их физические и моральные силы оказывались на самом деле как будто на исходе.

Грозный призрак поражения встал перед армией Самсонова еще до начала решительных боевых столкновений.

ГЛАВА IX.

Перед началом германского наступления.

(24 (11) и 25 (12) августа).

(Схема № 1).

> „Если кто-либо ищет скорого решения и стремится к уничтожающей битве, тот должен развивать операцию на фланге и еще лучше на обоих флангах".
>
> *Шлиффен.*

Бездействие Самсонова после боя 23 (10) авг. у Орлау—Франкенау в значительной степени облегчило сосредоточение 8 герм. армии для перехода в наступление.

Тем не менее, положение на германской стороне оставалось напряженным. Был дорог каждый час. Армия Ренненкампфа, словно туча, готовая разразиться грозой во всякую минуту, висела на востоке. «Никто не знал, с какой тревогой в душе я в эти дни смотрел на Неманскую армию»,— рассказывает в своих воспоминаниях Людендорф. Между тем, сосредоточение протекало далеко не гладко: задерживался подвоз 1 арм. корпуса по железной дороге, XVII арм. и 1 рез. корпусам предстояли еще огромные марши.

Однако, решение было принято и проводилось в жизнь.

24 (11) авг. 1 арм. корпус продолжал свое сосредоточение в Деутш-Эйлау, 5 ландв. бригада ген. Мюльмана находилась в районе Страссбурга; на следующий день она должна была начать продвижение на Лаутенбург. XX корпус, отошедший на линию Гильгенбург—Хохенштейн, устраивался на новой позиции. Г. Шольц ожидал дальнейшего наступления противника, но таковое не обнаруживалось; это дало ему возможность тщательно оборудовать новую позицию и удлинить свой угрожаемый левый фланг войсками ген. Унгерн (6 эрз.-батал., 1 эск. и 4 батареи) и 70 ландв. бригадой. Эти части расположились на уступной фланговой позиции у Мюлена фронтом также на восток. Наконец, уступом слева от этой оборонительной позиции сосредоточивалась в районе Райхенау 3 рез. дивизия ген. Моргена, предназначенная уже для проведения наступательной операции. Таким образом, центр германской армии,—тот щит, который первым принимал на себя удар Самсоновских корпусов и должен был связать их боевыми действиями,—упрочил свое положение и усилился численно. Он, правда, открывал 2 армии как будто свободный доступ в северном направлении, но фланговое по отношению к последнему положение имело несравненно большие выгоды для ликвидации такого движения русских. Тем не менее, еще в продолжение двух дней этому корпусу предстояла трудная боевая задача; он должен был быть готовым сдерживать наступление превосходящих его сил противника. На левом же крыле 1 рез. и XVII арм. корпуса усиленными маршами наступали на юг, первый на Шипенбейль, второй на Фридланд.

Такова была оперативная обстановка на фронте 8 герм. армии 24 (11) августа; в боевом отношении это был день затишья, но затишья перед грозой, тучи которой уже собирались.

24 (11) авг. мы встречаем Гинденбурга и Людендорфа в Танненберге в штабе XX корпуса, куда командование армии прибыло, дабы иметь личное общение с частью, уже выдержавшей бой с противником. На пути к Танненбергу Людендорфу была вручена перехваченная радио-телеграмма штаба 2 русской армии. Радиограмма была не зашифрована и содержала сведения колоссальной важности; она, в сущности, раскрывала все наступление 2 армии и содержала указания войскам на ближайшие дни. Перед германским командованием раскрылась теперь вся обстановка и с глаз его спала та завеса, которую во всякой операции создают скудные и неясные сведения о противной стороне. Особенно важное значение приобретали в радио-телеграмме сведения о фланговых корпусах Наревской армии,—VI и I,— в особенности о последнем, которому ставилась задача по обеспечению левого фланга армии на высотах у Уздау.

Полученные сведения вызвали тотчас же соответствующие оперативные распоряжения Гинденбурга. 1 рез. к-су было после полудня 24 (11) авг. приказано атаковать наступающий от Ортельсбурга на Бишофсбург VI русск. корпус, где бы он ни находился. Одновременно XVII арм. корпусу было указано, что в этой операции рассчитывается на его энергичное содействие, при чем это последнее не освобождает его, однако, от наблюдения совместно с 1 кав. дивизией за левым флангом Ренненкампфа. Эта задача была весьма трудной и, в сущности, неопределенной; она требовала действия нв две различные стороны—на север против Ренненкампфа и на юг против VI рус. к-са; с точки зрения теории тактики, она, пожалуй, не выдерживает критики. Но в том-то и дело, что война не знает чистой теории; так было безусловно нужно и так должно было быть выполнено. Макензен принадлежал к числу тех командиров, которые это прекрасно понимали. 1 рез. корпусу было приказано наступать навстречу противнику не по кратчайшему пути, который вел через Бишофштейн, а обходным путем через Зеебург: это было сделано с целью выиграть у VI русск. корпуса фланг и, кроме того, иметь возможность базироваться на Гутштадт и, тем самым, не зависеть от северных железных дорог, находившихся уже под угрозой конницы Ренненкампфа.

Таким образом, левофланговые корпуса 8 армии получили уже вечером 24 (11) авг. вполне определенное назначение, ставившее, правда, пока лишь ближайшую боевую задачу. Что должны были делать эти корпуса по завершении последней, указано не было, да и не могло быть—это всецело зависело от обстановки. Во всяком случае, уже в этот момент—вечером 24 (11) авг.—у Людендорфа возникла мысль, что если этим корпусам удастся разбить VI русск. корпус и двинуться далее на юг на Ортельсбург—Виленберг, то они, в случае удачного наступления 1 арм. корпуса на Узлау—Нейденбург, могут привести к полному окружению армии Самсонова. А пока что—эти корпуса получили определенный боевой стимул, столь необходимый всякой наступающей части; они знали, куда они должны итти и зачем итти, знали и то, что итти нужно очень спешно.

Переходы этих корпусов были весьма тяжелы. Чтобы избегнуть перекрещивания с двигавшимися с востока на запад беженцами из местного населения, ген. Белов (комкор 1 рез.) приказал своим дивизиям следовать по проселочным дорогам, где движение было меньше. XVII корпус следовал за 1 рез. на удалении одного перехода и совершал трудный фланговый марш мимо левого крыла Ренненкампфа на расстоянии не более 2-х переходов от последнего; он мог всегда ожидать атаки неприятельской конницы. Привалы и ночлеги были весьма коротки. Лишь высокая выучка войск и пра-

вильная тактическая организация марша позволяли совершать такие переходы. Заметим, что местность, через которую проходили войска, словно вымерла; она была сплошь оставлена населением, что тягостно действовало на войска; молча проходившие через еще так недавно цветущие селения. Однако, это настроение было далеко отлично от того, которое теми же войсками владело в памятную ночь на 21 (8) авг., когда ген. Притвиц отдал приказ об общем отходе. Моральный кризис был пережит. Войска чувствовали и знали, что они не отступают, а идут в бой; и это сознание сильной над собой воли, которая отступление превратила ныне в наступление, безусловно укрепляло их моральное настроение.

К вечеру 25 (12) авг. 1 рез. корпус достиг уже Зеебурга; к южной конечности Лаутернского озера прибыла также подчиненная ему 6 ландв. бригада из Летцена. Корпус был готов к бою с двигавшимся ему навстречу противником и вошел в связь с XVII корпусом относительно совместных действий. Ген. Макензен дал свое полное согласие и, дабы поспеть в бой, прошел со своим корпусом в один день 50 *км*, достигнув к вечеру 25 (12) авг. Бишофштейна.

В германском государственном архиве мы находим интересную заметку о состоявшемся после полудня 25 (12) авг. разговоре по прямому проводу между штабом армии и командованием XVII к-са; сохранившийся разговор, неизвестно кем переданный из штаба армии, гласит: „Завтра противник достигает своим левым крылом Норденбурга (здесь речь идет о левом крыле Ренненкампфа), его конницу следует ожидать еще западнее. Один корпус противника занял Бишофсбург. XVII и I резервный корпуса его атакуют; весьма важно их тесное взаимодействие. Одна кавалерийская дивизия противника у Зенсбурга. Летцен, форт Бойен без перемен“ [1]. В этом разговоре уже не упоминается о задаче XVII к-са по наблюдению за Ренненкампфом. Между тем, для этого Макензен выделил сначала одну пехотную дивизию; 25 (12) он, однако совершенно оголяет фронт перед левым крылом Ренненкампфа. С полным сознанием германское командование решается на этот ответственный оперативный шаг. Таким образом, левое крыло, несмотря на серьезность положения, 25 (12) августа находилось в стадии своего энергичного наступления на юг.

Тактически труднее обстояло дело на правом крыле и, главным образом, потому, что сосредоточение происходило здесь в непосредственной близости к противнику и могло быть всегда потревожено ранее своего окончания. 24 (11) авгу-

---

[1]) Archivrat v. Schaefer „Zur Schlacht bei Tannenberg“. Тоже у Delbrück „Zur Schlacht bei Tannenberg“.

ста конкретный план наступления на правом крыле не получил еще никакого разрешения. Вечером этого дня Гинденбург мог только донести в главную квартиру: „Решил удерживать позицию XX корпуса, ибо отступление равносильно поражению. Сосредоточение I арм. корпуса задерживается. I рез. и XVII арм. корпуса сосредоточиваются к левому крылу. Настроение решительное, хотя наихудший исход не исключен“. Это живое, полное сознания ответственности, слово командующего армией содержало мало оптимистичного, за исключением, очевидно, сильной воли довести операцию до конца.

Дабы принять определенное решение относительно наступления своего правого крыла, Гинденбург и Людендорф прибыли утром 25 (12) авг. из Танненберга в Монтово, где был расположен штаб I арм. к-са. Здесь обстановка была такова: корпус целиком еще не успел прибыть; его перевозка совершалась вообще в тяжелых условиях. Начавшись 22(9) авг. она протекала под давлением обстановки на фронте армии ген. Ренненкампфа.

Первоначальные пункты погрузки Инстербург, Тапиау и Велау оказались в течение 23 (10)—24 (11) авг. уже под угрозой передовых частей 1-й русской армии, почему к 25(12)-му августа вся погрузка была перенесена в Кенигсберг. Части корпуса спешно сосредоточивались сюда походом, при чем часть из них, правда незначительная (два батальона пехоты), была из Тапиау перевезена в Кенигсберг по р. Прегель на семи частных пароходах.

Остатки I-го корпуса 25 (12) августа грузились еще в Кенигсберге и могли полностью свою отправку из этого пункта закончить лишь на следующий день. К тому же отсутствие достаточного количества порожняка и загруженность железнодорожных линий и узлов эшелонами многочисленных беженцев несомненно затрудняли правильное движение.

Все это требовало исключительно энергичной работы железнодорожной администрации и кенигсбергской железнодорожной комендатуры.

Воинские эшелоны следовали по двум направлениям: на Мариенбург-Деутш-Эйлау и Коббельбуде (южнее Кенигсберга) — Вормдит-Морунген-Остероде. На последней одноколейной ветке было приостановлено всякое другое движение, причем эшелоны двигались лишь в одном направлении, проходя без остановки все разъездные станции.

Не взирая на технические требования железнодорожного транспорта, скорость движения эшелонов на обоих направлениях была доведена до 40 километров в час, а пропускная способность основной магистрали Кенигсберг-Ма-

риенбург должна была быть доведена до 60 пар поездов в сутки, чего, правда, в действительности достигнуто не было.

Нижеследующие таблицы характеризируют перевозку I-го корпуса:

1. Направление Кенигсберг-Мариенбург-Д. Эйлау. Проследовало через Мариенбург:

Число и месяц	Часы	Количество эшелонов
23 августа	0,30—8,30	8
"	8,30—16,30	1
"	16,30—24,00	6
24 августа	0,30—8,30	12
"	8,30—16,30	11
"	16,30—24,00	12
25 августа	0,30— 8,30	9
"	8,30—16,30	10
"	16,30—24,00	9
28 августа	0,30— 8,30	3
"	8,30—16,30	12
	Итого	93

2. Направление Кенигсберг-Коббелбуде-Морунген-Остероде.

Число и месяц	Проследовало через морунген Часы	Количество эшелонов
До 25 августа	16,30	3
25 августа	16,30—24,00	12
26 августа	0,30— 8,30	13
"	8,30—16,30	11
	Итого	39

К 25 (12) августа из артиллерии корпуса успели прибыть лишь 6 легких батарей, т.-е. только половина; тяжелая артиллерия, артиллерийские парки, обозы и корпусная конница находились еще в пути.

Для ускорения сосредоточения корпуса принимались исключительные меры, в виде перенесения пунктов выгрузки в Монтово и Рибно—станции, находившиеся от линии передовых частей противника на расстоянии не более 5—6 километров.

В остальном обстановка не внушала особых опасений, ибо подчиненная ген. Франсуа 5 ландв. бригада заняла 25 (12) авг. после небольшого боя Лаутенбург и вышла таким образом, на одну высоту с батальонами I к-са.

По первоначальной идее командования армии, назначение правого крыла, ядром коего являлся 1 арм. корпус, заключалось в стратегическом охвате левого фланга Наревской армии. Когда, однако, последний распространился до Сольдау, и из перехваченной радио-граммы и данных войско-

вой разведки выяснилось, что на линии Уздау фронтом на северо-запад окапывается 1-й русский арм. корпус, имеющий задачу обеспечения фланга армии,—охват последнего стал, очевидно, невозможным. При разрешении новой оперативной проблемы возникла даже мысль сосредоточить I корпус значительно юго-западнее, для того, чтобы все же выиграть фланг противника. Но для этого требовалось время, которым, как раз, нельзя было располагать.

В этих условиях Людендорф предложил Гинденбургу, не теряя времени, атаковать I рус. корпус, отбросить его на юг и, прорвав таким образом русский фронт, быстрым маршем двинуться затем на Нейденбург—Вилленберг, чтобы выйти во фланг и тыл Наревской армии. В сущности, при сложившейся обстановке другого исхода и не оставалось: чтобы достичь стратегического охвата, необходимо было сначала совершить тактический прорыв. Таким образом, приходилось «брать быка за рога» и начинать дело с фронтальной атаки.

Тогда же утром 25 (12) авг. Гинденбург приказал ген. Франсуа на следующий день в 4 ч. утра атаковать Зеебен и высоты у Уздау, отбросить русский корпус на Сольдау-Млава и затем, оставив против него незначительный заслон, усиленным маршем двинуться на Нейденбург-Вилленберг, дабы отрезать Наревской армии пути отступления на юг. В самой возможности отбросить I рус. корпус от фланга 2 армии, которую он обеспечивал, и таким образом начать движение в ее фланг и тыл—сказалась еще раз вся неправильность построения линии фронта наступления Самсонова. Часть, обеспечивающая фланг, должна, в случае неуспеха, отходить на этот последний, дабы дать ему возможность своевременно оттянуться. Если же обеспечиваемый фланг расположен по отношению к обеспечивающей его части так, что последняя может быть отброшена от него, открывая противнику возможность его беспрепятственного обхода, то теряет всякий смысл самое обеспечение. Именно так был расположен фронт Наревской армии по отношению к обеспечивавшему ее левый фланг I корпусу. Фронт армии был обращен на северо-запад, и туда же был обращен фронт I корпуса. Ясно, что в случае неуспеха, последний должен был отходить от обеспечиваемого им фланга на юг, отрываясь от всего фронта армии и открывая брешь, через которую мог проникнуть противник в восточном направлении.

Итак, I прус. к-ус получил утром 25 (12) авг. свою определенную боевую задачу; она оставалась руководящей во всех его действиях. «Стремление выйти во фланг и тыл Наревской армии жило неуклонно во всем командном составе корпуса»—говорит ген. Франсуа. Задача эта была трудна, ибо корпус не успел еще полностью сосредоточиться. Между тем, Гинденбург, несмотря на это, настаивал на начале на-

ступления с рассветом 26 (13) авг., хотя Франсуа предлагал оттянуть начало отступления на сутки. Не встретив сочувствия, он ответил: «Если вы приказываете, я, конечно, атакую, но войскам придется драться штыком». Тут же было условлено, что как только скажется успех I к-са, начнет наступать XX корпус. На этом решении переговоры командования армии с ген. Франсуа кончились.

В сознании трудности осуществления принятого решения, Гинденбург и Людендорф возвращались после полудня 25 (12) авг. в штаб армии в Ризенбург. Вечерние сведения сделали это сознание еще более тяжелым. Русские подвозили от Млавы на Сольдау подкрепления:—эта была I стр. бригада, вызванная Самсоновым из Новогеоргиевска. Ген. Франсуа, указывая на усиление противника в районе Сольдау, доносил, что без надлежащей поддержки артиллерии, которая целиком еще не прибыла, атака пехоты навряд ли будет успешной. Командование армии прекрасно знало, что Франсуа является одним из самых решительных и отважных прусских генералов, и тем не менее объективная обстановка, требовавшая немедленных действий, не позволила отсрочить наступление. Назначенный срок 26 (13) авг. был оставлен в силе.

Итак, исходное положение 8 германской армии накануне перехода в наступление было таково: бригада ген. Мюльмана находилась в районе Страсбург—Лаутенбург в соприкосновении с конными частями 6 и 15 русск. кав. дивизий. I арм. корп. был сосредоточен южнее Монтово и противостоял 1 русск. к—су, окопавшемуся в районе Уздау фронтом на сев.-зап. Севернее него был расположен XX корпус, занимавший фронт от Гильгенбурга до Хохенштейна; на своем южном фланге он имел предназначенную для содействия I к—у 41 дивизию; на северном фланге—37 дивизию. Слева в районе Мюлена сосредоточились ландверные войска ген. Унгерна. Наконец, в районе Рейхенау оставалась в резерве 3-я рез. дивизия. Кроме того, в район Остероде—Бисселен ожидались первые эшелоны отправленной по распоряжению главной квартиры из Голштинии ландв. дивизии ген. ф. д. Гольца, которая должна была, таким образом, увеличить боевой состав 8 армии еще на одну дивизию.

Наконец, на левом крыле 1 рез. корпус, как уже указывалось, достиг Зеебурга, где соединился с 6 ландв. бригадой, а XVII корпус достиг района севернее Лаутерна. 1 кав. дивизия была на путях от Гердауэн в Шипенбейль.

Что же делал в это время Ренненкампф? Его взоры были, казалось, обращены, главным образом, на Кенигсберг. К вечеру 25 (12) авг. он достиг своим левым флангом линии Норденбург—Ангербург, т. е., еще не обогнул линии озер; между тем, фронт перед ним был здесь совершенно оголен.

Самсонов, как мы уже знаем, в дни 24 (11) и 25 (12) был не более деятелен, так что сосредоточение 8 армии происходило без помехи со стороны противника, хотя совершалось в непосредственной его близости на правом крыле, где две русские кавалерийские дивизии имели полную возможность расстроить подвоз первого корпуса.

Мы видели, что сосредоточение германцев происходило далеко не гладко; первый корпус должен был даже перейти в наступление без части своей артиллерии. Были и другие затруднения в тылу: это, главным образом, огромная масса беженцев, которая собралась за XX корпусом и создавала в ближайшем его тылу чрезвычайную сумятицу; несколько полевых жандармов едва могли здесь водворить кое-какой порядок.

Вечером 25 (12) авг. мы видим 8 герм. армию закончившей свое сосредоточение и получившей задачу с рассветом следующего дня начать свое наступление против армии Самсонова. Это наступление слагалось из действий трех групп: а) I арм. к—са на правом фланге, б) усиленного XX к—са в центре и в) I рез. и XVII арм. корпусов на левом фланге. Однако, главные боевые события должны были разыграться на флангах. Согласно заветам Шлиффена, здесь искалось решение уничтожающей битвы.

Завершился и второй акт восточно-прусской операции. Этот акт был богат своим содержанием; он может быть озаглавлен „От отступления к наступлению". Он является высоким образцом организации победы и оформления оперативного замысла. С рассветом 26 (13) авг. должен был начаться третий акт восточно-прусской операции и показать, как этот замысел был проведен в жизнь.

ГЛАВА X.

Переход 8 армии в наступление.

[26 (13) августа]. (Схема № 2).

„... задаваться целью важной и решительной и достигать ее с энергией и настойчивостью".

Клаузевиц.

С рассветом 26 (13) авг. началось наступление 8 герм. армии на правом крыле. Для непосредственного руководства наступлением корпусов Гинденбург и Людендорф переехали с полевым штабом из Ризенбурга в Лобау и находились, таким образом, от линии фронта на расстоянии всего одного перехода.

В четыре часа утра 1 пех. дивизия, развернувшаяся на левом фланге своего корпуса, перешла в наступление на Зеебен; в дальнейшем она должна была атаковать Уздау. Ей приходилось особенно тяжело, ибо она числила в своем составе лишь 7 батал. и 4 лег. батареи,—все остальное еще не успело сосредоточиться. 2 пех. дивизия наступала правее на Гросскошлау и далее на Грос-Тауэрзе. 5 ландв. бригада ген. Мюльмана должна была в 7 час. начать наступление от Лаутенбурга на Гейнрихсдорф-Борхерсдорф. Самая атака неприятельской линии была назначена в 12 часов. Однако, пробил уже первый час, когда 1 корпус только вошел в боевое соприкосновение с противником. На линии Зеебен-Гросскошлау были расположены лишь передовые заставы 1 рус. корпуса, которые после незначительного сопротивления отошли на основную оборонительную позицию на высотах у Уздау. В 15 часов Зеебен и Гросскошлау были уже в германских руках, но далее русские оказывали упорное сопротивление; особенно сильно сказался их артиллерийский заградительный огонь, затруднявший германцам развертывание для атаки позиции у Уздау. До позднего вечера здесь продолжался, главным образом, артиллерийский бой, но в общую атаку 1 прусскому корпусу перейти в этот день не удалось.

Таким образом, 26 (13) авг. правое крыло не выполнило поставленной ему задачи. Несколько более благоприятно обстояло в этот день дело у ген. Мюльмана, который занял Гейнрихсдорф.

В центре XX корпус получил приказ Гинденбурга перейти в наступление своим правым флангом для содействия 1 корпусу. Однако, на его левом фланге выяснилось наступление русских. В направлении на Хохенштейн последние проявляли усиленную разведывательную деятельность. Опасаясь за свой левый фланг, ген. Шольц приказал 3 рез. дивизии развернуться по обоим сторонам дороги Рейхенау-Хохенштейн. Также и 35 рез. дивизия, выделенная из Торна вместе с отрядом ген. Унгерна в составе одной 20 ландв. бригады ген. Шметтау и включенная ныне в состав XX корпуса, получила приказание развернуться на его левом фланге в районе Мюлена; слева к ней примкнул отряд ген. Унгерна. Таким образом, на своем левом фланге XX корпус не только не перешел в наступление, но, наоборот, развернул все свои силы для встречи ожидаемого наступления русских. Лишь в центре он несколько продвинулся вперед в юго-вост. направлении, потеснив кое-где передовые отряды наступавших русских колонн.

2 рус. армия, действительно, наступала в этот день по новому направлению на фронт Алленштейн—Остероде. Ей было приказано выйти XIII-м корпусом на линию Доротен-

Келярен, XV-м корпусом на линию Шенфельд-Гусенофен, XXIII-м корпусом на линию шоссе Рейхену-Хохенштейн. Лишь 1 корпус, как мы уже знаем, должен был оставаться на месте для обеспечения левого фланга армии; слева же от него 6 и 15 кав. дивизии должны были наступать на фронт Страсбург-Лаутенбург. На правом фланге VI-му корпусу и 4 кав. дивизии было приказано оставаться в районе Бишофсбурга. Таким образом, все движение центральных русских корпусов становилось по отношению к расположению XX герм. корпуса фланговым, при чем XIII корпус вовсе не имел перед собой противника.

Русский источник (Цихович) указывает, что день 26 (13) авг. ознаменовался на всем фронте боями с перешедшими в наступление германцами. Если считать боями стычки передовых отрядов, то это верно. Но во всем остальном эти сведения не соответствуют действительности. Людендорф даже не считает 26 (13) авг. первым днем наступления германцев. Если бы XV и XXIII русские корпуса хотели достичь указанных им линий, то они безусловно должны были ввязаться в серьезные бои с левым флангом XX герм. корпуса. Но они сблизились с противником уже только к концу дня. XV корпус был на марше потревожен слева частями 20 ландв. бригады ген. Шметтау и занял фронт Хохенштейн-Паульсгут. 2 дивизия XXIII корпуса была остановлена центром XX корпуса на линии Ваплиц. Одному XIII корпусу удалось беспрепятственно достигнуть района Алленштейна, не доходя до этого пункта на 10 кил.; германских войск здесь нигде не оказалось.

Между тем, почувствовав противника слева, откуда, к тому же, последовала частная атака 20 ландв. бригады, центральные корпуса (XV и XXIII) повернулись фронтом на запад. XX герм. корпус, очевидно, сыграл свое значение проводника для русских колонн, чем в значительной мере выполнил свою задачу. Теперь фронт Самсоновской армии был своим центром обращен уже прямо на запад; объективный ход оперативных событий дал ей, таким образом, новое четвертое направление. Такое перестроение фронта предопределялось оставлением на месте левофлангового 1 корпуса и расположением XX германского корпуса. Движение 2 армии должно было естественно превратиться в захождение правым плечом и захождение невольное, а значит и непредвиденное, в итоге чего правый заходящий фланг (XIII корпус) оказался висящим в воздухе; отныне операция потеряла всякое стратегическое построение. Но генерал Самсонов это мало сознавал. Да и самое такое построение фронта явилось для него случайным; он его не предвидел и 26 (13) авг. был занят, главным образом, своим левым флангом. В сущности, только с этого дня Самсонов стал

принимать непосредственное участие в наступлении своих корпусов; до этого времени он находился на большом расстоянии от них в Остроленке.

В этом отношении на ген. Самсонова оказала очевидно должное влияние телеграмма начальника штаба Сев.-Зап. фронта ген. Орановского от 19 августа за № 230. Она гласила:

«В целях надежной связи Главнокомандующий приказал места расположения штабов менять возможно реже, оставляя их на месте в течении целых периодов операции».

Обыкновенно под связью принято разуметь средство, облегчающее управление войсками; в данном случае выходило, очевидно, наоборот.

Весьма характерное явление в русской системе управления войсками. В то время, когда Гинденбург находится начала своего прибытия в Восточную Пруссию в непосредственной близости к войскам, разъезжая по корпусам и лично организуя наступление, ген. Самсонов остается в Остроленке, руководя отсюда вторжением своих корпусов на территорию противника; только через сутки узнает он о бое XV корпуса у Орлау. В четыре часа пополудни 26 (13) авг., т. е. тогда, когда в положении армии можно было очень уже мало изменить, ген. Самсонов, наконец, прибывает со своим полевым штабом на автомобиле в Нейденбург.

Тут не безинтересно заглянуть в дневник бывшего при штабе 2 армии английского представителя ген. Нокса, который подробно останавливается на описании этого, как ему кажется, решительного дня. Генерал Нокс был все время непосредственно при Самсонове и прибыл с ним в Нейденбург; его описание, тем более, как тогдашнего союзника России, имеет большой интерес.—„В 6 часов вечера—пишет генерал Нокс—Самсонов обедал со своим штабом за приятной беседой. Все были в хорошем настроении и говорили о предстоящем захождении всей армии левым плечом, дабы отбросить германскую армию на Рененкампфа. (И это говорилось в то время, добавим мы, когда как раз левый фланг 2 армии находился на месте, а сама она совершала захождение не левым, а правым плечом). Говорили и о многих других приятных вещах. Неожиданно в комнату вошел один из дежурных офицеров штаба и подал начальнику штаба армии ген. Постовскому переданную по прямому проводу записку к-ра 1 к-са ген. Артамонова, в которой последний просил кого-либо из командования армии немедленно подойти к аппарату. В переговорах с Самсоновым, Артамонов передал, что он атакован [атаки 26 (13) авг., в сущности, еще не было] двумя-тремя германскими дивизиями, и что, по сообщениям летчика, еще одна дивизия двигается ему

во фланг со стороны Лаутенбурга. Он просил поддержки со стороны 2 дивизии XXIII корпуса. Это сообщение,—кончает ген. Нокс,—сильно подействовало на Самсонова и его штаб".

Впервые за всю операцию Самсонов стал перед необходимостью тут же и немедленно реагировать на создавшееся положение тем или иным решением. В такие минуты в решениях полководца сказывается все его оперативное творчество, все его искусство и сила характера.

В стратегической обстановке появился новый весьма важный оперативный фактор, заключавшийся в угрозе левому флангу армии. В этих условиях, перед Самсоновым возникала альтернатива: продолжать ли наступление центральными корпусами на север или это наступление приостановить, ибо малейшая неустойка корпуса Артамонова грозила обходом всей армии. Пожалуй, теперь Самсонов должен был понять, насколько нецелесообразно построен его фронт наступления, когда от одного корпуса зависит участь всей операции.

Самсонов был поставлен перед трудной и ответственной задачей. Он сначала колебался, продолжать ли наступление; но затем, по совету своих штабных офицеров, решил: усилив 1 корп. 3 гв. пех. дивизией, 1 стр. бригадой, тяжелым артилл. дивизионом и 6 и 15 кав. дивизиями с задачей прочного обеспечения левого фланга армии, продолжать наступление на фронт Алленштейн-Остероде. Таким образом, вся операция попрежнему оказалась зависящей от одного левофлангового корпуса. Весь вопрос заключался лишь в том, окажется ли 1 корпус достаточно стойким для выполнения своей ответственной задачи; его боевой состав был, во всяком случае, достаточен, чтобы сдержать наступление германцев.

Но в стратегическом отношении такое пассивное разрешение возникшего оперативного вопроса не улучшало общего положения армии; завися от одной фланговой части, оно все же страдало крупным стратегическом недочетом.

Между тем Самсонов имел возможность свою операцию перестроить и изменить положение своей армии. Эта возможность заключалась в перенесении центра тяжести на левый фланг, но не только в смысле его усиления, а в смысле его активного способа действий. Обеспечение фланга армии надо было осуществить не обороной корпуса, хотя бы и усиленного (что не избавляло армии от ненормального и угрожающего положения), а решительным наступлением всеми возможными силами с задачей уничтожения наступавшего с линии Гильгенбург-Лаутенбург противника.

Наступление левым флангом во что бы то ни стало, хотя бы ценой перехода к обороне в центре,—было един-

ственным решением в условиях объективной обстановки для ликвидации той угрозы, которая тяготела над армией в силу одного ее положения. Наступать на левом фланге могли: 1 корпус, 3 гв. дивизия, 1 стр. бригада, 2 дивизия XXIII к-са и 6 и 15 кав. дивизии, т. е. силы вполне достаточные и, во всяком случае, превосходившие силы германского правого крыла Однако, у Самсонова возможность такого разрешения оперативной проблемы даже не возникала; разговор шел лишь о том, наступать ли дальше на север или нет. Очевидно, Самсонов слишком плохо уяснил себе все значение своего левого фланга.

Как бы то ни было, только наметившееся и не успевшее еще развиться наступление 1 герм. к-са сильно обеспокоило русское командование и заставило его усилить левый фланг армии полутора дивизиями. Это оперативное мероприятие имело решающее значение для участи 2-й армии. Инициатива перешла сразу на сторону германцев. Едва только последние перешли к активным действиям, как Самсонов всецело им подчинился. Такое незаметное подчинение воле противника является иногда поворотным пунктом во всей операции: таким поворотным пунктом оно и явилось в наступлении 2-й русской армии 26 (13) авг. Но в этот день как та, так и другая стороны еще не сознавали этого в полной мере. Самсонов не видел еще всей страшной угрозы в создавшемся положении; а германское командование с величайшим напряжением нервов ждало следующего дня, так как 26 (13) авг. 1-й герм. корп. и центр XX к-са имели лишь кое-какой местный успех: они несколько продвинулись вперед.

Этот день не дал никакого решения и даже более— надежды на него; он был одним из самых тяжелых для германского командования. Наступление на правом крыле, в сущности, не удалось; операция затягивалась, а между тем время не ждало. Казалось, еще один день неразрешенного исхода боя,—и его проведение станет вообще невозможным. Едва только начавшись, операция 8 германской армии достигла 26 (13) авг. своего кульминационного пункта, который мог быть уподоблен кризису болезни.

Следующий день должен был во что бы то ни стало склонить чашу весов на ту или другую сторону. Вечером 26 (13) авг. Гинденбург отдал свой второй приказ о наступлении, начинавшийся словами: „Сегодняшний день не дал решения. Завтра 27 авг. в 4 часа корпуса атакуют с величайшей энергией“. 1-й корпус и подчиненная ему бригада Мюльмана должны были сбить 1 рус. корпус с его позиции у Уздау, отбросить его на юг и затем начать движение во фланг и тыл армии Самсонова на Нейденбург. XX корпус должен был своими крайними право-фланговыми частями

атаковать Уздау с севера и тем содействовать 1 корпусу. 41 див. должна была наступать на Ваплиц с юга; слева от нее одна ландв. бригада, 3 рез. и 37 дивизии должны были атаковать фронт Ваплиц-Хохенштейн. Голштинская ландверная дивизия фон-дер-Гольца должна была по выгрузке сосредоточиться в районе Остероде-Бисселен.

Таковы были распоряжения германского командования на 27 (14) авг.

Между тем, в то время как наступление правого германского крыла не привело 26 (13) авг. ни к каким результатам,—на левом крыле, коему германское командование не могло придавать решающего значения—в виду близости армии Ренненкампфа—разыгрались события, имевшие едва ли не большее значение для развития всей операции, чем даже успех на правом крыле, если бы он сказался уже 26 (13) авг. Это был бой XVII арм. и 1 рез. к-сов с VI рус. к-сом. Напомним, что эти два корпуса получили еще 25 (12) авг. задачу спешно двигаться на юг и вступить здесь в бой с противником, где бы он ни находился.

Приказ XVII к-су, отданный 25 (12) авг. в 23 часа 50 м. в Гр. Швансфельд, гласил: „Наступление трех неприятельских корпусов против XX корпуса отбито. У Бишофсбурга находится, повидимому, один русский корпус, передовые части которого заняли гр. Бессау; у Зенсбурга, повидимому, конница противника. XVII корп. наступает завтра на Бишофсбург с целью совместно с 1 рез. к-сом и находящейся у Лаутенбурга 6 ландв. бригадой атаковать русский корпус. Корпус наступает по одной дороге: в голове 36 дивизия, за ней вслед 35 дивизия“.

Во исполнение этого приказа XVII корпус выступил на раннем рассвете 26 (13) авг. из района Бишофштейна в направление на Бишофсбург, где, по имевшимся сведениям, должен был находиться VI рус. корпус. 1 рез. корпус сосредоточил к 10 ч. утра обе свои дивизии у Зеебурга; подчиненная ему 6 ландв. бригада Крамера была подтянута к его левому флангу у Шарингкен.

Восточнее Лаутернского озера 36 пех. дивизия, шедшая в авангарде XVII к-са, столкнулась в 8 ч. утра с окопавшейся 4 див. VI рус. к-са. Развернувшись прямо из походной колонны, германская дивизия перешла немедленно в атаку, не ожидая подхода другой 35 дивизии, которая должна была охватить противника с востока. Первые шаги 36 дивизии были успешны; но упорное сопротивление русских вскоре приостановило ее дальнейшее продвижение. Силы дивизии, потерпевшей значительные потери, пришли к концу, а последовавшие контр-атаки русских поставили ее в 17 часов в весьма тяжелое положение. Между тем 35 дивизия все еще не показывалась на поле сражения, ибо

шла на значительном расстоянии. В этой обстановке ген. Макензен, бывший при 36 дивизии, обратился к 1 рез. к-су с просьбой немедленно притти на помощь. 6 ландв. бригада и часть 36 рез. дивизии 1 рез. корпуса под командованием ген. Кругэ (комдива 36 рез. див.) были тотчас же через Клейн-Бессау направлены во фланг и тыл русской дивизии. Ген. Бе́лов не счел нужным поддержать Макензена большими силами и продолжал с другой частью своего корпуса движение на юг в направление на Киршдорф, обходя Дадейское озеро с запада. Ген. Кругэ атаковал 4 рус. дивизию во фланг сначала тремя батальонами и тремя батареями, шедшими в авангарде, а затем развернул для атаки и остальные силы своего отряда: 4 батальона и 3 батареи, которые подоспели уж только к вечеру.

Объединенным ударом этих частей во фланг и частями XVII к-са с фронта 4-й рус. дивизии было нанесено решительное поражение. По свидетельству германских официальных источников, наибольшая доля в успехе здесь принадлежала 6 ландв. бригаде, получившей в этом бою свое первое боевое крещение. Отметим, что на ее вооружении не было ни одного пулемета, а артиллерия, состоявшая из двух легких батарей, имела орудия старых образцов. Эта бригада понесла наибольшие потери, исчислявшиеся более чем в 30 офицеров и несколько сотен солдат, что для трехчасового боя составляет значительный процент. Для освещения морального настроения этой части небезинтересно отметить, что после боя, уже когда стемнело, ген. Крамер собрал на недавнем поле сражения свою бригаду и, в присутствии более 1000 русских пленных, беседовал с солдатами, благодаря их за отличное поведение в бою. Присутствовавшие при этом передают о необычайно высоком моральном подъеме 30—40-летних пруссаков, коими была укомплектована бригада.

Принимавшие в бою у Бессау участие войска 36 рез. дивизии еще в ночь с 26 (13) на 27 (14) ушли на присоединение к своему корпусу на Киршдорф. 6 ландв. бригада и XVII арм. корпус заночевали на поле сражения. Интересно отметить, что только в эту ночь после боевого успеха рассеялся слух, будто ген. Макензен покончил с собой после неудачного боя с Ренненкампфом 20 (7) авг.

С русской стороны в бою принимала участие лишь одна 4 дивизия VI к-са. 16 дивизия двигалась на Алленштейн, куда, согласно приказа Самсонова, должен был итти весь VI корпус; успев пройти уже 12 верст, она была возвращена, получила на обратном марше даже третье приказание—и в итоге участия в бою не приняла. Также и 4 кав. дивизия не оказала никакого влияния на исход боя, бездействуя в районе Зенсбурга. Весь бой разыгрался, между про-

чим, для VI корпуса неожиданно. В северном направлении, откуда последовал удар германцев, никакой разведки не велось: начальник штаба 4 дивизии полк. Сербинович мотивировал это тем, что «никаких указаний о необходимости установить даже наблюдение в этом направлении не получалось» (!); 4 дивизия отступила с поля сражения в большом беспорядке: войска смешались с обозом, и дело не обошлось без паники, повлекшей за собой перестрелку между своими же частями. 4 дивизия потеряла в этом бою 73 оф., 5.283 солд., 16 ор., 18 пул. и 37 зар. ящиков.

В итоге весь VI корпус отступил в ночь на 27 (14) авг. сразу на линию Гейслинген. Об этом отступлении командир корпуса ген. Благовещенский донес Самсонову лишь на следующий день в 14 ч.[1]); соседние же корпуса, вследствие отсутствия связи, и вовсе не знали об этом.

О неуспехе, постигшем VI корпус в бою у Бессау, полк. ген. штаба Разгонов, бывший при 2 армии, писал 27 (14) авг.:

„Неудача в бою объясняется чрезвычайной пассивностью, допустившей явный охват обоих флангов, что сразу и выявило кризис в течении боя... Бой ведется корпусом на самых старомодных началах, на загромождении резервов в тылу и высылке оттуда частей пакетами. Корпус пока еще не растрепан, но и в беспорядке; необходимы энергичные меры, дабы окончательно не испортить дело". (Архив. Дело XIII корпуса № 13, 133).

Итак, на левом крыле 8 армии разыгрались 26 (13) авг. весьма важные события:—право-фланговый корпус Самсонова потерпел поражение и отступил на юг, обнажая правый фланг Наревской армии. Правда, корпус этот еще не был совершенно уничтожен. Еще 26 (13) авг. германский летчик сообщил ген. Белову, что южнее Бишофсбурга обнаружена оборонительная позиция русских, где можно было ожидать оборону отступившего VI к-са. Белов решил 27 (14) авг. атаковать эту позицию с запада совместно с XVII корпусом, который должен был ее атаковать с фронта. Таким образом, на следующий день германские корпуса решили покончить с правым флангом Самсонова, дабы

---

[1]) Привожу интересную характеристику к-ра корпуса ген. Благовещенского: «Командир корпуса ген.-от-инф. Благовещенский провел всю жизнь в канцеляриях. Во время Японской войны был дежурным генералом штаба армии, составил руководство для адъютантов—какие и в каких случаях следует выдавать литеры для бесплатного проезда по железным дорогам воинских чинов. Большой формалист; все основывает на букве закона; ни одной бумаги не подпишет, если внизу не проставлена справка: ст. . . . . св. В. З. 1869 г. . . . . изд. . . . . прим. и т. п. Военного дела не знает и им не интересуется. Кроме „Инвалида" ничего не читает».

Военный сборник О. Р. В. З. Прага. № 4, 1923 г. стр. 163. *Патронов*. Действия VI-го корпуса и главные причины неудачи 2-й армии.

иметь затем открытый путь для движения во фланг и тыл русским. Их действия требовали тем большей спешности, что происходили в удалении от Ренненкампфа, не превышавшем двух переходов. Их тыл был в районе Шипенбейля прикрыт лишь одной 1 кав. дивизией, да и то 1 ее бригада получила 26 (13) авг. приказание наступать через Рессель на Зенсбург; таким образом, против всего левого фланга 1 рус. армии оставались лишь две кавалерийские бригады.

Что же делал в этот день Ренненкампф? Он продвинулся своими главными силами на линию Даммерау-Алленбург-Гердауэн-Бартен-Розенталь. На правом крыле его конница вошла в соприкосновение с Кенигсбергской ландв. дивизией на реке Дейме. Однако, не было ни одного намека на то, что Ренненкампф стремится согласовать свои действия с Самсоновым; он обращал, как будто, все свое внимание на Кенигсберг.

Итак, левое крыло 8 герм. армии могло на следующий день продолжать выполнение своей боевой задачи. А разрешение ее могло привести к величайшим последствиям. Объективно германский план операции оформился 26 (13) авг. определенно и ясно; теперь становилось очевидным, что он выливается в охват обоих флангов со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно возможности окружения. Охват этот требовал сначала тактического прорыва, который становился особенно необходимым на правом крыле; здесь он 26 (13) авг. не дал еще никакого разрешения. Зато на левом крыле тактический успех уже определился; еще один напор—и XVII корпус мог начинать свое движение во фланг и тыл армии Самсонова. Правда, ему надо было для этого пройти еще значительное расстояние. I герм. корпус находился в этом отношении в более благоприятных условиях; его прорыв выводил германцев сразу во фланг и тыл противнику, почему тактический успех на фронте I рус. корпуса должен был немедленно и самым решающим образом сказаться на участи всей операции,—правое крыло было в этом отношении стратегическим ключом к победе. Вот почему и после успеха XVII арм. и I рез. корпусов германское командование продолжало главное значение придавать правому крылу; с непреклонной настойчивостью и твердой энергией оно ожидало здесь 27 (14) авг. решения.

ГЛАВА XI.

Прорыв левого крыла 2 русской армии.

(27 августа).

(Схема № 3).

«Стратегия—это система подпорок... это развитие первоначальной руководящей мысли в соответствии с постоянно меняющимися обстоятельствами, это искусство ведения дела под гнетом тяжелых условий».

Мольтке.

Рассвет 27 (14) авг. открыл собою один из самых решительных дней в операции 8 герм. армии. В 4 ч. утра части I герм. арм. корпуса и подчиненная ему в этот день 20 ландв. бригада ген. Шметтау возобновили свою атаку позиции русских у Уздау. I дивизия и бригада Шметтау повели наступление на Уздау, 2 дивизия—на Таурзе; последняя встретила наиболее сильное сопротивление, равно как и бригада ген. Мюльмана, наступавшая на крайнем правом фланге на Борхерсдорф. Разгоревшийся здесь горячий бой был сначала для германцев неудачным. Они терпели большие потери, а в одном батальоне 2 дивизии произошла даже паника. Попав под сильный фланговый огонь, батальон бросился назад и распространил панику глубоко в тыл. Остатки его собрались у Монтово, что дало повод для возникновения слуха о поражении всего I корпуса. Слух этот возымел свое действие и был причиной поспешного отступления обозов; он дошел также и до Лоебау, где помещался штаб армии, и был рассеян лишь после вмешательства последнего.

Таким образом, на крайнем правом фланге, где представлялась возможность тактического обхода русской позиции у Уздау, бой до полудня велся безрезультатно и не давал никакого решения. Эта обстановка довела напряжение нервов на германской стороне до крайнего предела.

Успешнее шли, однако, дела на левом фланге 1 корпуса. От I дивизии уже в 8 ч. утра поступило сведение о взятии Уздау. Командование 8 армии получило это сообщение как раз в тот момент, когда выезжало из Лоебау в Гильгенбург, чтобы непосредственно руководить наступлением правого крыла. Сообщение это оказалось, однако, преждевременным и ввело в заблуждение самого командира корпуса ген. Франсуа, который тотчас же на автомобиле выехал в Уздау, но, подъезжая к последнему, был обстрелян русскими. Совместно с 20 ландв. бригадой 1 дивизия взяла Уздау лишь 3 часа спустя, т.-е. в 12 часу.

Русские оставили местечко пылающим. Тщательно оборудованные окопы полной профили сохранили горячие следы недавней обороны своих защитников. Оказывая сначала сильное сопротивление, I рус. корпус стал после полудня отходить уже довольно беспорядочно, очевидно, сам не сознавая того, что он тем решает судьбу всей операции. Этот момент заслуживает наибольшего внимания, ибо он уподобляется моменту стратегического приговора.

В ходе боевых событий трудно, а подчас невозможно, зафиксировать тот момент, который определяет поворотный пункт в операции. Но таким именно моментом является отступление I рус. корпуса.

Русские источники говорят о том, что уже в 7 ч. утра в частях I корпуса распространился слух о якобы отданном командиром корпуса приказании отступать; обстоятельство это осталось и по сие время невыясненным. Во всяком случае, установлено, что левый фланг I к-са—22 пех. дивизия, утром успешно отражавшая все атаки 2 герм. дивизии и бригады ген. Мюльмана, стала отходить по приказанию следующего содержания: «Начальнику дивизии. Командир корпуса приказал немедленно отступать на Сольдау. 10 ч. 40 м. Офицер связи 22 пех. дивизии поручик Струзер». Трудно уяснить себе, каким образом офицер связи дивизии может отдавать приказание от имени командира корпуса. Поручик Струзер показал, что услышал передачу этого приказания с телефонной станции штаба I корпуса. Генерал Артамонов впоследствии отрицал отдачу такого приказания. Является, однако, установленным и то, что в 14 час., когда корпус уже отходил, генерал Артамонов доносил, что его войска держатся, как скала [1]).

Становится очевидным лишь одно, что подобная система управления войсками в решительный момент боя грешит самыми элементарными требованиями строгой централизации командования и ясности и точности отдаваемых приказаний.

Как бы то ни было, I рус. корпус, очевидно, не сознавал всей колоссальной ответственности своего боевого задания. Оборона позиции у Уздау до последней возможности, очевидно, не оценивалась им, как выполнение своего непременного долга. Дивизии сочли возможным оставить

---

[1]) Один из современников дает этому генералу следующую небезинтересную характеристику: «Командир I-го арм. корпуса Артамонов был хорошо известен в Петроградском военном округе еще в мирное время, как обращающий при посещении войск главное внимание на то, достаточно ли икон имеется в казармах и знают ли солдаты молитвы. Вообще это был человек, преследующий исключительно цели личной карьеры, ханжа, не пользующийся ни малейшим уважением среди подчиненных».

Военный Сборник О.Р.В.З. Прага № 4. 1923 г., стр. 172. *Патронов.* Действия VI-го корпуса и главные причины неудачи 2-й армии.

свои позиции по одному приказанию, переданному офицером связи, не проверив его и не понимая, очевидно, тех страшных последствий, которые влечет за собой отход хотя бы на одну версту. В этом боевом акте моральный фактор имел опять первенствующее значение. К вечеру 27 (14) авг. I рус. корпус отступил даже южнее Сольдау, оставив севернее этого пункта лишь арьергард из пяти полков разных дивизий и пяти легких батарей под командованием начальника 3 гв. дивизии ген. Сирелиуса.

О происшедшем ген. Артамонов донес в штаб армии вечером 27 (14) августа в следующих выражениях:

«После тяжкого боя корпус удержал Сольдау (казалось, следовало бы сказать—отступил к Сольдау. Г. И.). Противник занимает охватывающее положение, но остановлен. Связи все нарушены. Потери огромны, особенно офицерами. Настроение войск хорошее. Войска послушны, проявили выдающуюся выносливость, оставаясь без горячей пищи и воды больше двух дней.

Держать у Сольдау большие силы затруднительно. Удерживаю город авангардом из остатков разных полков. Для перехода в наступление необходим прилив новых сил. Все прибывшие уже понесли большие потери. Приведу все части корпуса в порядок ночью и перейду в наступление.

№ 123». Подписано Генерал Артамонов. (Архив. Дело № 13, 136).

I герм. корпус достиг к вечеру 27 (14) авг. своим левым флангом Борхерсдорфа; правый фланг его был западнее Сольдау. Само по себе боевое событие, разыгравшееся на правом крыле 8 герм. армии 27 (14) авг., не было крупным ни в отношении интенсивности боя, ни в отношении достигнутых тактических результатов. Решительного поражения левому флангу Самсонова нанесено не было. В этом отношении день 27 (14) авг., как и предыдущий, также не дал ожидаемого решения. Далее мы увидим, что германское командование было даже склонно изменить под влиянием этой обстановки направление нанесения главного удара. Тем не менее, события, разыгравшиеся у Уздау, имели величайшее значение и определили собой поворотный пункт во всей операции.

В том и заключалось непрочное и, более того, грозное положение армии Самсонова, что малейшая неустойчивость ее левого фланга грозила, благодаря построению линии фронта, величайшей катастрофой.

I рус. корпус не удержался на своей позиции у Уздау и отступил на юг, удаляясь, таким образом, от фронта армии, фланг коей он должен был обеспечивать. Как на это указывалось уже выше, такое отступление корпуса было предопределено всем построением фронта наступления; но тем

самым корпус потерял возможность выполнять свою задачу по обеспечению фланга армии. Теперь эта задача могла быть разрешена уже только решительным наступлением. Но если русское командование не отважилось на него 26 (13) авг., то после поражения и отхода I корпуса оно было еще менее возможно. Корпус отступил, правда, не на много. Но самое положение левого фланга было таково, что ему достаточно было уступить противнику Уздау и отойти на 4-5 *км.*, чтобы путь на Нейденбург во фланг и тыл всей армии Самсонова оказался свободным.

Правда, ген. Франсуа не обладал еще той оперативной свободой, которая позволила бы ему, оставив незначительный заслон против Сольдау, двинуться со всеми силами на Нейденбург. Русские не были еще здесь уничтожены. А на своем левом фланге русская конница сама угрожала тылу бригады ген. Мюльмана, выходя на железную дорогу Страсбург-Лаутенбург и севернее.

Тем не менее, между отступившим 1 рус. корпусом и дравшейся от него справа 2 пех. дивизией XXIII корпуса, с которой 27 (14) авг. не было никакой связи, оказался значительный прорыв, оставлявший дорогу от Уздау на Нейденбург свободной.

Судьба операции на правом германском крыле в стратегическом отношении решилась. Лишь исключительная энергия русского командования и готовность войск могли решительным наступлением изменить эту судьбу. Но ждать наступления от в известной степени деморализованного 1 рус. корпуса было тщетно. В лучшем случае от него должно было требовать стойкой обороны в районе Сольдау; но и этого, как мы увидим далее, не случилось. Для германцев возникла стратегическая возможность движения во фланг и тыл армии Самсонова; становился на очередь лишь вопрос о его тактическом выполнении.

Лично Людендорф считал сражение после падения Уздау выигранным. Для такого оптимистического суждения было, конечно, еще мало основания. Множество оперативных факторов могло еще изменить положение в худшую для германцев сторону, а главное — Ренненкампф одним движением мог смести все достигнутые 27(14) авг. лишь обозначившиеся успехи германцев. Но опытное военное восприятие и прозорливый стратегический взгляд не ошиблись. Стратегическая оценка Людендорфа была безусловно верна: Уздау был ключом операции. «Наревская армия была теперь тактически прорвана» — говорит Людендорф по поводу взятия Уздау, и это было именно так. Русский левый фланг был не обойден, а отброшен на юг фронтальной атакой; он откололся от всей линии фронта армии, между ним и последней образовался теперь прорыв, открывавший

германцам свободный доступ во фланг и тыл остальным корпусам Самсонова.

Иногда приходится слышать разсуждение о том, была ли операция германцев против 2 рус. армии обходом или прорывом [1]). В такой постановке это рассуждение является чисто теоретическим и уподобляется доктринерской погоне за формой операции и желанию всякую операцию подогнать под определенную форму. Полководец, который бы заботился о том, чтобы всякая его операция протекала в определенной форме прорыва, обхода или проч, был бы плохим полководцем. И германское командование менее всего заботилось о соблюдении какой-либо из этих форм. Им безусловно руководила идея стратегического обхода левого фланга русской армии; эта идея лежала в основе всей операции. Но когда она начала выполняться, оказалась, что право-фланговый германский корпус выходит не во фланг русской армии, а на фронт ее фланга. Тогда потребовалась фронтальная атака, — тактический прорыв, дабы стал возможным стратегический обход. Последний оставался, однако, руководящей идеей операции. Тактический прорыв был в операции 8 германской армии лишь средством для выполнения стратегического обхода.

Итак, на правом крыле германцы достигли 27 (14) авг. значительного успеха; далеко не так обстояло однако дело в центре. Здесь велись в этот день бои с несравненно большим напряжением и ожесточенностью; они, однако, не имели решающего исхода ни для той, ни для другой стороны. XX корпус имел перед своим левым флангом сильного противника, который еще накануне занял Хохенштейн. Центральные корпуса русской армии имели приказ продолжать здесь наступление на фронт Остероде - Алленштейн. На левом фланге XX корпуса ландверная бригада Унгерна с трудом сдерживала части XV русского корпуса у Мюлена; она была усилена одной бригадой 3 резервной дивизии, оставшейся в резерве в районе Дробница.

В 10 час. утра русские начали в районе Мюлена наступать, открыв сильный артиллерийский огонь. Германцы, в общем, удержались на своих позициях, но и здесь дело не обошлось без паники, последовавшей благодаря распространившемуся слуху о занятии русскими Мюлена. Слух этот вызвал даже целый ряд оперативных распоряжений ген. Шольца (комкора XX): 37 пех. дивизия была остановлена в своем наступлении и двинута на левый фланг. Слух оказался, однако, ложным, и дивизия участия в бою здесь не приняла. Лишь на правом фланге XX корпуса дела об-

---

[1]) Професор Свечин в противовес Циховичу утверждает, например, что эта операция была прорывом. Г. И.

стояли благоприятнее. Здесь 41 див. вела успешное наступление на Комионткен; слева от нее, почти без боя, продвигалась 37 пех. дивизия, до отозвания ее в район Мюлена. Перед ней уже к полудню, в сущности даже не приняв боя, стала отступать на Липпау-Нейденбург 2 пех. дивизия XXIII русского корпуса, увеличив таким образом образовавшийся прорыв между лево - фланговым корпусом и центром армии Самсонова.

Итак, 27 (14) авг. не дало в центре никакого решения: XX корпус, хотя и перешел в наступление, но оставался еще тем щитом, который принимал на себя главный удар противника в то время, как 1 корпус должен был выполнить свою задачу движения во фланг и тыл. Слева от XX корпуса район Алленштейна был германцами не занят; между тем, сюда наступал целый русский корпус (XIII), коему на всем протяжении операции было, вообще, суждено больше гулять, чем драться. Корпус этот, не зная участи своего соседа справа (VI к—са), занял после полудня Алленштейн, направив часть своих сил (2 бр—ду 1 пех. дивизии) на Хохенштейн на помощь XV к—су, по просьбе последнего. О занятии Алленштейна германское командование узнало, между прочим, лишь от комиссара военных сообщений Вост. Пруссии, который на бронепоезде подъехал чуть ли не к самой станции этого пункта, желая перенести сюда выгрузку эшелонов ландверной дивизии Гольца. Увидя Алленштейн занятым противником, он его обстрелял и скрылся, что, между прочим, заставляет судить о беспечности командования XIII корпуса, который по занятии Алленштейна даже не распорядился выделить вперед авангард и подорвать железную дорогу. Занятие Алленштейна не могло быть безразлично для германского командования, хотя оно и не было связано с каким-либо боевым неуспехом; вся 8 армия, и без того рассредоточенная, оказалась ныне разъединенной целым корпусом противника, который, занимая Алленштейн, находился между ее правым крылом и центром (I и XX к—са) и левым крылом (I рез. и XVII арм. к—са).

При активных и энергичных действиях русское командование могло это положение использовать в целях решительного наступления сначала на одно крыло, а затем на другое; но для этого требовалась большая моральная сила. Если она отсутствовала, то такое положение было, наоборот, неблагоприятным; целый корпус болтался в районе, свободном от противника, в то время, когда на фронте всей армии велись серьезные бои. Во всяком случае занятием Алленштейна прерывалось железнодорожное сообщение с лево-фланговыми корпусами, что несомненно усугубило положение 8 германской армии. I рез. и XVII арм. к—са были теперь предоставлены своим собственным силам и дей-

ствиям. Между тем им было суждено сыграть едва ли не более значительную роль в операции 8 герм. армии, чем 1 герм. корпусу.

27 (14) авг. успех германцев нигде не оказался с такой очевидностью, как именно на фронте этих двух корпусов. VI рус. корпус, потерпевший накануне поражение у Бессау, не принял боя с наступавшими на него XVII и 1 рез. герм. корпусами и в 18 час. отступил в беспорядке, граничавшем с паникой, южнее Ортельсбурга, предоставляя, таким образом, германским корпусам свободную возможность движения во фланг и тыл армии Самсонова с востока. Лишь теперь германское командование могло расчитывать на возможность привлечения этих корпусов к решающим пунктам поля сражения. Сейчас же по получении сообщения о полном отходе VI рус. к—са, оно приказало 1 рез. к—су еще 27 (14) авг. достичь района Патрикен - Грос - Пурден - Прейловен и, оставив заслон у Пассенгейма, быть готовым на следующий день, смотря по обстановке, наступать либо на Алленштейн, либо южнее этого города. XVII корпус должен был достичь района Едвабно; достиг, однако, лишь района Менсгут, где имел незначительное столкновение с отходившими частями VI рус. к—са. Он же взял на себя, по предложению генерала Белова, выставление заслона у Пасенгейма.

В то же время, уход 1 рез. и XVII арм. корпусов на юг открывал левому флангу Ренненкампфа полную возможность для беспрепятственного продвижения в тыл всей 8 герм. армии. Против Ранненкампфа были отныне в районе Лаутерн-Гроскоэллен оставлены лишь 6 ландв. бригада, незначительный отряд из XVII корпуса и, наконец, две бригады 1 кав. дивизии. Эти ничтожные силы имели против себя армию из 4 пех. корпусов и 5½ кав. дивизий. На протяжении всей операции участь германцев не ставилась в такую непосредственную зависимость от действий Ренненкампфа, как именно в этот день 27 (14) авг. Казалось—теперь или никогда. Далее операция должна была развиваться с головокружительной быстротой, как это в действительности и случилось. Через день-два действия 1 рус. армии, хотя бы и энергичные, могли быть уже запоздалыми.

Что же делал 27 (14) авг. Ранненкампф? Прежде всего, вследствие плохо налаженной связи, штаб 1-й армии вовсе не был ориентирован в положении 2 армии.

Он получил, однако, указание от ген. Жилинского, который, очевидно, понял всю серьезность сложившегося положения, понял, что германцы не отступили, а сосредоточились против Самсонова, которого и атакуют. Его телеграмма от 27 (14) авг. за № 3020 гласила: „Окажите содействие 2 армии своим движением возможно далее вперед своим левым флангом на Бартенштейн и выдвижением к стороне Бишофсбурга своей

кавалерии. VI корпусу приказано двигаться от Щепанкен на Пассенгейм". Последняя фраза является, конечно, горьким заблуждением и свидетельствует о том, что штаб фронта вовсе не был осведомлен об участи VI корпуса, который, как мы уже знаем, находился 27 (14) авг. в полном отступлении. Что же касается сути этого приказания, то оно лишь в малой степени разрешало задачу помощи 2 армии. Когда же Ренненкампф, в его развитие, приказал своему левому флангу наступать 28 (15) авг. на фронт Прейссиш-Эйлау—Бишофштейн,— то эта помощь, в сущности, свелась на-нет, ибо направление сюда двух корпусов был ударом по воздуху и весьма мало тревожило тыл 8 герм. армии, которая базировалась на Деутш-Эйлау-Мариэнвердер, т. е. на путях к западу, а не к северу. Что же касается конницы Ренненкампфа, то она была направлена на Ландсберг, и лишь одна дивизия—на фронт Зеебург-Бишофсбург. Однако, оставленные здесь германские силы были достаточны, чтобы сдержать ее.

Конечно, лишь крутой поворот всей 1-й армии на фронт Зеебург-Бишофсбург мог иметь действительное значение для оказания помощи 2 армии. Но Ренненкампф был, очевидно, слишком увлечен идеей обложения Кенигсберга, против коего он, в общем, держал два корпуса, т. е. половину своих сил. Имея с 27 (14) авг. указания содействоватъ 2 армии, Ренненкампф предпринял с этой целью оперативные шаги, явно паллиативные и не дающие нужных результатов.

Германское командование не лишалось свободы действий против 2-й русской армии; оно продолжало ее атаку, достигнув 27 (14) авг. первых положительных результатов. Возможность стратегического обхода, открывшаяся в этот день на правом крыле, еще с большей очевидностью представилась и на левом крыле. Стратегический прогноз обхода обоих флангов центра армии Самсонова и окружение ее приобретали при таком положении большую долю вероятности.

Тем не менее, германское командование считало этот день недостаточно оправдавшим возложенные на него надежды. Главное, — наступление на правом крыле все же не дало окончательного решения; русские были здесь отброшены, и дорога на Нейденбург открылась, но свобода движения во фланг не была достигнута, ибо противник продолжал удерживаться у Сольдау. Между тем, время не ждало: пожалуй, ни в одной операции оно не имело столь решающего значения, как в описываемой. Ведь армия Ренненкампфа могла во всякий час вынудить германцев к спешному, а возможно, и едва ли выполнимому для лево-фланговых корпусов отходу. Кризис боя достиг своего высшего напряжения. В этих условиях, учтя всю сложившуюся обстановку и ставя под знак вопроса возможность свободного движения 1 корпуса на следующий день во фланг и тыл Самсонову, германское командование

решает после полудня 27 (14) авг. изменить свой план операции, в смысле перенесения направления главного удара на Ваплиц, дабы здесь отрезать центральным русским корпусам пути отступления от Хохенштейна на Нейденбург. 1 корпусу ставилась задача отбросить удерживавшегося у Сольдау противника на Млаву. Таким образом, весь центр тяжести операции переносился теперь на север в район Хохенштейна, и решающее значение уделялось XX корпусу. Пользуясь большим промежутком, образовавшимся между центральными и лево-фланговым русскими корпусами, германское командование решило окружение первых достичь не глубоким обходом на Нейденбург, возможность чего не могла быть гарантирована, а непосредственным обходом на поле сражения, примерно, у Ваплица, дабы тем отрезать противнику пути отступления на Нейденбург.

Это решение исходило, прежде всего из расчета дальнейшего движения на юго-запад в тыл центру армии Самсонова 1 рез. и XVII арм. корпусов В отношении же операции на правом крыле оно искало решения в районе Хохенштейна, где сказались наибольшие боевые усилия русских. Это решение могло быть достигнуто и в том случае, если 1 корпус оставался связанным в районе Сольдау, не получая свободы движения на Нейденбург. Если же ему последняя представлялась, то он мог начать свое движение во фланг и тыл центру Самсонова независимо от действий XX корпуса. Таким образом, и в том и другом случае это решение было наиболее целесообразным, не ставя всю операцию в зависимость от стойкости русских в районе Сольдау. Это решение было вызвано сложившейся обстановкой и явилось результатом ее зрелой оценки. На войне всякий новый оперативный фактор должен, как действие, вызывать свое противодействие,—в этом заключается вся диалектика военного дела и все искусство управления войсками. Решение германского командования является в этом отношении поучительным образцом. Германский план операции не был статическим; он развивался вместе с обстановкой, ибо был верен учению Мольтке—„стратегия есть система подпорок“.

Итак, 28 (15) авг. Гинденбург решил главный удар наносить в центре против русских XIII и XV корпусов. С этой целью он уже поздно вечером 27 (14) авг. издал приказ, начинавшийся словами:—„Усиленный XX арм. корпус, ландверная дивизия фон-дер Гольца, 1 рез. и XVII арм. корпуса энергичным наступлением окружают XIII и XV русские корпуса“. С этой целью XX арм. корпус (в первой линии 3 рез. и 37 дивизии) должен был в 4 ч. 28 (15) авг. атаковать Хохенштейн с запада, ландверная дивизия фон-дер Гольца с северо-запада; 1 рез. и XVII арм. к-са должны были возможно раньше выйти на фронт Алленштейн-Едвабно.

„Буде противник из района Алленштейн отступит,—говорилось далее в приказе,—1 рез. корпус должен правым флангом наступать на Стабиготтен; XVII арм. корпус должен в этом случае преследовать противника своим левым флангом на Вилленберг. 1 арм. корпус обеспечивает окружение противника со стороны Млавы“.

Таким образом, вечером 27 (14) авг. была поставлена решительная задача окружения центра армии Самсонова. 1 корпусу придавалось меньшее значение. Напомним, однако, что первая задача, ему поставленная и заключавшаяся в ударе во фланг и тыл армии Самсонова, была глубоко усвоена его командным составом и оставалась для него все же руководящей. Энергичного ген. Франсуа было трудно заставить отказаться от движения на Нейденбург, путь к которому был уже свободен. Малейшая неустойчивость русских у Сольдау должна была предоставить ему свободу для начала движения во фланг и тыл противнику, как это и случилось. Идея операции со своей конечной целью окружения была 27 (14) авг. сформулирована не только в представлении германского командования; она определилась и объективно. В этот день у Самсонова были сбиты оба фланга, армия потеряла свои два столпа, без коих стратегическое существование всякой армии становится невозможным. Непрочность положения центральных корпусов становилась при такой обстановке очевидной; на флангах нависали концы тех клещей, которые уже начинали их сжимать в смертельных тисках.

Между тем, в тылу этих корпусов заходящее солнце 27 (14) авг. освещало своими как будто предостерегающими лучами прорезываемый несколькими дорогами Грюнфлисский лес, где суждено было разыграться трагедии гибели армии Самсонова.

Жребий победы и поражения был брошен; судьба сражения решилась, будущность ближайших дней хранила ее лишь в таинственном молчании...

Так закончились первые два дня боев 8 германской армии со 2 русской. Они были, в сущности, лишь боевой завязкой; но носили в себе уже все зачатки развязки, которая началась со следующего дня 28 (15) авг.

Кончился и третий акт ныне уже намечавшейся драмы, раскрыв перед нами картину ее безпрерывного наростания. Он представил нам в сущности лишь боевую завязку и окончательное оформление идеи операции с ее решительной конечной целью.

Рассвет 28 (15) авг. должен был открыть четвертый и последний акт; он раскроет пред нами исполнение окончательного плана операции и содержание разыгравшейся драмы.

ГЛАВА XII.

Русское командование перед началом трагедии 2 армии 28 (15) августа.

(Схема № 4).

«Без твердой решимости ничего великого не делается даже в самой счастливой войне, а в беде и подавно».

Клаузевиц.

Если боевые события предыдущих дней мы рассматривали, главным образом, с германской стороны, дабы выяснить, как эволюционировал германский план операции и как было организовано контр-наступление,—день 28 (15) авг., открывший собой начало трагедии гибели армии Самсонова, мы начинаем описанием событий на русской стороне. Это делается по определенной причине.

Канун 28 (15) авг. оставил 2 рус. армию уже в достаточно серьезном положении. Ее фланги были сбиты, вследствие чего центр находился под угрозой обхода. Сильно вдавшись на север, он был втянут в упорные бои фронтом на запад. Ренненкампф был далеко и радикальной помощи, очевидно, оказать не собирался. При такой обстановке Самсонов, казалось, был вынужден к решительному шагу. Нельзя было терять ни одной минуты.

Однако, как далеко было настроение в штабе русского командования от атмосферы той серьезности и ответственности, глубоким сознанием которых оно должно было быть проникнуто. Посмотрим сначала, какие директивы были отданы штабом 2 армии на 28 (15) авг. Еще не зная об отходе 1 корпуса на Сольдау, генерал Самсонов отдал после полудня 27 (14) авг. приказ № 2, гласивший: «15 (28) августа 1 армейскому корпусу во что бы то ни стало удерживать позицию впереди Сольдау для обеспечения левого фланга армии. XXIII арм. к. (2 пех. и подошедшие части 3 гв. пех. див.) во что бы то ни стало удерживать позицию к западу от д. Франкенау. XIII и XV арм. к-сам под общим начальством ген. Мартоса энергично с рассветом наступать в общем направлении на Гильгенбург-Лаутенбург с целью атаковать противника, находящегося против XXIII и I к-сов., во фланг и тыл. VI арм-у к-су передвинуться в район Пассенгейма“. За исключением носящих несколько исторический характер слов „во что бы то ни стало“, из содержания этой директивы трудно усмотреть сознание серьезности положения армии, равно как и трудно уяснить себе оперативную идею, положенную в ее основу.

Одной части армии приказано обороняться, другой части наступать, при чем направление наступления совершенно новое на Гильгенбург—Лаутенбург,—фронтом уже не только на запад, а на юго-запад. Напомним, что последнее направление наступления армии было Острероде—Алленштейн, т. е. еще на север. Является, однако, совершенно непонятным, как можно войскам, находившимся на фронте Алленштейн (XIII корпус) — Хохенштейн (XV корпус), приказать наступать на Гильгенбург, ибо три пункта Алленштейн, Хохенштейн и Гильгенбург находятся на одной прямой линии. Нам неизвестно, смотрел ли генерал Самсонов на карту, когда отдавал это приказание; является, однако, очевидным, что это просто стратегическая нелепость. При наилучшем желании корпуса не могли бы выполнить такого маневра и должны были свернуться, в сущности, в комок в районе Хохенштейна с совершенно открытым правым флангом к стороне Алленштейна и совершенно открытым тылом до линии Мазурских озер.

Мы менее всего ищем здесь форму стратегического построения армии; мы считаем лишь необходимым оценить ту или иную организацию этого построения: вот эта организация тут именно отсутствовала. Однако, оценивать эту директиву с точки зрения ее стратегической целесообразности, вообще, менее всего возможно, ибо действительная обстановка ни в какой степени не соответствовала тому, что говорилось в директиве; эта обстановка была ген. Самсонову очевидно неизвестна, что ясно проглядывает в приказании VI-му корпусу.

Об отходе I корпуса Самсонов узнал после полудня 27 (14) авг., но ответил на это серьезное событие лишь отстранением от должности командира корпуса ген. Артамонова. Никаких особых оперативных мер принято не было. События же на фронте VI к-са оставались в этот день Самсонову, очевидно, совершенно неизвестными. Таким образом, русское командование вводило 2 армию в боевой день 28 (15) авг., не представляя себе действительно сложившейся обстановки.

Но более всего поражает телеграмма, посланная Самсонову главнокомандующим в полдень 28 (15) авг., т. е. тогда, когда армия была уже на краю своей гибели. Эта телеграмма гласила. «Доблестные части вверенной вам армии с честью выполнили трудную задачу, выпавшую на их долю в боях 25—26 и 27 августа. Приказал ген. Ренненкампфу, который дошел до Гердауэн, войти с вами в связь своей конницей. Надеюсь, что в пятницу 29 (16) авг. совокупными усилиями I, XXIII и XV корпусов вы отбросите противника. 3022". Какой оптимизм и восторженность, неведомо на чем основанные!

Какая ужасная неосведомленность главного командования о положении тех войск, коими оно руководило!

И это как раз в тот момент, когда от него надо было ждать высшего напряжения своей силы воли и высшего проявления оперативной активности.

Вся операция 2 армии разыгрывалась без непосредственного влияния на нее русского командования, узнававшего о происходящих оперативных событиях задним числом и поэтому лишенного возможности быть действующим фактором, вызывающим события своими оперативными распоряжениями. Такая система управления, оправдываемая иногда под предлогом широкого предоставления инициативы низшим начальникам, объясняется неумением руководить современными массовыми армиями. Именно теперь более, чем когда-либо, требуется строгая централизация оперативной идеи; частная инициатива может быть лишь наилучшим способом ее выполнения в данной обстановке. Если же сражающаяся армия не связана этой единой идеей, если она не чувствует над собой, в лице командования, постоянного объединяющего и направляющего ее к одной цели фактора, она превращается в отдельные разрозненно действующие группы, не могущие объединиться для достижения общей цели и иногда, вследствие этого, гибнущие в то время, когда совместное объединение в бою могло бы их привести к победе.

В подобную бесформенную, ничем не связанную массу превратилась 2 русская армия. Корпуса ее (I и VI-й) отступали с такой безпечностью, как будто это было делом только их самих, а не касалось положения всей армии. XIII корпус, вообще, только гулял и до конца операции не мог найти себе боевого применения, несмотря на то, что рядом с ним XV корпус истекал кровью в тяжелой борьбе. Если бы корпуса руководились сильной, активно участвующей в событиях и старающейся их создавать волей, такие факты были бы, конечно, невозможны. В этом отношении русское командование коренным образом отличалось от германского, которое все время не выпускало из своих рук нити оперативных событий, подчиняя их своевременными и решительными приказаниями своим оперативным замыслам. Каждый новый оперативный фактор вызывал в германском командовании соответствующее оперативное мероприятие. Именно в этой операции германское командование достигло высшей эластичности своей оперативной мысли, которая неизменно и беспрерывно сопутствовала течению операции, неизменно на нее реагировала и была ее творцом в той степени, в какой вообще может влиять человеческая воля на объективный ход событий.

Итак, в боевой день 28 (15) авг. 2 русская армия вступала, как и в предыдущие дни, без сознания своей единой

оперативной задачи, без сознания господства над ней в лице командования сильной и объединяющей ее воли, без понимания задач своего взаимодействия; а главное вступала с командованием, не осознавшим всей серьезности создавшегося положения. Лишь на рассвете 28 (15) авг. ген. Самсонов получил известие о непосредственной близости германцев к Нейденбургу и полностью уяснил себе положение своего левого крыла. Русские источники не обладают полнотой, которая позволила бы нам судить о том, как протекала с этой минуты оперативная мысль Самсонова. В нашем распоряжении имеется лишь один документ — это телеграмма Самсонова, посланная главнокомандующему в 7 ч. 5 м. 28 (15) авг. и гласившая: «1-й корпус, сильно расстроенный, вчера вечером по приказанию ген. Артамонова отступил к Иллову, оставив арьергард впереди Сольдау. Сейчас переезжаю в штаб XV корпуса в Надрау для руководства наступающими корпусами. Аппарат Юза снимаю. Временно буду без связи с вами».

Первая фраза этой телеграммы констатирует определенный факт, хотя обходит молчанием его значение. Вторая— получает значение следствия, из него вытекающего и содержит определенное решение. В этом отношении телеграмма заслуживает высокого интереса.

Утром 28 (15) авг. перед ген. Самсоновым раскрывается истинное положение его левого крыла. Дорога на Нейденбург во фланг и тыл всей армии свободна; германцы находятся уже в непосредственной близости к Нейденбургу. Что же решает в этих условиях Самсонов?—Ехать на север к впереди дерущимся корпусам, и для чего же? — Чтобы руководить наступлением корпусов. Но каким наступлением, с какой целью и с какими возможностями, если вся армия находилась уже под непосредственной угрозой обхода и окружения? Это остается для нас загадкой, и едва ли находило отчетливый ответ в сознании ген. Самсонова.

В то время, когда рискованное положение армии и угроза ее обхода на Нейденбург выявились со всей отчетливостью, когда надо было немедленно, ради ее спасения, отводить центральные корпуса и с этой целью какими угодно средствами организовать оборону Нейденбурга со стороны Уздау и Сольдау, дабы удержать этот пункт, как лежащий на путях отхода центральных корпусов — в это время вся решимость Самсонова проявляется в том, что он едет для руководства корпусами, дальнейшие наступательные попытки коих становились отныне безцельными и еще более отягчающими их положение.

Конечно, в этом поступке много доблести; командующий армией не желает покидать своих войск и едет к ним. Но ведь, все это происходило в XX веке, а не в наполеоновские

времена. Такое личное геройство является безусловно выдающейся чертой для одиночного бойца; оно не излишне для командующего армией даже в условиях современной войны, но оно не может быть единственным проявлением всей его деятельности. А, ведь, ген. Самсонов утром 28 (15) авг. ничем иным себя не проявил. Новый крупный оперативный фактор не вызвал в нем ни одного нового оперативного решения. Директива от 27 (14) авг., уже совершенно не соответствовавшая обстановке, осталась, в сущности, единственным руководящим указанием для войск 28 (15) авг.

Решение Самсонова можно, конечно, оценивать лишь, как психологический акт, но не акт оперативной решимости полководца, и с психологической точки зрения—это акт отчаяния. Словно капитан тонущего корабля, который, отчаявшись в возможности спасения, оставляет руль, покидает борт и бросается в воду,—ген. Самсонов, отказавшись от всякого управления войсками и от связи с высшим командованием, бросился в передовые ряды своих войск.

В 8 ч. 28 (15) авг. он выехал на автомобиле с приближенными чинами своего штаба из Нейденбурга в северном направлении на Надрау. В дороге его настигает еще одно зловещее известие: это донесение и д. начальника штаба VI корп. полковника Залесского об отходе корпуса южнее Ортельсбурга. Офицер, привезший донесение, своим личным докладом еще более сгустил краски, передав о беспорядочном отступлении корпуса, которое, как мы уже знаем, произошло еще 26 (13) авг.

Теперь перед генералом Самсоновым раскрылась вся ужасающая картина положения армии: оба фланга были сбиты, а центр находился под угрозой обхода и окружения. Вместе с тем, донесение ком. XV корп. ген. Мартоса говорило о чрезвычайном утомлении войск, жестоких боях у Мюлена и невозможности дальнейшего наступления.

Безнадежность продолжения операции становилась очевидной.

Было 9 ч. 30 мин. Боевой день только начинался; еще можно было, организовав оборону у Нейденбурга из частей 2 пех. вивизии, начать форсированными маршами отводить центральные корпуса. Настал последний срок для решения; история вправе его потребовать от Самсонова в этот час. Но и здесь решения не последовало за исключением частного приказания VI корпусу «удерживаться во что бы то ни стало в районе Ортельсбурга». Заслуживает внимания, что это же приказание к-ру VI кор. далее гласило: «от стойкости вашего корпуса зависит успех наступления XIII и XV корпусов».

Итак, в то время, когда, благодаря новым донесениям, угроза окружения стала очевидной и не могла не раскрыться

даже плохо воспринимающему оперативному рассудку,— ген. Самсонов говорит еще о наступлении своих центральных корпусов. Каким безумным шагом должно показаться это распоряжение командующего армией, который, как мы увидим далее, через несколько часов отдал приказ об общем отходе! И в этом последнем его приказе было, в сущности, столько же отчаяния, сколько и в приказании ком. VI корпуса. Выявившиеся во всей своей силе новые оперативные факторы ни чем не вызвали самодеятельности ген. Самсонова. Он предоставил события их объективному течению и проявил полную косность своей оперативной мысли.

Вот что говорит об этом моменте бывший при ген. Самсонове ген. Нокс:—«Прочтя полученное донесение, ген. Самсонов молча погрузился в карту. Затем он вдруг встал и приказал восьми казакам, сопровождавшим его штаб, отдать своих лошадей. Он отвел затем английского генерала в сторону и сказал ему: «считаю своим долгом осведомить вас о том, что положение армии стало крайне критическим. Мое место сейчас при войсках, но вам я советую вернуться, пока это еще возможно, и передать моему правительству правдивые сведения. Я не могу предвидеть, что принесут ближайшие часы. Но если бы даже суждено было наступить самому худшему, то это не может сказаться на исходе всей кампании...» Отдав затем распоряжение о возвращении всех легковых машин на Вилленберг-Остроленку, ибо Нейденбург находился уже под угрозой, генерал Самсонов сел с семью офицерами своего штаба, во главе с начальником штаба, ген. Постовским, на маленьких казацких лошадей и медленной рысью двинулся в северо-западном направлении к XV корпусу в Надрау.

Между тем, главнокомандующий узнал об отходе I и VI корпусов, и начальник штаба фронта телеграфировал ген. Самсонову: «Главнокомандующий приказал отвести корпуса 2-й армии на линию Ортельсбург—Млава, где заняться устройством армии. 2521».

Таким образом, в штабе фронта события оценивались трезво и со всей серьезностью. Время отправления этой телеграммы русскими источниками не устанавливается. Надо, однако, полагать, что оно относится ко дню 28 (15) авг. Но Самсонов ее, очевидно не получил, ибо сам лишил себя с утра этого дня связи с главнокомандующим. Скорее по инерции боевых событий, чем во исполнение какой-либо оперативной директивы, 2 армия продолжала утром 28 (15) авг. сражение почти на всем фронте: I корпус держался своим арьергардом до 9 ч. еще севернее Сольдау. XV и XXIII корпуса приняли утром бой на линии Хохенштейн—Ваплиц—Франкенау. XIII корп. выступил на рассвете из Алленштейна на Хохенштейн на помощь XV корпусу. VI корп., о котором

уже двое суток никто из командиров корпусов ничего не знал, оставался в районе южнее Ортельбурга; он мог быть, в сущности, вычеркнут из боевого состава 2 армии. Что делала в этот день конница 2 армии, остается по сие время невыясненным. Русские источники о ней молчат, немецкие— не упоминают:—очевидно, эта конница бездействовала, как и в первые дни операции.

Быть может, известное влияние на нее оказала телеграмма Начальника Штаба 2 армии генерала Постовского от 21 авг. Она гласила:

«Главнокомандующий приказал: германских железных дорог не разрушать в виду необходимости сохранить их для нашего наступления. № 6249».

Центральные корпуса продолжали 28 (15) августа свое наступление, но бои этого дня были для Самсоновской армии уже не наступательными, а скорее оборонительными. Наступательные попытки центральных корпусов в то время, когда нависшие на флангах армии клещи уже стали сжиматься, германское командование назвало впоследствии «безумными атаками».

В таких условиях началась трагедия гибели армии Самсонова.

ГЛАВА XIII.

Начало конца 28 (15) августа.

(Схема № 4).

> «Главный удар направляют против крыла неприятеля, атакуя его с фронта и фланга или обходя совсем, чтобы атаковать с тыла. Только сбивая его с пути отступления, достигают великих результатов».
>
> *Клаузевиц.*

Тревожно для обеих сторон настал день 28 (15) авг. Тревога одних заключалась в ожидании победы, тревога других—в отчаянии в последней. Германское командование с утра выехало в Фроегенау, ожидая на этом участке решения боя прорывом на Ваплиц, дабы здесь отрезать русским корпусам путь отступления на Нейденбург. Для выполнения этой задачи была предназначена 41 пех. дивизия XX к—са, которая в ночь на 28 (15) авг. сосредоточилась в районе южнее Мюлена, выдвинув свой авангард в восточном направлении. С достижением этой дивизией района Паульсгут—должны были перейти в наступление в северо-восточном направле-

нии прямо на Хохенштейн 3 рез. дивизия и 37 дивизия XX к-са. Ландв. див. фон-дер Гольца должна была из района Бисселен наступать на Хохенштейн прямо с севера: таким образом, в районе между Хохенштейном и Ваплицом русские корпуса должны были быть окружены и прижаты к Ланскерскому и Маранскому озерам. Центральным пунктом сражения сделался, однако, в этот день, вопреки соображениям германского командования, Хохенштейн. Боевые события разгорелись в этом районе уже до восхода солнца.

3 рез. див. заняла исходное положение в районе Гейэрсвальдэ к 3 часам. Густой туман, препятствовавший всякому наблюдению, рассеялся лишь в 7 часов, и только тогда выяснилось, что перед левым флангом дивизии русские оставили имение Яблонкен, бывшее накануне их опорным пунктом. Не ожидая сведений от 41 дивизии, ген. Морген приказал немедленно перейти в наступление. Лево-фланговая бриг. дивизия с двумя легкими батареями неожиданно атаковала правый фланг русского XV к-са и вынудила его к немедленному отступлению на Хохенштейн. Южнее наступала другая бригада, но она встретила сильное сопротивление русских и могла лишь к полудню после ожесточенного боя взять Дроебниц. После полудня дивизия продолжала свое наступление с неослабеваемой энергией на линию Хохенштейн—Лихтейнен, уступом справа от нее наступали на Паульсгут ландв. части ген. Унгерна, а слева—37 дивизия в общем направлении на восток. Севернее Хохенштейна совершенно неожиданно для русских вступила на поле сражения ландв. дивизия фон-дер Гольца.

Таким образом, на участок Хохенштейна против русского XV к-са велся концентрический удар около 4-х герм. дивизий (с севера на юг: ландверная дивизия Гольца, 3 рез. дивизия, 37 дивизия и ландверные части Унгерна). Особенно выгодным оказалось положение ландверной дивизии Гольца, так как она выходила прямо во фланг и тыл русскому XV к-су. Дивизия эта, не закончившая еще своего сосредоточения, наступала в неполном составе, а главное—при малом количестве артиллерии, вследствие чего огневая поддержка пехоты была ничтожна. Ее дебуширование из лесов севернее Хохенштейна прямо в тыл русскому XV к-су было выполненно с большой внезапностью и имело успех; последний оказался, однако, лишь преходящим. Дивизия попала вскоре сама в весьма тяжелое положение. Со стороны Алленштейна ей надвигались в тыл крупные колонны противника: то были спешившие на помощь XV корпусу войска XIII русского к-са ген. Клюева. В итоге—положение голштинских резервистов стало временно даже критическим. Вместе с тем, сказался и неуспех на участке 41 пех. дивизии, наступлению которой на Ваплиц придавалось главное значение. Дивизия не только не смогла

взять Ваплица, но, попав при густом утреннем тумане в огневой мешок, потеряла до 1000 человек пленными и несколько орудий и должна была отступить на Вроново.

Этот успех русских (2 пех. дивизии) был для них единственным светлым моментом в боевой день 28 (15) авг.; но, как тусклая свеча, он зажегся лишь на одну минуту и был тотчас же затушен; безнадежный мрак, распростершийся после этого над армией Самсонова, более уже не рассеивался.

Но, между тем, и положение германцев в центре—именно там, где в этот день ожидалось решение, не обещало успеха; без свежих резервов, которых не было, решение казалось здесь достигнуто быть не может. Это сознание было одним из тяжелых переживаний германского командования: ведь под рукой не было ни одной свободной части; операция проводилась без каких-либо резервов; все было брошено в бой. В этих условиях приходилось единственные надежды все же возлагать на I арм. корпус, действовавший на правом фланге, и I рез. и XVII арм. к-са, действовавшие на левом фланге. Особенно важное значение для исхода боя имел своевременный подход от Алленштейна I рез. к-са, двигавшегося прямо в тыл армии Самсонова. Однако, строить на нем все свои расчеты было неосновательно: корпусу надо было пройти значительное расстояние. Помощь приходилось скорее ожидать от I арм. корпуса. Очевидно, предвидя возможность безрезультатности боев в центре, Людендорф еще в 8 ч. утра 28 (15) авг. указал ген. Франсуа на «необходимость возможно скорее занять Нейденбург и конницей достичь Вилленберга». Эта оперативная идея была и без того руководящей в действиях I арм. к-са. Германское командование переживало, очевидно, тяжелые минуты ожидания.

Но оперативные события изменчивы и преходящи. Одно за другим они выплывают в процессе сражения, и в их умелом и своевременном использовании заключается высшее искусство управления войсками.

В наиболее напряженный момент боя 28 (15) авг. германское командование получило известие, на которое оно мало рассчитывало в этот день: это были события крупнейшей важности на участке 1 арм. к—са. То, что этому корпусу не удалось в продолжении 26 (13) и 27 (14) авг., именно прорыв в направлении на Нейденбург во фланг и тыл армии Самсонову,—тому суждено было осуществиться 28 (15) авг. В сущности, это можно было предвидеть уже накануне, когда 1 рус. корпус отступил, очевидно морально потрясенный, отдав дорогу Уздау—Нейденбург в полное распоряжение противнику. Ген. Франсуа, вообще, плохо мирился с поставленной ему на 28 (15) авг. задачей. Все его стремления были обращены на Нейденбург, где одним ударом можно было решить участь

всей операции. С тем большей энергией и ожесточенностью он начал на рассвете 28 (15) авг. свою атаку против 1 рус. к-са, задержавшегося у Сольдау, ибо его уничтожение являлось средством для осуществления маневра во фланг и тыл центру армии Самсонова.

Уже в 5 ч. утра I пех. дивизия, усиленная бригадой Шметтау, развернулась по обоим сторонам железной дороги Деутш-Эйлау — Сольдау, дабы совместно с войсками Мюльмана, имевшими задачу наступать на Пиерлавкен, атаковать 1 рус. корп. у Сольдау. В 6 ч. 40 м., когда рассеявшийся туман позволил наблюдать за полем сражения, ген. Франсуа отдал приказ о переходе в наступление. 2 див. осталась в корпусном резерве в районе Гр.—Трауерзе. В мыслях Франсуа она была очевидно уже предназначена для движения на Нейденбург. Дивизионная же конница, остановившаяся накануне у Кленскау и усиленная теперь одной батарей и ротой самокатчиков, получила уже с утра приказ наступать через гр. Кослау на Нейденбург, где и отрезать русским пути отступления на юг.

Таким образом, маленькая группа, удовлетворявшая разве составу незначительного разведывательного отряда, должна была на первых порах отрезать пути отступления целой армии. В действительной возможности этого заключался весь трагизм положения последней.

Наступление 1 герм. дивизии ознаменовалось сильным артиллерийским боем у Сольдау, в котором русские принимали сначала активное участие. Вскоре стало, однако, заметно, что они неспособны к стойкой обороне и постепенно оттягивают свои силы на юг. Дело в том, что вновь назначенный командир 1 рус. корпуса генерал Душкевич, очевидно, разделял, соображения своего предшественника [1]). Накануне в 19 ч. 15 мин., он доносил о своем намерении отступить на Млаву, мотивируя его „настойчивым наступлением немцев, угнетенным моральным состоянием войск и их усталостью“. Фактически корпус отступал уже тогда в южном направлении, предоставляя генералу Франсуа столь необходимую ему свободу движения на Нейденбург. Лишь только обнаружилось слабое сопротивление русских и их приготовления к отходу, ген. Франсуа сделал из этого тотчас же все необходимые для себя выводы: он отозвал теперь бригаду ген. Шметтау (20 ландв.), предоставив ликвидацию слабо оборонявшегося у Сольдау противника одной 1 пех. дивизии и войскам Мюльмана, а всей 2 пех. дивизии и бригаде

---

[1]) Артамонов до прибытия ген. Душкевича, бывшего на фронте при своей дивизии, сдал командование корпусом начальнику артиллерии корпуса ген. Массальскому, но фактически продолжал отдавать распоряжения.
Прим. Редак.

Шметтау приказал немедленно начать движение на Нейденбург для осуществления той оперативной идеи выхода во фланг и тыл армии Самсонова, которая оставалась руководящей во всех действиях 1 герм. к-са. 1 дивизия должна была также двинуться на Нейденбург, лишь только противник у Сольдау окажется полностью ликвидированным. С этого момента здесь должны были остаться одни войска ген. Мюльмана.

„Все эти распоряжения были отданы в начале 10-го часа (по документам в 9 ч. 10 м.).

Таким образом, противник у Сольдау еще не был ликвидирован, когда ген. Франсуа большую часть своего корпуса уже двинул во фланг и тыл армии Самсонова. Несмотря на то, что русские проявляли мало стойкости в обороне у Сольдау, 1 герм. див. была поставлена перед ответственной задачей. Ген. Франсуа, однако, без колебания принял решение; он понимал всю важность своего движения на Нейденбург для исхода операции и пожертвовал тактическими интересами своего корпуса в пользу стратегических интересов всей армии. Только глубокое понимание оперативного замысла армейского командования, активность и инициатива сделали действия этого командира столь согласными с планами Гинденбурга и столь соответствующими сложившейся обстановке. Ген. Франсуа был, однако, лишен возможности беспрепятственно выполнить свое решение; слишком изменчиво бывает течение боя. Как раз в то время, когда 2 дивизия и бригада Шметтау должны были выступить на Нейденбург, из штаба армии (Фрэгенау) был получен приказ, сообщавший о неудачах 41 пех. див. у Ваплица и требовавший немедленного направления одной дивизии на Ронцкен на помощь XX корпусу. Приказ кончался припиской: „командующий приказал указанное движение начать немедленно. Обстановка требует спешности“.

По дошедшим до штаба корпуса ложным сведения 41 пех. див. отошла, якобы, даже до Турау, т. е. значительно западнее Вроново. Ген. Франсуа был, таким образом, вынужден одну свою дивизию (2-ю) направить на Ронцкен.

Тем не менее, он не отказался всецело от своего первоначального решения и подтвердил бригаде ген. Шметтау отданное приказание о движении на Нейденбург. 1 дивизия получила дополнительное указание немедленно же по обнаружении отхода русских от Сольдау оставить здесь одни войска ген. Мюльмана и двинуться также на Нейденбург. В 11 ч. 1 пех. дивизия могла уже начать выполнение этой задачи: начавшееся отступление 1 рус. к-са не оставляло более никаких сомнений.

В 13 ч. ген. Франсуа получил через офицера ген. штаба, прибывшего на автомобиле, новый приказ армейского ко-

мандования, который, хотя и оставлял в силе прежнюю задачу поддержки 41 пех. дивизии, придавал, однако, теперь первенствующее значение движению на Лана—Орлау. 1 к-су указывалось вновь на его первоначальную задачу преграждения русским путей отступления на юг, „достижением чего—как говорилось в приказе—корпус мог стяжать себе неоценимые заслуги перед лицом всей армии". По другому источнику приказ даже гласил: „отныне весь исход операции зависит от 1 корпуса".

В сущности, за все время развития операции ген. Франсуа усматривал в движении на Нейденбург свою главную задачу. Для выполнения ее им было предпринято все, от него зависящее. Он только считал более целесообразным наступать не на Лана, а на Нейденбург, с целью более глубокого обхода.

В 14 ч. 40 мин. ген. Франсуа получил третий, отданный в 13 ч. 30 мин., приказ армейского командования, согласно ориентировке которого положение в центре изменилось в лучшую для германцев сторону, и центральные русские корпуса начали отступление от Хохенштейна на Ваплищ в юго-восточном направлении. Приказ гласил: „1-й арм. корпус имеет задачу преградить противнику пути отступления на юг, для чего он должен еще сегодня занять своей 1 див. Нейденбург и Мушакен, 2 дивизией Грюнфлис, а конницей и самокатчиками Вилленберг. Следует иметь в виду, что противник, отступающий от Алленштейна, попытается отступить через Вилленберг. Завтра с ранним рассветом 1 корп. должен продолжать энергичное движение на Вилленберг".

С точки зрения „чистой военной науки", требующей лишь определения задачи и предоставления полной свободы в выборе средств ее выполнения, этот приказ, как и многие другие, должен быть, пожалуй, причислен к мало удовлетворительным; доктринеры военного дела не преминут в этом смысле и высказаться. Им слишком чужда точка зрения живого, действительного военного дела. А оно таково, что, в интересах цельности осуществление оперативного замысла часто требует строжайшей централизации, требует по духу Шлиффеновской школы управления корпусами и даже армиями, словно батальонами. В данном случае в занятии 2-х—3-х пунктов,—Нейденбург, Мушакен и Вилленберг,—через которые пролегали единственные пути от Алленштейна на юг, заключался весь смысл задуманной идеи окружения противника. Армейское командование предписывает занятие этих пунктов, ясно и конкретно указывая на те оперативные мероприятия, которые должен принять корпус, чтобы достигнуть полного осуществления оперативного замысла в армейском масштабе. Для достижения согласованности в действиях войск и направления их к осуществлению еди-

ной цели, такие детальные указания, быть может и посягающие на компетенцию подчиненных начальников, бывают часто необходимыми. Полководец, избегающий их, грозит превратить свою армию в оперативном отношении в неорганизованную, ничем не объединенную вооруженную массу.

Ген. Франсуа, известный как высокомерный и чрезвычайно самостоятельный командир, не счел указание армейского командования за ограничение своей свободы. В действительной обстановке боя такая постановка вопроса была бы, вообще, нелепой и говорила бы о полной моральной неподготовленности высшего командного состава к выполнению своей задачи.

Итак, до полудня 28 (15) авг. ген. Франсуа успел получить три приказа армейского командования; это явление составляет большой интерес для суждения о системе управления войсками. Оно дает возможность заключать об активном участии командования армии во всех боевых событиях, о беспрерывном учете им новых оперативных факторов и соответствующем реагировании на них. Германское командование крепко держало в своих руках вожжи управления армией, неустанно направляя ее по выбранному пути, обводя ее около препятствий и вновь сворачивая на свободную дорогу.

Как отличается такая система управления от руководства путем издания посуточных директив, когда командиры корпусов в продолжение 24 часов часто оставались без каких либо указаний и должны были действовать на основании одной своей инициативы! Но целесообразное благоразумное проявление последней всегда предопределяет строгую централизацию. Иначе эта инициатива ведет к несогласованным действиям войск и сводится на-нет. Подобные явления ясно усматриваются из действий корпусов 2 армии.

К полудню,—теперь уже по указанию армейского командования,—ген. Франсуа приступил к решительному выполнению той оперативной идеи, которую он лелеял с самого начала своего сосредоточения на правом фланге армии. После полудня его корпусная конница достигла уже Нейденбурга, где атаковала отходившие русские обозы. Командир корпусной конницы подполковник Берринг получил приказ обойти Нейденбург с юга и через Пионткен продолжать движение на Вилленберг. Ген. Шметтау, вступивший в Нейденбург, получил приказание продолжать через Мушакен движение также на Вилленберг; однако, ввиду значительного перехода, отряд заночевал восточнее Нейденбурга. Уже вечером 28 (15) авг. ген. Франсуа прибыл со своим штабом в Нейденбург, стягивая сюда и дивизии своего корпуса.

Желанная цель была достигнута: вместе с тем была решена и участь Самсоновской армии. К вечеру 28 (15) авг.

она была, в сущности, уже окружена, ибо все пути ее отступления на юг были перехвачены.

Между тем, поскольку уже это усматривалось из последнего приказа, полученного ген. Франсуа, обстановка резко изменилась в лучшую для германцев сторону и в центре.

Перелом в обстановке создала здесь 37 пех. дивизия, обеспечившая тыл ландверной дивизии фон-дер Гольца со стороны Алленштейна, откуда подходил XIII рус. корпус. Дивизия Гольца атаковала прямо в южном направлении правый фланг XV рус. к-са на высотах вост. Хохенштейна. Высоты были заняты, и тем самым в значительной степени поколебалась стойкость XV рус. к-са; он начал медленно отходить. В 13 ч. 30 мин. германское командование отдало XX к-су приказ, который гласил: «преследование с линии Вроново-Хохенштейн в направлении на Лана-Куркен». Во исполнение этого приказа ландверные войска ген. Унгерна и 3 рез. дивизия достигли к вечеру 28 (15) авг. без значительных боевых усилий района Гансгорна; южная бригада 3 рез. дивизии достигла даже Паульсгут. Упорные бои вела лишь 6 рез. бригада, вытесняя русских из рощи, западнее Хохенштейна: роща была занята ею на плечах отступившего противника. Одно время здесь возникла весьма спутанная обстановка. В то время, когда 6 бригада уже завладела Хохенштейном, этот пункт был уже с востока обойден ландв. дивизией Гольца, которая, наступая фронтом на юг, перешагнула дорогу, ведущую из Хохенштейна на Шведрих Таким образом, у русских, еще находившихся в районе Хохенштейна (2 бригада 1 пех. дивизии), германцы оказались и с фронта и с тыла. Между тем, и в тыл дивизии Гольца двигались на юг колонны русского XIII корпуса. Лишь вступление на поле сражения 37 дивизии облегчило положение голштинских ландверистов и дало германцам возможность окончательно завладеть районом Хохенштейна и вынудить русских к отступлению.

Большое значение для исхода сражения в этом районе имели, однако, и I рез. и XVII арм. корпуса, коим на 28 (15) авг. была поставлена задача атаковать противника в районе Алленштейна в направлении на запад. Армейское командование считало особенно важным, чтобы атака хотя бы одного I рез. к-са последовала не позже полудня. Оба корпуса наступали с рассветом в западном направлении, — правым флангом I рез. к-са на Алленштейн. Таким образом, они двигались прямо в тыл центральным корпусам армии Самсонова.

Когда ген. Белов на марше узнал об отходе русских из Алленштейна, он тотчас же изменил направление движения своего корпуса на Цасдрос-Стабиготтен, т. е. на юго-запад. Корпус настиг отступавшие части XIII русского корпуса

в районе восточнее Томсдорфского озера. Авангард северной колонны (36 рез. дивизия), наступавшей через Алленштейн, атаковал и рассеял в 13 часов оставленный в последнем незначительный русский отряд — (2 батальона от Дорогобужского и Можайского пех. полков), и, продвигаясь далее в южном направлении, отбросил остальную часть Дорогобужского полка у Доротен. Главные силы 36 рез. дивизии с боями достигли к вечеру района Келярен-Цасдрос. 1 рез. дивизия (южная колонна) атаковала отходившие обозы XIII корпуса на путях к Стабиготтену и продолжала далее движения к этому пункту с незначительными столкновениями. Обе дивизии 1 рез. корпуса заночевали в районе восточнее Томсдорфского озера.

Следовавший уступом за их левым флангом XVII арм. корп. достиг после полудня района Вартенбурга. Приказ армейского командования, переданный здесь ген. Макензену летчиком, давал корпусу новое направление на юг. К вечеру 28 (15) авг. корпус, повернувши круто на Пасенгейм, достиг этого пункта без столкновения с противником.

Итак, день 28 (15) авг. не ознаменовался какими-либо исключительно ожесточенными боевыми событиями. Лишь в одном районе Хохенштейна они носили более упорный характер. Тем не менее, общая совокупность оперативных событий за день окончательно решила участь операции. Решение это, в сущности, назревало с самого ее начала. Настоящее описание именно и ставило своею целью показать динамику и эволюцию военных действий; показать, как постепенно, бесповоротно и неумолимо развитие оперативных событий приводит армию к ее гибели.

После полудня 28 (15) авг. германское командование считало себя победителем. Отданный им в 17 ч. 30 мин. приказ говорил о полном отступлении I рус. к-са на Млаву, о рассеянии XIII, XV и XXIII рус. к-сов в лесах юго-вост. Хохенштейна, о полном уничтожении одной дивизии VI к-са и о полном отступлении остатков его через Ортельсбург на юг. Соответственно этой обстановке германское командование предписывало начать общее преследование: 1 арм. корп. должен был усиленными маршами через Мушакен-Кальтенборн двигаться на Вилленберг-Мышинец, дабы перерезать противнику последний путь отступления на Хоржеле. XX арм. корп. с 3 рез. див. получали направление преследования на Едвабно-Ортельсбург. Ландверные войска ген. Унгерна и Гольца считалось возможным вывести из передовой линии и сосредоточить в районе Хохенштейна, — очевидно, в связи с замышленной операцией против Ренненкампфа. I рез. и XVII арм. к-са также предназначались для этой новой задачи: XVII арм. корп. сосредоточивался на зап. берегу реки Алле в районе Гутштадта, выдвинув

охраняющие части к стороне Зеебурга. I рез. корп. выдвигался на дорогу Алленштейн-Дитрихсвальдэ с авангардом к стороне Вартенбурга. 1 кав. див. должна была оставаться в районе Бишофсбург-Зеебург, разведывая в направлении на Летцен. Тылы 1 рез. к-са базировались при этом на Морунген, а XVII арм. к-са на Прейсиш-Голланд.

Очевидно, в этот день германское командование не только серьезно задумывалось над угрозой со стороны армии Ренненкампфа, но сочло нужным распорядиться о принятии некоторых конкретных против нее мер. К их выполнению нельзя было приступить в тот же день, ибо обстановка, выяснившаяся к вечеру, предостерегала от преждевременного оттягивания войск на север. Бои в районе Хохенштейна окончательно еще не были разрешены: противник продолжал здесь оказывать кое-какое сопротивление. При таких условиях Гинденбург, вернувшись поздно вечером в Остеродэ, изменил свой приказ о перегруппировке против Ренненкампфа, ибо она оказалась еще преждевременной. 1 рез. корп. был одной дивизией подтянут к полю сражения у Хохенштейна, другая его дивизия должна была сосредоточиться восточнее озера Ланскорн в районе Вутринен. XVII арм. корпус был задержан на месте своего ночлега, тыл его обеспечивала у Лаутерна 6 ландв. бригада.

1 кав. див., имевшая еще днем у Рэсселя столкновение с неприятельской конницей, была в 3 часа на рассвете 29 (16) авг. одной бригадой отправлена на Ортельсбург. Полученный ею краткий приказ, между прочим, гласил: ... «Неприятельская армия в беспорядочном отступлении на юг. Необходимо быстрое движение. Конского состава не щадить. Остальная часть дивизии выполняет прежнюю задачу». Главные силы дивизии ночевали западнее Рэсселя. Таковы были распоряжения германского командования в конце дня 28 (15) авг.

Лишь только обстановка выяснила, что противник еще жив и не отказался от сопротивления, германское командование, уже склонившееся к мысли начать стягивание части своих войск против Ренненкампфа, вновь напрягает все свои силы, дабы достигнуть полной и решающей победы над 2 рус. армией, участь коей была и без того решена.

Прошло только три дня от начала германского наступления, а поражение противника было, в сущности, уже совершившимся фактом; более того, армия Самсонова была уже сжата в смертельных тисках. Однако, одной простой победы было недостаточно. Германская доктрина Шлиффена ею не удовлетворялась. Должно было разыграть сражение на уничтожение и дать решающую победу. Эта идея, в сущности, и лежала в основе всего плана операции германского командования. Но только 28 (15) авг. был окончательно выявлен

факт ее достижения и выполнения. Отныне напрягаются максимальные усилия, бросается на поле сражения все, что только возможно, игнорируются все другие задачи,—и все это только для того, чтобы уже достигнутый успех превратить в уничтожающее поражение противника, в его полное окружение, превратить в „Канны“.

Хотя части 1 к-са находились уже недалеко от Вилленбурга, и почти все пути отступления противнику оказывались, таким образом, перехваченными, тем не менее „Канны“ оставались еще под вопросом.

Бой продолжался уже третий день. Считаться и далее с бездеятельностью Ренненкампфа казалось невозможным: ведь, за этот тяжелый для Самсонова день 1 русская армия должна была получить энергичные указания на необходимость скорой и решительной помощи своему южному соседу. И тогда германцам пришлось бы еще разжать когти, все глубже вонзавшиеся в самое сердце армии Самсонова. Возможность полного ее окружения оставалась поэтому проблематичной.

Германское командование это понимало и о достигнутой победе вечером 28 (15) авг. доносило в главную квартиру: «Сражение выиграно. Преследование завтра возобновляется. Окружение северных корпусов, возможно, более не удастся». В этом донесении содержится вся суть происшедших событий—а именно: сражение выиграно—это несомненно; однако, «окружение, возможно, более не удастся»—с этим приходилось считаться.

Подобным же образом оценивал положение сам Людендорф.

О вечере 28 (15) авг. он пишет: «Не оставалось более никаких сомнений, что битва была выиграна. Было, однако, неизвестно, превратится ли она в Канны».

Как бы то ни было, день 28 (15) авг. принес свой окончательный приговор обеим борющимся сторонам.

Армия Самсонова была схвачена в тиски, все глубже и глубже вонзавшиеся в ее тело. Фронт германцев имел к вечеру 28 (15) авг. очертание незамыкавшейся окружности, кончавшейся на севере у Пасенгейма и на юге у Мушакена и глубоко охватывавшей русские корпуса, находившиеся в районе Хохенштейна—Ваплиц. Из этой полуокружности вела ныне на юг лишь одна дорога на Вилленбург; но сжимавшиеся тиски грозили и ее перехватить. Правда, армия Самсонова еще жила и билась, но билась словно жертва в острых когтях неумолимого зверя.

В дальнейшем трагедия должна была развиваться быстро и бесповоротно и показать нам, как схваченная острыми когтями жертва истекла кровью.

Что же происходило в этот решительный день на русской стороне?

Мы знаем, что еще утром ген. Самсонов покинул Нейденбург, дабы взять на себя непосредственное руководство наступлением своих корпусов. Однако, приехав в Надрау, он убедился в безнадежности дальнейшего наступления. Если бы мы могли произвести полный анализ психологии Самсонова в этот день, то, вероятно, нашли бы, что уже утром, уезжая в Нейденбург, он предчувствовал всю неизбежность отступления, а может быть, и гибели. У него не хватило, однако, достаточно сильной воли, чтобы тогда же хладнокровно отдать приказ об отступлении, использовав свое непосредственное участие в столь необходимой для возможности отхода организации обороны Нейденбурга.

Вечером 28 (15) авг. Самсонов отдал приказ об общем отступлении. 2 пех. див. должна была занять позицию у Франкенау, служа боковым авангардом. Под ее прикрытием должен был отходить через Ваплиц-Мондткен на Янов XV корпус. XIII корпус должен был отступать на Куркен-Хоржеле. 1 арм. к-су было тогда же послано приказание перейти в наступление на Нейденбург, дабы освободить здесь пути отступления северным корпусам на юг, а VI корп. должен был удерживаться в районе Ортельсбурга.

Колонны XV и XXIII корпусов начали отступление поздно вечером 28 (15) авг. Однако, так как 2 пех. дивизия отошла от Франкенау к Лана, всякий порядок в движении этих колонн был нарушен, и отступление приобрело все более стихийный характер. XIII корпус получил приказ об отходе в 24 часа 28 (15) авг. и начал его лишь на рассвете 29 (16) авг. Итак, в ночь на 29 (16) авг. центр 2 рус. армии прервал сражение и начал общий отход в юго-вост. направлении. Для центральных корпусов он не явился следствием тактической необходимости, так как русские корпуса не были у Хохенштейна сколько-нибудь серьезно разбиты. Но именно потому, что их заставили драться до последней стратегической возможности, они должны были резко прервать свое до сего времени—хорошо ли плохо ли—веденное наступление и начать общий отход уже не в тактическом, а в стратегическом масштабе. Но главное—этот отход был теперь запоздалым, ибо Нейденбург был уже захвачен, а от Вилленберга, через который проходил последний путь отступления на юг, русские отстояли значительно дальше, чем германцы.

Темной ночью 28 (15) авг. колонны русских корпусов отходили на юго-восток, втягиваясь в лесные пространства. Плохо поддерживаемый порядок вскоре превратил коекак организованный поход в стихийное отступление измученных, морально надломленных войск, носивших в себе

все признаки полной деморализации. Между тем, на путях отступления их ждало едва ли не большее боевое напряжение: ведь в тылу все пункты были уже в руках противника, и дорога в Россию могла быть куплена лишь ценой новых кровавых усилий.

В то же время в этот критический для Самсонова день армия Ренненкампфа нормальными маршами выдвигалась на линию Фридланд-Шенбрюн-Клинденберг-Шипенбейль-Скандау-Рэссель, откуда она ничем не могла помочь своему гибнующему соседу. Содействие последнему следовало теперь, вообще, признать уже невозможным и запоздалым. Вместе с тем, однако, окончательно решалась участь армии Самсонова и исчезал единственный, казалось столь мощный, фактор, который мог воспрепятствовать превращению достигнутых германцами успехов в «Канны».

ГЛАВА XIV.

Агония 29 (16) августа.

Схема № 5.

> „Решительная победа возможна лишь тогда, когда целью атаки является неприятельский тыл или по крайней мере фланг".
>
> *Граф Шлиффен.*

Рассвет 29 (16) авг. ознаменовал собой начало агонии армии Самсонова. Глубоко обойденная со стороны Нейденбурга, она стремилась теперь лишь к одному,—как бы скорее вырваться из все более сжимавшихся, и грозивших у Вилленберга-Ортельсбурга совершенно сомкнуться, тисков. Весь центр армии превратился теперь в стихийно хлынувшую на юг массу.

Тем не менее, не всюду еще наступила тишина на недавних полях сражения. У Хохенштейна бои подавали признаки жизни; так, во всяком случае, казалось германскому командованию. К вечеру 28 (15) авг. сопротивление русских здесь, правда, заметно ослабело; все признаки их предстоящего отхода были налицо. Отдельные отряды, продолжали кое-где оказывать сопротивление; это казалось германскому командованию тем более серьезным, что силы его войск были также на исходе. В этих условиях ген. Гинденбург решил подтянуть на Хохенштейнское поле сражения I рез. корп. и части XVII арм. к-са., как об этом уже сообщалось в предыдущей главе.

Ген. Белов был со своим корпусом на марше всю вторую половину ночи, двигаясь в тыл русскому XIII корпусу от Алленштейна на Хохенштейн. Своим командирам дивизии он приказал двигаться форсированным маршем и, не дожидаясь особого на то приказания, атаковать противника прямо с похода. В нескольких колоннах, двигаясь по сторонам дороги Алленштейн-Хохенштейн, корпус устремился на доносившийся к нему сквозь тишину ночи шум боя.

Отданный накануне армейским командованием приказ о сосредоточении одной дивизии I рез. корпуса у Вутринена против Ренненкампфа ген. Белов получил лишь на марше. В 6 ч. 30 мин. 29 (16) авг. это приказание было уже отменено. Ген. Белову предписывалось немедленно подтянуть к полю сражения и 36 рез. дивизию, оставив у Вутринена лишь незначительный отряд. При первой возможности эта дивизия должна быть вновь оттянута и сосредоточена южнее Алленштейна фронтом против Ренненкампфа.

В то время, когда армия Самсонова переживала уже свою агонию и могла думать лишь о спасении, германцы напрягали еще большие и последние усилия, дабы достичь полной сокрушающей противника победы. В предвидении последней их энергия продолжала нарастать, хотя, казалось, было уже время подумать об обеспечении своего тыла со стороны армии Ренненкампфа,—тем более, что обстановка теперь не исключала возможности сосредоточения некоторых сил против последней. Но принцип частной победы, как метод достижения максимального и наиболее полного успеха, получил свое решительное применение.

I рез. корп. с рассветом 29 (16) авг. в полном составе спешил к Хохенштейну. Южнее Доротен он имел еще ночью столкновение с арьергардом XIII рус. корп. Утром он атаковал Грислинен, который занял после короткого боя; затем он продолжал наступление на юг в полосе между Хохенштейном и озером Плауциг. Арьергарды XIII рус. к-са оказались здесь в весьма тяжелом положении. С севера их теснили войска ген. Белова, с запада—атаковала 37 див. XX герм. к-са; на востоке озеро Плауциг. Свободной оставалась лишь одна дорога на Шведрих, но и она была вскоре занята вышедшими на нее частями ландв. дивизии Гольца. Все, что находилось в котловине между Хохенштейном и озером Плауциг, попало теперь в руки германцев: здесь сдалось около 7.000 пленных Каширского и Невского полков, одна морт. батарея и многочисленные обозы. Дороги и населенные пункты были последними настолько запружены, что германцам пришлось продолжительное время разбираться в захваченной добыче.

Большая концентрация сил у Хохенштейна породила известный беспорядок и на германской стороне. Хотя, со-

гласно приказания армейского командования, войска ландверной дивизии Гольца и ген. Унгерна не должны были принимать участие в преследовании русских под Хохенштейном и имели задачу сосредоточиться у последнего, тем не менее они были вовлечены в боевые события, что явилось причиной значительной дезорганизации боевого порядка. При наличии отдельных отрядов противника, рассеявшихся по всей местности и оказывавших сопротивление, среди германских войск были также нередки случаи обстрела друг друга. Все это потребовало значительных усилий для водворения порядка.

К полудню 29 (16) авг. длившийся весь предыдущий день бой у Хохенштейна был окончательно завершен. Германское командование рассчитывало отрезать здесь центральным корпусам армии Самсонова пути отхода на юг. Пользуясь своеобразными условиями местности, а, именно—находившимся в тылу русских корпусов озером Плауциг, оно предполагало разрешить участь операции тактическим обходом противника на самом поле сражения в направлении на Ваплиц. Этот план германского командования не удался. В Хохенштейнской котловине были отрезаны арьергарды лишь XIII корпуса; все прочее успело ускользнуть на юг.

Но на линии Нейденбург-Вилленберг отступившие русские корпуса стерегла уже вторая завеса, окончательно отрезавшая им пути отступления на юг. Единственный путь отхода русских пролегал через Шлага-Шведрих-Куркен и, благодаря примыкавшим к этим пунктам озерам, приобретал характер теснины. Однако, весть о занятии Нейденбурга уже распространилась, и потому, несмотря на все неудобства, эта дорога представляла единственную возможность пробраться через Грюнфлисский лес на Вилленберг. На ней теперь столпились остатки трех корпусов (XV, XXIII и XIII). XV-му корпусу была, правда, указана дорога западнее через Ваплиц-Дидрихсдорф-Модткен; однако, эта последняя оказалась к вечеру 28 (15) авг. занятой германцами, почему корпус отклонился на восток на единственно оставшуюся дорогу на Куркен. Но и здесь угрожали уже наступавшие со стороны Ваплица германцы. 3 рез. дивизия наступала одной бригадой из района Гансгорн через Лаутерн на Шведрих и с другой бригадой на Шлага-Куркен. В это время дивизионная конница—ландв. кав. полк полковн. Камеке—был направлен прямо на Шведрих. Теснина последнего была взята с бою, после чего 3 рез. дивизия по пятам преследовала войска XIII рус. к-са на Куркен, который и был ею занят к вечеру того же дня. Многочисленные обозы попали здесь опять в руки германцев. Однако, и тут не удалось перехватить пути отступления главным силам русских корпусов; уже после полудня они успели проследовать через

Куркен и продолжали отступление в юго-восточном направлении, втягиваясь в Грюнфлисский лес, через который пролегали единственные пути на Вилленберг.

Итак, бои в центре были в продолжение 29 (16) авг. полностью завершены.

Тот щит, который должен был выдержать на себе все бремя операции и, казалось, вот-вот согнется под тяжестью падавших на него ударов, выполнил свою задачу до конца. Своими действиями он сковал в районе Хохенштейна главные массы Самсоновской армии в то время, когда нависшие на ее флангах концы стратегических клещей все уже и уже сжимали кольцо окружения, пока к вечеру 29 (16) авг. не замкнули его совершенно у Вилленберга.

В описываемый день события на флангах развивались без всяких осложнений, и соответственно планам армейского командования. Приказ последнего, отданный вечером 28 (15) авг., не был получен в XVII-м корпусе. Ген. Макензен сам донес о своем решении наступать на Едвабно с целью запереть 36 дивизией проходы между Сейвенским и Шоберским озерами в районе Пассенгейма, а 35 дивизией сосредоточиться на путях от Ортельсбурга к Вилленбергу. Получив утверждение этого плана, ген. Макензен выступил со своим корпусом на рассвете 29 (16) авг. в южном направлении. Наступая широким фронтом в четырех колоннах, он достиг в этот день линии озера Косно-Ортельсбург и занял здесь все лесные выходы. Колонна, наступавшая на Ортельсбург, имела столкновение с русской конницей (4-я кав. дивизия), и оттеснила ее совместно с частями I кав. дивизии. Остальные колонны наступали беспрепятственно. Тыл корпуса охраняли у Лаутерна главные силы 1 кав. дивизии. 6 же ландв. бригада была в этот день оттянута к Бишофсбургу.

Таким образом, было сжато кольцо на левом фланге 8 германской армии.

На правом крыле действия I арм. к-са протекали, в общем, так, как это было предположено накануне. На этот корпус выпала доля пожать обильные плоды тяжелых боев в центре. Ген. Мюльман был вновь подчинен непосредственно армейскому командованию и получил приказ обеспечить Сольдау с юга. В занятом Нейденбурге ген. Франсуа оставил лишь два батальона и две батареи. Здесь же он расположился со своим штабом.

Одна пех. дивизия, получившая задачу запереть на линии Нейденбург-Вилленберг все дороги, ведущие с севера на юг, достигла одной бригадой района Данкгейм-Реушведер и заняла таможенный пункт Камерау; вторая бригада сосредоточилась в районе Грегерсдорф-Мушакен-Виэнцковен. Другая дивизия заперла все дороги, ведущие с севера

на линию Бартошкен-Грюнфлис и обеспечила Нейденбург со стороны севера. Передовому же отряду корпуса—войскам ген. Шметтау совместно с конницей 1 к-са—удалось ранним вечером достигнуть Вилленберга, занять его и, тем самым, окончательно замкнуть кольцо, в котором находились остатки Самсоновской армии.

Совершая большие, беспрерывные переходы, войска 1 арм. к-са имели в продолжение 29 (16) авг. многочисленные столкновения с отступавшими русскими колоннами и обозами. Большие массы последних, равно как и пленных, попали в их руки уже в этот день.

Так просто и беспрепятственно совершались 29 (16) авг. события на флангах, принося с собой окончательный приговор над армией Самсонова. Вечером 29 (16) авг. Гинденбург был в полном сознании достигнутой грандиозной победы. Предполагавшееся им окружение у Хохенштейна оказалось лишь частичным; зато занятием линии Нейденбург-Вилленберг оно было достигнуто полностью. Вместе с тем; Канны становились, казалось, совершившимся фактом. Но от своей действительности они были. все же, отделены временем, носящим в себе много изменчивого и неведомого для полководца.

От армии Ренненкампфа потребовались бы, конечно, совершенно исключительные усилия, чтобы спасти остатки армии Самсонова; эти усилия были навряд ли возможны уж по одному расчету расстояния и времени. И тем не менее 29 (16) авг. германское командование было сильно встревожено действиями 1 рус. армии.

В этот день последняя продолжала выдвигаться к западу, выходя беспрепятственно на линию Преусиш-Эйлау-Бартенштейн-Галинген-Бишофштейн. Крупные конные массы корпуса хана Нахичеванского форсировали реку Алле и заняли район Ландсберга. Коменданту крепости Летцен было еще 28 (15) авг. предложено сдаться, что, однако, не имело никакого успеха маленький форт Бойэн продолжал стойко запирать проход между Мазурскими озерами.

Это продвижение 1-й рус. армии вглубь Восточной Пруссии было причиной естественной тревоги германского командования. 29 (16) авг. левофланговые корпуса Ренненкампфа (IV и II-й) отстояли от места бывших боев центральных корпусов армии Самсонова и вместе с тем места их гибели—Грюнфлисского леса,—на расстоянии 70 километров, т. е., при усиленных маршах, на 1½ перехода. Было, конечно, слишком поздно предотвратить поражение армии Самсонова; однако, спасение ее остатков, быть может, могло еще удаться.

Необходимо помнить, что при действиях по внутренним операционным линиям, каковыми в стратегическом масштабе

были действия 8 герм. армии в Восточной Пруссии,—не уничтоженный противник есть противник не побежденный, не предоставляющий полной оперативной свободы, необходимой для атаки неприятеля, наступающего с другой стороны.

Полное уничтожение армии Самсонова, именно «Канны», а не ординарная победа, как говорил Шлиффен—это приобретало для германского командования особенно важное значение. Но для достижения такой решительной победы обстановка требовала теперь значительного обеспечения еще неоконченной операции, дабы она вообще не сорвалась.

Мы уже знаем, что германское командование еще 28 (15) августа было намерено вывести некоторые части из боя, дабы их сосредоточить у Алленштейна фронтом на восток. Однако, неразрешенность боев у Хохенштейна заставила 1 рез. и XVII арм. к-са стянуть к полю сражения, введя в бой все свободные силы. 29 (16) авг. эти войска участвовали в завершении окружения армии Самсонова. К вечеру же этого дня, когда не только полное поражение, но и гибель остатков 2 русской армии стала очевидной, германское командование отдало первые распоряжения для новой группировки своих сил. Это распоряжение легло в основу нового плана операции и новой победы,—теперь уж над 1 рус. армией Ренненкампфа, коей суждено было сыграть такую печальную роль во всей восточно-прусской кампании 1914 г.

В 22 часа 29 (16) авг. германское командование издало общий армейский приказ, в котором объявляло о достигнутой над армией Самсонова победе и в коротких словах выражало свою благодарность войскам.

Далее предписывалось: XVII арм. к-су запереть всю линию Ваплиц (южнее Пасенгейма)—Едвабно-Малга, сосредоточив, однако, свои главные силы юго-вост. Пасенгейма. «Является необходимым XVII арм. корпус сосредоточить на левом крыле армии за линией Алленштейн-Гутштадт»—говорилось в приказе. Также и 1 рез. к-су и 6 ландв. бригаде предписывалось к 30 (17) авг. сосредоточиться в районе Алленштейна и укрепить линию Алленштейн-Вартцаллен. Ландв. дивизия фон-дер Гольца должна была на левом фланге этой линии сосредоточиться уступом за ней, в районе Морунгского озера.

Таким образом, германское командование предписывало к 30 (17) авг. сосредоточение части своих сил против Ренненкампфа на линии Алленштейн - Гутштадт. Остальные войска должны были довершить победу над армией Самсонова. 1 арм. к-су предписывалось продвинуться до линии Малга-Едвабно, оставив в Вилленберге лишь незначительный отряд. XX корпус выделял в резерв армейского командования 41 дивизию; она должна была сосредоточиться в районе Куркена. В армейский резерв

в район Мюлена отводилась также 70 ландв. бригада. 37 дивизия XX к-са получила приказание запереть проходы между озерами Ленау и Сканда. Генерал Мюльман должен был занять Млаву. Наконец, комендант Торнской крепости получил приказание вести усиленную разведку в восточном направлении.

Таковы были распоряжения германского командования на 30 (17) авг.: они предусматривали создание новой, на первое время, оборонительной линии, протянутой к северу и обращенной против Ренненкампфа. Новая группировка сил, оставляя в районе Куркена и Мюлена части XX к-са, имела, однако, в виду и полученные сведения о сосредоточении в районе Варшавы 9 рус. армии, если бы таковая была двинута на север. Кроме того, не следует упускать из внимания, что 29 (16) авг. Гинденбург был уведомлен о назначении на восток двух армейских корпусов и одной кавалерийской дивизии, которые в этот день грузились в Бельгии и в последующие дни должны были прибыть в Восточную Пруссию. Кстати, заметим, что эта переброска, впоследствии столь сказавшаяся на исходе Марнского сражения, была совершена без просьбы о том со стороны Гинденбурга и Людендорфа. Как ныне выясняется, на ней настоял Вильгельм, встревоженный участью своей Восточной провинции и, возможно, внявший просьбе ген. Притвица, который в памятном разговоре с Мольтке 20 (7) авг., действительно, указывал на необходимость резервов.

Итак, вечером 29 (16) авг. германское командование, нисколько не ослабляя сомкнувшегося на линии Нейденбург-Вилленберг-Ортельсбург вокруг остатков армии Самсонова кольца, предпринимало первые шаги к перегруппировке частей своей армии против Ренненкампфа. Одна операция еще не завершена, а другая уже подготавливается—такая беспрерывность оперативной деятельности и неослабевающая энергия должны лежать в основе всяких действий по внутренним операционным линиям.

Германское командование придавало настолько серьезное значение перегруппировке своих частей, что ген. Людендорф сам прибыл к вечеру 29(16) авг. в Хохенштейн, дабы непосредственно отдать все необходимые распоряжения и проследить за правильностью их выполнения. Согласно его указанию, одна бригада 36 рез. дивизии немедленно выступила на Алленштейн, куда прибыла к полуночи. Остальная часть этой дивизии и 1 рез. дивизии заночевали западнее озера Плауциг. 37 див. остановилась на дороге Хохенштейн - Алленштейн. 3 рез. дивизия сгруппировалась в районе Куркен.

Так 29(16) авг. закладывались первые камни для новой операции против Ренненкампфа, который не умел и не смог

согласовать свои действия с наступлением армии Самсонова и должен был теперь один готовиться к бою с уже победившим его соседа противником. Но, вместе с тем, в этот день были сделаны и последние оперативные шаги для превращения достигнутых над 2 русской армией успехов в ее гибель. Части 1 герм. к-са достигли Вилленберга, куда со стороны Ортельсбурга приближались войска ген. Макензена; тем самым, кольцо окружения тесно сомкнулось. Сложившаяся обстановка раскрылась перед русским командованием во всей ее безнадежности и отчаянии. Этот день характеризуется, в сущности, уже отсутствием всякого управления армией со стороны ее командующего ген. Самсонова.

Утром 29(16) авг. мы находим его еще в Орлау, где он объезжал собравшиеся в этом районе войска и, как передают русские источники, благодарил их за службу.

Сердечное отношение к войскам—большая заслуга высшего начальника. Но это отношение ген. Самсонова трудно согласовать с тем суровым критическим моментом, который переживала его армия. Военная история мыслит себе в такие моменты не объезжающего войска и выражающего им свою благодарность генерала, а начальника героическими усилиями спасающего свои войска, используя для этого свое оружие до последней возможности.

Что сделал генерал Самсонов, чтобы спасти остатки своей армии? Он вообще мало сделал за время своего командования; его воля вообще ни в чем и нигде не отразилась на объективном ходе событий; но еще меньше сделал он в эти критические часы.

В 11 час. 30 мин. ген. Самсонов отдал в Орлау приказ, которому суждено было стать последним. Он предписывал форсированным маршем продолжать отход XIII корпусу на Хоржеле, а XV и XXIII на Янов. Движение до Мушакена должны были прикрывать части XV и XXIII корпусов на линии Лана-Бартошкен, дабы иметь возможность эти части отвести в наименее длительный срок. XIII корпусу предписывалось форсированным маршем достигнуть к рассвету района Мушакена и расположиться здесь фронтом на Нейденбург. Общее руководство отходом трех корпусов было возложено на ком. XIII к-са ген. Клюева.

В этом приказе не было, однако, ни единого намека на необходимость объединенных действий остатков трех корпусов, дабы пробиться на юг. Ведь отход состоял ныне не в одном отступательном марше, но и в бое,—бое более тяжелом чем при наступлении. Генерал Самсонов не мог этого не знать, ибо сведения о занятии Нейденбурга и движении германцев на Вилленберг были ему известны. Между тем,—ни единого приказания, организующего объединенный прорыв через линию Нейденбург Вилленберг!

Днем 29(16) авг. ген. Самсонов выехал с офицерами своего штаба из Орлау на Янов, дабы взять снова в руки управление армией.

Вот что рассказывает о его последних часах один из документов, хранящийся в архивных делах штаба 2-й армии:

„16 (29) августа около 1 часа дня ген. Самсонов, послав Клюеву приказание объединить в своих руках управление корпусами на позиции у д. Орлау, выехал со своим штабом по дороге на Мушакен—Янов.

При въезде в лес, что к юго-востоку от д. Орлау, глазам штаба представилась картина, свидетельствовавшая о несомненной панике в тылу. По дороге были разбросаны мешки с хлебом, сухарями, порожние же повозки, на которых их везли спешили в тыл. Вместе с ними спешно отходили и повозки с патронными ящиками, а также отдельные команды боеспособных людей. По приказанию ген. Самсонова, чинами штаба с помощью части казаков конвойной сотни был наведен некоторый порядок: люди были направлены к позиции, патроны и хлеб—в тыл ее.

Командующий армией в это время высказал решение вернуться в д. Орлау для личного руководства войсками на позиции, приказав остальным чинам штаба продолжать движение в прежнем направлении на Янов. Однако, после высказанных ему доводов о необходимости личного руководства всеми корпусами, входящими в состав армии, а не только группой из XIII и XV корпусов, командующий армией, согласившись с этими доводами, решил продолжать движение через Мушакен на Янов.

Вместе с тем, как в эту минуту, так и неоднократно впоследствии, командующий армией высказывал твердое решение покончить с собой, не желая пережить позора поражения армии и влачить, как он выражался, „куропаткинское“ существование.

В лесу выяснилось, что д. Мушакен занята артиллерией и пулеметами противника. Тогда штаб с конвойной сотней свернули на д. Валлендорф, откуда продолжали движение на д. Рентковен и далее на д. Саддек. При выходе из деревни Саддек, ехавший впереди разъезд казаков конвоя был обстрелян пулеметами. Конвой командующего армией состоял из донских казаков, частью второй, частью третьей очереди. При первых же выстрелах казаки немедленно свернули с дороги за кусты. Командующий армией обратился к ним с короткой речью, призывая их к исполнению долга. Полковник Вялов начал их строить, чтобы вести в атаку, но казаки толпой мялись на одном месте, не выражая желания выйти из-за прикрывающих их кустов. Тогда гв. штабс-капитан Дюсиметьер с криком «ура» бросился по направлению к пулеметам. За ним бросились полковник Вялов и часть остальных офицеров штаба. Лишь тогда казаки решились: с громким гиком и криком, с беспорядочной стрельбой в воздух, нестройной толпой понеслись они за офицерами, но, не дойдя шагов 50-ти до пулемета, когда три казака были сбиты с лошадей, они свернули влево в находящийся в этом направлении лесок.

Полковник Вялов, имея помощниками штабс-капитана Дюсиметьера и одного из казачьих офицеров, вновь собрал казаков для вторичной атаки, соединенной с наступлением цепи спешенных казаков с фронта, но генерал Самсонов приказал офицерам штаба оставаться при нем и предоставить руководство атакой казачьим офицерам. Пока казаки готовились к новой атаке, командующий армией решил, свернуть со своим штабом к северу с целью пробраться в направлении на Вилленберг—Хоржеле.

Обойдя д. Канвизен с юга, Самсонов со штабом выехал на шоссе Вилленберг—Канвизен, на котором и остановился в верстах 4-х от Вилленберга. Здесь выяснилось, что Вилленберг также занят отрядом противника с артиллерией.

Таким образом, командующий армией со своим штабом оказывался отрезанным: все направления отхода в тыл были заняты противником. Оставалось либо пробиваться силой, либо пробираться скрытно. От пер-

вого решения командующий армией **отказался** (курсив наш), так как, не имея под рукой никаких войск, кроме остатка на половину разбежавшейся сотни, рассчитывать на успех открытого прорыва было трудно. «С такой ордой мы не пройдем» — говорил он. (Но, ведь, кроме «орды» позади отступали массы корпусов; их можно было собрать, с ними можно было прорваться. Г. И.).

С другой стороны, представлялось сравнительно не трудным пробраться сквозь неприятельские отряды, расположенные на путях отхода армии, пользуясь темнотой, лесистой местностью, а также и расположением к нам местных жителей поляков.

Командующий армией, остановившись на этом решении, приказал казакам пробираться отдельно от Штаба. (Несомненно такое решение было проще и легче; но разве в данном случае вопрос касался лишь личного спасения. А армия? Г. И.).

В исходе 8 часа вечера командующий армией со своим штабом, отделившись от казаков, перешел пешком в лесок к югу от шоссе Вилленберг—Канвизен, где было решено переждать наступление темноты.

Вместе с ген. Самсоновым находились: ген. Постовский и Филимонов, полк. Вялов и Лебедев, подпол. Андогский, штабс-кап. Дюсиметьер, поруч. Кавершинский, а также есаул Донского войска, фамилия коего неизвестна, и канонир 11 конной батареи Купчик, состоявший при Самсонове вестовым.

С наступлением темноты все вместе двинулись в путь в направлении на Хоржеле. Двигаясь гуськом, преимущественно лесом, направление держали по компасу. Во втором часу ночи дошли до леса, что у д. Каролиненгоф, здесь решили сделать привал и отдохнуть.

После получасового отдыха все встали и двинулись в путь. Ночь была совершенно темная. Ни луны, ни звезд на небе из-за туч не было видно. Все шли друг другу в затылок, причем ген. Самсонов шел обыкновенно в середине. Вследствие темноты приходилось часто останавливаться для проверки по светящемуся компасу правильности направления, причем, все обыкновенно собирались к идущему в голове, где и совещались о дальнейшем движении. Тут же происходила и перекличка. На одной из таких остановок было замечено отсутствие командующего войсками. Немедленно все пошли обратным путем по направлению к месту привала. По пути не громко звали командующего армией, подавали свистки. Таким образом прошли весь путь обратно до места привала, но ген. Самсонова не нашли. Тогда повернули обратно. Снова прошли весь путь до места последней остановки, а затем вторично вернулись к месту привала, но поиски все оставались безуспешными. Тогда решили остановиться у валежника, находившегося около места привала и оттуда продолжать искать группами в разных направлениях, но так как при этом чуть не потеряли друг друга, то поиски было решено отложить до рассвета.

На рассвете снова принялись искать. Бесплодные двухчасовые поиски были прерваны огнем противника, открытым с опушки леса с двух сторон. Пришлось сперва укрыться в лесу, а затем и отойти по указанию местных жителей поляков в том направлении, которое оставалось единственно свободным от немецких патрулей.

Преследуемые огнем то с той, то с другой стороны и обстрелянные пулеметом с автомобиля, крейсировавшего по шоссе, чины штаба подошли к д. Монтвиц, где встретили два эскадрона 6 драг. Глуховского полка и две сотни 6-го казачьего полка, прорывавшихся со штандартами обоих полков к д. Зарембы Присоединившись к ним, чины штаба и продолжали дальнейшее движение».

Что же стало с генералом Самсоновым?

Отойдя от следовавших с ним офицеров, он темной ночью в 3-ем часу покончил с собой глухим, бесслы ным выстрелом из револьвера. Это было в глухом лесу у Каролиненгофа в 4-х верстах юго-западнее Вилленберга.

Генерал Самсонов погиб. В тот момент, пожалуй и еще долгое время спустя, ни один голос не нашел в себе достаточной смелости, чтобы выступить с обвинениями против него, как командующего армией.

Над трупом погибшего солдата принято молчать; таково требование этики воинской чести. Никто не может утверждать, что ген. Самсонов этой чести не заслужил; он был, несомненно, честным и бравым солдатом и свободен, во всяком случае, от того тяжелого позора, которым покрыл себя, например, бежавший от своих войск командир XXIII-го к—са ген. Кондратович. Но для военной истории генерал Самсонов – прежде всего командующий армией. Квалификация его самоубийства, как акта глубокого отчаяния и отсутствия силы воли, дабы героическими усилиями организовать прорыв остатков своей армии, не требует особого доказательства. Для человека такой поступок, конечно, не бесчестен; но со стороны командующего армией он свидетельствует о глубокой неподготовленности к своим высоким обязанностям. На войне есть достаточно возможности погибнуть с честью, и для этого не надо прибегать к самоубийству. Если бы ген. Самсонов нашел в себе достаточно воли объединить войска для организованного прорыва, если бы он вышел с боем из окружения хотя бы с одним полком своей армии, если бы он, наконец, в последнем бою был сражен пулей противника, — история могла бы сказать: да, армия Самсонова потерпела грандиозное поражение; к тому было много глубоких причин; но она все же имела достойного командующего.

Но так не случилось, и так история сказать не может. Наоборот, она говорит: было бы неправильно считать ген. Самсонова и его действия единичными в русской армии: нет, и он и его действия были глубоко типичны. По своему концу они являются, пожалуй, проявлением того самого благородного, что можно было найти в русской царской армии. В подобные критические минуты другие русские генералы поступали иначе: Кондратович бежал от своих войск; в сущности аналогично поступил Ренненкампф, бежавший после сражения под Ангербургом в Ковно; наконец, с первым же выстрелом мортиры, бомбардировавшей эту крепость, бежал комендант ее Григорьев.

Полная неподготовленность к управлению большими вооруженными массами, непонимание самой техники управления, притупленность оперативной восприимчивости и косность оперативной мысли,—все эти черты, так наглядно выявившиеся в действиях ген. Самсонова, были характерны для всей старой русской военной школы. Ген. Самсонов не мог быть в этом отношении исключением; и если он им был, как честный солдат, то разве только в лучшую для себя сторону.

Итак, командующий армией погиб; но в то же время были сочтены часы и остатков его армии, которые теперь превратились в деморализованные массы, утратившие всякое подобие организованной вооруженной силы, имевшей за собой свою историю и свои традиции. Фланговые корпуса 29 (16) авг., в общем, бездействовали. 1 арм. корп. утром получил отданное ген. Самсоновым приказание о немедленном наступлении на Нейденбург. Незначительная часть корпуса (два полка 3 гв. дивизии) выступила, однако, из Млавы, лишь в 18 часов и подошла к Нейденбургу на следующий день, когда остатки самсоновской армии были уже пленены. VI корп. оставался 29 (16) авг. в районе южнее Ортельсбурга, предоставляя частям XVII гер. к-са возможность двигаться на Едвабно и тем запереть восточные выходы из Грюнфлисского леса [1]). Что же касается центральных корпусов, то утратившие всякую веру в свою силу и отчаявшиеся в существовании какого бы то ни было смысла во всем происходящем, они продолжали свой отход, ставший теперь стихийным. После полудня они стали втягиваться в Грюнфлисский лес; молча, словно могила, приняли их лесные пространства. И, действительно, из Грюнфлиского леса остаткам армии Самсонова не суждено было более выйти, ибо все выходы из него были уже заняты германцами.

В 19 час. части XV и XXIII корпусов остановились в двух верстах севернее Мушакена: выходы из леса были уже все под обстрелом противника. XIII-й корпус, утомленный и расстроенный, без единого сухаря, остановился в ночь на 30 (17) у Валлендорфа, где авангард его был также встречен пулеметным огнем. Всюду противник — и всюду огонь. Полное окружение. Наступал конец.

---

[1]) Некоторый свет на роль VI-го корпуса во всей операции, быть может, прольет записка и. д. начальника штаба корпуса полковника Залесского, который еще 25 августа писал в штаб армии полковнику Крымову: «третий день стою в Дубы Пущальске. Разведываю свои тылы (!?). Не можете ли сообщить, как долго буду стоять. № 186» (Архив. дело № 13 134).

Г. И.

ГЛАВА XV.

„Канны", 30 (17) августа.

(Схема № 6)

«Было дано сражение на уничтожение, и притом—наперекор всем теориям—победа была одержана меньшими силами».

Шлиффен.

Настало воскресенье 30 (17) авг.—пятый день сражения; он, казалось, предрешал окончательную и беспрепятственную ликвидацию остатков Самсоновской армии, полное окружение коих было достигнуто уже накануне.

Военное искусство могло в этот день превратиться в ремесло, ибо оно достигло своего высшего предела 29 (16) авг. когда, на линии Нейденбург—Вилленберг—Ортельсбург отступавшим русским корпусам были отрезаны все пути отхода на юг. Стратегически «Канны» были разыграны, оставалось тактически их довершить. Имея перед собой деморализованные и никем не управляемые остатки нескольких русских корпусов, германское командование могло, несомненно, рассчитывать на успешную тактическую развязку, хотя кольцо окружения замыкало на 35-верстном протяжении от Нейденбурга до Вилленберга одна 1 герм. прусская дивизия.

Пятому, и в сущности, последнему боевому дню суждено было, однако, принести германскому командованию новые и под час тяжелые испытания. «Психика полководца—говорит по этому поводу Людендорф—находится под влиянием многих внешних впечатлений. Полководец должен поэтому обладать крепкими нервами».

30 (17) авг. не дало в этом отношении германскому командованию отдыха. Когда на рассвете части I рез. и XVII арм. к-сов приступили к выполнению предписанной им перегруппировки, сосредоточиваясь к Алленштейну, германское командование получило три тревожных донесения: одно сообщало о наступлении армии Ренненкампфа; другое—о наступлении, очевидно, собравшихся частей VI русск. к-са на Ортельсбург, и, наконец, третье, наиболее тревожное, говорило о наступлении крупной колонны противника от Млавы на Нейденбург. Очевидно, русское командование принимало героические меры, чтобы спасти окруженные остатки армии Самсонова и вырвать их из пасти противника.

30 (17) авг. было для германцев днем боя за захваченную добычу, днем боя за «Канны». Стратегическая проблема этого дня сводилась для германского командования

к тому, чтобы окончательно овладеть той добычей, которая была им уже схвачена и которую пытались теперь еще вырвать; — в этом же заключалась при создавшейся обстановке и тактическая проблема Канн. Из полученных сведений наиболее важное значение имело то, которое сообщало о наступлении армии Ренненкампфа, ибо эта последняя могла не только сорвать в сущности уже завершенную операцию против Самсонова, но представляла серьезнуо угрозу для самих германцев.

Ренненкампф получил 29 (16) авг. два приказания. Первое в 7 часов гласило: «Ввиду тяжелых боев, которые ведет 2-я армия, глав-ком. приказал выдвинуть Вам ей на поддержку два корпуса, а кавалерию направить в общем направлении на Алленштейн». В 11 часов новое приказание говорило: «2-я армия отошла, потому главком приказал приостановить дальнейшее выдвижение выдвинутых вперед двух корпусов».

В итоге встревоженное германское командование имело с востока не наступающую, а, в сущности, оттягивающую свой левый фланг армию Ренненкампфа, ибо в продолжение 30 (17) авг. ее левофланговые корпуса — IV и II — отошли опять на линию Гр.-Шенау – Растенбург. И только крупные ее конные массы продолжали в этот день, по указанию Главнокомандующего, продвигаться вглубь Восточной Пруссии прямо на запад и юго-запад, имея здесь задачу выяснить положение войск генерала Самсонова, о коих в штабе фронта ничего не было известно.

Корпус хана Нахичеванского занял район Вормдит-Гутштадт; его разведывательные эскадроны были уже на путях к Алленштейну. Это обстоятельство, равно как и усиленная деятельность русского XX корпуса на реке Дейме против выдвинутых частей кенигсбергского гарнизона, создавали в штабе 8 германской армии впечатление серьезного наступления Ренненкампфа. Значительную опасность для положения 8 армии представляло собою занятие неприятельской конницей линии Вормдит-Гутштадт и приближение ее к важному железнодорожному узлу Морунген, занятие коего поставило бы германцев в весьма серьезное положение. К охране линии Морунген-Алленштейн были привлечены войска ген. Унгерна и переброшенные к тому времени в этот район мелкие части гарнизонов Данцига и Мариенвердера; все эти войска поступили в распоряжение этапного инспектора, получившего специальное задание по обороне тыловых путей армии.

При таких условиях перегруппировка, предписанная германским командованием вечером 29 (16) авг., приобретала значение тем большей важности. Между тем, вести шедшие с юга, где 1 арм. корпус и части XVII корпуса держали

остатки Самсоновской армии в окружении в Грюнфлисском лесу, мало благоприятствовали этому. XVII корпус, предполагавший 30 (17) авг. продвинуться своим левым флангом еще более на юг, дабы у Вилленберга войти в непосредственную связь с войсками 1 корпуса, был отвлечен к стороне Ортельсбурга, где разбитый в предыдущие дни VI рус. корпус, казалось, обладал еще силами, чтобы вновь повести наступление. И, действительно, получив еще 28 (15) авг. последнее приказание Самсонова, командир VI корпуса ген. Благовещенский подтянул 29 (16) авг. свою 16 дивизию к озеру Вальдпуш, готовясь к атаке Ортельсбурга. В 11 ч. 30 (17) авг. он получил, однако, приказание главком. о немедленном сосредоточении к Вилленбергу для содействия ген. Самсонову. 4 кав. дивизия должна была наступать на Пассенгейм. Приказание кончалось припиской: „главком. требует энергичного выполнения поставленной задачи и скорейшего открытия связи с ген. Самсоновым".

Итак, корпус должен был сосредоточиться к Вилленбергу; в этом пункте он мог, конечно, по кратчайшему направлению разорвать кольцо, окружавшее остатки Самсоновской армии. 16 див. корпуса ночевала на 30 (17) авг. южнее Ортельсбурга в 20 *км* от Вилленберга. 4 див. ночевала в районе Фюрстенвальде (т.-е. на расстоянии 20 *км* от 16 дивизии) и находилась от Вилленберга на расстоянии 15 *км*.

После полудня корпус мог сосредоточиться к Вилленбергу, и хотя в это время массовое пленение остатков армии Самсонова уже началось, все же „Канны" могли быть еще разрушены. В 14 ч. ком. VI кор. получил вторичное приказание о немедленном движении на Вилленберг: очевидно, на VI корпусе лежала в этот день огромная ответственность за судьбу окруженных частей армии Самсонова. Но бой под Ортельсбургом был начат с утра и вяло продолжался до 17 часов.

Между тем, Гинденбург, оповещенный о событиях на левом фланге, приказал Макензену решительной атакой немедленно покончить с противником у Ортельсбурга и лишь затем быть готовым к предположенной перегруппировке. Макензен и без того отправилл на Ортельсбург свою 36 пех. дивизию. 35 див. продолжала своим левым флангом движение к Вилленбергу, где частями своей 70 бригады вошла в непосредственную связь с войсками 1 корпуса. 36 дивизия вступила у Ортельсбурга в бой с 16 русской дивизией. В тыл последней была, кроме того, из Вилленберга брошена конница 1 арм. к-са. В итоге, после полудня русские были у Ортельсбурга вынуждены к обороне, а затем и к отступлению. Также и 4 кав. дивизия, не доходя Пасенгейма, была отброшена частями XVII корпуса. Все

признаки моральной неустойчивости были в этот день в VI корпусе налицо; да после его поражения в дни 26 (13)—27 (14) авг. трудно было и ожидать другого, ибо в основе моральных сил лежат глубокие и более или менее устойчивые социальные факторы,—однако, отнюдь не настроение минуты.

Лишь к полуночи корпус, деморализованный и едва ли боеспособный, сосредоточился на линии Липовец-Баркен в 10 *км* вост. Вилленберга. Теперь было, однако, уже поздно: армии Самсонова более не существовало. В ночь на 31 (18) авг. корпус получил приказ отходить на Мышинец и, преследуемый противником, отступил прямо на Остроленку

Так кончилась попытка разорвать германское кольцо у Вилленберга и тем спасти остатки армии Самсонова.

Между тем, в тот же день слабая и редкая цепь 1 герм. дивизии, окружавшей Грюнфлиский лес с юга, выдерживала еще один напор у Нейденбурга. Положение германцев было здесь особенно тяжело, ибо в Нейденбурге, где пребывало и командование I корпуса, находились лишь два батальона пехоты.

Утром 30 (17) авг. военный летчик сбросил над Нейденбургом сообщение о наступлении крупной колонны всех родов войск, оцененной в один корпус, из Млавы, при чем в 10 ч. утра хвост колонны находился в 1 *км* ссевернее этого пункта. Здесь, действительно, вновь наступал 1 рус. арм. корпус, тот, который нес на себе самую большую долю ответственности за окружение центральных корпусов 2 армии. Но был ли он готов теперь искупить свою вину? Утром 29 (16) авг. в корпусе было получено последнее приказание ген. Самсонова о немедленном наступлении на Нейденбург. В 18 часов того же дня из Млавы выступила часть 1 корпуса (два полка 3 гв. дивизии, семь батальонов 1 стр. бригады и часть артиллерии). Остальные части, сильно утомленные и растроенные, должны были выступить на следующий день.

Около полудня 30 (17) авг. голова колонны 1 корпуса достигла Кандиена в 5 *км* южнее Нейденбурга. Ген. Франсуа оказался в серьезном положении. Под рукой у него были лишь два батальона, коими он немедленно организовал оборону южнее Нейденбурга. Кроме того, он тотчас же подтянул к этому пункту батальон с батареей, стоявшие в Грегерсдорфе и все сосредоточенные в Грюнфлисе свободные части 2 пех. дивизии. Наконец, ген. Мюльман получил приказ, через Сaберау, немедленно выступить на помощь. Штаб корпуса перешел в Модткен. Поняв всю серьезность положения, Франсуа решился дать отпор новому наступлению 1 рус. к-са, отнюдь не ослабляя 1 дивизии, оцепившей

Грюнфлиский лес. Для тактического завершения стратегически достигнутых «Канн», 1 дивизия имела решающее значение; поэтому в критические часы 30 (17) авг. Франсуа не уменьшил ее боевого состава ни на один батальон. Между тем, в Остероде в штабе 8 армии были сильно озабочены создавшейся у Нейденбурга обстановкой. Срочная телеграмма Гинденбурга оповестила Франсуа о предоставлении в случае надобности в его распоряжение всех свободных резервов армии, т.-е. ландверных войск Унгерна, дивизии фон-дер-Гольца, 41 и 3 рез. дивизий. Людендорф предполагал даже через Вилленберг сосредоточить к Нейденбургу бо̀льшую часть XVII-го корпуса. Германское командование было готово еще раз, игнорируя Ренненкампфа, бросить на Нейденбург все свои свободные силы—лишь бы вырвать у противника полную и решительную победу. Оно, без сомнения, сделало бы это, если бы к тому вынудила обстановка.

Однако, Франсуа мог сам справиться со своей задачей. Медленно и осторожно наступали русские войска на Нейденбург, сдерживаемые тремя прусскими батальонами. Поздно вечером 30 (17) авг. им удалось даже занять Нейденбург. От плененных, но естественно еще находившихся на поле сражения корпусов армии Самсонова их, отделяло теперь ничтожное расстояние, около—15 *км* и дальнейшее безостановочное, энергичное продвижение на Напивода и Мушакен, хотя бы в ночной темноте и сверх-человеческом напряжении своих сил—должно было сознаваться личным составом 1 рус. корпуса, как непременная и святая обязанность по отношению к погибающему боевому товарищу. Пусть человек уже тонет, пусть он уже захлебнулся – все же это ни у кого и никогда не может отнять моральной обязанности его спасать. Но это чувство долга, столь необходимое в военной среде, повидимому, мало культивировалась в русской армии.

Заняв Нейденбург, части 1 корпуса остановились. Правда, было уже поздно и надвигалась ночь; войска же устали. Но что могли значить эти условия, по сравнению с гибелью нескольких корпусов. Наконец, и германцы, ведь, устали не меньше. Какой же смысл было вообще наступать на Нейденбург и занимать его, если войска остановились на таком расстоянии от плененных корпусов, откуда им только оставалось протянуть руку. Всю ночь простояла 3 гв. дивизия севернее пылавшего в пламени Нейденбурга, пока после полуночи начальник ее, Сирелиус, под влиянием полученных им сведений о гибели центральных корпусов Самсонова, решил, что дальнейшее его выдвижение является запоздалым; а движение со стороны Саберау бригады ген. Мюльмана ставило его самого в трудное положение, и потому, не дожидаясь рассвета 31 (18) авг., он, вопреки приказанию вре-

менно командующего корпусом, отошел прямо к Млаве. Его отступление было настолько поспешно, что в руках войск ген. Франсуа осталось до 500 пленных. Между тем, и прочие части корпуса, двинутые на Мушакен, получили приказание вернуться.

Германское командование не ожидало такого легкого разрешения наступившего у Нейденбурга кризиса и отдало после полудня приказ о движении некоторых частей на юг. К вечеру 30 (17) авг. войска ген. Унгерна сосредоточились северо-западнее Нейденбурга, дивизия фон-дер Гольца—южнее Ваплица, 41-я дивизия—южнее Бана. Итак, германское командование все же решилось на это сосредоточение, отказавшись от предположенной перегруппировки своих частей против Ренненкампфа. Эта перегруппировка была к вечеру 30 (17) авг. выполнена лишь частично: в районе Алленштейна сосредоточились 1 рез. корпус и 37 дивизия; 6 ландв. бригада, находясь на путях к этому пункту, достигла Вартенбурга. К рассвету 31 (18) авг. ген. Франсуа располагал уже значительными силами. Полученный им еще ночью 30 (17) авг. приказ, сообщавший о сосредоточении указанных сил, гласил: «все эти войска поступают в ваше распоряжение для проведения решительного наступления». Однако, отход 1 рус. корпуса к Млаве еще перед рассветом 31 (17) авг. сделал выполнение этого приказа ненужным.

Так кончилась вторая попытка выручить погибающие корпуса 2 русской армии. Русское командование имело 30 (17) авг. возможность прорвать германское кольцо окружения, сжимавшее в своих тисках остатки армии Самсонова, на двух флангах: у Нейденбурга и у Вилленберга. От энергичных, смелых и быстрых действий зависело, удержится ли тонкая линия германского кольца окружения, либо она будет разорвана, открыв остаткам Самсоновских корпусов пути отхода на юг. Но этих быстрых и решительных действий не было: моральная неустойчивость, отсутствие сознания важности выполняемой задачи, отсутствие решимости хотя бы пожертвовать собой, но спасти погибающего—все то, что нам раскрылось в действиях русских войск с самого начала операции, не было исключением и в этот грозный для армии Самсонова день ее гибели. И в то время, когда два русских корпуса, словно человек, который, стоя на берегу реки, видит утопающего, но боится броситься в воду, своими нерешительными действиями как будто старались, но не могли спасти остатки армии Самсонова,—в 15-20 верстах от них в Грюнфлиском лесу разыгрывался последний акт великой трагедии.

Сквозь частые высокие сосны Грюнфлиского леса восходящее солнце 30 (17) авг. осветило своими лучами изнуренные и деморализованные остатки армии, которая неделю

тому назад, свежая и только что покинувшая свои мирные казармы, переступала границы Восточной Пруссии. Теперь это не были более организованные войска. Ночью на узких лесных дорогах все успело перемешаться. Люди различных частей, артиллерия и обозы—все составляло ныне одну массу, настолько деморализованную и изнуренную, что властвовавшая над ней накануне паника сменилась теперь в большей части колонн бессильным отчаянием, граничащим с полной апатией. При таком моральном настроении попытки организованного прорыва были исключены; войска не были более способны к бою. Лишь отдельные отряды пытались к утру 30 (17) авг. с боем прорваться на юг. Кое-где они имели даже успех; слишком слаба была редкая цепь 1 герм. дивизии на шоссе Нейденбург - Вилленберг. У Калтенборна и Валлендорфа германские заставы были даже опрокинуты; частями 36 дивизии XIII русского корпуса были даже взяты пленные и несколько орудий. По полевым дорогам и тропинкам,—ибо все крупные пути были заняты,—хлынули тогда отдельные отряды на Мушакен-Рендковен-Канвизен. Но то не была вся масса отступающих войск, большая часть коих предпочла остаться в лесу и отдаться воле судьбы. На линии Грюнфлис-Грегерсдорф и Мушакен отступившие отряды встретили сильное сопротивление германцев и были вынуждены обратно отойти к Грюнфлискому лесу. К полудню 30 (17) августа, изнуренные и обессиленные, они начали сдаваться в плен.

Части XV и XXIII корпусов были пленены в районе д.д. Валлендорф, Улешен, Мушакен. Разрозненные части XIII к-са попадали в плен в том же районе в течение всего 30 (17) авг. и до рассвета следующего дня. Само пленение и обезоружение давало еще богатые примеры высокой доблести и мужества отдельных русских солдат. Попытки отдельных отрядов прорваться через линию 1 герм. дивизии имели место всю ночь на 31 (18) авг. Особенно ожесточенны были они в районе Канвизена и Пухалловен. Но лучшая солдатская доблесть не могла принести теперь спасения.

Первые лучи восходящего солнца 31 (18) авг. осветили в районе Мушакен Канвизен жуткую картину разыгравшейся здесь драмы. «Сотни трупов русских воинов покрывали местность; по полям блуждали худые, изнуренные, оставленные лошади. По краям дорог и в деревнях нашли себе приют изнеможенные и обессиленные русские солдаты. У Мушакена—увязшая тяжелая русская батарея; около нее убитые в упряжи лошади и несколько убитых русских артиллеристов и пехотинцев; среди последних крупная фигура командира 24 пех. полка 6 дивизии. И невдалеке от батареи трупы германских солдат, очевидно, ее атаковав-

ших. Наконец, всюду огромные массы военного материала, оставленные повозки, брошенные пулеметы и орудия»[1]).

А вдали молчаливый Грюнфлиский лес хранил в себе великую тайну в нем пережитого накануне.

На шестой день закончилась грандиозная жестокая борьба двух армий; одна из них была окружена и погибла. «Канны» совершились. Большая часть армии Самсонова была уничтожена и пленена: 90.000 пленных[2]) при 500 орудиях и 200 пулеметах, 40.000 убитых и 30.000 раненых—вот, что стало с армией Самсонова.

Днем 31 (18) авг. Гинденбург доносил в главную квартиру германской армии:

«Доношу, что вчера кольцо вокруг большей части русской армии замкнулось. До сего времени взято 60.000 пленных, среди коих командующие генералы XIII и XV корпусов. Многочисленные орудия находятся еще в лесах и собираются. Военная добыча, еще не подсчитанная, велика. Находившиеся вне кольца окружения I и VI корпуса противника также сильно пострадали и находятся в паническом отступлении на Млаву и Мышинец".

Генерал фон-Бенекендорф фон-Гинденбург.

К полудню 31 (18) авг. летчики принесли известие об отступлении армии Ренненкампфа на всем фронте на восток.

Германское командование предписывало своим войскам немедленно закончить сосредоточение против Неманской армии противника. Им руководила одна мысль: от боя к бою, от победы к победе.

---

[1]) François. Tannenberg und Marneschlacht.

[2]) Из них I-й дивизией были пленены до 60.000 человек, а XVII-м корпусом до 30.000.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

«То, что делает гений, должно быть высшим правилом; теории не остается ничего лучшего, как объяснить, каким образом и почему это именно так».

Клаузевиц.

Перед нами раскрылась вся эволюция операции 8 германской армии против 2 русской,—операции, завершившейся полным окружением и гибелью большей части последней.

20 (7) авг. 8 армия имела неуспех, из коего отдельные ее части, как, напр., XVII арм. корпус, вышли сильно потрясенными. В ночь на 21 (8) авг. ген. Притвиц отдал приказ об общем отходе, намереваясь сначала отступить за Вислу. Это решение он изменяет 22 (9) авг.; но в это время управление армией переходит к новому командованию, в лице Гинденбурга и Людендорфа.

От отступления армия резко и решительно переходит к контр-наступлению против нового противника, двигавшегося с линии реки Нарева. 24 (11) авг. фронт против Ренненкампфа почти оголяется и вся 8 армия сосредоточивается против наступающих корпусов ген. Самсонова, имея первоначальной задачей охвата их левого фланга с целью дальнейшего движения в их тыл на Нейденбург. 26 (13) авг. сосредоточение закончено и армия переходит на правом крыле и в центре в наступление.

Два тяжелых, мучительных дня кризиса сражения.

Но к 28 (15) авг. оба фланга Наревской армии, эти столпы, обеспечивающие всю ее стратегическую состоятельность, окончательно сбиты и Самсоновские корпуса начинают сжиматься в германских тисках. 29 (16) авг. германское кольцо замкнуто. 30 (17) авг. гибнут остатки Самсоновской армии.

Французы старались умалить значение этой операции, объясняя достигнутое Гинденбургом окружение счастливым стечением обстоятельств—именно неподготовленностью и несерьезностью русских войск, как вооруженной силы. Они говорят, что если бы Ренненкампф продолжал свое энер-

гичное наступление, то был бы окружен не Самсонов, а Гинденбург [1]).

Конечно, если бы русское командование и войска не уступали германской стороне, навряд ли была бы разыграна операция Гинденбурга. Именно последняя доказала огромное превосходство германской армии над русской [2]), и это является основной причиной возможности достигнутой германцами победы. „Ганнибалам нужны Варроны“—так говорил еще Шлиффен. Но от этого никакой Ганнибал, если он только привел свои войска к Каннам, не перестает быть Ганнибалом. И тем не менее вопрос о доли активности германского командования и войск в разыгранной операции остается, в конце концов, наиболее существенным для ее оценки, как образца военного искусства.

Простая случайность, разыгравшаяся помимо воли и планов германцев, или сознательно руководимая операция—этот вопрос сохраняет все свое значение.

Когда в октябре 1914 года испанский военный атташе майор Бальдивиа спросил Людендорфа, была ли операция против армии Самсонова проведена по ранее разработанному плану,—генерал Людендорф ответил: „конечно нет“. Бальдивиа был поражен, а вместе с ним и многие в противостоявшем тогда Германии лагере. Только истый ученик школы Шлиффена мог понять всю нелепость подобного вопроса, и только чуждый этой школе офицер мог подобный вопрос задать:

„Лишь глупец может полагать, что является возможным проводить операцию с начала до конца, согласно заранее принятого, в деталях разработанного и полностью выдерженного плана“—говорит Мольтке.

Именно, если бы операция против армии Самсонова протекла строго по заранее разработанному плану, она была бы простой случайностью, ибо война есть поистине „вечное непостоянство и постоянная изменчивость“.

Предусмотреть в ней что-либо далее первого столкновения с противником абсурдно и невозможно; если бы последующие события совпали с заранее предусмотренными, это была бы простая случайность.

Именно германская военная школа, в основе коей лежит формула Мольтке „стратегия есть система подпорок“, является, говоря словами Шлиффена,—„громким протестом

---

[1]) Лишь один генерал Бюа признает в своем труде о Людендорфе эту операцию германцев классическим образцом военного искусства. Так же отзывается о ней и Дюпон. Г. И.

[2]) Такое утверждение возможно будет лишь после того, как будет вскрыта вся тактическая сторона операции. 70 тыс. убитых и раненых на 200 тыс. бойцов—цифра красноречивая, мимо которой пройти нельзя.

Прим. Ред.

против всех тех, которые в принципах теории, в предвзятых приемах метода, в действиях по внутренним или внешним операционным линиям, в охвате или прорыве видят могущественное средство победы". Именно это основоположение германской школы является утверждением того, что каждый случай на войне является случаем отдельным, может быть, сходным с каким-нибудь другим, но далеко неодинаковым и потому требующим отдельных и по целесообразности ему более соответствующих оперативных мероприятий, — является утверждением полной свободы полководца в выборе тех средств, коими он полагает возможным достигнуть победы.

Полководец, который бы захотел всегда действовать, согласно своему заранее разработанному плану, был бы дегенератом военного дела, безжизненным догматиком и доктринером, которого военная история не раз жестоко карала. „На войне мы встречаемся с независящей от нас волей противника"—говорил Мольтке. Бороться же с ней по заранее предвзятым планам значило бы действовать просто впустую и, в конце концов, полностью покориться ей. Полководец должен обладать свободным, гибким и восприимчивым рассудком, способным своей собственной творческой силой ежеминутно реагировать на беспрерывно сменяющиеся и заранее не учитываемые объективные условия обстановки боя.

Эволюция германского плана операции, — именно эволюция, а не принятие его в один определенный день и час,— показывает, какое беспрерывное участие принимало в течение оперативных событий германское командование, как беспрерывно реагировало оно на каждый новый оперативный фактор, каким восприимчивым и гибким, способным к неиссякаемой творческой деятельности, рассудком обладало оно в противовес косному, догматическому рассудку русского командования.

Идея проведения главного удара против левого фланга Самсонова была принята с самого начала, но в этом заключался лишь план операции до первого столкновения с противником. А план проведения этой операции? Он беспрерывно эволюционировал под влиянием учета новых факторов обстановки и пережил даже момент, когда центр тяжести ее был перенесен под Хохенштейн.

Операция развивалась естественно и свободно, как дерево, питающееся в своем росте силами природы. Она не явилась догматическим, не считающимся с внешней обстановкой оперативным действием по заранее разработанному, предвзятому плану—и в этом вся ее сила, как образца военного искусства. Но, вместе с тем, мы не укажем во всем течении операции ни одного хотя бы мелкого оперативного события, которое не было бы вызвано сознательным распоряжением

германского командования, как его реакция на какой-либо новый оперативный фактор.

Переберем в памяти все наиболее яркие моменты в течение операции, так или иначе определившие ее исход: атака 1 герм. корпуса у Уздау; движение 1 рез. и XVII арм. корпусов на юг и их атака у Бишофсбурга; движение 1 рез. корпуса на Алленштейн в тыл русскому XIII корпусу; атака в центре у Хохенштейна; движение ген. Франсуа на Нейденбург и Билленберг с целью пересечения русским корпусам всех путей отступления на юг и их окружения; наконец, продвижение XVII армейского корпуса к Билленбергу с целью окончательно замкнуть кольцо окружения вокруг остатков армии Самсонова—все это последовало по приказанию германского командования.

Было ли в действиях германских войск в этой операции хоть что-либо случайное?— Нет. Но были ли эти действия предусмотрены заранее разработанным планом операции?— Тоже нет.

В этом и только в этом заключается вся ценность восточно-прусской операции 1914 г., как величайшего образца военного искусства, не говоря уже об объективном значении ее, как завершенных „Канн".

В этой операции не было ничего постоянного, предвзятого и неизменного, кроме неизмеримо сильной и могущественной воли германского командования довести дело до полной победы. Во имя этой идеи Гинденбург почти совершенно оголил фронт перед Ренненкампфом, отдавая приказание о движении на юг 1 рез. и XVII арм. корпусов; во имя ее же он готов был в последний момент 30 (17) авг., игнорируя наступающие части Ренненкампфа, бросить под Нейденбург все свободные резервы.

Сильная, могучая воля была основным фактором германской победы; она одна была постоянной величиной во всей изменчивости разыгравшихся событий. Операция Гинденбурга является ярким доказательством блестящей мысли Мольтке, что «на войне от самого начала военных действий все непостоянно и непрочно, кроме воли и силы стремления полководца».

Сильная воля к победе была во всем течении операции единственным фактором, на основе коего изменчивость оперативных событий могла быть скована осуществившейся идеей «Канн».

Вот почему на вопрос: простая ли случайность, разыгравшаяся помимо воли и планов германцев, или сознательно предусмотренная и предварительно разработанная операция?— мы отвечаем: ни то, ни другое, а сильная и могущественная воля довести сражение до полной, уничтожающей победы.

И тут перед нами встает другая проблема военного дела.

Под войной принято обыкновенно разуметь социальное, политическое, экономическое и, в общем, материальное явление. Но такое определение страдает чрезвычайной неполнотой. В нем отсутствует вся доминирующая сущность военного дела—именно моральный фактор. В итоге он, конечно, тоже сводится к комплексу социально-экономических явлений. Но, как таковой, для уразумения природы войны, в себе он должен быть отмечен совершенно отдельно и с этой точки зрения война есть, во-первых, явление моральное и психическое, а бой—грандиозное соревнование двух неизвестных моральных сил.

Если оперативный план и совокупность использованных в бою средств борьбы превзошли таковые же противника, то это означает ничто иное, как действительное превосходство моральных сил данной стороны. Если мы задаем себе вопрос: как было возможно, чтобы германцы в продолжении 4½ лет могли противостоять на полях сражений на много превосходившим их силам противников, то верный ответ может быть лишь один—причина этого кроется в колоссальном превосходстве моральных сил германского бойца. Когда в 1918 году германский фронт на Западе зашатался, то причина этого заключалась только в полном упадке этих моральных сил.

И когда мы, с этой точки зрения, спрашиваем, как была возможна Самсоновская катастрофа, эта исключительная в военной истории и невероятная на первый взгляд гибель целой армии в начале войны от, примерно, равных, если не уступавших сил германцев в то время, когда другая мощная армия Ренненкампфа находилась от места катастрофы на расстоянии двух переходов, ничего, однако, не предпринимая для оказания помощи своему соседу,—ответ нам говорит: неправильно считать одни оперативные ошибки причиной гибели армии Самсонова.

Когда дело касается полной моральной неустойчивости войск, полного несознания высшим командным составом возложенных на него долга и ответственности, тогда мы имеем дело не с оперативными ошибками, не с факторами военно-технического порядка, а с моральными факторами, основы коих коренятся во всей не только военной, но и государственной системе.

В одной из своих статей [1]) профессор Келчевский говорит, что операцию 2-й армии проводили люди, страдавшие параличем мозга.

«Параличем мозга»—мы не беремся утверждать, но что они страдали параличем моральных сил—это несомненно.

И, действительно: в чем заключались оперативные ошибки генералов Артамонова и Благовещенского, корпуса

[1]) Келчевский. Кордонно-Калиточная стратегия. „Война и мир" № 4.

которых (1-й и VI-й) оголили фланги армии? Тут мы имеем дело именно не с ошибками, а с полной моральной неподготовленностью всего личного состава армии.

Как могли Артамонов и Благовещенский отступать, пока в их распоряжении оставался хотя бы один солдат и одна пушка, если их отход открывал доступ во фланг и тыл армии, чего эти генералы не могли не знать? Как могли они не сознавать той огромной ответственности, которую несли? Что здесь может сказать военно-историческое исследование?—оно бессильно.

Когда генерал не сознает своего долга, когда солдат бежит с поля сражения, когда войска целыми массами сдаются в плен,—то это не оперативные ошибки, а отсутствие той моральной подготовки, которую нужно воспитывать еще на школьной скамье, это отсутствие той основы военного дела, которую Мольтке назвал «Festigung moralischer Eigenschaften».

Самсоновская армия была в этом смысле, поистину разбита до сражения. Причины ее гибели мы должны искать в социальной структуре прошлого России, в основах всей ее государственной системы, в условиях ее дореволюционного быта за много лет до этих страшных дней Грюнфлисского леса.

„Канны"—этот идеал и вместе с тем руководящая идея всякого сражения до тех пор, пока оно преследует цель подавления противной стороны, т. е. пока вооруженная борьба человечества остается действительным инстинктом социальной жизни—„Канны", столь редкие в истории войн, обогатились еще одним поучительным примером своего конкретного осуществления.

По национальным соображениям германцы назвали свою победу Танненбергом. В сущности, это не совсем верно. В несравненно большей степени самой сути и смыслу операции соответствовало бы название Грюнфлиса. В Грюнфлиском лесу операция нашла свое завершение, здесь замкнулось германское кольцо окружения, здесь погибла большая часть армии Самсонова.

29 (16) авг. 1914 г. Грюнфлисский лес, сковавший в себе остатки русских корпусов, был окружен со всех сторон германскими войсками: „Канны" нашли здесь свое полное выражение.

Весть о них была встречена в 1914 г. ликованием в центральных империях. Мир же молчал. Слишком невероятной и немыслимой казалась уничтожающая победа германцев. Новые Канны замалчивались. Не вполне ясно сознаются они подчас и ныне.

Потерпевшая поражение сторона не была разбита вообще; война не кончилась; Грюнфлисское сражение даже

не сказалось сколько-нибудь существенно на ее течении [1]). Но это потому, что решение судьбы войны одним, так называемым, генеральным сражением стало, при современных массовых армиях и огромных протяжениях фронта, вообще невозможным. Такое генеральное сражение стало преданием истории.

Правда, Шлиффеновский план наступления на Францию имел в своей основе идею грандиозных «Канн» на театре военных действий. Заходя правым плечом, германские армии должны были захлестнуть своим крылом всю французскую армию и, прижав ее тылом к поясу крепостей, окружить и уничтожить. Этой идее грандиозных «Канн» не суждено было свершиться.

Грюнфлис был только частным сражением на частном театре войны. Он и не мог дать результатов подобных тем, которые имел Седан; поэтому он, быть может, и менее заметен.

Но рассматриваемая с точки зрения военного искусства, как таковая, Грюнфлисская операция нисколько не теряет от этого своего значения, как образец осуществленных «Канн».

Ценность этой операции для военного искусства нисколько не умаляется.

Наоборот, та трудная обстановка, в какой она протекала, делает ее наиболее поучительным показом того, что и в условиях современного состояния военного дела, при массовых, громоздких и в общем неповоротливых армиях, идея уничтожающего сражения может быть осуществлена в идее «Канн».

---

[1]) Мы не склонны разделять мнение, что оно решило участь сражения на Марне, вынудив германское командование перебросить два корпуса с запада на восток. Банкротство германского наступления на Францию в 14 г. имеет более глубокие, правда, еще мало осознанные причины. Два корпуса на правом германском крыле могли Марнское сражение продлить еще на 2—3 дня, доведя кризис его для французов до более высокого напряжения; но они не могли изменить участи этого грандиозного захождения армий правым плечом, имевшего в своей основе искаженный план Шлиффена и его изуродованный метод проведения операции. *Г. И.*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Состав 8 германской армии в августовских боях 1914 года.

Командующий армией—генерал от инфантерии фон-Бенекендорф фон-Гинденбург.

Начальник штаба генерал майор Людендорф.

Первый офицер Генерального штаба—полковник Гофман.

Обер квартирмейстер—генерал майор Грюнерт.

1-й арм. корпус: ген. от инф. фон Франсуа. Начальник штаба полк.—Шмидт фон Шмитсэк.

1 пех. дивизия: ген. лейт. фон Конта.

1 пех. бригада: 1 гренад. полк, 41 пех. полк., 2 пех. бригада: 3 грен. полк, 43 пех. полк, 8 улан. полк.

1 пол. арт. бригада:—16 и 52 пол. арт. полки.

2 пех. дивизия: ген. лейт. фон Фальк.

3 пех. бригада: 4 грен. полк, 44 пех. полк. 4 пех. бригада: 33 стрелк. полк, 10 конно-охотничий полк.

2 пол. арт. бригада:—1 и 37 легк. арт. полки.

XVII арм. корпус: ген. от кав. фон Макензен. Начальник штаба—подп. фон Дункер.

35 пех. дивизия: ген. лейт. Хенник.

70 пех. бригада:—21 и 61 пех. полки. 87 пех. бригада: 141 и 176 пех. полки. 4 конно-охотничий полк.

35 пол. арт. бригада:—71 и 81 пол. арт. полки.

36 пех. дивизия: ген. лейт. фон Гейнециус.

69 пех. бригада:—129 и 175 пех. полки. 71 пех. бригада:—5 грен. полк, 128 пех. полк, 5 гус. полк.

36 пол. арт. бригада:—36 и 72 пол. арт. полки.

XX арм. корпус: ген. от арт. фон Шольц. Начальник штаба—полк. Хелл.

37 пех. дивизия: ген. лейт. фон Штаабс.

73 пех. бригада:—147 и 151 пех. полки, 1 егер. бат. 75 пех. бригада—146 и 150 пех. полки, 11 драг. полк.

37 пол. арт. бригада:—73 и 82 пол. арт. полки.

41 пех. дивизия: ген. Зонтак.

72 пех. бригада:—18 и 59 пех. полки, 74 пех. бригада:—148 и 152 пех. полки, 10 драг. полк.

41 пол. арт. бригада:—35 и 79 пол. арт. полки.

1 рез. корпус: ген. лейт. фон Белов. Начальник штаба—полк. граф фон Позадовский-Венер.

1 рез. дивизия: ген. лейт. фон Ферстер.

1 рез. пех. бригада:—1 и 3 рез. пех. полки. 72 рез. пех. бригада:-18 и 59 рез. пех. полки, 1 рез. егерский бат.

1 рез. уланский полк.

1 рез. полевой арт. полк.

36 рез. дивизия: ген. лейт. Кругэ.

69 рез. пех. бригада:—21 и 61 рез. пех. полки, 2 рез. егерский бат-н. 70 рез. пех. бригада:—54 пех. полк и 5 рез пех. полк.

4 рез. гусарский полк.

36 рез. полк полевой артиллерии.

3 рез. дивизия: ген. майор фон Морген.

5 рез. пех. бригада:—2 и 9 рез. пех. полки. 6 рез. пех. бригада:—34 и 49 рез. пех. полки.

5 рез. драг. полк.

3 рез. полк пол. артиллерии.

1 ландв. дивизия: (с 28 августа): ген. лейт. фон дер Гольц.

33 ландв. бригада:—75 и 76 ландв. пех. полки. 34 ландв. бригада:—31 и 84 ландв. пех. полки.

Ландв. кавалерийский полк (от гвардейского и IX арм. корпуса).

Полк пол-й арт-рия: две ландв. батареи от IX арм. к-са.

6 ландв. бригада:—32 и 49 ландв. полки, три эск., две батареи пол-й арт-рии.

70 ландв. бригада:—5 и 18 ландв. пех. полки, 6 эск-в, две батареи пол-й арт-рии.

Из крепости Торн:

35 рез. дивизия: (без 5 ландв. бригады): ген.-лейт. фон Шметтау.

20 ландв. бригада: ген.-лейт. ф н Герцберг—19 и 107 ландв. пех. полки, два эск., три батареи пол-й арт-рии, две запасные батареи из 5 полка пех. арт-рии.

5 ландв. бригада: ген.-лейт фон Мюльман—2 и 9 ландв. пех полки, один эск., одна батарея пол-й арт-рии, четыре батареи из 11 полк. пех. арт-рии.

Из крепостей Грауденц, Кульм и Мариенбург:

Главный резерв Грауденца: ген.-м. фон Унгерн.

Бригада ген.-м. фон Земмерн.—6 эрзациммобильных батальонов, один эск., три полевые, одна пех. батареи арт-рии.

Оставалось против 1-й русской армии:

1 кав. дивизия: ген.-лейт. Брехт.

1 кав. бригада:—1 кирас. полк, 1 драг. полк.

2 кав. бригада:—12 уланский полк, 9 конно-охотн. полк.

41 кав. бригада:—5 кирас. полк, 2 егерский батальон.

1 полк конной артиллерии.

Крепость Кенигсберг: ген. лейт. фон Папприц. Начальни штаба—подполковник Нейбель.

Главный резерв: (ландв. дивизия Кенигсберг) ген. лейт. Бродвюкк.

Эрзац бригада:—1 и 2 эрзац пех. полки (5 эрзац-иммобильных батальонов от 1 арм. к-са).

9 ландв. бригада:—24 и 48 ландв. пех. полки.

1 рез. драг. и эрзац-кавалерийский полки от 1 арм. корпуса.

2 эрзац-артиллер. отряд от 1 арм. корпуса. Три батареи 1 и 4 рез. полков пол. пех. арт-рии.

2 ландв. бригада:—4 и 33 ландв. пех. полки, два эск-на, две пол. батареи.

Крепость Бойен (Летцен): полковник Буссе. $4^1/_2$ эрзац-ландв. и ландшт. бат-нов, один эск., 10 неподвижных батарей, одна запряженная батарея.

Армейская этапная инспекция: (с 30/VIII) генерал лейтенант фон Гейдук—5 эрзац-ландшт. б-нов, один эск., одна пол. батарея.

Сравнительная таблица
боевого состава германской и русской сторон в августовских боях 1914 года в Восточной Пруссии.

Германцы.		Русские.	
Корпуса.	Дивизии.	Корпуса.	Дивизии.
На поле Грюнфлисского сражения.			
8-ая армия.		2-я армия.	
I арм.	1 и 2	I арм.	22 и 24
XVII „	35 и 36	VI „	4 и 16
XX „	37 и 41	XIII „	1 и 36
I рез.	1 рез. и 36 рез.	XV „	6 и 8
	3 рез. див.	XXIII „	2 и 3 гвардейск.
	1 ландв. дивиз.		1 стр. бригада.
	6 „ бригада	4 кав. див.	
	35 рез. дивиз.	6 „ „	
	эрзац. бригада крепости Грауденц.	15 „ „	
1 кав. див.			
Итого: 11 пех. див., 3 пех. бриг., 1 кав. див. = $12\frac{1}{2}$ пех. див., 1 кав. див. = 154 батальона и 24 эскадр.		Итого: $10\frac{1}{2}$ пех. див. и 3 кав. див. = 168 батальонов + 72 эск.	
Вне поля Грюнфлисского сражения.			
		1-ая армия.	
Главн. рез. креп. Кенигсберг.	Эрзац. бригада. 9-я ландв. бриг. 2-я „ „	XX арм.	Две дивизии.
Крепость Бойен.	$4\frac{1}{2}$ эрзац. ландв. батал. Одна ланд. батар., один эскадр.	III „	„ „
Армейская этапная инспекция.	5 эрзац. ландв. батальон. Одна пол. батарея, один эск.	IV „	„ „
		II „	„ „
			5 стр. бригада.
		1 гв. кав. див.	
		2 „ „ „	
		1 кав. див.	
		2 „ „	
		3 „ „	
		3 второочереди. див.	1 отд. кав. бригада.
Итого: 4 бригады — 2 пех. дивизии = 24 батальона.		Итого: $11\frac{1}{2}$ пех. див. и $5\frac{1}{2}$ кав. див. = 184 батальона + 132 эск.	
На всем Восточно-Прусском театре военных действий.			
$14\frac{1}{2}$ пех. див. и 1 кав. див. = = 178 батальонов и 24 эскадрона.		22 пех. див. и $8\frac{1}{2}$ кав. див. = = 352 батальона и 204 эскадрона.	

Примечание: германская дивизия=12 бат. русская дивизия=16 бат.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует читать.*
4	9 сверху	частому	не частому
21	На чертеже	Схема № 1	Чертеж № 4
27	10 снизу	своему	к своему
—	10—9 снизу	подчиненным	подчиненному
—	9—8 »	серьезному	серьезный
31	На чертеже	Схема № 2	Чертеж № 5
52	13 снизу	внедяя	внедряя
67	3 »	Лобау	Лоебау
69	19 »	20 лавдв.	20 ландв.
84	13 сверху	Мариэнеердер	Мариэнвердер
93	24 »	(15) августа)	(15) августа
130	27 »	инстинктом	институтом

Оперативная обстановка к исходу 25 августа.

СХЕМА № 1.

Оперативная обстановка к исходу 26 августа.

СХЕМА № 2.

Оперативная обстановка к исходу 27 августа.

СХЕМА № 3.

Оперативная обстановка к исходу 28 августа.

СХЕМА № 4.

Оперативная обстановка к исходу 29 августа.

СХЕМА № 5.

Оперативная обстановка к исходу 30 августа.

СХЕМА № 6.

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ Р.К.К.А.

УПРАВЛЕНИЕ по ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Выпуск **15**

В. РОГВОЛЬД

УСИЛЕННАЯ РАЗВЕДКА МАРКГРАБОВА

14/1 августа 1914 года

(ВЛИЯНИЕ МИРНОЙ ПОДГОТОВКИ НА БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК)

2 схемы вне текста

ИЗДАНИЕ
ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ ГУРККА
1926

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГЛАВН. УПР.
Р.-К. К. А.
Пл. Урицк., 10.
Ленинградский
Гублит № 16986.
Тираж 3.000-3.
Заказ № 650.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Незначительный по своим последствиям эпизод, помещенный в настоящем выпуске Военно-Исторической Библиотеки, интересен по цели, которую себе поставил автор,—показать на примере живой действительности влияние недочетов боевой подготовки войск в мирное время.

Смелое и хорошо задуманное предприятие было технически слабо подготовлено, а начальники отдельных колонн, лишенные инициативы и не приученные действовать в духе общей задачи войскового соединения, обнаружили полное непонимание своих задач.

В результате таких действий противник ускользнул из подготовлявшегося окружения, и цель широко задуманной разведки не была достигнута.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Разведка г. Маркграбова является одним из первых, более или менее крупных, боевых действий русской кавалерии в мировую войну. Оно разыгралось на 13 день войны, и боевой опыт, конечно, не успел еще ввести свои поправки в мирную подготовку войск и в привитые этой подготовкой привычки. Это дело, хотя и окончившееся удачно для русских, не дало всех тех результатов, которые следовало ожидать по числу введенных в него войск и по соотношению сил противников. Наконец, о нем сохранился достаточный архивный материал, по которому можно восстановить почти все детали, обыкновенно отсутствующие в исторических описаниях военных событий, детали чрезвычайно поучительные как для младших начальников, так и для старших, показывая последним с какими трениями приходится иметь дело при проведении их распоряжений в жизнь.

Изложенные причины побудили автора взяться за изучение разведки Маркграбова, основываясь на подлинных, сохранившихся в архивах, русских материалах. Гораздо труднее было дать картину действий немецких войск, так как имеющиеся немецкие источники, вообще, мало занимаются описанием действий небольших войсковых соединений и замалчивают свои неудачи. Поэтому действия немцев описываются так, как они представляются по русским донесениям, но автор стремился сделать их наиболее правдоподобными, отбрасывая из русских донесений все то, что возбуждало сомнение. Однако, это не влияет на поучительность всего дела у Маркграбова и только ставит читателя в действительное положение начальника в бою, когда о неприятеле известно лишь то, что доносят подчиненные и что видит и слышит он сам.

Автор уделяет главное внимание кавалерии, касаясь действий пехоты лишь постольку, поскольку это было необходимо для понимания действий конницы.

В числе источников, указанных внизу страниц, имеются и „Воспоминания“ ген. Гурко, организатора разведки Маркграбова, в немецком переводе (Erinnerung an Krieg und Revolution von Wassili Gurko, перевод Тетау).

В этой книге много неясного, что объясняется плохим переводом, встречаются и неточности, касающиеся расстояния, времени и т. п. Поэтому „Воспоминаниями“ пришлось пользоваться очень осторожно, сличая приводимые документы с подлинными архивными документами, но в то же время в них можно найти объяснение намерений ген. Гурко.

I. ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ 1-й РУССКОЙ АРМИИ К 14/1 АВГУСТА 1914 г.

В начале войны 1914 г. на крайнем правом фланге всех русских войск, собиравшихся на германской и австрийской границах, была 1-я армия, состоявшая из трех корпусов (III, IV и XX), одной стрелковой бригады (5-й) и пяти с половиной кавалерийских дивизий (1 и 2 гвар., 1, 2, 3 кавал. и 1 отд. кавалер. бригады). Кроме того, в армию было назначено 7 пехотн. дивизий второй очереди, которые прибыли после начала военных действий.

1-я армия должна была сосредоточиться (Сх. № 1) на р. Неман, от креп. Ковно до м. Друсгеники, затем двинуться походным порядком на линию м. Вержболово, г. Сувалки с тем, чтобы далее наступать на фронт г. Инстербург, г. Ангербург в обход Бол. Мазурских озер с севера. Мобилизация войсковых частей началась 31/18 июля, война с Германией 2 августа / 20 июля.

Сосредоточение корпусов 1-й армии и их движение на исходную для наступления линию прикрывались на левом берегу р. Неман от м. Юрбург до м. Рачки армейской кавалерией, собранной в 2 группах: правая ген. Хан-Нахичеванского, из четырех дивизий[1] в районе г. Владиславов, г. Волковышки, м. Вержболово, и левая, ген. Гурко, из 1-й кавалер. дивизии в районе г. Сувалки; ген. Гурко подчинялась и 5 стрелковая бригада, расположенная в том же районе. На правом берегу р. Неман пространство между Балтийским морем и кр. Ковно прикрывалось особым Риго-Шавельским отрядом из второочередных пехотных дивизий и 1 отд. кав. бригадой. К югу от 1-й армии, в районе кр. Гродно, сосредоточивался II арм. корп., правофланговый соседней 2-й армии; этот корпус выдвинул свой авангард к г. Августов.

Первая кавалерийская дивизия в мирное время была расквартирована в Московском военном округе и перевозилась на театр войны по железным дорогам; последний ее эшелон прибыл в г. Сувалки 6 августа / 27 июля. Стрелковая бригада стояла в мирное время в г. Сувалки, содержалась в усиленном составе и к означенному дню была вполне мобилизована.

---

[1] Без двух казачьих полков, оставшихся при корпусах.

Задача 1 кавалерийской дивизии. Штаб армии, сообщением от 1 августа / 19 июля за № 20, поставил начальнику дивизии ген. Гурко задачу: 1) до открытия военных действий обеспечивать в связи с 5 стр. бригадой мобилизацию и сосредоточение 1-й армии в районе между границей (от м. Пржеросль до м. Рачки) и средним Неманом; 2) с открытием военных действий дивизии, продолжая прикрывать сосредоточение армии, вести разведку в районе, ограниченном с севера линией Пржеросль, Даркемен включительно и с юга— линией Августов, Лык, Арис, имея целью выяснить пункты сосредоточения значительных сил неприятеля и состав последних.[1] Когда это распоряжение дошло до дивизии—установить не удалось.

До прибытия 1 кав. див. ту же задачу исполняла 5 стрелковая бригада, усиленная одной пешей и одной конной сотней пограничной стражи, при чем командующий армией указал нач-ку бригады никаких серьезных активных действий не предпринимать.[2]

Расположение Сувалкского отряда. Гурко, по прибытии в г. Сувалки, подчинил себе 5 стр. бригаду с приданными ей частями и, таким образом, сформировался Сувалкский отряд из 8 батл., 24 пеш. ор., 24 эск., 12 кон. ор., 1 сап. роты, 1 пешей и 1 конной сотен пограничной стражи. Этот отряд к вечеру 6 августа / 24 июля был расположен: в м.м. Пржеросль, Филиппово и Бакаларжево по одной роте стрелков и по одному эскадрону, за этими ротами поддержка в д. Емелисте из 3 рот стрелков, 2 ор., 1 взвода сапер; у м. Рачки— 1 рота стрелков, 1 пешая сотня пограничников и 1 сотня казаков; конная сотня пограничников была распределена малыми командами по передовым ротам; все остальные части расположились в г. Сувалки.

Упомянутые передовые роты Сувалкского отряда стояли на 18—25 *км* к западу от г. Сувалки, на линии ряда озер, который тянется здесь вдоль границы; между озерами имеются только небольшие промежутки, что значительно облегчало удерживание этой линии малыми силами.

К северу от Сувалкского отряда в гор. Кальвария стоял авангард III корпуса (4 батл., 8 ор., 1 сотня казаков); в м. Вижайны пешая сотня пограничников; промежуток между м. Вижайны и м. Пржеросль в 18 *км* наблюдался только разъездами, которые периодически высылались из м. Пржеросль; еще дальше к северу, в районе г. Волковышки, находилась конная группа ген. Хан-Нахичеванского.

К югу от Сувалкского отряда, у г. Августов авангард II корпуса (4 батл., 8 ор., 4 каз. сотни, 1 пешая и 1 конная

---

[1] Военно-Исторический Архив (ВИА)—дело № 6766.
[2] ВИА—дело № 6767. Донесение г. Гурко № 302.

сотня пограничников) наблюдал за границей к югу от м. Рачки.

Сувалкский отряд был связан со своими соседями и со штабом армии постоянным проволочным телеграфом и кроме того имел искровую станцию. От г. Сувалки в тыл отходили железные дороги: 1) на м. Олита и далее через Ораны в г. Вильно, 2) на г. Августов и далее на Гродно. Г. Сувалки являлся важным узлом шоссейных дорог, которые вели: 1) через г. Кальвария на кр. Ковно, 2) через г. Сейны на м. Олита или на кр. Гродно, 3) через Августов на кр. Гродно, 4) через м. Филиппово в Пруссию на Гольдап или на г. Маркграбова; наконец от Сувалки в Пруссию вели большие грунтовые дороги через Пржеросль на г. Гольдап, через м. Бакаларжево или м. Рачки в г. Маркграбова.

Сведения о неприятеле. До прибытия в г. Сувалки 1 кав. див. разведку вели стрелковые разведчики и пограничная стража. Как те, так и другие не проникали далеко в Пруссию, ограничиваясь ближайшими окрестностями своего расположения: стрелки,—так как могли выслать только пешую разведку, а конные пограничники были в малом числе и совершенно не подготовлены к сколько-нибудь серьезным военным действиям. Как результат, войсковая разведка не проникла дальше 5—10 *км.* от расположения передовых рот, а сведения о том, что делалось дальше в Пруссии, основывались главным образом на рассказах жителей и на сообщениях тайных агентов пограничной стражи; и те и другие по незнакомству с военным делом давали сведения очень туманные и далекие от истины. Поэтому представление русских о силах немцев в районе между линией передовых рот и железной дорогой Гольдап — Маркграбова было сильно преувеличено, а об их расположении совершенно неверно.

Когда 1 кав. див. сосредоточилась в г. Сувалки, война уже была объявлена, поэтому Сувалкский отряд должен был, по приведенному выше распоряжению штаба армии, не только прикрывать сосредоточение корпусов, но и вести разведку в глубь Пруссии. Эту разведку дивизия вела с 6 авг./24 июля по 13 авг./31 июля, оставаясь всей массой в русских пределах и высылая, примерно, до линии железной дороги г. Гольдап—г. Маркграбова разведывательные эскадроны, которые не переходили западнее упомянутой линии. Эти разведывательные эскадроны очень быстро определили, что имевшиеся ранее сведения о скоплении значительных сил немецкой пехоты восточнее линии Гольдап—Маркграбова не верны, что между этой железной дорогой и границей держатся и передвигаются с места на место только небольшие кавалерийские части силою от 1/4 до 2 эск., что принимавшиеся ранее в этом участке за немецкую пехоту части состоят из конницы и частью местных жителей, что желез-

ная дорога охраняется пехотой. Однако, разведывательные эскадроны не смогли проникнуть ни в Роминтенскую пущу, ни к г. Гольдап, ни в район д. Ковален, ни к г. Маркграбова; попытки проникнуть к этим пунктам отражались немецким охранением, и эскадроны оказались не в силах прорваться с боя. Таким образом, сведения о том, что в действительности имелось у немцев в этих пунктах, попрежнему основывались на показаниях местных жителей и агентов пограничной стражи, которые сообщали, что у г. Маркграбова немцы имеют дивизию пехоты и два кавалерийских полка. [1]

Бездействие ядра конницы объясняется донесением [2] Гурко командующему армией от 9 авг./27 июля № 301, в котором говорится: „. . . . . . принял на себя командование войсками в г. Сувалки как старший в чине, хотя указаний на то от Вас не имею . . . . Руководствуясь Вашими указаниями ген. Шнейдеру [3] никаких серьезных активных действий не предпринимал . . . . . высланы на линию железной дороги Гольдап, Олецко [4] 4 эскадрона . . . . главная цель — дать хоть какую-нибудь практику эскадронам, с этой же целью завтра сменяю передовые эскадроны . . . .“

Насколько пассивно вели себя русские войска видно хотя бы из того, что немцы еще 10 авг./28 июля пользовались даже узкоколейной железной дорогой Маркграбова—Мирунскен; в этот день почти до Мирунскен шел паровоз, стреляя по русскому разведывательному эскадрону. [5] Общая пассивность русских объясняется отчасти распоряжениями командования армией, как это видно из приведенной выше телеграммы № 301. Судя по этой телеграмме, распоряжение штаба армии от 1 авг./19 июля № 20 с задачами для конницы не было получено Гурко 9 авг./27 июля, других распоряжений от командования не было и, таким образом, привезенная наспех из Москвы в Сувалки кавалерийская дивизия около недели не знала своей задачи и работала, руководствуясь больше догадками. Пассивность же мелких частей объясняется мирной привычкой: без приказаний ничего не предпринимать.

Действительное расположение немцев. Насколько можно судить по имеющимся источникам, немцы на участке г. Гольдап—г. Маркграбова были расположены: в г. Гольдап, 4-й гренадерский (пехотн.) полк—3 батл., 44 пех. полк—2 батал., 12 ор.; в дер. Гурнен, 44 пех. полк — 1 батл., 6 ор., 10 конн.-егерск. полка—1 эскадрон; в д. Ковален, пулеметные команды двух пехотных полков, 18 ор., 10 конн.-егерск. полка 2 эска-

---

[1] ВИА—дело 7941, стр. 10.
[2] ВИА—дело 6767.
[3] Нач-к 5 стр. бригады.
[4] Маркграбова.
[5] ВИА—дело 7940, стр. 13 и 14.

дрона; эти три пункта входили в район I арм. кор-са и занимавшие их войска составляли 2-ю бригаду 2-й дивизии этого корпуса.[1]

Относительно участка к югу от д. Ковален не могут быть приведены столь точные данные; из мирной дислокации немецких войск известно, что в г. Маркграбова войск не было, ближайшие части были: в г. Лык—2 бат. 147 егерск. (пехотн.) полка и 5 эск. 11 драгунского полка, в г. Лецен—1 батал. 147 егерского полка. При мобилизации, по общему правилу, войсковые части в пограничных районах оставались на местах для прикрытия железных дорог и сбора запасных впредь до смены их особыми охранными отрядами из ландвера или ландштурма.

Кроме того, в кр. Лецен формировался гарнизон из $4^1/_2$ батал., 1 эск. и 8 крепостн. батарей (в том числе 12 запряженных полевых орудий) и туда же, к Лецену, сосредоточивалась 6-я ландверная бригада из 6 батальонов, 12 полевых орудий и 3 эскадронов.[2]

Принимая во внимание все задачи, которые были возложены на эти войска по обеспечению кр. Лецен и всех проходов между Бол. Мазурскими озерами и по прикрытию железных дорог района к востоку от озер, нужно думать, что у г. Маркграбова для прикрытия узла железных дорог немцы имели не более 1—2 батал. с несколькими эскадронами. Наконец, несомненно, что к востоку от железной дороги Гольдап—Маркграбова были какие-то ландштурменные формирования, даже не одетые в военную форму, которые принимались русскими за вооруженных местных жителей и о которых немецкие источники упоминают вскользь, не говоря о их числе, расположении и организации.

Немцы со времени объявления войны не оставались бездеятельными. Их разъезды постоянно появлялись перед русскими передовыми ротами и старались проникнуть за русскую границу севернее м. Пржеросль, где у русских не было непрерывного охранения и местность более удобна для разъездов; небольшие немецкие пехотные партии часто беспокоили русские передовые части; немецкий аэроплан ежедневно появлялся над городом Сувалки.[3] Наконец, немцы делали попытки вести и более серьезные наступления: 6 авг. / 24 июля— на м. Рачки и, в особенности, 11 авг. / 29 июля на м. Филиппово; в последнем случае у немцев было введено в дело 5 рот и 6 ор., которые выбили русское сторожевое охране-

---

[1] г. Франсуа—„Marneschlacht und Tannenberg" стр. 161 и 162; сомнение вызывает указанный отряд в д. Ковален: неправдоподобно, чтобы при 18 ор. не было ни одного батальона, так же мало вероятно отделение от пехотных полков всех пулеметов.

[2] „Reichsarchiv. Der Weltkrieg"—том II, стр. 358—363.

[3] ВИА—дело 6752. Донесение ген. Гурко от 12 авг. (30 июля), стр. 10.

ние из д. Мирунскен (в 3 *км.* к западу от м. Филиппово), но русский передовой отряд из $3^1/_2$ рот, 2 ор. и 1 эск. удержался на высотах к востоку от м. Филиппово и на помощь ему были выдвинуты из г. Сувалки в д.д. Емелисте и Ольшанка почти все свободные силы Сувалкского отряда (5 батал. с 16 ор. и бригада кавал. с 6 ор.); эти подкрепления опоздали и подошли после окончания боя, так как немцы, заняв д. Мирунскен, наступления не продолжали и отошли; по показаниям жителей, в направлении на д. Ковален.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ УСИЛЕННОЙ РАЗВЕДКИ Г. МАРКГРАБОВА.

Активность немцев в связи с сообщением агентов, что у г. Маркграбова собрана дивизия пехоты с 2 кавалерийскими полками, которые предполагают наступать через м. Рачки на г. Сувалки, [1] а также недостаток сведений от войсковой разведки и преувеличение в войсковых донесениях сил немцев, [2] привели к тому, что командующий 1-й армией 12 авг. / 30 июля приказал ген. Гурко выяснить, какие силы неприятеля занимают г. Маркграбова. [3] Нужно помнить, что 1-я русская армия должна была наступать на фронт г. Инстербург, г. Ангербург и перейти границу 17/4 августа; понятно, что при таком ее наступлении сбор больших немецких сил на южном фланге, примерно в районе г. Маркграбова, имел очень большое значение.

Местность. Вдоль русско-прусской границы, от кордона Чарна и почти до м. Рачки (Сх. № 2), на расстоянии около 30 *км* тянется ряд довольно узких (не шире $^1/_2$ *км*) озер, соединенных между собою протоками в узких и глубоких лощинах. К востоку от озер местность холмистая, с довольно глубокими лощинами между холмами. Самая граница проходила несколько западнее озер и была обозначена довольно глубокой канавой. Западнее озер, на участке между шоссе м. Филиппово — д. Ковален, железная дорога г. Гольдап— Маркграбова и дорогой м. Рачки — д. Велицкен, местность примерно до линии д. д. Дроздовен, Юдзикен, Крупинен сравнительно ровная, с довольно широкими болотистыми лощинами и мокрыми низменностями, на которых кое-где имеются небольшие озера; на местности разбросаны отдельные невысокие, но с крутыми скатами, холмы; количество

---

[1] ВИА—дело 6766, донесение Гурко № 43 и дело 7941, стр. 10.

[2] Например: о стычке 6 авг. / 24 июля у м. Рачки первое донесение: наступает полк немецкой пехоты (Дел. 7936, стр. 7), о деле 11 авг./29 июля первое донесение: наступает 2 немец. пех. полка с 8 ор. (Дело 7911, стр. 4).

[3] ВИА—дело 137599, стр. 79.

этих холмов заметно увеличивается, и они соединяются в группы западнее линии д. д. Дроздовен, Юдзикен, Крупинен; чем ближе к железной дороге, тем количество холмов и их групп делается все больше и больше, а местность вообще повышается; наконец западнее железной дороги местность сплошь очень волнистая и пересеченная, холмы довольно большой высоты, с крутыми скатами и глубокими лощинами между ними, идут по всем направлениям, составляя частью окончание гряды высот „Зеескер", которая у деревни Шарейкен подходит с северо-запада к железной дороге. На всем участке разбросано много отдельных лесов, рощ и перелесков, имеется много больших и малых деревень, отдельных усадеб и хуторов с крепкими кирпичными постройками; населенные пункты окружены садами и огородами с хорошими заборами; проволочные изгороди отделяют одно владение от другого и тянутся во всех направлениях по полям и лугам; в низменных местах много осушительных канав. В общем, местность пересеченная, закрытая, для движения вне дорог затруднительная, для обозрения и действий в конном строю крупными частями неудобная. Дорог много, из них все шоссе и большие дороги в очень хорошем состоянии; шоссе большей частью обсажены деревьями.

Гор. Маркграбова находится на западном берегу озера Бол. Олецко; это озеро имеет длины (с севера на юг) $4^1/_2$ *км* при ширине от $^1/_4$ до 1 *км*; к югу, отделяясь от него перешейком в $1^1/_2$ *км*, находится оз. Мал. Олецко, растянутое в общем также с севера на юг на 4 *км* при ширине от 200 до 750 *м*. Оба озера имеют сухие крутые берега. Озера соединяются протоком Лега, который вытекает из оз. Бол. Олецко у г. Маркграбова и течет по узкой лощине с крутыми берегами; только у перешейка между озерами лощина расширяется, но скаты ее остаются крутыми, при чем с востока примыкает возвышенность Гальгенберг, через которую проходит шоссе из Маркграбова на д. Велицкен и далее на гор. Лык. В общем оба озера Олецко с перешейком между ними, который легко оборонять небольшой частью, представляют трудноодолимую преграду в 10 *км* длины и хорошо прикрывают с востока г. Маркграбова, жел. дорогу Маркграбова—Лык и шоссе из Маркграбова через д. Гонскен на г. Лык.

К северу от г. Маркграбова между д. д. Зеедранкен и Ольшевен на $7^1/_2$ *км* протягивается с востока на запад ряд небольших озер: Зеедранкен, Куль, Острово, Глинкоер и Ольшевен с узкими промежутками между ними (самый широкий в $^1/_2$ *км*); высоты, окружающие эти озера, круто спускаются к ним; с высоты к северу от оз. Зеедранкен открывается г. Маркграбова и местность на 4—5 *км* к западу от него. Описанный ряд озер прикрывает с севера г. Маркграбова, железную дорогу и шоссе Маркграбова—Лецен.

Между озерами Зеедранкен и Бол. Олецко имеется перешеек в один *км*; этот перешеек возвышенный, довольно ровный, по нем проходят: жел. дор. Маркграбова—Гольдап, узкоколейка Маркграбова—Мирунскен, а также шоссе Маркграбова—Ковален—Гольдап и Маркграбова—Мирунскен.

В 4 *км* к западу от г. Маркграбова с востока на запад протягивается на $4^1/_2$ *км* оз. Допкер. Это озеро отделяет в окрестностях Маркграбова пути, ведущие от города в Лецен, от таких же путей в Лык. Поэтому один и тот же отряд может действовать на пути обоих направлений только находясь в районе дер. Яшкен—Маркграбовский городской лес.

Таким образом, все пути, по которым могли подвозиться или подходить подкрепления к Маркграбова или по которым немцы могли отступать оттуда, в окрестностях города прикрыты с севера и востока озерами; доступы к этим путям имеются только через узкие перешейки. Остаются не прикрытыми только: железная дорога и шоссе на г. Гольдап через д. Ковален и шоссе на г. Лык через д. Велицкен.

Подготовка Сувалкского отряда к наступлению. Для исполнения распоряжения командующего армией ген. Гурко решил атаковать немцев у г. Маркграбова 14/1 августа; День 13 авг./31 июля пошел на приготовление к этой атаке.

Втечение дня разведывательные эскадроны 1-й кав. див. по обыкновению выдвинулись в Пруссию к линии железной дороги Гольдап—Маркграбова и подтвердили имевшиеся ранее сведения о расположении немцев, которые охраняли железную дорогу пехотой, имея впереди небольшие конные части; новым было то, что немецкая пехота стояла не только на дороге, но занимала, окопавшись, деревни, леса и рощи по линии около 5 *км* к востоку от железной дороги.[1] В Роминтенскую пущу попрежнему русские разъезды проникнуть не могли.[2] Куда именно отошли немцы после дела 11 авг. (29 июля) у Мирунскен осталось в точности невыясненным: жители говорили—на д. Ковален, разъезды доносили о найденных следах движения от д. Мирунскен на юго-запад.

К утру 13 авг./31 июля расположение Сувалкского отряда было следующее. В м. Пржеросль—$^1/_4$ бат. и 1 эск., на позиции, западнее м. Филиппово—1 бат., 1 эск. и 2 ор., у м. Бакаларжево—$^1/_4$ бат. и 1 эск., у м. Рачки—$^1/_4$ бат., 1 пешая пограничная сотня, 1 сотня казаков и большая часть конной пограничной сотни, у д. Емелисте—$5^1/_4$ бат., 16 ор. в г. Сувалки—1 бат., 6 ор., в д. Ольшанка—1 бриг. 1 кав. див. (10 эск., 6 кон. ор.), в д. Сказдуб—2 бриг. 1 кав. див. (10 эск., 6 кон. ор.); при этом передовые роты принадлежали разным

---

[1] ВИА—дело 7942. Донесение разв. эск. 1 улан. полка.
[2] ВИА—дело 6752.

полкам и батальонам. Такое расположение получилось как результат дела 11 авг./29 июля, когда на помощь передовым ротам постепенно подошли роты из резерва передовых частей от д. Емелисте, а затем почти целиком главные силы от. г. Сувалки; раздергивание рот разных полков и батальонов было последствием стремления по возможности равномерно распределить тяжесть службы в охранении между всеми частями. Как увидим ниже, для наступления 14/1 авг. ген. Гурко назначил 3 батальона, 8 ор., 21 эск. и 12 кон. ор.; остальные части должны были оставаться на своих местах. [1]

В 12 ч. 30 м. г. Гурко отдал приказ № 1 Сувалкскому отряду [2] для наступления на г. Маркграбова; приказ этот был разослан по частям в 15 час.

Кроме приказа были отданы отдельные распоряжения: 1) о рекогносцировке путей, по которым вечером и ночью должна была итти пехотная колонна от д. Емелисте на д. Матлак и далее до границы и о порядке при ночном движении; [3] 2) начальнику сторожевого отряда у м. Рачки— вести 14/1 августа энергичную разведку на южную оконечность оз. Мал. Олецко; [3] 3) начальнику сторожевого участка Бакаларжево—во время наступления отряда на Маркграбова перевести части, занимающие м. Бакаларжево, на западный берег озер для прочного обеспечения переправ; [3] 4) кавалерии пополнить патроны из парков стрелковой бригады; [4] 5) саперной роте выдать в полки 1-й бриг. 1 кав. див. 26 пар ножниц для резки проволоки [5] (что составляло примерно по 2 пары на эскадрон); 6) приготовить вагоны на ст. Сувалки для отправления раненых в м. Олита. [5]

Разбор приказа для наступления на Маркграбова. Если внимательно вчитаться в приказ № 1 Сувалкскому отряду (см. приложение), то, несмотря на довольно неудачное, путанное изложение, станет понятна общая мысль ген. Гурко: ночью, под прикрытием темноты, развернуть предназначенные для наступления силы непосредственно западнее пограничных озер и затем наступать на г. Маркграбова пехотой через перешеек между озерами Зеедранкен и Бол. Олецко, при чем сильный конный отряд должен был обойти оз. Зеедранкен с севера и выйти в тыл (западнее) г. Маркграбова; в то же время другие колонны должны были прикрыть этот главный удар с севера и с юга (боковые конные отряды) и связать немцев, находившихся у деревни Ковален (пехотный отряд от м. Филиппово). Всего для действия назначалось 3 батал. с 8 ор. и 21 эск. с 12 ор. при 16 пул.; из этого числа для

[1] ВИА—дело 7942, лист 3.
[2] ВИА—дело 7941, стр. 25.
[3] ВИА—дело 6751.
[4] ВИА—дело 6751.
[5] ВИА—дело 6751.

главного удара на г. Маркграбова 2 батал., 10 эск., 10 ор. и 12 пул. и для задач по обеспечению удара 1 батал., 11 эск., 10 ор. и 4 пул. Войска должны были развернуться на фронте м. Филиппово, м. Бакаларжево (8 *км*) и наступать на фронт д. Монетен, д. Биркенорт (14 *км*), отстоящий от линии развертывания на 10—11 *км*. Ночные передвижения войск и назначение начала наступления в 3 часа показывают, что ген. Гурко хотел произвести наступление возможно неожиданнее для немцев, дать им как можно меньше времени для подготовки к отражению удара.

Общая задача всего отряда в приказе указана совершенно точно и определенно. О способе ее выполнения исполнители должны были сами догадаться из сопоставления частных задач, которые указаны довольно расплывчато; например, центральной конной группе ген. Лео, которая должна была сыграть такую важную роль во всем предприятии, приказывается: „вести усиленную разведку в тыл м. Маркграбова", между тем слова „усиленная разведка" могут пониматься самым различным образом; такая же расплывчатость задач замечается и для левого бокового отряда ген. Нилова, и для батальона 17 стрелкового полка, двинутого от м. Филиппово на д. Дроздовен. Для успеха атаки на г. Маркграбова чрезвычайно важно было перехватить все пути, по которым к немцам могли подходить или подвозиться подкрепления, т.-е. шоссе и железные дороги на г.г. Гольдап, Лецен и Лык. Согласно приказа № 1 шоссе и железная дорога на Гольдап перехватывались правым боковым отрядом полк. Грекова, на пути в Лецен должен был выйти ген. Лео, которому приказывалось „вести усиленную разведку" в тыл г. Маркграбова, а на пути в Лык направлялся левый боковой отряд ген. Нилова, который должен был „вести усиленную рекогносцировку" на перешеек между оз. Бол. и Мал. Олецко; только при условии выхода этих двух конных отрядов одного к западу, а другого к югу от г. Маркграбова, немцы, находящиеся в нем, были бы изолированы; для этого нужно было прорваться через перешейки между озерами, а это и не было указано в приказе, так что в случае неправильного понимания, что в данном случае значило „вести усиленную разведку", немцы могли получить подкрепление из г.г. Лецен и Лык или довольно спокойно отойти в любом из этих направлений.

Однако, самым главным недостатком приказа было указание каждому отряду по окончании рекогносцировки вернуться на свои прежние стоянки—это должно было повести к тому, что и начальники и части думали больше о том, как бы скорей окончить все дело и вернуться на свои квартиро-биваки, а не о том, чтобы достичь возможно больших успехов над врагом. Начальник всего отряда решил получить сведения о неприятеле боем, значит подчиненные начальники

должны были получить боевые, а не разведывательные задачи; иная постановка непременно должна была внести вялость в исполнении; эта вялость только усиливалась указанием на отход после дела на старые стоянки, а для хозяйственных и внутренних распоряжений совершенно достаточно было указаний об обозах в пункте 8 приказа. [1]

Распоряжения ген. Гурко для наступления на Маркграбова соответствовали тем сведениям, которые он имел о неприятеле от своей войсковой разведки (п. 2 приказа № 1). Кроме того имелись агентурные сведения о сборе у г. Маркграбова немецкой пехотной дивизии с двумя кавалерийскими полками, затем жители показывали, что после дела 11 авг. (29 июля) немецкие части отошли к дер. Ковален, наконец было совершенно неизвестно, что делается в Роминтенской пуще и в направлениях на гор. Гольдап. Последнее обстоятельство заставило ген. Гурко оставить в районе г. Сувалки, д. Емелисте и на передовых позициях Пржеросль—Рачки 5 батальонов из имевшихся у него 8, а присутствие немецких сил у д.д. Ковален и Лакелен привело к направлению одного батальона от д. Мирунскен на д. Дроздовен. Если бы сообщение агентов о присутствии в г. Маркграбова немецкой пехотной дивизии с двумя кавалерийскими

---

[1] В своих „Воспоминаниях" ген. Гурко говорит, что ген. Ренненкампф приказал ему принять все меры, чтобы разведкой или боем установить силу собираемых у Маркграбова войск; в архивных материалах найдено только вышеприведенное приказание Ренненкампфа (ВИА — дело 137399, стр. 79). В тех же „Воспоминаниях" (стр. 27) ген. Гурко говорит, что его план для исполнения полученного приказания заключался в демонстративном наступлении (Scheinvorgehen) тремя кавалерийскими и одной пехотной колоннами на фронте в 25 *км*, при чем кавалерийские колонны направлялись севернее и южнее Маркграбова, а пехотная непосредственно на город в расчете, что кавалерия на несколько часов раньше пехоты войдет в соприкосновение с неприятелем и будет им открыта; появление кавалерии у железной дороги Маркграбова — Гумбинен (такой не было, очевидно хотел сказать Гольдап или Сталупенен) должно было неминуемо вызвать высылку немцами подкреплений из Маркграбова к угрожаемым участкам дороги; такая высылка войск, с одной стороны, давала русским разведывательным частям возможность установить их силу, а с другой—ослабляла гарнизон Маркграбова и тем облегчала взятие этого города пехотой; придача кавалерийским колоннам артиллерии должна была вынудить немцев к высылке в направлениях артиллерийского огня своей артиллерии.

Какие были скрытые мысли начальника отряда судить нельзя; можно говорить только о том, что определенно выражено в приказе, и о том, что из этого приказа вытекает. Если наступление на Маркграбова было демонстрацией, то и в этом случае нельзя было приказывать начальникам колонн „вести усиленную разведку" и „отойти на ночлег на прежние стоянки"— такие приказания обязательно вели к вялому исполнению, с постоянной оглядкой на старые стоянки. Во всяком случае усиленная рекогносцировка ведется, как известно, непосредственно перед боем и переходит большей частью в бой, а потому до окончания рекогносцировки и боя нельзя было решать вопрос о месте ночлега и указывать его; так поступают только на мирных маневрах и подвижных сборах.

полками [1] оказалось правильным, то положение 20 стрелкового полка (2 батал. с 4 ор.) под г. Маркграбова могло бы оказаться весьма тяжелым. Из приказа вытекал такой порядок наступления:

1. Конные отряды начинали движение от линии развертывания в 3 часа, значит, могли быть, считаясь с сопротивлением мелких частей неприятеля, на линии железной дороги Гольдап—Маркграбова около 6 час. Пехотная колонна должна была перейти линию Бакаларжевских озер до полного рассвета, т.-е. около 4 ч. 30 м. (в начале августа солнце восходит в 4 ч. 30 м.), значит, могла подойти к перешейку между оз. Зеедранкен и Бол. Олецко не раньше 7 ч. 30 м., если не встретит ранее сопротивления неприятеля. Таким образом, кавалерия имела не менее полутора часов для боевой разведки и могла своевременно предупредить шедшую сзади пехоту, при которой находился и сам ген. Гурко, и, при желании, можно было не вводить в бой эту пехоту.

2. Кавалерийским отрядам приказано было при отходе сообразоваться с пехотой и прикрывать ее фланги. Это указание имелось в распоряжении для каждого кавалерийского отряда и, кроме того, повторялось в особом пункте приказа (п. 7). Этим самым принимались меры, чтобы обезопасить, насколько это было возможно, выдвижение небольшого пехотного отряда против неприятеля неизвестной силы.

3. Дополнительным к приказу распоряжением приказывалось начальнику сторожевого участка Бакаларжево во время наступления отряда перевести части, занимающие м. Бакаларжево, на западный берег озер для прочного обеспечения переправ. Этим облегчалось отступление пехоты за Бакаларжевские озера, если бы пришлось отходить под напором превосходных сил немцев.

Отряд для наступления разбивался на 5 самостоятельных колонн, которые должны были действовать на фронте около 14 *км;* расстояние между колоннами было от 2 до 6 *км.* Для успеха действий необходима была согласованность в действиях колонн и возможность для начальника отряда своевременно получать донесения и отдавать приказания. Значит, особое внимание должно было быть обращено на поддержание связи. Технических средств связи имелось достаточно для данного случая: каждый кавалерийский полк имел 21 *км* телефонного провода и 6 станций, дивизионная конно-саперная команда—32 *км* провода и 9 станций, [2] и техническое имущество стрелковой бригады и саперной роты. Конечно, часть последнего имущества была израсходована для устройства

---

[1] ВИА—дело 6752. Донес. ген. Гурко 29/VII в 23 часа. Этому сведению ген. Гурко не доверял.

[2] Табель, утвержденная 8/IV—1913 года; в действительности больше.

связи с г. Сувалки с передовыми частями (по линии Пржеросль, Рачки); сколько было уже в работе имущества кавалерийских частей установить по архивным материалам не удалось, но, принимая во внимание расположение конных частей 13 августа / 31 июля, нужно думать, что большая часть технического имущества кавалерии могла быть пущена в дело 14/1 августа и должна была хватить на сравнительно коротких расстояниях, на которых приходилось устанавливать связь в этот день.

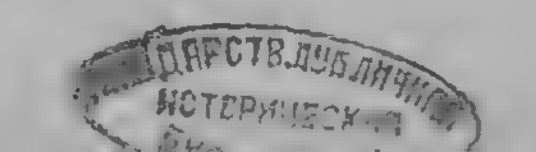
Приказ № 1 Сувалкскому отряду относительно связи устанавливает следующее: п. 6—к 23 час. 13 августа (31 июля) в м. Бакаларжево устанавливается центральная телефонная станция и с ней связываются все части и штаб 5 стрелковой бригады. Для кавалерии это составляло: полкам 2-й бригады дивизии (правый и левый боковые отряды)—от д. Сказдуб, не более 3 *км* каждому, 1-й бригаде дивизии—от д. Ольшанка, не более 10 *км* на два полка. Однако, это распоряжение устанавливало техническую связь только на время, пока войска находились на месте, а не на время наступления.

п. 7.—„Всем частям поддерживать тесную связь по фронту и для определения времени начала отхода руководствоваться движением стрелков“. Это было напоминание о необходимости поддерживать связь во время движения на Маркграбова, а не определенное приказание как связь устроить, как использовать технические и другие средства. Все предоставлялось усмотрению отдельных начальников, общий начальник не пришел им на помощь хотя бы установкой пунктов для сбора донесений, не говоря об использовании технических средств. Между тем время начала движения стрелков, при которых находился ген. Гурко, указывалось очень неопределенно: „до полного рассвета“, а направление их движения от „к северу от м. Бакаларжево“ на „перешеек между озерами у с. Зеедранкен, держась левым флангом большой дороги Бакаларжево—Маркграбова“; по этим данным трудно было рассчитать, где в определенное время находится голова главных сил и, естественно, посланные с донесениями должны были терять много времени. Таким образом, приказ № 1 связи на время движения и предстоящего боя не устанавливал.

В общем, разбирая приказ № 1 Сувалкскому отряду, нужно притти к следующим заключениям:

а) Ночное развертывание отряда с перекрещиванием путей колонн легко могло привести к недоразумениям.

б) Это ночное развертывание не могло иметь в результате внезапную атаку немцев, так как нужно было пройти от линии развертывания до цели атаки около 10 *км*, сбить

передовые части немцев, перед которыми кавалерия в крупных силах должна была появиться часа на $1^1/_2$—2 раньше пехоты и тем самым распространить тревогу во всем расположении немцев и возбудить их внимание.

в) Частные задачи начальникам отдельных отрядов (колонн) даны в неопределенных выражениях, не ставят в большинстве случаев точных боевых задач, заранее указывается отход на старые стоянки, независимо от исхода всего дела—все это должно было вызвать неэнергичное исполнение с постоянным ожиданием начала отступления.

г) Связь во время наступления организована не была, трудно было ожидать согласованных действий, трудно было управлять отдельными колоннами во время дела.

д) Для успеха всего предприятия нужно было иметь во главе каждой колонны начальника, который быстро разбирался бы в обстановке, был бы полон инициативы и стремился достигнуть возможно больших результатов.

е) Во всем приказе и дополнительных распоряжениях проглядывает как бы некоторое недоверие к своей пехоте, к ее боевым качествам и к ее обучению, несмотря на то, что это были стрелки, т.-е. лучшая пехота русской армии. Только пехотной колонне даются указания о рекогносцировке дорог, о порядке на ночном марше и т. д., что имелось в уставах и что для кавалерии считалось излишним напоминать. Это указывает на недостаточное знакомство кавалерийских начальников со своей пехотой. Сам Гурко решил двигаться с этой колонной, так как на ее долю выпала самая важная задача, а стрелковый полк первый раз участвовал в бою. [1]

ж) Как общий результат, нужно было ожидать разрозненных действий, с малой надеждой на успех.

Боевая численность русских войск. Точных данных по этому вопросу в архивных материалах не сохранилось. Имеется донесение 1 уланского Петроградского полка, [2] что 13 августа (31 июля) на довольствии в полку состоит 932 солдата и 1.034 лошади; принимая во внимание, что накануне к полку была прикомандирована половина пулеметной команды дивизии, и отбрасывая всех нестроевых, в эскадронах могло быть не больше 120—130 всадников. То же число было вероятно и в других регулярных полках; в казачьих же сотнях число всадников было меньше, так как казачьи полки по штату были слабее. Считая расход людей в частях на разные наряды (караулы, прикрытие обозов, внутренний наряд и проч.), нужно полагать, что 14/1 августа в строю эскадронов было не больше 120 всадников, а сотен—не больше 110. Что ка-

---

[1] „Воспоминания“ ген. Гурко, стр. 27.
[2] ВИА—дело 6809. Донесение № 54.

сается стрелковых рот, то, принимая во внимание, что от окончания мобилизации прошло меньше двух недель, что за это время ни больших боев, ни больших передвижений не было,—нужно полагать, что роты были почти в полном составе, т.-е. имели около 200 чел. в строю. Орудия в артиллерии и пулеметы в командах были налицо полностью.

III. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 14/1 АВГУСТА.

Письменных распоряжений по отдельным отрядам не отдавалось или они не сохранились. Изложение действий отрядов составлено по позднейшим донесениям их начальников и по тем донесениям во время боя, которые сохранились в полевых книжках участников.

а) Правый боковой отряд—5 сотен, 2 пул., 4 к. ор.—полк. Греков. В полночь на 14/1 августа из д. Сказдуб было выслано три казачьих разъезда (два по 9 и один 11 коней), которые должны были осветить полосу Мирунскен, Дроздовен, Шарейкен, Стошнен, Юдзикен, Плевкен. Из этих разъездов 2 должны были итти через д. Горбас; выйдя из деревни, казаки встретили дозорных 1 л.-др. Московского полка и, хотя вышло недоразумение с пропусками и отзывами, которые оказались разными, [1] казаки и драгуны опознали друг друга, но следовавший за дозорными драгунский эскадрон бросился в темноте в атаку на казачьи разъезды, которые рассеялись, драгуны преследовали и остановились только тогда, когда казаки дали по ним несколько выстрелов. [2] Казачьи разъезды после этого долго собирались и дальше деревни Горбас не пошли. Третий казачий разъезд шел южнее первых двух, столкновений с драгунами не имел, но никаких донесений в отряд не дал.

Отряд выступил из д. Сказдуб в 2 часа, дошел до д. Горбас в 3 часа. Здесь проводники сообщили, что прямая дорога из Горбас в д. Мирунскен перекопана у границы большой канавой, через которую повозки пройти не могут. Поэтому полк. Греков, имея с собой 4 ор. (2-й кон. бат.), пошел на м. Филиппово и уже оттуда повернул на деревню Мирунскен, куда прибыл в 4 час. 15 мин., сделав лишних 4 *км* От д. Мирунскен отряд пошел по дороге на д. Ленартен, при чем уже с 5 час. по нем начали стрелять из рощ и хуторов, лежащих как на дороге, так и правее (сев.-зап.) ее. Одновременно была слышна стрельба в пехотной колонне, шедшей от

---

[1] Казаки выступили до полуночи, зная, вероятно, секретные слова на 13 августа / 31 июля, встреча в час ночи 14/1 августа или несколько позднее.

[2] ВИА—дело 7945, стр. 4 и дело 7664, стр. 7.

Мирунскен на д. Дроздовен. [1] Немцы заняли усадьбу Нейфельде в $^1/_2$ *км* к западу от дороги, по которой шел полк. Грекова. Была спешена одна сотня, которая начала наступать на усадьбу, а другая сотня в конном строю направлена в охват усадьбы. Эта последняя сотня потратила много времени на резку проволочных изгородей и немцы (взвод пехоты и разъезд в 12 коней) [2] благополучно ушли. Подходя к деревне Ленартен отряд опять был обстрелян из северной окраины этой деревни; опять одна сотня была спешена и начала наступать на деревню при поддержке двух пулеметов, другая сотня направлена в охват деревни с запада в конном строю, опять задержана проволочными заборами и неприятель—немецкий разъезд в 12 коней—ускакал из деревни к югу. Таким образом, этот маленький разъезд задерживал пять сотен, заставлял два раза начинать наступление в пешем строю и даже выдвинуть пулеметы.

Во время остановки у д. Ленартен к востоку была видна подходившая колонна ген. Лео. [3] От Ленартен отряд полк. Грекова повернул на д. Бяла. В этой деревне по голове колонны из домов начали стрелять, головные части спешились и штурмовали дома, которые затем подожгли. При дальнейшем движении на д. Монетен по пути стали гореть хутора, пришлось отдать приказание: прекратить поджоги. [4] До д. Монетен и далее до железной дороги шли без стычек, была только стрельба по дозорам. К 8 час. 15 мин. подошли к железной дороге, [5] пройдя за 4 часа 12 *км*—так долго задержали отряд стычки с немецким разъездом и стрельба из домов в д. Бяла.

У железной дороги отряд стал у кирпичного завода на перекрестке шоссе и дороги из Монетен в Шарейкен; орудия стали на позицию на случай обстрела железной дороги,

---

[1] См. п. 5 приказа № 1 Сувалкскому отряду.

[2] ВИА—дело 7652. Донесение полк. Грекова № 1.

[3] См. п. 4, приказа № 1 Сувалкскому отряду.

[4] Ген. Гурко в своих „Воспоминаниях“, стр. 28, говорит, что поджогами занимались немцы, обозначая этим движение русских колонн. Не возражая против этого объяснения, нужно отметить, что поджогами занимались и мелкие русские разъезды и, вообще, солдаты, оставшиеся почему-либо без наблюдения офицеров. На глазах автора в деле под г. Вормиц 31/18 августа коноводы двух эскадронов стояли прикрывшись от немецкого ружейного огня большим сараем, наполненным соломой и снопами; примерно через $^1/_2$ часа сарай загорелся, пришлось отвести коноводов из-за закрытия; немцев подле сарая абсолютно не было, а немецкие пули зажечь его не могли. Офицеры смотрели на поджог довольно легко, так, например, после взятия г. Ландсберг был послан на почту офицер с несколькими солдатами захватить корреспонденцию; они подожгли здание почты, стоявшее на узкой улице, по которой проходил конный отряд и задней бригаде с ее батареей и зарядными ящиками пришлось проходить в нескольких шагах от разгоревшегося пожара, так как другого пути не было; к счастью все обошлось благополучно.

[5] ВИА—дело 7652, донесение полк. Грекова № 1.

кругом отряда были выставлены заставы с дозорами. Затем на протяжении около 300 *м* взорвали рельсы, уничтожили телеграф и телефон. Так простояли до 12 час. 15 мин., не тревожимые неприятелем и ничего не предпринимая. Со стороны д. Дроздовен (около 5 *км* по прямой линии) была слышна стрельба, но что там делалось было неизвестно. Казаки, которых посылали в колонну ген. Лео (около 4 *км* по прямой линии) не возвращались, и что там делалось было также неизвестно. Наконец, в 12 час. 15 мин. вернулся казак, возивший донесение к ген. Гурко; этот казак сообщил, что проезжал мимо отряда ген. Лео, который приказал передать, что начинает отход на Бакаларжево. [1] В 12 час. 30 мин. отряд пошел назад в д. Сказдуб, сообщив о своем отходе колонне, наступавшей на д. Дроздовен. Отход произведен без всяких столкновений с неприятелем. За весь день полк потерял одного казака убитым и двух ранеными. [2]

Таким образом, вследствие перекрещивания колонн в ночной темноте произошло столкновение казачьих разъездов со своими драгунами, разъезды были рассеяны, и правая колонна двигалась без разведки впереди; к счастью, перекрещивание не вызвало более серьезных последствий. Заблаговременно не позаботились осмотреть ту часть дороги, которую нужно было пройти в темноте, на что было достаточно времени; оказавшаяся на границе большая канава заставила отряд сделать лишних 4 *км* (2 батарея) из-за конной артиллерии, что мало понятно, так как в тот же день такой же пограничный ров 1 конная батарея в колонне ген. Лео прошла, не задерживая свою кавалерию,—очевидно разница была в командирах; нужно заметить, что вообще русская конная артиллерия везде следовала за своей кавалерией, не задерживая ее движения. При дальнейшем движении один взвод немецкой пехоты с 12 всадниками очень замедлил движение конного отряда, который поэтому делал только 3 *км* в час, и благополучно ушли; причина—местность и главным образом проволочные заборы, с которым казаки не умели справляться: их конные сотни шли лавами, натыкались на проволочные заборы на широком фронте, через такие заборы лошади не прыгали, так как с такими препятствиями в России не встречались, а проволока издали плохо видна; ножниц для резки проволоки в сотнях было крайне мало (не более 2), на каждом заборе терялось время, поэтому немцы и уходили

---

[1] Так это обстоятельство изложено в донесении № 4 полк. Грекова (ВИА—дело 7945), но в деле 7664, стр. 2, есть черновое сообщение № 1 ген. Лео—полк. Грекову от 14/1 августа № 1 в 11.40 час.: „исполнив задачу, в 11.40 начал кратчайшим путем обратное движение на Бакаларжево“. Как увидим ниже, обратное движение началось только в 14.45 час. после взятия Маркграбова.

[2] ВИА—дело 7945, стр. 6, и дело 6752.

благополучно; если бы сотни шли на заборы узким фронтом, выдвинув далеко вперед дозоры с ножницами—результаты, вероятно, были бы иные. Подойдя к железной дороге, отряд разрушил ее и стоял 4 часа у места разрушения, исполняя свою задачу: „обеспечить правый фланг общего наступления и воспрепятствовать подвозу подкреплений поездами с севера". Исполнялась эта задача вполне по обычному русскому образцу: совершенно пассивно, стоя на месте, занимая позицию. Между тем, у д. Дроздовен в 5 *км* идет бой, который в отряде слышен, хотя за недостатком связи о том, что там делалось, точно не было известно; немцы, наступая от д. Ковален на Дроздовен, подставляют под удар казаков сначала свой фланг, а затем и тыл; казакам достаточно выдвинуться на 2 *км* к северу от места остановки к д. Данилен, чтобы их орудия могли взять под самый действительный огонь шоссе Ковален—Дроздовен и все пространство между лесом к западу от д. Дроздовен и д. Ковален; одно это, не говоря уже о других вполне возможных, более энергичных действиях,—вероятно, много помогло бы русским стрелкам у Дроздовен, не оттягивая отряд далеко от железной дороги и не мешая исполнению его основной задачи,—но казаки стоят на месте и ждут, когда можно начать отходить на стоянки; как только получилось пёрвое (и, как увидим ниже, неверное) известие об отходе ген. Лео, не проверивши столь важное сообщение, полк. Греков пошел назад на свой квартиро-бивак в д. Сказдуб.

Нужно заметить, что полк. Греков был одним из лучших командиров полков и боевых начальников, показал себя в дальнейшем ходе войны с самой лучшей стороны, исполняя самостоятельно разные ответственные задачи, и через год (в августе 1915 г.) был командующим той же 1 кавал. див. Но здесь, в начале войны, в полной мере сказались привычки и подготовка мирного времени: почти буквальное исполнение приказания, излюбленная русскими оборона и позиция, отсутствие инициативы, легкое отношение к связи, малое стремление к согласованности, а главное, отсутствие желания нанести удар врагу, если это не прямо приказано.

б) Действия левого бокового отряда—5 эск., 2 пул., 2 ор.—ген. Нилов. Отряд был направлен на перешеек между озерами Бол. и Мал. Олецко, имея целью: обеспечить левый фланг стрелков, произвести усиленную рекогносцировку упомянутого перешейка, захватить мелкие неприятельские части, если они окажутся восточнее оз. Бол. Олецко. Кроме того, указано было выслать разъезд к южной оконечности оз. Мал. Олецко для наблюдения за движением по железной дороге с юга, т. е. от г. Лык.

Отряд выступил в 2 часа из д. Сказдуб, в 3 часа прошел линию Бакаларжевских озер, двинулся далее на Цечинкен, Пржитулен и Проскергут. Левее (южнее) колонны шла застава

из $1/_2$ эск. с охотниками 18 стр. полка через д. д. Садловизна и Крупинен. По дороге охраняющие части колонны имели стычки с мелкими конными партиями немцев и местными жителями; эти стычки задержали движение, и колонна в 6. 30 час. подошла к перешейку между оз. Бол. и Мал. Олецко, пройдя 12 *км* в $3^1/_2$ часа. Здесь гусары были встречены ружейным огнем немцев с западного берега оз. Бол. Олецко и с холмов на перешейке. Ген. Нилов спешил три эскадрона; из них один и оба пулемета расположились на восточном берегу озера (у южного конца его), а два эскадрона направлены на перешеек в обход озера с юга; 2 кон. ор. стали на позицию у дер. Проскергут ($2^1/_2$ *км* от перешейка и три с небольшими от г. Маркграбова); из оставшихся двух эскадронов один прикрывал артиллерию, а другой—коноводов спешенных частей. Немцы развили сильный ружейный огонь из окопов и до 11 час. бой свелся к перестрелке между ними и гусарами, которые не наступали, выжидая появления стрелков; в 11 час. из леса севернее д. Моцнен появилась немецкая пехота, которая повела наступление на правый фланг всего боевого расположения отряда; спешенные гусары начали медленно отходить к коноводам, а против обходящей немецкой пехоты двинулся в разомкнутом строю, рысью, эскадрон, прикрывавший коноводов; немецкая пехота остановилась. В 11. 30 час. немецкая артиллерия от Маркграбова открыла огонь, обстреливая по площадям местность к востоку от озер. Тогда начальник отряда счел свою задачу выполненной, и отряд начал отходить на Бакаларжево, куда прибыл в 15 час.,[1] несмотря на то, что в приказе для наступления совершенно категорично и ясно указано: отходить, сообразуясь со стрелками и прикрывая их фланг; стрелки же начали отход из Маркграбова, как увидим ниже, только в 14 час. 15 мин., т.-е. когда левый боковой отряд был у Бакаларжево. Потери отряда: убиты—2 оф., 1 гус. и 16 лошадей, ранено, 1 оф., 9 гус. и 14 лошадей; в артиллерии подбито 2 заряд. ящика.[2]

Движение левого бокового отряда было почти так же медленно, как и движение казаков; причины одинаковы в обоих случаях: мелкие неприятельские партии, пользуясь местностью и огнем, задерживают кавалерию, не приученную действовать на культурной местности. Подойдя к перешейку между озерами, ген. Нилов строго выполняет полученный приказ: производить „усиленную рекогносцировку“, которая в конце концов вылилась в перестрелку, не давшую и не могшую дать каких-нибудь результатов. Собственно для наступления на перешеек направлено 2 спешенных эскадрона, т.-е. в лучшем случае не больше 120—140 стрелков, им

---

[1] ВИА—дело 7944, стр. 1.
[2] ВИА—дело 7945, стр. 15, и дело 7944, стр. 1.

помогают своим огнем 1 спешенный эскадрон, 2 пулемета и 2 ор., довольно значительные огневые силы, но один огонь недостаточен, чтобы заставить немцев очистить окопы, гусары же не наступают, ожидая появления стрелков в 5—6 *км* от места боя. Такая перестрелка продолжается около 4 часов; если у кавалерии были шансы прорваться через перешеек вначале, появившись перед немцами внезапно, то вследствие неискусного подхода к месту боя (открыто и медленно) и неудачного ведения боя (стрельба по немецким окопам, оставаясь на месте близ южной оконечности оз. Бол. Олецко, не делая даже попытки проникнуть через перешеек южнее, хотя бы у северного берега оз. Мал. Олецко), с каждым часом возможность успеха делалась все меньше и меньше. Тут ясно сказалось неумение вести наступательный бой спешенной кавалерией и непонимание того, чем он отличается от такого же боя пехоты. Непонятно даже: чего собственно желал достигнуть ген. Нилов, ведя таким образом бой. Если он не хотел прорываться через перешеек, а только лишь определить, какими неприятельскими силами и как он занят,[1] то и этого нельзя было достигнуть, не ведя наступления на весь перешеек. Всякая другая цель, кроме задержания немцев, если бы они захотели сами перейти в наступление через перешеек к востоку, также требовала наступления гусар. Приказ № 1 Сувалкскому отряду указывал произвести усиленную рекогносцировку—у начальника отряда не хватило умения ее проделать и инициативы, чтобы задаться более широкой целью в духе общей задачи. Однако, русский огонь, вероятно, был очень тягостен для немцев: они не выдержали, перешли в наступление из леса севернее д. Моцнен и открыли артиллерийский огонь от г. Маркграбова, чем отчасти показали свои силы, а отряд Нилова достиг случайно совершенно неожиданного результата—отвлек на себя внимание и силы немцев. Заслуживает внимания поведение обходившей русских немецкой пехоты: как только против нее двинулся в конном строю рысью разомкнутый эскадрон, эта пехота (очень хорошая) остановила свое наступление.

Наконец, несмотря на приказ о поддержании связи и начале отхода, сообразуясь со стрелками, связи с колонной стрелков у ген. Нилова очевидно не было, иначе он не начал бы отступать вопреки приказанию, в то время, когда стрелки только подходили к перешейку между оз. Зеедранкен и Бол. Олецко и не оголили бы их южного фланга, прикрытие которого составляло главную задачу бокового отряда.

в) Действия центральной конной группы—9 эск., 4 пул. 6 кон. ор.—ген. Лео и 20 стрелк. полк.—2 бат., 8 пул., 4 ор., 1 эск.—полк. Тарновский. Отряд ген. Лео выступил из д. Оль-

---

[1] Обычная цель рекогносцировок.

шанка в 1 час. по дороге д. Зусьно и д. Матлак, южнее этой деревни перешел через р. Распуда и дальше пошел на кордон Матлак, южнее дер. Плевкен, д. Ленартен, Голубиен (на сх. Голубцен) и полустанок Стошнен.

Впереди колонны шел головной отряд: два эскадрона 1 ул. полка с 2 пул. К кордону Матлак подошли в 4 ч. 15 м., здесь перешли через пограничный ров, при чем заблаговременно предупредили конную батарею об этом рве и необходимости приготовить материалы для перехода через него. До д. Ленартен встречали только мелкие партии неприятеля; из этой деревни головной отряд, спешившись, выбил 1 эск. 10 кон.-егер. полка немцев, у которых также было 2 пул. В 8 ч. 40 м. ген. Лео подошел к железной дороге несколько южнее полустанка Стошнен, пройдя 12 *км*, в 4 часа; по дороге сжигали постройки; головной отряд продолжал движение на д. Ленговен и дальше к перешейку между оз. Зеедранкен и Куль (около $^1/_4$ *км*, ширины), а главные силы начали разрушать железную дорогу: взрывали рельсы на протяжении 2 *км*, уничтожили телеграф и телефон, взорвали и сожгли полустанок Стошнен, порезали проволочные заборы. Тем временем головной отряд, подойдя к перешейку между оз. Куль и Зеедранкен, был встречен ружейным огнем из небольшого леса, примыкающего с юга к западному концу оз. Зеедранкен; уланы спешились и повели наступление через перешеек на лес; на спешенных улан бросился в конную атаку эскадрон 10 кон.-егер. полка немцев, но коноводы успели подвести лошадей, уланы сели, бросились в атаку и опрокинули немецкий эскадрон, который ускакал в направлении на дер. Дулен; в руки русских улан попали 1 пленный, 2 лошади, немецкие винтовки и пики.

Очевидно немецкий эскадрон не дал коноводам далеко отойти от спешенных людей и вел атаку тихим аллюром, иначе уланы не успели бы сесть на лошадей; конечно, такая посадка и атака после нее были возможны только при соответствующей мирной подготовке людей и твердой дисциплине в части. После атаки эскадроны получили приказание ген. Лео присоединиться к полку и пошли назад на высоты к северу от оз. Зеедранкен.

Пока происходили описанные выше события на перешейке между оз. Куль и Зеедранкен, остальной отряд ген. Лео, покончив с разрушением железной дороги близ полуст. Стошнен, перешел на западную сторону полотна железн. дороги и двинулся в резервном порядке к югу. Драгунский полк шел, примыкая к железной дороге, уланский правее (западнее) драгун. Ген. Лео приказал двум эскадронам драгун выдвинуться к деревне Зеедранкен у перешейка между оз. Зеедранкен и Бол. Олецко, батарее стать на позицию на северном берегу оз. Зеедранкен (этот берег командует над южным на 6 *м*, с высоты виден г. Маркграбова и довольно большое

пространство к западу от него), а полкам строить боевой порядок.[1] Как только началось движение вперед эскадронов драгунского полка, немецкая артиллерия открыла по ним огонь с южного берега оз. Зеедранкен. Драгуны, попав внезапно под огонь артиллерии, повернули кругом, перешли через жел. дорогу и направились к лесу к северу (у д. Голубиен), а немцы перенесли огонь на выезжавшую под прикрытием эскадрона улан 1-ю конную батарею, которая все же заняла позицию и в свою очередь открыла огонь по немецкой артиллерии, заставив ее замолчать, а затем перенесла огонь на немецкую пехоту, которая начала наступать на батарею от северного берега озера;[2] огнем батареи пехота была остановлена, а затем отошла назад. К эскадрону, прикрывавшему батарею, по приказанию командира полка, присоединилось еще $^1/_2$ эск. Остальные $1^1/_2$ эск. со штандартом пошли к драгунам в лес. Отсюда было послано приказание уланским эскадронам головного отряда (на перешейке между оз. Куль и Зеедранкен) присоединиться к полку и, таким образом, бригада не воспользовалась открытым проходом между озерами, чтобы пройти в тыл (к западу) от Маркграбова, как это нужно было сделать, исполняя приказ № 1 Сувалкскому отряду.

Удивителен способ, принятый ген. Лео, для движения к югу после разрушения железной дороги: вместо того, чтобы воспользоваться складками, которых имелось много на холмистой местности к западу от железной дороги, и подойти скрытно, хотя бы к тому перешейку, к которому вышел головной отряд, он двигается открыто сначала в резервном, а затем в боевом порядке в направлении на озеро Зеедранкен, через которое все равно атаковать нельзя. В результате бригада попадает под внезапный артиллерийский огонь немцев и отскакивает на 3 *км,* к северу; выручила своя конная батарея. В то же время бригада не знает, что головной отряд открыл ей проход между озерами, что опять указывает на неумение поддерживать связь в бою, как только части не видят друг друга. Собрав бригаду восточнее железной дороги в районе дер. Голубиен, ген. Лео, не имея сведения о стрелках и не решаясь итти через узкий перешеек между озерами Куль и Зеедранкен, стоит на месте, ничего не предпринимая, до 11 ч. 30 м.[3]

Колонна полк. Тарновского (20-й стрел. полк с приданными частями), при которой был и ген. Гурко, до д. Цечинкен шла, не встречая неприятеля; по этому пути незадолго перед тем прошел отряд ген. Нилова. Д. Цечинкен прошли в 7 час. и направились на перешеек между оз. Зеедранкен и Олецко: сейчас же начались стычки и перестрелка

---

[1] Вероятно, развернуться в линии колонн.

[2] Вероятно, от того места, где озеро пересекает жел. дор. на г. Гольдап.

[3] ВИА—дело 7984, стр. 1, дело 7985, стр. 14, дело 6809, донесения №№ 62 и 65 дело 7944, стр. 2.

с мелкими партиями немцев—10 конно-егерского и 147 егер. (пех.) полков. Движение стало очень медленным и только около 12 час., пройдя за 5 час. около 7 *км*, колонна подошла к перешейку у Зеедранкен.

Ген. Лео, стоявший в районе д. Голубиен, ожидая подхода стрелков, в 11 ч. 30 м. двинулся им навстречу и связался с их цепями восточнее д. Зеедранкен. Стрелки взяли после перестрелки д. Зеедранкен и перешеек между озерами и продолжали наступление на г. Маркграбова до большого оврага, около $1^1/_2$ *км* к северу от города.[1]

Здесь ген. Гурко приказал стрелкам остановиться, а бригаде Лео выдвинуться вперед и взять город. Ген Лео, соединившись со стрелками, шел на их правом фланге; бригада шла через горевшую д. Зеедранкен, имея драгунский полк впереди; из-за пожара два задних эскадрона улан не могли уже пройти через деревню и отстали от бригады, в которой осталось только 7 эскадронов. Пройдя д. Зеедранкен, уланские эскадроны были опять выдвинуты вперед и бригада двинулась по шоссе на г. Маркграбова, откуда была встречена ружейным огнем; тогда полки спешились, при чем на шоссе стали пулеметы, левее один драгунский эск., правее три эск. улан в одну линию, правее их еще один эск. драгун, спешенные части открыли огонь и начали в 13 час. наступать на северную окраину города; одновременно один эскадрон драгун был направлен в обход города с запада, для захвата железнодорожной станции. Наступление в пешем строю шло на протяжении около $1^1/_2$ *км*, немецкий огонь с окраины города под действием русских пулеметов сначала ослабел, потом затих и спешенные кавалеристы, при которых был и ген. Гурко, ворвались в город, очистили его от немцев, выдвинув на южную окраину небольшие спешенные части.

Сам ген. Гурко со своим штабом отправился в здание почты и телеграфа на рыночной площади, чтобы забрать и рассмотреть имеющиеся там письма и документы. Один из офицеров взобрался на крышу телеграфного здания и оттуда осматривал местность; скоро он сообщил о быстром отступлении в разных направлениях немецких велосипедистов и о движении с юга на Маркграбова какой-то колонны. В это время коноводы спешенных полков вошли в город и заполнили всю рыночную площадь, так как командовавшие ими офицеры, по прекращении огня, решили, что затем начнется преследование, для чего нужно подвести лошадей к спешенным частям; сюда же пришла и конная батарея, которой не представлялось больше с ранее занятой ею позиции никакой

---

[1] В своих „Воспоминаниях“ ген. Гурко говорит, что перешеек обороняли немецкие велосипедисты, которые после $^1/_2$ часовой перестрелки ушли большей частью в западном и юго-западном направлениях; небольшая часть отошла в г. Маркграбова и заняла его окраину (стр. 29 и 30).

цели и которая поэтому пошла вперед к своей кавалерии. Ген. Гурко, считая свою задачу исполненной и не имея в виду удерживать г. Маркграбова, выслал сильные разведывательные части для определения направления движения немецкой колонны и задержания ее передовых частей [1] и приказал в 14 ч. 45 м. бригаде ген. Лео, собравшейся на площади, отходить на ночлег в д. Ольшанка, куда бригада прибыла, не тревожимая неприятелем, в 20 час. Стрелки полк. Тарновского начали отход на свой ночлег одновременно с отрядом ген. Лео; немцы не тревожили. За день 14/1 августа отряд ген. Лео потерял: убитыми—2 солдат и 4 лошади, ранеными 4 офицера, [2] 8 солдат и 9 лошадей, без вести пропавшими—3 солдат и 1 лошадь, кроме того в 1 кон. батарее лошадей убитых и раненых 9; [3] 20-й стрелк. полк потерял ранеными 3 солдат.

Последней атакой на самый г. Маркграбова руководил сам ген. Гурко. Сразу спешиваются 5 эск. из имевшихся под рукой 7, выдвигаются пулеметы, в обход направляется на важный пункт—станцию железной дороги—еще 1 эск. на конях, наступление спешенных частей ведется настойчиво, энергично, без продолжительных остановок, бой не превращается в затяжную перестрелку. Остановка стрелков и выдвижение вперед для взятия города конной бригады объясняется, всего вероятнее, моральными причинами; ген. Гурко, очевидно, не хотел оставить полки своей дивизии под впечатлением слишком робких действий к северу от оз. Зеедранкен, хотел, чтобы они, дойдя до неприятеля, приняли действительное участие в бою и в успехе, который был почти наверное обеспечен, так как главное сопротивление немцев было уже сломлено раньше: впереди и на перешейке у д. Зеедранкен. Не нужно забывать, что это был первый бой в эту войну полков дивизии, до этого были только стычки отдельных эскадронов и разъездов при несении разведывательной службы, понятно, что ген. Гурко не хотел допустить, чтобы полки его дивизии остались только зрителями взятия Маркграбова стрелками. [4]

Немецкие части, занимавшие город, ушли к западу и к юго-зап. от г. Маркграбова, куда дороги были открыты вследствие вялых действий ген. Лео и ген. Нилова, особенно первого. Русские даже не пытались преследовать и открыть

---

[1] Изложено по „Воспоминаниям“ ген. Гурко, стр. 31 и 32 немецкого перевода.

[2] Все 4 уланского полка, из них два сильно ушиблены при посадке на коней перед конной атакой на перешейке оз. Куль, Зеедранкен.

[3] ВИА—дело 7985, стр. 14; дел. 6809, донес. № 62.

[4] Ген. Гурко объясняет остановку стрелков желанием прочно обеспечить за собой проход между озерами и обеспечить свой отход. „Воспоминания“ стр. 29.

направление, куда ушли немцы, что нужно отнести к принятому заранее решению отойти на ночлег на прежние стоянки. Получалась типичная картина мирного маневра: маневр кончен, и все спешат вернуться на квартиры. Однако, не все немцы ушли к западу, часть их осталась к востоку от оз. Бол. Олецко и даже в лесу к северу от д. Моцнен. Поэтому произошел такой эпизод.

Пока шло наступление на Маркграбова, в г. Сувалки были получены из штаба армии новый шифр и телеграмма начальника штаба. Эти документы к ген. Гурко повез на автомобиле офицер, с ним в виде конвоя в том же автомобиле ехал вольноопределяющийся и два гусара. Автомобиль шел через м. Бакаларжево; не застав там ген. Гурко, двинулся дальше по большой дороге в Маркграбова. В лесу, что севернее д. Моцнен, попал в засаду немецких конно-егерей, залпом которых был убит вольноопределяющийся и ранен офицер и один гусар; офицер успел выпрыгнуть из автомобиля, скрыться в лесу и уйти от немецких конно-егерей. Он добрался пешком до Маркграбова, сдал ген. Гурко телеграмму, шифр же уничтожил по дороге, опасаясь попасться в плен. [1] Автомобиль пропал.

г) Наступление батальона 17 стрелк. полка от д. Мирунскен на д. Дроздовен. Около 5 час. из д. Мирунскен по шоссе на д. Дроздовен двинулся отряд из 1 бат. 17 стрелк. полка, 4 пулем., 4 ор. и 1 эск. уланск. полка. Очень скоро начались стычки охраняющих частей с мелкими конными и пешими партиями немцев. Отряд дошел до д. Дроздовен, которую и занял; лес к западу от Дроздовен оказался занятым немецкой пехотой без артиллерии. Отряд начал наступление на лес, но, получив донесение об обходе своего правого фланга двумя немецкими полками, остановил наступление и около 9 час. бой затих. Тогда немцы из лесу перешли в контр-атаку и потеснили стрелков, которые стали отходить за деревню Дроздовен. Около 12 час. выяснилось, что донесение о двух немецких полках было неверно и что обхода правого фланга нет. Тогда стрелки опять перешли в наступление и отбросили немецкую пехоту за деревню Дроздовен обратно в лес. После этого отряд, получив сообщение полковника Грекова об его отходе, — также двинулся назад в м. Филиппово; при этом немцы не беспокоили отходящих стрелков. За день 14/1 августа отряд потерял 17 стрелк. полка убитыми — 1 оф. и 7 стрелк., ранеными — 40 стрелков, уланский эскадрон убитыми—1 улана и 4 лошади, ранеными—6 улан. [2] Против стрелков определилось 1—2 бат. 44 пехотн. полка (2 див. I корпуса).

---

[1] ВИА—дело 6752, донес. ген. Гурко № 135.
[2] ВИА—дело 7945, стр. 9, дело 6752, донес. № 134, дело 6809, донес. № 62.

Это небольшое дело на крайнем правом фланге всего наступления ген. Гурко имело очень большое значение: оно связало немецкие силы в районе д. д. Ковален и Лакелен и дало возможность спокойно вести наступление и бой у г. Маркграбова. Наступление батальона 17 стр. полка могло бы дать гораздо большие результаты, если бы между действиями этого батальона и отряда полк. Грекова была бы какая-нибудь связь; к сожалению, связи не было, ее даже не пробовали установить, не пробовали хоть как-нибудь согласовать свои действия, хотя были не дальше 4—5 *км* друг от друга и только лес, что к западу от д. Дроздовен, мешал видеть друг друга. Ложное донесение об обходе правого фланга сыграло в бою стрелков свою роль; к сожалению, по найденным архивным материалам, нельзя в точности установить, как был использован имевшийся при батальоне эскадрон и как охранялся правый фланг отряда; нужно только отметить, что по предшествовавшим разведкам было известно, что в районе д. Бабкен, Цилоскен встречали пехотное охранение, что к северу, в направлении на г. Гольдап русские разъезды не могли пройти, а потому с этой стороны вполне вероятно было появление значительных немецких сил.

Обращает на себя внимание неверное донесение о наступлении двух немецких полков: очевидно, донесение послано по первому впечатлению встречи с какой-то немецкой частью, может быть, по словесному сообщению дозора, что показывает непривычку давать только проверенные сведения, особенно такие важные, как движение двух пехотных полков; замечается неумение определять силы неприятеля и бывшее обычным преувеличивание этих сил в общем, легкомысленное отношение к донесениям, приобретенное во время мирной подготовки. В остальном ведение боя стрелками, насколько можно судить по архивным материалам, вполне соответствовало задаче и обстановке: только решительным наступлением можно было связать силы немцев, и начальник отряда не задумывается вести наступление к западу от Дроздовен на лес; перед окончательным отходом, стрелки встречным ударом отбрасывают наступающих немцев за деревню в лес и, благодаря этому, спокойно отходят к Филиппово; без такого удара весьма вероятно, что немцы подошли бы к д. Мирунскен к русскому расположению на хвосту у стрелков.

Разбор боевых действий. Командующий русской армией, как было сказано выше, поставил ген. Гурко задачу:[1] выяснить, какие силы неприятеля занимают г. Маркграбова. После боя 14/1 августа ген. Гурко донес:[2] „Сегодня 15 час. вошел

[1] ВИА—дело 137399, стр. 79.

[2] ВИА—дело 6752. Донесение № 134, слова, замененные точками, составляют описание боевых действий.

в Маркграбова . . . . . . вступил в перестрелку с частями 147 егер. батал. и 10 конно-егер. полка . . . . . разрушил телеграф, телефон, станцию; после чего отряд, не тревожимый неприятелем, отошел на место прежних ночлегов. Донской полк с 4 ор. дошел до железн. дороги у дер. Монетен, где разрушил железную дорогу. За время движения к Маркграбова большая часть гарнизона, 1—2 батал. 44 пех. пол., перевозились на ст. Ковален, откуда наступали на Мирунскен; у Дроздовен встречены тремя ротами 17 стрелк. пол. с 4 ор. и 1 эскадр., стрелки сначала потеснили немцев, ... но в 12 возобновили наступление и потеснили немцев за Дроздовен". Это донесение не дает прямого ответа на поставленный командующим армией вопрос: какие силы занимают Маркграбова. Да на этот вопрос и нельзя было дать точного ответа, так как пленных немцев не было, по крайней мере о пленных ничего не говорят архивные материалы, за исключением одного конно-егеря, взятого во время атаки на перешейке между оз. Куль и Зеедранкен. Не имея пленных, можно было о численности войск в Маркграбова получить сведения из опроса местных жителей (источник очень неверный), а о составе судить по убитым немцам, найденным на поле боя. Как видно штаб ген. Гурко не обратил достаточного внимания на опрос жителей и властей в Маркграбова, вероятно, вследствие краткости времени пребывания в этом городе; также сам не разбирал захваченную здесь почту, а целиком отправил ее в штаб армии; войска, несмотря на указания п. 4, приказа № 1 Сувалкскому отряду, [1] очевидно, также не очень заботились добывать документальные данные о неприятеле; такое впечатление по крайней мере остается из рассмотрения архивного материала. Не имея возможности дать прямой и точный ответ на поставленный вопрос, ген. Гурко дает описание боя, из которого командующий армией должен был сам вывести, что было у немцев в Маркграбова; при этом донесение вводило в заблуждение: из него можно было предположить, что 44 пех. полк немцев составлял гарнизон Маркграбова, тогда как в действительности этот полк вместе с 4 гренадерским был в районе г. Гольдап и только передовые части 2 бригады 2 немецкой дивизии (эту бригаду составляли означенные пехотные полки) с 10 конно-егерск. полком были выдвинуты вперед к д. д. Ковален и Гурнен [2] и на охрану железной дороги. Может быть часть 44 пех. полка и перевозилась 14/1 августа к Ковален, что вполне соответствовало системе, принятой у нем-

---

[1] Эти указания даны только стрелкам полк. Тарновского, вероятно в предположении, что кавалерийские части это знают и в напоминании не нуждаются.

[2] Франсуа „Marneschlacht und Tannenberg", стр. 161 и 162.

цев, особенно в первом их корпусе, отвечать ударом на удар, но перевозились в Ковален из Гольдапа, а не из Маркграбова. Откуда взялось сведение о перевозке из Маркграбова в донесении ген. Гурко из архивных материалов не видно; в сообщении своим соседям 15/2 августа о результатах усиленной рекогносцировки[1] Гурко говорит: „Маркграбова не укреплено, на фронте Рачки,—Пржеросль оперируют два батал. 4 ландверного полка, часть 44 пех. пол., 147 егерск. бат., 10 конно-егерск. полк, одна полевая батар., которые, повидимому, перебрасываются по железной дороге Маркграбова—Гольдап с места на место. Во время рекогносцировки неприятель сам перешел в наступление со стороны Дроздовен. В Маркграбова уничтожен телеграф, испорчена в нескольких местах железн. дорога, взята почта. Маркграбова обороняли небольшие пехотные части, 10 конно-егерск. полк, два старых 9-*см* орудия. Отряд вернулся в г. Сувалки и к западу от него на старые места".—Это сообщение гораздо ближе к действительности, чем донесение командующему армией от 14/1 августа № 134; в нем только напутаны некоторые названия немецких полков: 4 гренад., а не ландверн., 147 егерск. полк, а не батал., и количество артиллерии у немцев уменьшено против действительного.

В общем, однако, „усиленная рекогносцировка" г. Маркграбова дала известный результат. Она установила, что в городе и в его направлении больших немецких сил 14/1 августа не было, что донесение агентов о дивизии пехоты с двумя кавалерийскими полками ложны, из действий немцев в этот день можно заключить, что их силы группируются севернее г. Маркграбова — у Ковален и еще севернее. Но значение этих сведений весьма ослаблялось тем, что после взятия Маркграбова все русские части ушли оттуда назад на 12—15 *км* на свои старые стоянки, не оставив даже никого, чтобы поддерживать соприкосновение с неприятелем; втечение короткого времени немцы могли подвезти по железным дорогам из Лецен и из Лык значительные силы и через 2—3 суток—к началу наступления русской армии—опять являлся прежний важный вопрос: что имеют немцы в районе Маркграбова.

Удар по Маркграбова 14/1 августа не причинил немцам больших материальных потерь и не понизил в их войсках дух предприимчивости; после ухода русских они вновь заняли свое прежнее расположение, их мелкие части опять выдвинулись к русской границе, разъезды стали еще более дерзкими, чем раньше: уже в 9 час. утра 15/2 августа пришлось высылать из деревни Ольшанка разъезд в д. Зусьно ($3^1/_2$ *км*

[1] ВИА—дело 6751, сообщение ген. Хан-Нахичеванскому, нач-кам аванг. II и III кор-сов в 17 час.

от Ольшанка в тылу русского охранения), чтобы выгнать забравшийся туда немецкий разъезд,[1] и в тот же день ген. Лео просил в 22 час. разрешение у ген. Гурко отойти из Ольшанки назад, чтобы иметь спокойный отдых;[2] в таком разрешении было, конечно, отказано.

Наступление на Маркграбова было задумано ген. Гурко в широком масштабе и, судя по направлению отряда ген. Лео в тыл немцам, предполагалось достигнуть гораздо больших результатов, чем простое вытеснение неприятеля и захват города.[3] Но таких результатов достигнуто не было, так как начальники отдельных отрядов, и особенно ген. Лео,—оказались не на высоте своего положения, в лучшем случае исполняли буквально приказания, и все действовали крайне вяло и нерешительно. Выше, при разборе приказа № 1 Сувалкскому отряду, уже упоминалось, что вялость действий в значительной мере зависела от неудовлетворительной редакции приказа; но, кроме того, сказались и личные качества начальников, прежде всего их чрезмерная осторожность, нежелание и неумение рисковать, отсутствие инициативы; последнюю проявил только ген. Нилов при отходе от Маркграбова, который в этом случае нарушил категорические указания приказа № 1, оголил южный фланг стрелков, лишь бы скорей вернуться на стоянку,—пример самой вредной инициативы; все окончилось благополучно только вследствие незначительности сил немцев.

Задумав широкий маневр, ген. Гурко был вынужден разделить свои силы на несколько отрядов, которые действовали на фронте до 14 *км.* Чтобы эти действия были согласованы и чтобы иметь возможность управлять ими общему начальнику нужно было установить связь с ними, а начальникам отдельных отрядов уметь и хотеть поддерживать связь друг с другом и со старшим начальником. Связи установлено не было, хотя возможность установить ее была, а начальники отрядов не сумели поддерживать ее, да и, как видно из всего дела, мало заботились об этом или понимали эту связь неправильно, как, например, ген. Лео, который бездействовал у д. Голубиен, ожидая появления стрелков или давая неправильные сведения соседу, полк. Грекову. Нужно заметить, что и младшие начальники, как видно,

---

[1] ВИА—дело 6809, полев. записка № 68.

[2] ВИА—дело 7945, стр. II.

[3] Ген. Гурко говорит, что главной его целью было захват почты и телеграфа в Маркграбово, потому что это давало богатый материал для получения сведений о неприятеле („Воспоминания", стр. 21). Не отрицая, что письма дают много данных о неприятеле, нужно заметить, что бой и, в особенности, пленные дают обыкновенно более свежие и ценные сведения.

не придавали значения поддержанию связи, особенно в бою; замечается, что как только часть столкнулась с неприятелем, так сейчас же донесения от нее делаются крайне редкими или прекращаются вовсе, так что старший начальник лишается всякой возможности повлиять на бой, если этот бой не происходит у него на глазах. Недостаток связи повел к тому, что в 12 час. 10 эск. с 6 кон. ор., т.-е. половина имевшейся 14/1 августа в распоряжении у ген. Гурко кавалерии шла уже назад на ночлег, когда бой у Маркграбова собственно начинался.

Однако, одной из главных причин малых результатов боя у Маркграбова является неиспользование достигнутого успеха. Не было: 1) преследования после взятия города, 2) организации новой разведки, для которой создалась благоприятная обстановка с захватом Маркграбова. И, наоборот, был слишком быстрый отход на старые стоянки и ничем невынужденное оставление Маркграбова. Отход из Маркграбова даже в случае успеха был предрешен ген. Гурко и объявлен в приказе Сувалкскому отряду; это была основная ошибка; сообразно с этим части сделали все свои хозяйственные распоряжения, поэтому остаться в захваченном районе было очень неудобно; кроме того, фланговые отряды уже пошли назад, на прежние квартиры; однако, отход из Маркграбова главной массы бывших там войск не мешало бы оставить там сильную кавалерийскую часть с конной артиллерией и поручить ей следить за выбитыми из города немцами, поддерживать соприкосновение с неприятелем и вести разведку к западу от железной дороги, в направлениях на Лецен и на Лык. Такое поручение было бы совершенно исполнимым и подходящим для кавалерии, вполне соответствовало бы ее свойствам и не представляло бы опасности, так как в крайнем случае кавалерия всегда могла бы уклониться от боя и избегнуть отдельного поражения. Этого не было сделано и вернее всего по той же причине, по которой, выбив немцев из Маркграбова, не начали сейчас же их преследования: учение и маневры мирного времени никогда или почти никогда не заканчивались преследованием; поэтому и проделали то, что обычно делали на маневрах, к чему привыкли и войска и начальники, исполнив задачу, поставленную на данный день, торопились стать на спокойный ночлег на старых, известных местах; шел только 13-й день войны, и война не успела еще внести свои поправки в мирные привычки. Можно удивляться, что ген. Гурко, оказавшийся втечение войны таким энергичным, деятельным и знающим военное дело начальником, не организовал преследованя после взятия Маркграбова, — причина этого неизвестна; можно только заметить, как это сделано выше при разборе приказа Сувалкскому отряду, что на все это предприятие он шел с большой осторожностью,

принимая всевозможные меры, чтобы обезопасить предрешенное им отступление от Маркграбова.[1]

Взятие Маркграбова создало особенно благоприятную обстановку для дальнейшей разведки 1-й кавалерийской дивизии в особенности втечение ночи с 14/1 на 15/2 августа. Был прорван фронт передовых охраняющих частей немцев на пространстве от д. Монетен до Маркграбова (около 11 *км*), перед разведывательными эскадронами и разъездами русских были открыты пути: к г. Гольдап западнее железной дороги, по направлению на Лецен и на Лык. Создалась приблизительно та обстановка, к которой рекомендовал стремиться действовавший во время войны русский полевой устав.[2] Этой обстановкой не воспользовались прежде всего потому, что для этого нужно было удерживать Маркграбова, а было заранее решено этого не делать. Затем нужно заметить, что хотя в мирное время усиленно готовили кавалерию к разведывательной службе, но готовили главным образом мелкие части; в организации разведки практиковались главным образом на маневрах, при чем обычно разыгрывался первый, так сказать, акт разведки: выдвижение разведывательных частей для разыскания неприятеля, когда он находится далеко; организация разведки после прорыва передового неприятельского расположения практиковалась редко, о ней не думали или думали очень мало, если судить по довоенной литературе, касающейся этого предмета.

Тактические действия рассмотрены при описании действий различных отрядов. Здесь нужно остановиться еще раз на медленности движения крупных кавалерийских частей, которые надолго задерживались мелкими неприятельскими партиями. Это также нужно в значительной мере отнести к недостаткам мирной подготовки и к маневренной практике. В мирное время не задавались вопросом как действовать против таких мелких партий, в общем предполагалось, что заставы и дозоры, которые шли впереди и по сторонам колонн, будут достаточны для действий против них, очистят

---

[1] Как видно из описания взятия Маркграбова, младшие начальники понимали или, быть может, инстинктивно чувствовали, необходимость преследования, почему ввели в город всех коноводов, как только замолк огонь; туда же вошла и конная батарея, чтобы быть в распоряжении своей кавалерии. У начальника отряда оказалось меньше правильного военного чутья, и он занялся неподходящим ему делом—разбором документов на почте, рассчитывая, что эти документы и сведения, добытые боем кавалерийских колонн, определят число и состав собранных у Маркграбова немецких войск („Воспоминания", стр. 32). Ожидание не оправдалось, а при известии о наступлении какой-то немецкой колонны ген. Гурко поспешил начать отход, опасаясь действия артиллерийского огня по собравшейся в городе кавалерии („Воспоминания", стр. 32). Это решение совершенно не вызывалось обстановкой и лишило возможности воспользоваться счастливым случаем, чтобы получить, может быть, очень ценные сведения.

[2] Устав полевой службы 1912 г. § 91.

дорогу и предохранят колонны от их огня. На маневрах или просто не обращали внимания на эти мелкие партии и на их стрельбу или, по требованию посредников, останавливались при первом же выстреле и двигались дальше, когда такая партия была далеко отогнана специально высланными против нее частями. На войне нельзя было не обращать внимания на стрельбу небольших частей; это повело к постоянным остановкам, спешиванию передовых частей по первому выстрелу из-за закрытия, медленному наступлению спешенных кавалеристов на большие расстояния; обходы в конном строю тоже происходили медленно вследствие неожиданных препятствий, с которыми плохо справлялись по незнакомству с ними (проволочные заборы), а также потому, что такие обходы предпринимались частями, высылаемыми головными и боковыми отрядами, а ненаходящимися уже впереди заставами, перед которыми неприятеля не было, но которые не были приучены помогать друг другу и не сходили со своего направления, чтобы заглянуть в тыл противнику, задерживающему соседа.

В конечном результате русские одержали 14/1 августа успех под г. Маркграбова, главным образом, вследствие малочисленности неприятеля и своего слишком большого превосходства в силах; но не использовали всех представлявшихся возможностей, чтобы превратить свой успех в полный разгром немцев и добиться существенных и длительных результатов. Основные причины — слишком большая осторожность, предвзятое решение отойти на свои исходные места, чем бы ни кончилось наступление, и неподготовленные начальники.

В действиях немцев видна чрезвычайная энергия, стремление наступать при всяких обстоятельствах. Это последнее стремление могло привести их к поражению, если бы русские действовали более энергично, а главное, согласованно. Однако, их риск оправдался, и они вышли из боя вполне благополучно — оправдалось то представление о русских войсках и начальниках, которое немцы составили себе до войны.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Перед мировой войной во всех европейских армиях главным назначением кавалерии считали дальнюю разведку и противодействие этой разведке. Развивая далее эту мысль, находили, что с наибольшим успехом можно вести разведку, если удастся уничтожить неприятельскую кавалерию или хотя бы разбить ее и загнать за свою пехоту. [1]

---

[1] Русский полев. уст. §§ 55 и 94.

Таким образом, начало большей части военных операций рисовалось как столкновение выдвинутых противниками конных отрядов, при чем сторона, оказавшаяся победительницей, получала такие неоспоримые преимущества, что разрешение всех остальных задач, выпадающих на долю кавалерии во время войны, облегчалось до крайности, да и положение армии, конница которой победила, делалось чрезвычайно благоприятным сравнительно с той, у которой конница была разбита; положение получалось подобное тому, какое является при борьбе зрячего человека со слепым. Разведка конницей предполагалась дальняя, т.-е. на большом расстоянии от остальных своих войск, во всяком случае вне их влияния, а потому и столкновение кавалерий обеих сторон ожидалось также вне сферы влияния остальных войск и представлялось как своеобразный кавалерийский поединок. Наконец, рассмотрение других задач кавалерии в начале войны как: прикрытие своей мобилизации и сосредоточения, помеха мобилизации неприятеля, приводило к мысли о неизбежности кавалерийского поединка.

Все изложенное теоретическое рассуждение представляется весьма логичным и трудно оспариваемым, пока рассуждение ведется вообще без определенной обстановки. Но даже и при таком, чисто отвлеченном, рассуждении является сомнение: 1) действительно ли дальняя разведка является главной задачей конницы; 2) действительно ли неизбежна кавалерийская дуэль, не будет ли возможность избежать этой дуэли той стороне, которой она почему-либо нежелательна; 3) будет ли в войнах, особенно в Западной Европе, достаточно пространства между воюющими сторонами, чтобы столкновение враждебных кавалерий произошло обязательно вне сферы влияния других войск, главным образом пехоты. Эти сомнения, которые опрокидывали всю стройную теорию, оставлялись в стороне и твердо держалось убеждение в неизбежности кавалерийского поединка, который будет иметь решающее значение, если не на исход данной военной операции, то во всяком случае на роль конницы в этой операции; а потому во всех государствах Европы готовились к поединку кавалерии, насколько это позволяла география и средства страны. Подготовка выражалась в организации, снабжении и обучении кавалерии.

Вопросы организации и снабжения здесь рассматривать не будем, так как их влияние не проявилось в бою у Маркграбова. Иное дело вопросы обучения, поэтому нужно дать общее представление об обучении кавалерии в России перед мировой войной.

Обучение распадалось на: 1) подготовку отдельного всадника и лошади, 2) подготовку частей. Первая половина — одиночная подготовка стояла очень высоко и вполне оправ-

дала себя, как видно из событий 14/1 августа; недостатком являлось неумение справляться с проволочными заборами, которые в России встречались чрезвычайно редко и были очень распространены в Вост. Пруссии; это указывает на необходимость тщательно изучать до мелочей возможные театры войны и их особенности, чтобы затем не натыкаться на неприятные неожиданности.

Иначе обстояло дело с обучением частей. Здесь прежде всего готовились к поединку с неприятельской кавалерией, который представлялся, как столкновение конных масс исключительно в конном строю. Все было направлено к тому, чтобы иметь на своей стороне всевозможные выгоды в таком столкновении, которое большею частью представляли себе, как встречный бой: требовалась особенная быстрота развертывания походных колонн, были выработаны практикой нормальные боевые порядки для полков, бригад и дивизий, было достигнуто в высокой степени искусство быстро двигаться, менять направление и фронт в этих боевых порядках; сбор рассыпавшихся после атаки всадников в резервные порядки производился чрезвычайно быстро, также быстро производилось спешивание и посадка на коней на больших аллюрах; при всех действиях и движениях, на каких бы аллюрах они ни производились, соблюдался самый строгий порядок в частях и полное внимание всадников, что достигалось, между прочим, полным молчанием даже при атаке. [1] В отношении движения и маневрирования больших масс конницы дошли до виртуозности: было обычным явлением, что кавалерийская дивизия двигалась и перестраивалась на полевом галопе по знаку шашкой своего начальника, при чем был слышен только топот нескольких тысяч конских ног, да громыхание конных батарей. Достижение такого результата требовало долгого, упорного труда и постоянной практики.

В итоге, русская кавалерия представляла страшное оружие на случай конных столкновений, но при условии действовать в сомкнутых порядках, в зрительной связи между частями. Как только зрительная связь нарушалась, отдельные начальники, не приученные действовать самостоятельно и согласованно для достижения указанной общей цели, терялись, не проявляли должной инициативы или задавались своими целями, ждали приказаний, бездействовали или старались восстановить зрительную связь в зависимости от характера данного лица. Обучение не приучало к поддержанию связи между частями, не давало необходимых навыков

---

[1] Русская регулярная кавалерия атаковала без всякого крика даже в минуту столкновения, только в пешем строю бросались в штыки с криком „ура". Казаки атаковали в конном строю с гиком, это было их исторической особенностью.

и привычек ни старшим начальникам ни подчиненным; это было очень просто при зрительной связи и нормальных боевых порядках и совершенно не удавалось, как только боевой порядок расчленялся на самостоятельные группы, действующие на больших расстояних друг от друга. Большое влияние оказывали самые условия мирного обучения. Его нельзя было производить на разнообразной местности, это стоило слишком дорого, так как в таком случае пришлось бы платить слишком большие суммы за потопки полей и другие убытки, причиненные владельцам земли; это приводило к обучению и не только строевому, но и тактическому на особых учебных полях, из года в год одних и тех же, при чем местность на учебных полях значительно отличалась от обыкновенной уже потому, что на ней не было пахоты, засеянных пространств и проч., что неизбежно встречается при нормальных условиях. Этому недостатку учебных полей старались помочь маневрами и подвижными сборами, но помогало это мало, так как навыки и привычки создавались на учебных полях и их целиком переносили на маневры, которые зачастую устраивались с таким расчетом, чтобы столкновение больших сил происходило на сравнительно открытых пространствах с возможно меньшим вредом для населения и его хозяйства; это особенно относится к так называемым малым маневрам и тактическим учениям, когда за всякий вред, причиненный населению, платили сами части и их начальники. Все это породило своеобразную тактику учебных полей: для успеха нужно было раньше противника выйти на это поле и развернуться, тогда противник безнадежно застревал в походных колоннах на узких дорогах среди посевов, деревень, садов и т. п. Только на подвижных сборах маневренные действия несколько приближались к действительной обстановке на войне, но эти сборы были непродолжительны, кроме того, и здесь условия мирного времени часто приводили к неправдоподобной обстановке; наконец, сберегая силы людей и лошадей, почти никогда маневренный бой не завершался преследованием; войска совершенно не учились использовать свой успех; о поддержании соприкосновения с противником никто не думал, да оно было и бессмысленно, так как на завтра предстоял новый маневр или новое учение по совершенно новому заданию и предположению. Вследствие того же стремления беречь свои силы, поучение после учения или маневра, так называемый „разбор", было очень кратко—все стремились как можно скорей отпустить части на отдых.

Все недостатки обучения частей особенно ярко проявились в бою 14/1 августа у Маркграбова, где с русской стороны действовала 1-я кавалерийская дивизия, прибывшая из Московского военного округа, т.-е. из внутреннего округа,

где причины недочетов обучения мирного времени были сильнее, чем в пограничных военных округах. Конного столкновения не произошло: у немцев было только три эскадрона 10 конно-егерского полка, которые естественно предпочли отойти к своей пехоте, задерживая огнем мелких частей движение русских 19 эск., насколько это было возможно, с тем, чтобы оказать дальнейшее сопротивление вместе с этой пехотой. Покончив с разрушением железной дороги близ станции Стошнен, центральная конная группа строит на открытом месте боевой порядок [1] и двигается к югу на оз. Зеедранкен, через которое все равно этот боевой порядок пройти не мог; попав внезапно под артиллерийский огонь немцев, отскакивает в район д. Голубиен и тут бездействует, пока не восстановилась зрительная связь с наступающим 20 стрелк. полком; открытием перешейка между озером Куль и Зеедранкен после атаки двух эскадронов 1 улан. полка—не пользуются, так как узнают об этом поздно, а главное не рискуют оторваться от того же 20 стрелк. полка, о движении которого сведений не имеют. Поддерживать связь и согласовать свои действия, как только перестали видеть друг друга, начальники отдельных колонн не умеют, да и не стараются. Действовать самостоятельно и помогать друг другу, начальники колонн даже и не пробуют. Все стремятся поскорее вернуться на место ночлегов, о преследовании, поддержании соприкосновения с противником, использовании создавшегося после успеха удобного положения для разведки—никто не думает, как это подробно рассмотрено при разборе действий отдельных отрядов. В общем, части и их начальники оказались мало способными действовать широко расчлененным боевым порядком, между тем вся боевая обстановка настоящего времени и, главным образом, современный огонь заставляют прибегать к такому расчленению.

Война внесла свои поправки в принятые до войны идеи, приемы, привычки. Уже подробное рассмотрение одного боя у Маркграбова позволяет прийти к следующим заключениям:

1. Одиночная подготовка всадника и коня должна быть очень тщательная и не ниже, чем она была до войны.

2. При обучении современной кавалерии должно быть обращено особенное внимание на подготовку ее для боевых действий в составе **крупных соединений**. При этом нужно учиться:

а) вести наступательный и оборонительный бой в конном и в пешем строю, в зависимости от обстановки,—против всякого рода войск и соединений всех родов войск;

б) вести бой на широком фронте расчлененным боевым порядком, без зрительной связи между отдельными частями,

---

[1] Не имея перед собой неприятеля.

на всякой местности, достигая полной согласованности в действиях и поддерживая тесную и непрерывную связь между всеми частями и отрядами;

в) уметь отыскивать слабые места в расположении противника, маневрировать и пользоваться своею подвижностью для внезапного появления перед неприятелем и нанесения удара в слабое место;

г) уметь разумно рисковать и не боятся становиться в опасные положения, уметь выходить из таких положений, используя свою подвижность, ибо почти всякий маневр сопряжен с риском и опасностью и обычно дает при успехе тем большие результаты, чем больше был риск;

д) пользоваться всяким случаем, дающим возможность нанести поражение врагу, хотя бы это не входило прямо в полученную задачу, лишь бы нужные для того действия не противоречили этой задаче;

е) всегда помогать соседу чем только можно, не вредя исполнению своей прямой задачи;

ж) преследовать и вообще использовать победу и всякий успех;

з) всегда поддерживать соприкосновение с неприятелем; никогда не прекращать разведку, уметь пользоваться удобной обстановкой, которую часто создает бой для разведки;

и) уметь напрягать свои силы до крайности, не подрывая их;

к) уметь действовать совместно с другими родами войск, особенно с пехотой; знать свойства и приемы действий других родов войск;

л) знать особенности возможных театров войны, характер и способы действий возможного неприятеля с тем, чтобы заранее приготовиться использовать выгодные стороны и научиться преодолевать могущие быть препятствия и невыгодные обстоятельства;

м) всегда помнить, что главное оружие кавалерии—это ее подвижность, и уметь эту подвижность использовать.

3. Качество начальников в кавалерии имеет решающее значение. Необходимо приложить все усилия, чтобы иметь хороших начальников и в мирное время развить в них необходимые качества, особенно инициативу, смелость и решительность.

4. Редакция приказов имеет большое значение при исполнении, поэтому нельзя относиться к этому делу слегка: каждое слово и выражение должны быть тщательно продуманы, дабы не вызвать в дальнейшем нежелательных недоразумений.

Изложенные выводы не являются чем-либо совершенно новым, явившимся после мировой войны. Если пересмотреть сочинения и учебники тактики, а также полевые уставы в их

отделах о бое, имевшиеся до 1914 г., то там в разных местах и в разной форме изложены те же мысли, что и приведенные выше, но, как видно из событий, эти мысли не превратились в дело. Произошло это и будет происходить потому, что всякие наставления, инструкции и уставы проводят в жизнь не автоматы, а живые люди, легко поддающиеся увлечению. Всякое обучение связано с проверкой, проверка с оценкой учителей, т.-е. в военном деле—начальников; оценка оказывает решительное влияние на судьбу этих начальников; естественно, что они готовятся и готовят свои части к проверке, т.-е. к смотрам, маневрам и главное внимание обращают на те требования, которые на этих проверках предъявляются. Поэтому необходимо, чтобы все: приемы обучения, смотры, маневры, сборы были так соображены и согласованы, чтобы вели к полной и равномерной подготовке во всех отношениях, не увлекаясь одной стороной дела в ущерб остальным. Затем необходимо помнить, что обучение войск тесно связано с воспитанием их, прививает войскам известные привычки, дает им те или другие навыки, которые неизбежно действуют в грозный час боевых испытаний; необходимо, чтобы привычки и навыки были согласованы с боевыми целями.

Приказ Сувалкскому отряду.

(Карта 2 и 3 вер. и Прусская)

№ 1

Штаб отряда 31 июля 1914 г.
Гор. Сувалки. 12 час. 30 мин. дня.

1. Командующий армией приказал выяснить, какие части и в каком числе находятся у Маркграбова (Олецко).

2. Сведения о противнике: линия железной дороги Гольдап—Маркграбова (Олецко) охраняется пехотными постами, местами выдвинуты небольшие пехотные части в окопах: в лесу к востоку от Лакелен, у Юдзикен, в лесу у Штобенорт, у д. Крупинен. Конные части, меняя расположение, держатся, примерно, на полпути между линией железной дороги и нашей границей частями около полуэскадрона.

3. Для выполнения поставленной задачи назначаю отряд в составе 20 стрелк. полка с полубатареей 5 стр. арт. див., $19^1/_2$ эск. и сотен, 8 пулеметов и 12 конных орудий 1 кавалер. дивизии.

4. А) Правый боковой отряд.
Полк. Греков.

1 Донской каз. полк	5 сот.
Кон.-пул. команда	2 пул.
2 кон.-арт. бат.	4 ор.
	5 сот.—2 пул.—4 ор.

Переночевав в д. Сказдуб (западная), выступить с таким расчетом, чтобы к 3 час. утра 1 августа достигнуть головой колонны дер. Горбас и двигаться на д. Монетен и далее на линию жел. дороги с целью обеспечения правого фланга общего наступления и воспрепятствования подвозу подкреплений поездами с севера. Дозволяю порчу жел.-дор. сооружений кроме крупных мостов и станционных сооружений. Держать связь с 1 бриг. 1 кав. дивизии.

По выполнении задачи отходить южнее м. Мирунскен на дер. Горбас и далее к пункту ночлега у дер. Сказдуб (западная).

Б) Левый боковой отряд.
Ген.-майор Нилов.

1 гус. Сумский полк	5 эск.
Кон.-пул. команда	2 пул.
2 кон.-арт. бат.	2 ор.
	5 эск.—2 пул.—2 ор.

Переночевав в д. Сказдуб (западная) выступить с таким расчетом, чтобы в 3 часа утра 1 августа перейти линию Филиппово—Бакаларжевских озер и двигаться дальше Цечинкен,[1] Пржитулен, Биркенорт. Цель движения—обеспечение левого фланга стрелков, усиленная рекогносцировка перешейка между озерами Бол. и Мал. Олецко, захват мелких неприятельских частей,

[1] В подлиннике „Цивaскен"—очевидная ошибка.

могущих оказаться к востоку от Бол. Олецкого озера.

Выслать разъезд на южный край Мал. Олецкого озера для наблюдения за движением по жел. дороге с юга.

По выполнении общей задачи отходить, сообразуясь с отходом стрелков, обеспечивая их левый фланг. Остановка на месте последнего ночлега.

В) Центральная конная группа.
Ген.-майор Лео.

1 бригада 1 кав. див. . . .	9 эск.
Кон.-пул. команда	4 пул.
1 кон.-арт. бат.	6 ор.
	9 эск.—4 пул.—6 ор.

Выступить из д. Ольшанка с таким расчетом, чтобы 3 час. утра головой колонны главных сил начать переход через линию Бакаларжевских озер в районе к северу от м. Бакаларжево. Двинуться на фронт Юдзикен—Бабкен для захвата жел. дороги южнее остановочного пункта у д. Стошнен, после чего вести усиленную разведку в обход Зеедранского озера, в тыл м. Маркграбова.

Обеспечить правый фланг наступления стрелков.

По окончании усиленной разведки отойти на последнее место ночлега.

Г) Полк. Тарновский.

20 стр. полк	2 бат.
„ „	8 пул.
5 стр. арт. див.	4 ор.
1 л.-др. Московск. полка .	1 эск.
7 бригады погран. стражи	12 всадн.
	2 бат.—8 пул.—4 ор.—1 эск.—12 всадн.

Выступить из дер. Емелисте сегодня, 31 июля, в сумерки в направлении на д. Матлак, где дать отдых до $2^1/_2$ час. ночи, после чего начать переход через линию Бакаларжевских озер к северу от м. Бакаларжево с таким расчетом, чтобы совершить переход линии озер до полного рассвета.

По переходе линии озер вести наступление на фронт перешейка между озерами у с. Зеедранкен, держась левым флангом большой дороги Бакаларжево — Маркграбова. Цель наступления—боем выяснить силы войск, собранных у Маркграбова, и захват всяких предметов, могущих документально определить состав этих войск. По выполнении задачи отходить прежним путем и стать на ночлег восточнее линии Бакаларжевских озер.

5. На время производства усиленной разведки батальону, занимающему позицию к западу от м. Филиппово, выдвинуться в направлении дер. Дроздовен, а по окончании разведки отрядам вернуться на свои позиции; прочим частям, стоящим в передовом охранении, продолжать охрану вверенных им полос и разведку впереди лежащей местности.

6. Отдельным частям отряда связаться телефоном с м. Бакаларжево, где команде связи драгунского полка установить центральную телефонную станцию к 11 час. вечера 31 сего июля.

Распоряжением штаба 5 стрелк. бригады соединить телефоном д. Емелисте с центральной станцией в м. Бакаларжево.

7. Всем частям поддерживать тесную связь по фронту и для определения времени начала отхода руководствоваться движением стрелков, охраняя при отходе их фланги.

8. Западнее линии Бакаларжевских озер из числа повозок обоза I разряда взять с собой исключительно патронные двуколки и лазаретные линейки.

9. Перевязочные пункты открыть: в м. Филиппово от 19 стрелк. полка, а 20 стрелк. пол.—распоряжением командира названного полка; бригадный лазарет 5 стр. бригады к 5 час. утра 1 августа придвинуть к д. Малиновка.

10. Я буду находиться во главе колонны главных сил 20 стр. полка, куда чаще доносить о ходе разведки.

11. Заместители: ген.-майор Лео и ген.-майор Нилов.

Начальник Отряда,
Генерал-лейтенант *Гурко.*

Начальник Штаба,
Полковник *Косяков.*

Отправлено 3 час. дня 31 июля 1914 г.

Хорунжий Леонов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Схема № 1.

Расположение сторон $\frac{6 \text{ августа}}{24 \text{ июля}}$ 1914 г.

Схема № 2

Расположение сторон $\frac{13 \text{ авг.}}{31 \text{ июля}}$ и движения 14/1-го августа 1914 г.

Масштаб.
1 ½ 0 1 2 3 4 5 в.

Условные знаки.
желез. дор.
шоссе.
бол. грунт. дор.
Русск. располож. $\frac{13 \text{ авг.}}{31 \text{ июля}}$
Русск. движен. 14/1 авг.
Немец. располож.
-"- движение.

СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ШТАБ РККА

УПРАВЛЕНИЕ
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ОПЫТА ВОЙН.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ВОЙН 1914—1922 гг.

ВЫПУСК 4

Г. КОРОЛЬКОВ

НЕСБЫВШИЕСЯ КАННЫ

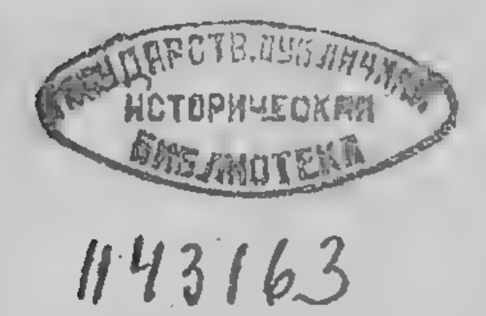
(НЕУДАВШИЙСЯ РАЗГРОМ РУССКИХ ЛЕТОМ 1915 г.)

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЭТЮД
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ОДНОЙ СХЕМЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
№ 1498.
Ленинградский Гублит
№ 18444.
Тираж 5.000.

Заказ № 1754.

Государственная типография имени Ивана Федорова.
Ленинград, Звенигородская, 11

ВВЕДЕНИЕ.

Карфагенский полководец Аннибал с армией около 45.000 человек в 216 году до нашей эры в сражении под Каннами (в средней Италии) окружил и на голову разбил римскую армию, имевшую до 80.000 человек и потерявшую 48.000 убитыми и 20.000 пленными. Идея этого сражения ген. графом Шлиффеном, начальником германского генерального штаба с 1891 по 1906 г., была положена в основу той военной доктрины, на которой воспитывалась германская армия перед Мировой войной. Капитальный труд Шлиффена „Канны“ стал известен в России после Мировой войны, что дало возможность осветить многие вопросы, возникавшие при изучении событий этой войны.

Военное дело было всегда, а теперь в особенности, столь разнообразно и многогранно, что не может быть постоянного рецепта для достижения победы.

Руководствуясь этой доктриной, германцы под Танненбергом разгромили армию Самсонова, та же доктрина под Лодзью поставила $1^{1}/_{2}$ германских корпуса в критическое положение, и только благодаря ошибкам русских, они избегли окружения.

Эта доктрина была положена в основу разгрома русских летом 1915 г. Здесь, благодаря ошибкам самих германцев, задуманные ими „Канны“ не удались. Отсюда заглавие этого стратегического этюда, целью которого является выявить ошибки оперативного плана австро-германцев.

I.

Необходимость разгрома русских.

Положение сторон в начале июня 1915 г. К этому времени на русском театре войны стороны занимали такое положение:

1) Участок от Балтийского моря до р. Неман (300 кил.) в полосе рек Виндава и Дубиса занимали: а) 5-я рус. армия Плеве (9 пех. 7½ кав. дивизий) и б) герм. Неманская армия фон Белова (8 пех. 4½ кав. дивизий). Крайние фланги сторон имели почти одинаковое значение и обе стороны стремились упрочить здесь свое положение.

2) Участок от р. Неман до р. Висла (400 кил.) занимали: а) русские — 10-я армия Родкевича (8 пех. 1 кав. дивизия), 12-я армия Чурина (9½ пех. 1 кав. див.) и 1 армия Литвинова (8 пех. 3 кав. див.) — прикрывали линию Немана от Ковно до Гродно, Белостокский район и обеспечивали фланг армий на левом берегу Вислы, б) германские — 10-я армия Эйхгорна (9½ пех. 1 кав. див.), 8-я армия Шольца (9 пех. 1 кав. див.) и группа Гальвица (8 пех. 1 кав. див.) — все прикрывали Восточную Пруссию. Силы русских, считая и резерв фронта (4½ пех. 1 кав. див.), достигали 30½ пех. и 6½ кав. дивизий, а силы германцев 26½ пех. и 3½ кав. дивизий. Обе стороны выполняли пассивные задачи.

3) Участок на левом берегу Вислы (225 кил.) занимали: а) русские — 2-я армия Смирнова (8 пех. 1 кав. див.) и 4-я армия Эверта (8 пех. 2½ кав. див.), прикрывая плацдарм и районы Варшавы, Ивангорода и Люблина; б) австрогерманцы — 9-я герм. армия принца Леопольда Баварского (8 пех. 1 кав. див.), группа Войрша (5 пех. 1 кав див.) и 1-я австр. армия Пухалло (2 пех. 1 кав. див.), прикрывая пути к границам Германии и Австрии. Здесь 16 пех. и 3½ кав. русских дивизий сдерживали 17 пех. и 3 кав. дивизий союзников.

4) Участок между реками Висла и Днестр (330 кил.) занимали: а) русские — 3-я армия Леша (11 пех. 2 кав. див.), группа Олохова (8 пех. 3 кав. див.), 8-я армия Брусилова

(11 пех. 3 кав. див.) и правый фланг 11-й армии Щербачева (2 пех. 1 кав. див.) и резерв фронта (2 пех. див.), а всего 35 пех. и 9 кав. дивизий, которые полтора месяца вели напряженные бои и с большими потерями отходили с одного рубежа на другой, б) австро германцы—4-я армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда (14 пех. див.), 11-я герм. армия Макензена (17 пех. 1 кав. див.), 2-я австр. армия Бем Эрмоли (12 пех. 2 кав. див.), а всего 43 пех. и 3 кав. дивизий. Здесь союзники, имея превосходство сил и преимущества в технике, вели полтора месяца безостановочное наступление и готовились овладеть Львовом.

5) Участок по рекам Днестру и Пруту (240 кил.) занимали: а) русские—остальная часть 11-й армии Щербачева (5 пех. див.) и 9-я армия Лечицкого (11 пех. 6 кав. див.) и б) австро-германцы—южная армия Линзингена (9 пех. див.) и 7-я австр. армия Пфланцер Балтина (10 пех. 5 кав. див.). Здесь союзники силою 19 пех. и 5 кав. дивизий оттесняли русских — 16 пех. и 6 кав. див. — из пределов Буковины.

Общее протяжение фронта сторон доходило до 1400 кил. Союзники делили его на две части: северная до р. Пилица германский Восточный фронт Гинденбурга с начальником штаба Людендорфом и южная часть австрийский Галицийский фронт, не имевший отдельного командования и руководимый главным командованием в лице эрцгерцога Фридриха и начальника австр. генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа. Русские армии также делились на два фронта: Северо-западный Алексеева до Сандомира и Юго-западный Иванова на остальном участке.

Силы сторон доходили: а) русские — 106 пех. и 36 кав. дивизий, б) австро-германцы — 113½ пех. и 19 кав. дивизий.

Тяжелое положение центральных держав. Положение Германии и Австрии к началу июня 1915 г. было опасным, так как английская блокада лишила их всякого подвоза сырья и хлеба. На французском театре перед германцами были явно превосходные силы Антанты, и они не рисковали начать наступление, не надеясь на успех; на итальянском, сербском театрах австрийцы не могли достигнуть решающих успехов и едва держались сами; только на русском театре продолжалось успешное наступление для освобождения Галиции от противника.

Внутреннее положение Германии и Австро-Венгрии признавалось тяжелым:

а) за недостатком сырья фабрики и заводы сократили работы, вследствие чего появилось большое число безработных;

б) продовольственных припасов для населения не хватало и цены на них стали расти, пришлось обратиться

к карточной системе выдачи продуктов, чтобы ограничить их расходование;

в) многие потребности жизни не находили удовлетворения и начала сказываться усталость от войны, требующей новых жертв и расходов;

г) германскому правительству все труднее становилось справляться с враждебными войне революционными интернационалистскими течениями.

Словом, с каждым днем неожиданно затянувшейся войны ухудшалось общее экономическое и политическое положение, и надо было найти из него выход.

Необходимость разгрома русских. Соотношение сил воюющих сторон видно из следующей таблицы [1]):

Театры войны.	Силы центральных держав.	Силы антанты.
Французский	1.800.000	2.450.000
Итальянский	650.000	750.000
Сербский	300.000	230.000
Русский	1.333.000	1.690.000
Турецкий	300.000	350.000
Всего . .	4.383.000	5.470.000

Из таблицы видно, что положение Германии и Австрии представлялись затруднительными.

Превосходство сил антанты на главном театре — французском — не позволяло рассчитывать на скорый и решительный успех. Решительный успех был возможен на сербском, итальянском и турецком театрах, но этот успех не мог дать решающего результата и не облегчал тяжелого экономического положения.

Оставалось искать выхода на русском театре. Достигнутые в Галиции успехи создавали надежду на достижение решительного результата. Большое число пленных показывало на начало деморализации русских войск, а промышленная отсталость должна была вызвать материальные недостатки, с которыми Россия сама не сумеет справиться. Разгром русских армий лишит ее живой силы, что вместе с материальными затруднениями поставит Россию в положение полного краха, выходом из которого может служить сепаратный мир.

---

[1]) Военный Зарубежник за 1922 г. № 4—5.

Добиться этого мира—значит ускорить окончание войны и, по крайней мере, значительно улучшить свое внутреннее положение. Мир с Россией мог дать: 1) возможность получить от нее сырье для фабрик и продовольствие для населения и тем уменьшить число безработных и смягчить полуголодное существование бедняков, 2) возможность снять с русского фронта до 100 дивизий и перебросить их на другие театры, достигнуть там перевеса сил и нанести решающий удар, 3) в перспективе рисовался скорый и победный конец войны, а затем мирный договор, вполне отвечающий аппетитам германского и австрийского империализма.

Эта соблазнительная идея, навеянная успехами в Галиции, обещает так много, что становится крайне популярной, о ней говорят пленные [1]). Достижение полного разгрома русских армий является не только задачей момента, но становится необходимостью, как выход из создавшегося тяжелого положения.

Возможность разгрома русских основывается на таких данных: 1) тяжелое положение русских войск было известно по показаниям многочисленных пленных и по агентурной разведке, 2) техническое превосходство германцев и австрийцев не подлежало сомнению, 3) успехи в Галиции вызвали моральный подъем и учитывались, как большая победа.

Таким образом, *разгром русских* армий давал *необходимый выход* из тяжелого военного и экономического положения.

II.

Состояние русских армий.

Задачи русских армий. С началом Тарнов-Горлицкого сражения русская Ставка стремилась постоянной присылкой подкреплений задержать натиск австро-германских сил, но все эти подкрепления, перебрасываемые с других участков фронта, вводились в бой по мере их прибытия и таяли в огне, не принося ощутительной пользы. Армии Юго-западного фронта истощались и отходили с одного рубежа на другой, будучи не в состоянии выдержать натиск противника. Чтобы найти выход из создавшегося положения и точнее выяснить обстановку, Ставка 17(4) июня устраивает совещание в Холме при штабе Юго-западного фронта. На

---

[1]) Дело архива миров. войны № 168, стр. 265.

этом совещании было выяснено [1]): 1) несмотря на прилив пополнений армии Юго-западного фронта имеют некомплект до 170.000 человек и Ставка теперь может дать на пополнение только 20.000 (или 11—12%), 2) снарядов и патронов так мало, что приходится ограничивать употребление огня, 3) подвоз продовольствия, особенно фуража, неудовлетворителен и армии живут изо дня в день без установленных норм запасов, 4) ощущается острый недостаток оружия, обученных пополнений и офицеров, 5) на устранение этих недочетов в ближайшее время нет никакой надежды, 6) все это не позволяет рассчитывать на успешное проведение даже небольшого маневра с наступательной задачей и приходится отказаться от всякой активности.

Картина, выяснившаяся на совещании, вскрыла более значительные недочеты, но и указанных было вполне достаточно, чтобы видеть в какое недопустимое положение поставлены войска, лишенные возможности вести борьбу с противником при равных условиях. Только теперь русская Ставка начала понимать причины неуспеха на полях Галиции. Казалось бы, следовало перейти к так называемой скифской стратегии, т. е. использовать глубину театра войны и сразу решиться на большой отход, пока условия борьбы придут в равновесие. Вместо этого Ставка только временно отказалась от наступательных планов и поставила фронтам такие задачи:

1) армиям Юго-западного фронта перейти к обороне, а при невозможности держаться отходить с одной укрепленной позиции на другую, при этом 3-я армия с группой Олохова прикрывают пути на Брест-Литовск, а остальные армии отходят на Киевский военный округ.

2) армиям Северо-западного фронта продолжать выполнять прежние задачи, удерживая район Варшавы и плацдарм на левом берегу Вислы на случай развертывания армий для наступления в Германию.

В этом оперативном плане Ставки поражает задача, даваемая на случай будущего наступления. Эта задача „на случай“ составляет грубую ошибку. Совещание в Холме с достаточною ясностью установило невозможность какого бы ни было наступления, поэтому задача на такой случай в самом отдаленном будущем представлялась стратегическим недомыслием и отсутствием понимания значения глубины театра. Ставка хорошо знала, что некомплект в армиях обоих фронтов достиг солидной величины — 380.000 [2]), а на его пополнение в ближайшее время назна-

---

[1]) Дело архива миров. войны. № 438, стр. 30.
[2]) Дело архива миров. войны. № 269, стр. 211.

чено только 32.000. На фронте не хватает до 25% штатного состава, пополнить его нельзя, боевых припасов не достает для хорошей обороны, запасы их вдвое меньше против нормы, военные заводы не могут выработкой восполнить текущий расход, доставка из Англии и Франции затруднена.

Без людей и без боевых припасов не может быть случая наступления в Германию, и оно, в ближайшем будущем, совершенно немыслимо. Удерживать район Варшавы и левого берега Вислы можно только при том условии, если есть полная надежда в самом скором времени получить пополнения, оружие и боевые припасы. В этом случае оборона необходима для выигрыша короткого времени, и потраченные силы и средства окупятся подготовляемым сильным ударом.

В данном положении на такой выход рассчитывать было нельзя, почему упорная оборона и все жертвы являлись бесцельными. Приковывая армии Северо-западного фронта к этой оборонительной задаче, Ставка налагала на командование фронтом путы, связывавшие его оперативную свободу.

Недостаток людей. Мы видели, что Ставка оказалась в затруднении пополнить некомплект в армиях. Союзники России, да и само царское правительство, считало свой людской запас неисчерпаемым, поэтому следует точнее выяснить этот вопрос к половине июня 1915 г.

При объявлении мобилизации было призвано под знамена 3.115.000 человек [1]), но оказалось, что потери не могли быть пополнены из наличия запасных батальонов и пришлось обращаться к новым призывам;

а) ратников I-го разряда	200.000	чел.
б) призыв 1915 г.	500.000	„
в) ратники до 43 летнего возраста . .	300.000	„
г) призыв 1916 г.	550.000	„
Итого . . .	1.550.000	чел.
д) вернулось по выздоровлении . . .	168.819	„
Всего . . .	1.718.819	чел.

Такова цифра, какою могла располагать ставка для пополнения убыли войск от болезней и боевых действий. Эта убыль за 11-ть месяцев войны почти равнялась приведенным выше цифрам пополнений, а именно [2]):

[1]) Журнал Военное Дело за 1918 г. № 17.
[2]) Дело архива миров. войны № 433, стр. 14.

а) убито в боях . . . . 192.763 чел.
б) эвакуировано больных и раненых . 894.653 „
в) пропало без вести (в плену) . . . 563.526 „

Всего . . . 1.650.942 чел.

Сравнение итогов прибыли и убыли людей дает первой перевес на 67.817 чел. и поэтому казалось бы, что Ставка могла пополнить весь некомплект и еще иметь небольшой избыток, тогда как в действительности у нее не хватало почти 400.000 человек. Этой цифрой можно приблизительно определить число дезертиров, как из запасных баталионов, так и из маршевых рот на пути к фронту. Эта цифра дезертиров красноречиво говорит: 1) о безуспешности всей системы принуждения народных масс к войне за чуждые ей цели и интересы и 2) о начинающемся противодействии к продолжению столь тяжелой и столь бесполезной войны, конца которой не предвиделось.

Во всяком случае Ставка стала перед необходимостью нового призыва срока 1917 г., ибо без этой меры нельзя было избавиться от опасного некомплекта. Вместе с этим возникло опасение, что немедленный призыв может неблагоприятно отразиться на сборе урожая, что грозит новыми бедствиями. Экономические интересы получили преимущество, и призыв был отсрочен до 28 (15) августа. Такая отсрочка призыва обрекала армии на постоянное увеличение некомплекта до конца октября, когда могли начать прибывать пополнения после месячной подготовки их в запасных частях.

Мнение о неисчерпаемости запаса людей оказалось ошибочным и вопрос о сохранении живой силы и экономном ее расходовании становится задачей момента, что Ставкой не учитывалось. Этот вывод подтверждается задачами, поставленными армиям — от них требуется упорная оборона и бесцельное удержание рубежей, нужных только „на случай“ наступления.

Недостаток материальных средств. Запас винтовок рассчитывался на всех призываемых при мобилизации и на ратников 1-го разряда с небольшой надбавкой на пополнение утери оружия. Мы видели, что пришлось призвать людей больше, чем рассчитывалось, а потери винтовок в боях оказались больше, чем предполагали, что было естественно. Если при наступлении удавалось собрать на полях сражений часть брошенного оружия, то при отступлении оно все оказывалось утраченным. Недостаток оружия заставил отобрать винтовки в запасных баталионах для отправки их с оче-

редными пополнениями на фронт, а для обучения призываемых дали ружья старых образцов, что вредно отразилось на обучении. Затем во всех инженерных частях ружья заменили германскими винтовками, но и этого оказалось мало. Некоторые дивизии пришлось вооружить австрийскими винтовками. Ни военные заводы, ни открывшиеся в армиях мастерские для починки ружей не могли угнаться за своевременным пополнением винтовками, и пришлось дать заказы за границу.

По числу орудий наши армии отстали от противника. Убыль орудий не успевали пополнять и пришлось перейти от восьми к шести орудийным батареям. Сокращение числа орудий в батарее тактически было выгодно, но число батарей осталось прежнее и разница в числе орудий в отношении противника стала еще более невыгодной, так как число всех полевых орудий уменьшилось на 25%. Новые формирования шли медленно, а потеря орудий в боях не пополнялась продолжительное время.

Опыт войны подтвердил вывод французского генерала Петена, сделанный им за долго до мировой войны, что позиции будет брать артиллерия, а пехота будет только закреплять взятое. Число орудий и число выбрасываемых ими снарядов возросло в непредвиденном размере. Русская техника не могла угнаться за требованием войск, и войска обрекались на постоянный недостаток даже штатных орудий.

Боевые припасы были рассчитаны на краткосрочную войну, а первые сражения потребовали расхода, свыше предположенного. Заводы не вырабатывали суточного расхода и запасы стали таять. Недостаток снарядов для легких орудий был ясно выражен 21 сент. 1914 г., и Ставка с тех пор много раз рассылала указания об экономном их расходовании, но об экономии можно было говорить только в тылу, ибо в бою расход припасов зависит от обстановки и никакая очередная задача без расхода снарядов не выполняется. К июню 1915 г. острота недостатка боевых припасов достигла крайнего напряжения. Расход был ограничен малыми нормами, появилась излишняя артиллерия, так как для расхода установленных норм требовалось мало орудий, и остальные являлись тяжелым обозом. После передачи их боевого запаса в оставляемые на фронте батареи, они отправлялись в тыл в район корпусных обозов.

Для выхода из тяжелого положения, создавшегося в силу материальных недостатков, было приступлено к мобилизации промышленности, т.-е. к оборудованию заводов для выработки военного снабжения. Эти заводы совершенно не были подготовлены к выполнению военных заказов, и в начале

военные приемщики браковали почти все. Потом заводы наладились и приспособились.

Бесхозяйственная эксплоатация сети железных дорог при общем недостатке подвижного состава повела к ускоренной порче паровозов и вагонов, начиналась железно-дорожная разруха, подвоз с тыла шел с перебоями, многие вещи и продукты шли не туда, где в них была нужда или застрявали в пути на продолжительное время. Расчеты органов снабжения нарушались, в снабжении получались перебои, что понижало в войсках их моральные и физические силы.

При таких условиях транспорта, союзники России не могли оказать ей скорой помощи, на что, повидимому, рассчитывала Ставка, обвиняя союзников в забывчивости жертв русских армий в 1914 г. для спасения Парижа от германского наступления.

Тяжелое положение русских. Изложенные в самых общих чертах, недостатки показывают то тяжелое положение, в каком оказались русские армии по вине государственного строя и зависевшего от него военного хозяйства. Такое положение—без пополнений, без оружия и без боевых припасов сражаться с хорошо вооруженным и обильно снабжаемым противником — можно назвать беспримерным. Все обычные приемы стратегического и тактического мышления оказывались мало пригодными. Войска были лишены возможности проявлять активность, без которой всякая операция является омертвелой. Привычные административные единицы с уменьшением их численности теряют свой характер. Дивизия в 2.000 штыков уже не дивизия, а слабый полк, на котором лежит бремя большой артиллерии и больших обозов. Задумывая маневр, надо брать в расчет допустимый расход боевых припасов и учитывать скорость их пополнения. Все понижающаяся числительность частей приводила к разреженным строям, что уменьшало огневую оборону и ставило их в невозможность производства контратак. Все это угнетающе действовало на самочувствие войск, понижая их боеспособность.

Можно сказать, что положение русских армий уподобилось обозначенному противнику, с которым австро-германцы могли делать все, что им захочется. На долю русских выпала только пассивная оборона, т.-е. самый худший способ военных действий.

Такая обстановка вызвала попытку со стороны Алексеева дать руководящую идею для обороны в таких тяжелых условиях. Его предложение [1]) сводилось к следующему:

[1]) Дело архива миров. войны № 438 стр. 166.

1) для обороны позиций оставлять минимальное число войск, а остальные сосредоточивать в резерве на главнейших путях и направлениях, по которым можно ожидать наступления противника, 2) при наступлении противника этими резервами производить короткие контр-атаки. Это предложение Алексеева вносило элемент активности в ту пассивную оборону, на которую обрекались армии. Все новшество сводилось к ослаблению обороны на позиции, что многие опасались применить, предпочитая иметь в первой линии возможно больше ружей, дабы сильным огнем расстроить наступающего противника. По замыслу Алексеева, противник допускался к самой позиции почти беспрепятственно, но за то до минимума сводились потери обороняющегося от артиллерийского огня наступающего. Это предложение Алексеева не получило общего распространения, но было испытано частично и дало вполне благоприятный результат.

3-я армия и группа Олохова при создавшемся положении обеспечивали тыл армий Северо-западного фронта и прикрывали фланг армий на левом берегу Вислы. Такое положение требовало полного согласования действий. Исходя из такого соображения, Алексеев предложил названные части включить в состав Северо-западного фронта [1]). Ставка немедленно согласилась на его предложение, и с 25 июня Северо-западный фронт получил весьма громоздкую организацию, имея в своем составе восемь армий, так как группа Олохова стала вскоре 13-й армией Горбатовского. Этим был нарушен принятый принцип—иметь в подчинении не более пяти боевых единиц.

В конечном выводе можно сказать, что положение русских армий было беспримерно-неблагоприятным, их судьба зависела только от силы позиций и дисциплинированности частей, так как все необходимые для борьбы средства (своевременность пополнения потерь, достаточный запас боевых припасов и возможность любого контр-маневра) были для них недоступны. На их долю выпала пассивная оборона или, лучше сказать, пассивная гибель. Эта беспомощность положения могла привести части войск к быстрой дезорганизации, и только привитая длительной подготовкой дисциплина удерживала их от развала. Общественное мнение искало виновных, и военный министр Сухомлинов был разоблачен, смещен и заменен Поливановым. Перемена лиц не всегда является переменой системы. Система оставалась неизменной, и лишь впоследствии к ней допустили надстройку образованием Военно-Промышленного комитета, чем было положено начало милитаризации промышленности.

---

[1]) Дело Арх. Мир. в № 438 стр. 51.

III.

Возможность разгрома русских.

Выгоды австро-германцев. Хорошо поставленная разведка давала австро-германцам почти все необходимые сведения, чтобы правильно судить о положении русских армий. Они знали о нуждах противника и видели, что для них складывалась исключительно благоприятная обстановка. Им в руки давались необычайно редкие преимущества:

1) Австро-германские армии могли без всякой помехи наметить и выполнить любую перегруппировку.

2) Такой перегруппировкой они могли создать для себя наиболее выгодную обстановку на любом участке фронта и занять наивыгоднейшее исходное положение для выполнения намеченного удара.

3) Им предоставлялась полная свобода в выборе направления для нанесения русским решающего удара.

4) От них зависело назначение времени для начала выполнения подготовленного удара.

Эти преимущества делали австро-германцев полными хозяевами положения во всем значении этого слова. Идея—принудить Россию к сепаратному миру—становилась близкой к осуществлению. Русские армии были обречены на полную пассивность, по существу дéла их можно было считать обозначенным противником, так как они лишены возможности проявлять свою волю и даже не в состоянии оказать сильного сопротивления.

Правильное решение задачи разгрома русских. Фронт русских представлял выпуклость, дуга которой тянулась от Осовца севернее Нарева, огибала с запада Варшаву и Ивангород и подходила к Зап. Бугу в районе севернее Сокаль. Эта выпуклость как бы напрашивалась на осуществление операции для ее срезывания.

Решая эту задачу теоретически, видно, что для ее срезывания достаточно организовать два удара: 1) один против северного фронта выпуклости и 2) другой—против южного фронта. Направление этих ударов для достижения наибольшего результата должно быть избрано в тех районах, где дуга выпуклости сходится с фланговыми участками фронта. Исходя из этого, такими направлениями надо признать: а) против северного фронта выпуклости через район Осовец-Ломжа на Брест-Литовск и б) против южного фронта выпуклости вдоль левого берега Зап. Буга также на Брест-

Литовск. Направление этих ударов совпадает с полосой хорды выпуклости и составляет кратчайшее направление для ее срезывания. Постепенное занятие австро-германцами полосы хорды будет суживать промежуток для отхода русских армий на восток и с окончательным занятием этой полосы все войска, расположенные на дуге выпуклости, будут отрезаны от путей отхода.

Из этих двух направлений для ударов северному направлению должна принадлежать главная роль по следующим мотивам: а) пути отхода 12-й и 1-й русских армий идут почти параллельно их фронту и сдвиг этих армий к югу сразу нарушает тыловую работу, заставляя войска и обозы смешиваться между собой; б) дальнейшее продвижение к Брест-Литовску заставит части и обозы 2-й русской армии смешаться с отходящими в беспорядке частями наревского участка; в) снабжение германских войск облегчается наличием сети железных дорог. Удар с юга должен преодолеть полосу без железных дорог, что затрудняет подвоз при плохих русских грунтовых дорогах, а русские армии имеют здесь более глубокий тыл, что облегчает им маневрирование.

Таким образом, ведя главный удар против северного фронта выпуклости и второстепенный удар против ее южного фронта и комбинируя их с действиями против русских, расположенных на дуге выпуклости, можно достигнуть срезывания ее и окружения русских войск.

Эта задача может быть решена наступлением германцев на Гродно и далее на Минск и одновременным наступлением австро-германцев через Ковель, но выполнение этих ударов требует больше времени и сил.

Перенос направления ударов к западу от полосы хорды выпуклости отрезает не всю выпуклость и следовательно уменьшает конечный результат маневра.

Таково теоретическое решение задачи, стоящей перед австро-германским командованием.

Основание для решения задачи. В 1918 г. на французском театре Мировой войны, германцы стремились расправиться с войсками Антанты до прибытия американских сил и произвели четыре последовательных наступления с целью прорыва фронта противника и достижения маневренной свободы. Однако войскам Антанты всякий раз удавалось путем быстрого подвоза подкреплений задерживать успехи германцев. В результате этих наступлений германский фронт образовал четыре выпуклости (или клина). Войска Антанты под руководством Фоша начали свое наступление срезыванием этих выпуклостей, начиная с наибольшей из них. Для сре-

зывания такой выпуклости был применен маневр удара в полосе хорды этой выпуклости. Этот удар комбинировался с наступлением против остального фронта выпуклости. Первая такая операция началась 18 (5) июля и привела ко 2-му сражению на р. Марне, столь же успешному для французов, как и 1-е сражение на этой реке [1]). Здесь главный удар в полосе хорды вела 10-я французская армия, а 6-я и 5-я армии содействовали наступлением на остальном фронте выпуклости. Операция закончилась 4 авг. (23 июля) полной победой, и германцы оставили в руках победителей 800 орудий и свыше 35.000 пленных.

Тем же способом были срезаны остальные выпуклости германского фронта. Чтобы удержаться в районе хорды выпуклости германцы непрерывно вводили в бой подвозимые свежие дивизии, но все их усилия оказывались безрезультатными. Тяжелые потери германцев в этих боях позволили Фошу продолжать наступление и заставить германцев не только отходить, но и просить перемирия, а потом мира.

Выпуклость русского фронта была в 6—7 раз больше каждой германской выпуклости, но эта разница не изменяла системы срезывания, а лишь усложняла задачу. Увеличение размеров выпуклости требовало больше времени для выполнения перегруппировок и организации двух ударов.

Принимая в расчет, что лучшая по качеству германская армия при обильном снабжении ее боевыми припасами и при быстрой подаче подкреплений не могла удержать за собою выступов фронта, можно утверждать, что плохо снабжаемая русская армия при медленности подачи подкрепления не могла бы выдержать сильных ударов противника,—ей угрожало полное окружение, и судьбу армии Самсонова разделили бы еще около шести армий.

План Фалькенгайна. Несомненно, что идея—срезать выпуклость русского фронта и устроить „Канны", в большом масштабе руководила всеми действиями Фалькенгайна, хотя эта идея нигде не закреплена непосредственным документом. Все распоряжения Фалькенгайна ясно доказывают, что они основаны именно на этой идее. Припомним, что Людендорф, устраивая „Канны" под Танненбергом для 2-й русской армии, нигде не говорит об идее „Канны", как таковой, но все его распоряжения ведут к этой цели и только в последний день операции ставится задача—сомкнуть кольцо окружения, когда не подлежало никакому сомнению, что „Канны" удались. Эта идея, как основание доктрины Шлиф-

---

1) Корда. 1918 г. мировой войны. Гиз. 1924, стр. 52—61.

фена, глубоко запала в ум и сердце каждого немецкого начальника и говорить о ней не было никакой надобности. Совершенно достаточно было отдать необходимые распоряжения, чтобы германские начальники между строк прочитали эту идею и соответственно ей вели назначенный им маневр.

В подтверждение этого вывода один из немецких военных историков [1]) прямо называет план Фалькенгайна подготовкой к выполнению идеи „Канны“, но в невиданных еще размерах. Если бы военное счастье увенчало план Фалькенгайна полным успехом, то немецкая военная литература прославила бы эту победу куда громче, чем победу Гинденбурга под Танненбергом.

Для осуществления этой идеи путем срезывания выпуклости русского фронта надо было организовать два удара: один с севера и другой с юга. Это и делает Фалькенгайн. Для удара с севера силами восточного германского фронта достаточно было отдать соответственное распоряжение Гинденбургу. Для удара с юга, силам галицийского фронта такого распоряжения дать было нельзя, так как главное германское командование не было верховным руководителем вооруженными силами союза. Главное австрийское командование было равноправным членом, и сношения с ним требовали дипломатических подходов. За время Мировой войны главное австрийское командование проявляло свою эгоистическую линию соблюдения австрийских интересов. За время своего верховного командования Фалькенгайн проявлял по отношению к австрийцам большую уступчивость ради сохранения дружеских отношений, что дало повод его личным врагам обвинять его в мягкости и говорить, что он шел на поводу у Конрада. Действительно, на главном театре мировой войны, в пределах Франции, не было ни одного австрийского солдата, тогда как германские части были не только на галицийском фронте, но также на сербском и итальянском театрах и всегда в подчинении у австрийского командования.

Таким образом, план главного германского командования для разгрома русских состоял в стремлении срезать двумя указанными выше ударами выпуклость русского фронта, что отвечало идее „Канны“ и согласовалось с доктриной Шлиффена. Намечаемыми ударами рассчитывалось отрезать почти шесть русских армий от путей отхода на восток и затем завершить их окружение. Создавшаяся обстановка, как нельзя более, благоприятствовала выполнению такого плана, оставалось только провести его в жизнь.

---

[1]) Berngardi. Deutschlands Heldenkampf 1914—1918, стр. 221.

IV.

Первая ошибка Фалькенгайна.

Считая, что вопрос об организации удара против северного фронта русской выпуклости может быть разрешен простым распоряжением, Фалькенгайн прежде всего обратился к организации удара против южного фронта этой выпуклости. Конраду нельзя было дать директивного указания и надо было подойти к этому вопросу таким образом, чтобы намечаемый удар был в то же время полезен с австрийской точки зрения, так как только такой подход был приемлем для главного австрийского командования. Эти соображения требовали дипломатического искусства и переговоры могли занять значительное время. В самый разгар львовской операции, когда стало очевидным ее успешное окончание, Фалькенгайн обратился к Конраду с предложением нового плана действий. Чтобы приблизиться к австрийской точке зрения, Фалькенгайн предлагаемому им плану дал такие предпосылки [1]): а) дальнейшее продолжение наступления на восток для освобождения пределов Галиции от русских не может дать больших выгод и даст только завоевание пространства, б) это наступление на восток уже привело к растяжке коммуникационных путей и для прикрытия их от флангового удара русских со стороны Люблина и Холма пришлось всю 4-ю австр. армию и половину 11-й герм. армии расположить фронтом на север, в) остановить наступление на восток также невыгодно, ибо русские собрали здесь большие силы и, оправившись, могут сами перейти в наступление.

Таким образом, продолжать наступление явно невыгодно, прекратить наступление также невыгодно, следовательно остается только один выход — изменить направление наступления. Наиболее выгодным направлением для нового наступления является северное, т. е. между реками Висла и Зап. Буг против южного фронта русской выпуклости.

Эти доводы Фалькенгайна вполне отвечали стремлению Конрада обеспечить Галицию с севера от возможного удара русских со стороны Люблина и Холма. Наступление, предлагаемое Фалькенгайном, как бы предупреждает это наступление русских и отодвигает их от Галиции. В то же время Конрад не отказывается от продолжения наступления на

[1]) Фалькенгайн. Верховное командование, стр. 103, 106.

восток с целью продолжать освобождение территории Галиции от противника.

Таким образом, удар против южного фронта русской выпуклости с целью отрезать противнику пути отхода превращается в наступление с целью лучшего обеспечения Галиции с севера. План получил эгоистическую австрийскую окраску.

Причина такого превращения заключается в том, что Фалькенгайн в основу предложенного им плана положил оценку обстановки на Галицийском фронте и на ней построил ближайшую задачу для армий этого фронта. Для выработки оперативного плана стратегия требует задачи, вытекающей из анализа общей обстановки. Этот путь анализа, т. е. сначала определить общую цель, общую задачу всего маневра, а потом от них переходить к частным задачам фронта и армий, Фалькенгайн в данном случае оставил и стал на другой путь, на путь синтеза, когда в основу берется частная обстановка на участке фронта и на ней строится частная задача, а потом из суммы частных задач определяется общая задача всей операции. Принятие этого неправильного пути составляет первую ошибку Фалькенгайна.

Ближайшими последствиями этой ошибки являются: а) отсутствие указаний на общую цель нового оперативного плана, б) отсутствие указаний о направлении главного удара и в) уменьшение сил 11-й герм. армии на четыре дивизии, т. е. почти на 25%. Эти недочеты способствовали превращению замысла Фалькенгайна срезать выпуклость русского фронта в простое обеспечение Галиции с севера, как встречный удар ожидаемому удару русских со стороны Люблина и Холма. Это наступление Конрад считал необходимым, так как в освобожденной Галиции надо было восстановить административное управление, исправить разрушенные дороги и приблизить к войскам склады всякого рода снабжения. Выполнение этих мероприятий требовало прочного обеспечения, и новый план действий вполне отвечал обстановке на Галицийском фронте.

Как только австрийские войска заняли очищенный русскими Львов, Конрад в тот же день 22 (9) июня отдал распоряжение для выполнения нового оперативного плана, согласно которого 4-я австр. и 11-я герм. армии должны в трехдневный срок приготовиться к наступлению на север в полосе между реками Вислой и Зап. Бугом.

V.

Вторая ошибка Фалькенгайна.

Гинденбург и Людендорф не считали наступление в Галиции решающим для разгрома русских. Они все время стремились овладеть Польшей, но все их усилия для достижения этой цели ударами в районе левого берега Вислы не давали нужного результата. Наступление в Галиции оттянуло туда значительные русские силы и обстановка, сложившаяся на Восточно-прусском фронте, позволила им выработать план наступления Неманской армии на Вильно с обходом крепости Ковно с севера и с дальнейшим наступлением на Минск [1]). Этот удар выводил в тыл 10-й русск. армии и дальнейшим наступлением на Минск заставлял русских, находящихся на дуге выпуклости их фронта, отходить в узкий промежуток между болотами верхнего Немана и болотами Полесья. В то же время германцы становились на путях к Петрограду и Москве.

Этот план Гинденбурга совершенно не отвечал замыслу Фалькенгайна — срезать русскую выпуклость и устроить „Канны". Поэтому план Гинденбурга был отклонен, и Фалькенгайн предложил ему организовать наступление через район Осовец и Ломжа в общем направлении на Белосток. Этот удар в связи с наступлением сил галицийского фронта совершенно ясно выявляет идею „Канн" путем срезывания выпуклости русского фронта. Оба направления этих двух наступлений почти совпадают с полосой хорды выпуклости и при развитии операции могут быть доведены до встречи в районе Брест-Литовска или восточнее.

Считая силы русских на намеченном Фалькенгайном направлении весьма значительными и учитывая болотистость долины Бобра, Гинденбург отклонил [2]) организацию этого маневра. В то же время он предложил продолжать наступление на крайнем левом фланге в направлении на Митаву и Ригу, полагая, что это наступление оттянет резервы русских и тем будет способствовать успеху наступления между реками Висла и Зап. Буг. Фалькенгайн дал свое согласие, и Гинденбург тотчас распорядился [3]) об усилении неманской армии 3-мя пехотными дивизиями из состава 8-й герм. армии.

---

[1]) Revue miltaire Francaise 1922. № 11.

[2]) Фалькенгайн. Верховное командование стр. 112.

[3]) Людендорф. Мои воспоминания, ч. I. стр. 119.

Это согласие Фалькенгайна на наступление Неманской армии против правого фланга русского фронта составляет вторую ошибку со стороны главного германского командования. Направление для удара, избранное Гинденбургом, само по себе представляется важным и опасным для русских, но для выполнения идеи „Канн“ оно представляется бесполезным и даже вредным, так как оттягивает силы Гинденбурга далеко от русского центра, где должна решаться участь намеченного Фалькенгайном маневра. Этим согласием Фалькенгайн нарушил принцип сосредоточения сил на главном направлении и дал возможность оттянуть их к флангу, т. е. допустил разброску своих сил.

Наличие второй ошибки Фалькенгайна подтверждает существование трений между главным германским командованием и командованием Восточным германским фронтом. Согласие Фалькенгайна на продолжение наступления Неманской армией с отвлечением туда сил делает идею „Канны“ какой то однобокой, так как остается только наступление против южного фронта русской выпуклости. Припомним, что Фош срезал выступы германского фронта на французском театре наступлением с одной стороны. Срезать выступ, конечно, можно одним ударом, но при размере русской выпуклости этот удар требует назначения больших сил и затраты значительного времени, а парирование такого удара противнику облегчается, давая ему возможность с неатакованного фронта выпуклости снимать войска для направления их на атакованный участок для поддержки. Таковы ближайшие последствия второй ошибки Фалькенгайна.

В конечном итоге план новой операции, задуманной Фалькенгайном, сводится к следующему: 1) Неманская армия наступает против правого фланга русского фронта с целью отвлечения туда резервов противника и 2) 4-я и 11-я герм. армии наступают между реками Висла и Зап. Буг против южного фронта русской выпуклости, как считал Фалькенгайн, а в действительности для обеспечения Галиции с севера путем отодвигания русских далее от ее границ. В этом оперативном плане идея „Канн“ находит для себя довольно слабое выявление. Мы видели, что эта идея, подсказываемая доктриной Шлиффена, несомненно существовала и именно она диктовала Фалькенгайну решение об организации двух ударов, идущих один навстречу другому для срезывания русской выпуклости, с целью отрезать 6-ти русским армиям пути отхода на восток и потом окружить их.

При проведении в жизнь этого замысла Фалькенгайн наталкивается на препятствия, которые ему не удается преодолеть по слабости и мягкости его характера. Удовле-

творяя эгоистическим стремлениям австрийского главного командования, Фалькенгайн принужден к задаче для сил Галицийского фронта подойти, исходя из оценки частной обстановки, и этим совершает свою первую ошибку. При организации наступления силами Восточного германского фронта он не проявляет нужной настойчивости для преодоления трений и идет на уступку, дав согласие на продолжение наступления Неманской армией. Это его вторая ошибка.

В результате, задуманные „Канны" в большом маштабе путем срезывания русской выпуклости ударами против северного и южного фронтов этой выпуклости, что должно было привести к разгрому шести русских армий, не могли осуществиться. От первоначального замысла остался только удар против южного фронта русской выпуклости, которому австрийское главное командование придает характер простого обеспечения пределов Галиции. Идея „Канн" как бы утрачена, но она не брошена и продолжает в дальнейшем быть руководительницей последующих распоряжений главного германского командования, что будет видно из дальнейшего изложения этой операции.

VI.

Первый период наступления.

Считая необходимым в самом ходе операции проследить влияние допущенных Фалькенгайном ошибок, разделим выполнение нового оперативного плана главного германского командования на два периода действий: а) первый период— до попытки исправить сделанные ошибки и б) второй период—действия по исправленному плану. Из предыдущего видно, что в первом периоде операции план Фалькенгайна должен был выполняться с теми последствиями, какие вытекали из допущенных им ошибок.

Удар с юга. Мы видели, что Конрад тотчас, по овладении Львовом, приступил к выполнению нового оперативного плана, которому он придавал чисто местное значение. Этот план Конрада заключался в следующем [1]): 1) 2-я австр. армия должна продолжать наступление на восток для оттеснения русских за р. Зап. Буг, но направив свой

[1]) Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918, т. V, стр. 108.

левый фланг на Каменка и передав герм. Бескидский корпус в 11-ю герм. армию; южная и 7-я австр. армии должны оказать содействие этому наступлению; 2) 4-я австрийская и 11-я герм. армии под общей командой Макензена должны с утра 26 (13) июня начать наступление в полосе между реками Висла и Зап. Буг; 3) южная армия должна направить один корпус на Сокаль для прикрытия промежутка, который может образоваться между 11-й герм. и 2-й австр. армиями.

План Конрада определенную задачу ставит только 2-й австр. армии, тогда как группа армий Макензена, которая, по замыслу Фалькенгайна, должна была стремиться отрезать отход на восток армий русской выпуклости, не получает никакой конкретной задачи, что и должно было быть, если на эту группу смотреть, как на заслон для обеспечения Галиции с севера, а на ее наступление—как на предупреждение удара русских со стороны Люблина и Холма. Таково влияние первой ошибки Фалькенгайна.

Повидимому, Фалькенгайн недостаточно оценил взгляд Конрада на новый оперативный план и, с своей стороны, предложил ему внести в указанный выше план небольшую поправку. Фалькенгайн находил прикрытие промежутка между 11-й герм. и 2-й австр. армиями одним корпусом недостаточным в виду расходящихся направлений их наступления и предложил в район Сокаль перебросить 1-ю австр. армию с левого берега Вислы, так как с развитием наступления и отходом русских участок этой армии может быть передан группе Войрша [1]). Эта мера надежно прикроет указанный промежуток и солидно обеспечит правый фланг группы армий Макензена. Эта поправка была принята Конрадом.

22 (9) июня 2-я австр. армия заняла Львов, а с утра 23 (10) июня она продолжала свое наступление на восток, направив свой левый фланг на Каменка [2]). Это наступление австрийцев 8-я русская армия встретила коротким контр-наступлением своего правого фланга. Встречное наступление русских наткнулось на левый фланг 11-й герм. армии и втянуло его в бой. Силы русских оказались слабее и им пришлось отходить с тяжелыми боями, задерживаясь на попутных рубежах [3]), пока в ночь на 29 (16) июня они не отошли на правый берег Зап. Буга. Правый фланг 2-й австр. армии сначала выждал переправы через Днестр левого фланга Южной армии, а потом, имея двойное прево-

---

[1]) Фалькенгайн. Верховное командование стр. 108.
[2]) Schwarte Der grosse Krieg 1914—1918. T. V стр. 109—110.
[3]) Дело архива Миров. войны № 527 стр. 47—74.

сходство сил, атаковал 11-ю русскую армию. После упорных боев на промежуточных позициях эта армия в ночь на 4 июля (21 июня) принуждена была отойти на линию р. Злота Липа, вызвав отход правого фланга 9-й русской армии и оставление ею без боя хорошо укрепленной Галичской позиции.

Макензен, как последователь доктрины Шлиффена, предполагал наступать широким фронтом, имея сильные фланги левый—в полосе правого берега Вислы и правый—в полосе левого берега Зап. Буга [1]). Охватывая русских своими сильными флангами, он рассчитывал скорее всего заставить их начать отход. Из этого видно, что Макензен находился под влиянием взгляда Конрада и его план действий направлен к простому отодвиганию русских от Галиции для лучшего ее обеспечения. Действия армий Макензена являются действиями заслона. Для выполнения идеи срезывания русской выпуклости Макензену надо было организовать главный удар в полосе левого берега Зап. Буга с целью отрезать русских от переправ через эту реку и тем затруднить отход их на восток.

Плану Макензена не суждено было осуществиться. Правый фланг 11-й герм. армии втянулся в бой с 8-й русской армией и не мог принять участия в наступлении на север, а 4-я австр. армия попросту не выполнила указаний Макензена и не усилила своего левого фланга. Повидимому, между Макензеном и командованием 4-й австр. армии существовали какие-то трения. В силу этих обстоятельств вся тяжесть боя выпала на центр и левый фланг 11-й германской армии.

Названные части 11-й герм. армии утром 26 (13) июня начали наступление, что привело к Томашовскому сражению, в котором приняли участие левый фланг 3-й русской армии (XXIV корп.) и вся группа Олохова. На стороне русских было 10 пех. и 3 кав. дивизии, но столь слабого состава, что общее число штыков не превышало 40.000. Германцы наступали 8-ю дивизиями, имевшими до 55.000—60.000 штыков. Это наступление германцев шло в самом опасном для русских направлении, что совершенно правильно учитывалось Алексеевым и поэтому каждый, даже небольшой отход назад группы Олохова, тотчас вызвал его распоряжение об отходе назад всей 3-й и левого фланга 4-й армий. Правильно придавая значение ожидаемому удару германцев против северного фронта выпуклости, Алексеев свои резервы продолжал удерживать за этим участком [2]),

---

[1]) François. Gorlice стр. 237.

[2]) Дело архива миров. войны № 438 стр. 201, 218.

но, сознавая возникающую опасность на Ковельском направлении, он направил во Владимир-Волынский район корпус, находившийся в резерве 4-й армии.

Томашовское сражение продолжалось четыре дня, русские проявляли удивительное упорство, производили почти постоянно контр-атаки [1]), несли огромные потери. Германцы, имея превосходство сил и значительный перевес в артиллерийском огне, привели русских в полное расстройство и в последний день сражения заставили их отходить в большом беспорядке. Дорога на Грубешов оказалась открытой и им ничего не стоило докончить разгром группы Олохова и выйти к переправам через Зап. Буг севернее Грубешова. Задуманная Фалькенгайном идея—выполнить „Канны"—требовала довершения разгрома русских и захвата района Грубешова, но Макензен находился под влиянием взгляда Конрада и остановил преследование русских, потеряв удобный случай закончить Томашовское сражение решающим ударом. Здесь легко видеть влияние первой ошибки Фалькенгайна. Эта остановка наступления 11-й герм. армии позволила группе Олохова задержаться на линии Грабовец-Грубешов, усилиться и закончить свое переформирование в 13-ю армию Горбатовского.

Остановив наступление 11-й герм. армии, Макензен решил организовать наступление 4-й австр. армией на Красник, оказав ей содействие левым флангом 11-й герм. армии [2]). За время Томашевского сражения 4-я австр. армия играла пассивную роль и только продвигалась за отходившими частями 3-й русской армии. Учитывая опасность, создававшуюся с успехами противника на Грубешевском направлении, Алексеев отвел левый фланг 4-й армии на правый берег Вислы, а 3-ю армию на линию южнее Красник до Грабовец. Организованное Макензеном наступление привело к Красникскому сражению, которое продолжалось с 1 по 8 июля (18—25 июня). По причине трений между австрогерманскими армиями одновременный удар, задуманный Макензеном, не удался. Сражение началось наступлением левого фланга 11-й герм. армии в полосе левого берега р. Вепрж.

Сильная артиллерия германцев почти разрушила окопы русских, и в первый день сражения 5-ть германских дивизий без больших усилий прорвали фронт 3-й русской армии, приведя две русских дивизии в полное расстройство. К этому времени начали прибывать перевозимые Алексеевым с северного фронта выпуклости корпуса и, благодаря

[1]) Дело архива миров. войны № 657, стр. 48—64.
[2]) Schwarte. Der Grosse Krieg, т. II ч. 2 стр. 155.

их своевременному прибытию, удалось задержать германцев и заставить их перейти к обороне [1]). Только теперь, на 5-й день сражения, 4-я австр. армия начала свое наступление. Австрийцам удалось захватить Красник и отбросить назад правый фланг 3-й русской армии, но 4-я русская армия с прибытием высланного Алексеевым корпуса переходит в контр-наступление своим левым флангом и отбрасывает австрийцев назад, но им удается удержать Красник в своих руках.

Во время Красникского сражения по недостатку снарядов русские батареи весьма часто молчали и не могли оказать пехоте необходимой поддержки. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться легкие батареи австро-германцев, они выезжали на открытые позиции в расстоянии 2.000 шагов от русских окопов и своим огнем причиняли большие потери [2]). Для противодействия этой дерзости пришлось выдвигать вперед группы пулеметов и только таким способом отгонять батареи противника.

Красникское сражение с точки зрения разгрома русских выполнением идеи „Канны“ было излишним, так как отодвигая русских на северо-восток австро-германцы давали им возможность стать в лучшее для отхода положение. Здесь проявляется взгляд Конрада, считавшего наступление обеспечением Галиции, т. е. продолжается влияние первой ошибки Фалькенгайна.

Подготовка удара севернее Немана. Получив согласие на продолжение наступления Неманской армией, Гинденбург начал перебрасывать для ее усиления свои резервы, исправлять железную дорогу из Либавы, где заложена была база армии, на Шавли и строить новую для соединения Либавы вдоль берега моря с Восточно-прусской сетью дорог. Силы Неманской армии были доведены до $10^1/_2$ пех. и 6 кав. дивизий и ближайшей задачей ставилось [3])—овладение районом Митавы, что составляло угрозу Риге, перехватывало пути на Петроград и должно было оттянуть резервы русских к их крайнему правому флангу.

Заключение о 1-м периоде. Наступление австро-германцев между рр. Висла и Зап. Буг продолжалось 13 дней и за это время они продвинулись вперед вдоль Вислы на 55 кил. и вдоль Зап. Буга на 35 кил. Таким образом, на важнейшем направлении вдоль Зап. Буга их продвижение оказа-

---

[1]) Дело архива миров. войны № 657 стр. 67—92.
[2]) Дело архива миров. войны № 51, 976 стр. 6.
[3]) Berngardi. Deutschlands Heldenkampf 1914—1918, стр. 222.

лось слабым. Здесь, как мы видели, Макензен, находясь под влиянием взгляда Конрада, остановил наступление в тот момент, когда возможен был решающий успех. Как бы не закончив одного сражения, он начинает другое, в котором разрозненные по времени удары позволили русским с подходом подкреплений не только удержаться, но даже перейти в контр-наступление. Такой результат наступления армий Макензена был близок к неуспеху, и вопрос о срезывании русской выпуклости оказывался под угрозой срыва. Таково было следствие первой ошибки Фалькенгайна.

Задача армий русского Северо-западного фронта—удерживать район Варшавы и левого берега Вислы—в значительной степени связывала оперативную свободу Алексеева. Ему приходилось держать свои резервы в ближайшем районе к Варшаве и р. Нареву, где он ожидал наступления германцев и придавал этому направлению большое значение, так как считал, что натиск противника может принудить очистить Варшаву [1]). Убедившись, что германцы на р. Нареве дальше демонстраций не пошли, он решает перебросить свой резерв для поддержки Южного фронта выпуклости. Это колебание повело к некоторому запаздыванию перевозки трех корпусов (II Сиб., Гвард. и VI Сиб.). Однако 3-й армии удалось сдержать натиск и принудить германцев к обороне, а левый фланг 4-й армии даже мог перейти в контр-наступление с небольшим успехом против австрийцев.

По существу, охватывающее положение австро-германцев на участке русской выпуклости нельзя было считать опасным. Размер этой выпуклости в полосе хорды доходил до 300 кил., а от Брест-Литовска до левого фланга 2-й армии было более 200 кил. Такое положение позволяло применить способ борьбы, известный под названием—действия по внутренним операционным линиям. Сущность этого способа заключается в том, чтобы в центральном районе иметь сильный резерв. Этот резерв быстро направляется на тот участок фронта, где противник ведет свой главный удар. Отбив натиск противника, резерв возвращается обратно в прежний район, чтобы при надобности повторить такой же маневр в другом направлении.

Этот способ действий мог быть применен, и ожидание его заставляло германское командование быть осторожным, но состояние русских армий не давало никакой возможности прибегнуть к этому способу борьбы. Состояние наших железных дорог не позволяло рассчитывать на скорые массовые перевозки и заставляло держать резервы ближе

---

[1]) Архив миров. войны дело № 438 стр. 51.

к опасным направлениям, вследствие чего резервы Алексеева были в районе р. Нижний Нарев. Переброска резервов с северного фронта выпуклости на южный ее фронт была крайней мерой. При улучшении положения последнего, положение первого только ухудшалось.

Наступление австро-германцев между реками Висла и Зап. Буг открыло глаза русским на опасность их положения и единственным выходом из этой опасности было решение начать отход и постепенно выпрямить выпуклость фронта, чтобы избегнуть возможного окружения части сил, если противнику удастся отрезать им пути отхода. Такого решения Алексеев не мог принять, так как задача—удерживать Варшаву—сковывала его оперативную свободу. Надо было избавиться от этой задачи, и Алексеев добился от Ставки согласия на новое совещание с целью пересмотреть задачи армий. Это совещание состоялось в Седлеце 5 июля (22 июня) при штабе Северо-западного фронта [1]).

На этом совещании была выяснена вся опасность, которая грозит армиям, если они будут принуждены удерживать район Варшавы. Повторение Седана в большом масштабе было нежелательно, и совещание признало необходимым дать Алексееву право по условиям обстановки отводить армии назад до линии Ломжа—Малкин—Коцк—Влодава—Ковель, т. е. постепенно выпрямлять выпуклость фронта. На этом совещании было установлено, что материальное положение не может быть улучшено в ближайшее время, вследствие чего война получает затяжной характер. Этот вывод приводит к необходимости беречь живую силу, без которой нельзя продолжать борьбы.

Возможность довести дело до испытания участи Канн или Седана никому не улыбалась, и Ставка, наконец, решилась отказаться от всяких наступательных предположений и пошла в своем решении дальше предложений совещания, так как она в своей директиве [2]), объявляющей результат совещания в Седлеце, дала Алексееву право отводить армии до линии р. Бобр—р. Верхний Нарев—Брест-Литовск—Ковель, т. е. совершенно выпрямить выпуклость фронта.

Эта директива Ставки давала Алексееву полную оперативную свободу в регулировании отхода армий, руководствуясь только обстановкой и не испрашивая разрешения на каждый отход. Однако, ошибка Ставки хотя и была исправлена, но продолжала оказывать свое вредное влияние. Варшава была не только политическим центром Польши,

---

[1]) Архив миров. войны дело № 438 стр. 343 (конверт).
[2]) Там же стр. 344.

но и большим промышленным центром с огромными запасами всякого рода. Эти запасы надо было эвакуировать, что при общей бедности являлось безусловной необходимостью. На выполнение эвакуации требовалось около трех недель и в течение этого времени надо было продолжать удерживать Варшаву. Это удержание требовало выигрыша времени, т. е. от войск приходилось требовать упорства в обороне и, следовательно, новых и совершенно напрасных жертв, которыми как бы оплачивалась ошибка Ставки.

Действия австро-германцев в первый период их наступления для выполнения идеи „Канн“ в сущности ничего не достигли и они нисколько не приблизились к достижению своей цели. Вместо этого, их наступление указало русским на возможность попасть в положение римлян под Каннами, и они приняли меры для избежания этой опасности. Игра австро-германцев была вскрыта, и для них лучшим решением было бы отказаться от намеченного плана и принять план Гинденбурга, т. е. начать наступление на Вильно с обходом крепости Ковно с севера. Время для выполнения этого плана еще не было упущено. В то же время признаки наступления сил Антанты на французском театре стали усиливаться, с разгромом русских надо было торопиться, чтобы успеть перебросить с русского фронта на французский нужные там подкрепления.

VII.

Попытка Фалькенгайна исправить сделанные ошибки.

Как верный последователь доктрины Шлиффена, Фалькенгайн не отказался от выполнения задуманного плана— осуществить идею „Канн“ срезыванием русской выпуклости. Для достижения этой цели надо было организовать удар против северного фронта этой выпуклости и усилить войска, наступающие между Вислой и Зап. Бугом, так как здесь силы русских стали больше.

Часть войск, взятых Фалькенгайном из 11-й герм. армии, еще не была перевезена оттуда и они (две дивизии) были вновь подчинены Макензену. Кроме того, в его распоряжение направлено было еще пять дивизий пехоты (частью из южной армии, частью из новых формирований в Германии). В итоге 11-я герм. армия должна была стать очень громоздкой, почему было принято решение из правофланговых

частей 11-й герм. армии создавать новую армию [1]), получившую название бугской. Во главе армии был поставлен Линзинген, а на его место в командование Южной армией вступил Ботмер.

Вопрос об организации наступления против северного фронта русской выпуклости был труднее в виду существования трений в отношениях Фалькенгайна с Гинденбургом. Мы видели, что Гинденбург один раз отклонил выполнение такого наступления. Однако, это наступление было необходимо, идея „Канн“ настоятельно требовала удара против северного фронта русской выпуклости. Фалькенгайн решает прибегнуть к личному воздействию на Гинденбурга императора Вильгельма. Для этой цели они оба отправляются в Познань в штаб Восточного фронта, и здесь 2 июля (19 июня) состоялось их совещание с Гинденбургом и Людендорфом. Под давлением императора, на этом совещании было принято решение [2]): а) Для оказания содействия наступлению между реками Висла и Зап. Буг группа Гальвица должна не позже 12 июля (29 июня) начать наступление через р. Нарев в направлении на Седлец навстречу наступлению группы армий Макензена. Этим окончательно закрепляется выполнение идей „Канн“. б) Так как резервы Гинденбурга уже направлены в Неманскую армию для наступления на Митаву, то группу Гальвица усилить тремя пехотными дивизиями из 9-й армии и тяжелой артиллерией. Эту группу назвать 12-й армией. в) Для содействия наступлению Гальвица должна наступать 8-я армия своим правым флангом.

Вторая ошибка Фалькенгайна в этот момент проявила все свое значение. Для организации удара против северного фронта русской выпуклости у Гинденбурга не оказалось под рукою свободных сил и группу Гальвица пришлось усиливать за счет 9-й армии, действовавшей на очень важном Варшавском направлении. Удар Гальвица во всяком случае производится недостаточными силами и его приходится признать вспомогательным. Обстановка требовала выполнения здесь главного удара. В результате между Вислой и Западным Бугом будут наступать три армии и их удар приходится признать главным, тогда как обстановка и местные условия требовали здесь выполнения вспомогательного удара.

Наступление армий Макензена должно было развертываться в полосе р. Вепрж и навстречу ему должно было итти наступление Гальвица на Седлец. Эти удары стре-

---

[1]) Schwarte. Der Grosse Krieg 1914—1918 т. II, ч. 2 стр. 158.
[2]) Meyer. Durchbruch am Narew стр. 19.

мятся отрезать не всю выпуклость русского фронта, а лишь часть ее, так как направления избраны западнее полосы хорды, вследствие чего конечный результат должен быть меньше. В итоге намечаются „Канны“ значительно меньшего масштаба, чем было задумано вначале. Вместо шести русских армий возможность окружения грозит в сущности двум армиям с прилегающими к ним соседними дивизиями других армий. Вместо полного разгрома русских с надеждой на заключение сепаратного мира,—теперь возможен частичный разгром двух армий, но уже без надежды на сепаратный мир.

Таковы были результаты допущенных Фалькенгайном ошибок и попытки их исправления. Продолжение действий по плану, который разгадан противником, также следует считать ошибкой, так как в таком случае всегда выгоднее переменить план действий. В рассматриваемом случае не было надобности составлять нового оперативного плана, так как можно было принять план, предложенный Гинденбургом, и те подкрепления, какие даны 11-й армии, могли быть даны Неманской армии.

Теперь к началу второго периода наступления австро-германцев их оперативный план представляется в таком виде: а) Неманская армия наступает на Митаву, б) 12-я армия Гальвица наступает на Седлец и в) армии Макензена наступают между Вислой и Зап. Бугом, нанося главный удар в полосе р. Вепрж.

Сравнивая этот план с теоретическим решением той же проблемы, мы видим: 1) удар на Митаву является излишним для выполнения идеи „Канн“ путем срезывания выпуклости русского фронта, однако сам по себе этот удар ведется в важном направлении против правого фланга русских. Этот удар отвлек силы германцев от главного направления—удара против северного фронта выпуклости и был причиной крушения всего плана, но он в то же время отвлек к правому флангу часть русских резервов и этим как бы облегчил выполнение основных ударов против русской выпуклости, но это отвлечение русских резервов в действительности не оказало никакого влияния на выполнения идеи „Канн“. 2) Удар против северного фронта русской выпуклости должен быть главным, но он оказался вспомогательным по недостатку сил, назначенных для удара (влияние второй ошибки) и производится с опозданием на 16 дней, считая от начала наступления Макензена. Эта потеря времени является той ценой, которая оплачивает наличие трений между Фалькенгайном и Гинденбургом. 3) Удар против южного фронта русской выпуклости должен быть вспомогательным, но он делается главным по числу

направленных для его выполнения сил. Войскам приходится преодолевать полосу без железных дорог, что затрудняет подвоз и, как увидим далее, тормозит темп наступления, что для главного удара надо признать большим недостатком. 4) Направления ударов не совпадают с полосой хорды выпуклости, а удалены от нее к западу, вследствие чего конечный результат, даже при полном успехе, должен стать меньше и желаемого разгрома русских достигнуть нельзя.

Эта разница окончательного оперативного плана по сравнению с приведенным ранее теоретическим решением той же задачи может служить указанием на недостатки самого оперативного плана. Эти недостатки вытекали из допущенных Фалькенгайном ошибок и составляли причину неуспеха операции, так широко задуманной им.

Выполнение этого окончательного плана составляет второй период наступления австро-германцев. Проследим его выполнение, чтобы видеть причины неудачи этого плана.

VIII.

Второй период наступления.

Наступление Неманской армии. Закончив перегруппировку, Неманская армия 14 (1) июля с утра начала наступление форсированием р. Виндавы и атакой на Шавли. 5-я русская армия тщетно пыталась переходом во встречное наступление задержать натиск германцев и, несмотря на активность и упорство обороны, принуждена была начать отход и только к вечеру 19 (6) июля ей удалось задержаться в $1^1/_2$ переходах от первоначального фронта [1]). Район между Рижским заливом и Ковно имел большое значение, прикрывая пути на Ригу, Двинск и Вильно, почему Алексеев усиливает 5-ю армию двумя пехотными и одной кавалерийской дивизией [2]).

Заняв Шавли, командование Неманской армией решает направить главный удар на Поневеж [3]) с целью сохранить свою группировку и попытаться прижать русских к Рижскому заливу. 22 (9) июля германцы начали наступление и к 27 (14) июля оттеснили южную группу 5-й рус. армии

---

[1]) Дело миров. войны № 658 стр. 14—38.
[2]) Дело миров. войны № 433 стр. 55, 57.
[3]) Stegemann. Weltkrieg, т. III стр. 308.

к линии Бауск-Уцяны, где ей удалось удержаться и укрепиться [1]).

Этот отход левого фланга 5-й армии открыл германцам пути на Вильно, и Алексеев спешит заполнить образовавшийся промежуток, приказывая 10-й армии уширить свой фронт [2]) до Вилькомира и перевозя в Вильно две пехотных и одну кав. дивизии [3]), данные ему Ставкой из состава Юго-западного фронта. 10-я русская армия участок Вилькомир—Ковно могла занять весьма слабо, и германцы могли бы легко захватить Вильно, но Неманская армия предпочла выполнить свою задачу и овладеть Митавой.

Для выполнения этого ей пришлось приступить к небольшой перегруппировке [4]), т. е. потерять несколько дней. Северная группа 5-й рус. армии состояла преимущественно из конницы и пешего ополчения, почему германцы без особых усилий 2 авг. заняли Митаву, а русские отошли на рижскую укрепленную позицию [5]).

Тяжелое положение 5-й рус. армии заставило Алексеева направить к ней еще 3 пех. и 1 кав. дивизии [6]), а Ставка с своей стороны, в виду полного отсутствия пополнений, решила взять из армий Юго-западного фронта 120 рот с их оружием и офицерами и направить их на усиление частей 5-й армии.

Удар Неманской армии достиг своей цели—германцы заняли Митаву и оттеснили 5-ю русскую армию, но резервов русских из района выпуклости они в сущности не отвлекли, так как на усиление этой армии главным образом были направлены части из армий Юго-западного фронта и частью из Петроградского округа. Таким образом, силы русских, боровшиеся на фронте выпуклости, не были уменьшены и для выполнения идеи „Канн“ наступление Неманской армии было почти бесполезным.

У д а р с с е в е р а. Группа Гальвица, принявшая название 12-й герм. армии, была усилена до 16 пех. дивизий, но к началу наступления они прибыли не все [7]). Согласно указаний Фалькенгайна наступление должно было начаться в назначенное время, и Гальвиц решил, не ожидая прибытия всех назначенных на усиление дивизий, начать наступление. Главный удар он решил выполнить своим центром

---

[1]) Дело миров. войны № 658 стр. 50—75.
[2]) Дело миров. войны № 433 стр. 132.
[3]) Дело миров. войны № 125.452 стр. 15.
[4]) Stegemann. Weltkrieg т. III стр. 309.
[5]) Дело миров. войны № 658 стр. 75—109.
[6]) Дело миров. войны № 433 стр. 207, 217.
[7]) Schwarte. Der grosse Krieg. т. II ч. 2 стр. 179.

в направлении на Прасныш, для чего на участке в 30 кил. собрать 7 пех. дивизий и поддержать их огнем 60 тяжелых батарей [1]). Правый фланг должен был взять на себя наблюдение за крепостью Новогеоргиевск, а левый фланг—обеспечить главный удар и поддерживать связь с наступающим правым флангом 8-й герм. армии.

Получив оперативную свободу, Алексеев тотчас наметил основную линию для отхода армий. Этим рубежом была назначена линия — Ломжа — Остров—Вышков—Венгров—Коцк—Остров—Опалин—Ковель, и здесь начата постройка укрепленной позиции инженерными строительствами фронта [2]). Учитывая необходимость выиграть время для эвакуации Варшавы, Алексеев разослал свои указания для выполнения отхода, в которых требовалось от армий продержаться 3—4 недели и медленно отходить на подготовляемые промежуточные позиции, чтобы дать время эвакуировать Варшаву и закончить работы по укреплению основной позиции. В тылу всех армий начались работы армейских инженерных строительств по подготовке промежуточных позиций, а в тылу основной позиции начались работы по выбору и постройке более глубоких позиций.

Задача—удерживать район Варшавы была снята с Алексеева только 5 июля (22 июня), т. е. с большим опозданием, почему подготовка тыловых позиций началась также с опозданием и при торопливой работе назначаемые рубежи иногда оказывались тактически непригодными, приходилось производить новые изыскания и работы оказывались незаконченными ко времени подхода на эти рубежи отступающих войск.

Выполнение плана Гальвица привело к Праснышскому сражению, продолжавшемуся с 13 по 18 июля (30 июня—5 июля).

С началом сражения 1-я русская армия бросила в бой все свои резервы, части 1 Сиб. и 1 Турк. корпусов проявляли чрезвычайное упорство, часто переходили в контратаки. Благодаря этому, потребовалось два дня, пока германцам удалось подойти ко 2-й укрепленной полосе русских [3]). Однако, этот отход русских представлял медленное отступление с задержками на каждом шагу для отпора противнику. Гальвицу пришлось вводить в дело [4]) прибывающие части и с третьего дня сражения 10 герм. дивизий вели ожесточенные атаки против $4^1/_2$ русских дивизий, про-

---

[1]) Meyer. Durchbruch am Narew стр. 29—31.
[2]) Дело миров. войны № 433 стр. 112.
[3]) Дело архива миров. войны № 97.030 стр. 175—196.
[4]) Schwarte Der grosse Krieg т. II ч. 2 стр. 186.

должавших не только проявлять стойкое упорство в обороне своих случайных позиций, но переходивших в частые контр-атаки.

Германский историк воздает должное русским [1]), указывая, что германцам приходилось штурмовать каждый отдельный дом или сарай и нести большие потери. С своей стороны Алексеев усиливал 1-ю армию, снимая части с участков 2-й и 4-й армий и взяв из гарнизона Новогеоргиевска корпус после замены его второочередной дивизией [2]). Эти меры дали возможность 1-й рус. армии к концу сражения удержаться в предмостных укреплениях Рожан, Пултуск и Сероцк. 12-й герм. армии за шесть дней сражения с затратой значительных средств и ценою больших потерь удалось только сдвинуть русских и оттеснить их к Нареву.

В то же время правый фланг 8-й герм. армии вел наступление в направлении промежутка между Ломжа и Остроленка, но этим нисколько не облегчил продвижение ударной группы Гальвица. 12-я рус. армия, в связи с отходом 1-й армии, отвела в два перехода свой левый фланг на левый берег Нарева, а ее правый фланг оставался на месте.

Задача—форсировать Нарев не была выполнена Гальвицем, что доказывает недостаточность назначенных для этого сил. В этом сказывается вторая ошибка Фалькенгайна, допустившего оттянуть несколько дивизий на усиление Неманской армии, выполнявшей совершенно лишнюю в отношении проведения идеи „Канн" задачу на участке выпуклости русского фронта. Другой причиной малого успеха германцев служит отсутствие маневра, так как их наступление свелось к лобовому удару. В результате германцы продвинулись вперед на 30 — 35 кил. и на это расстояние сузили полосу отхода русских, добившись ценою больших потерь и затрат материальных средств только тактического успеха.

Стратегический успех остался на стороне русских. Они удержались на линии р. Нарева и не прекращали начатой эвакуации Варшавы. В связи с отходом 1-й армии Алексеев отвел [3]) 2-ю армию на укрепленную позицию Блоне-Гройцы, чем уменьшил протяжение ее фронта. Вследствие этого он получил возможность один корпус из 2-й армии направить на усиление 1-й армии.

Малый успех наступления Гальвица и необходимость скорее покончить дело с русскими заставляют Фалькенгайна торопить продолжение наступления через Нарев на юг на-

---

[1]) Meyer. Durchbruch am Narew стр. 44—52.
[2]) Дело архива миров. войны № 127.912 стр. 3.
[3]) Дело арх. миров. войны № 433, стр. 40.

встречу наступающим армиям Макензена [1]). В силу этого Гинденбург дает указания 8-й и 12-й армиям в кратчайший срок закончить подготовку и продолжать наступление. Гальвиц был поставлен в необходимость продолжать такое же фронтальное наступление и решил [2]): а) направить сильные удары на позиции русских у Рожан и Пултуска и б) под их прикрытием попытаться форсировать Нарев выше и ниже Рожан, пользуясь лесами в долине реки.

Продолжение наступления 8-й и 12-й герм. армий привело к сражению на р. Нареве, которое развернулось на участке свыше 140 кил. и продолжалось 11 дней. Это сражение принадлежит к числу самых поучительных из сражений на русском фронте. Здесь можно видеть влияние крепостей Осовец и Новогеоргиевск, которые прикрывали фланги 12-й и 1-й рус. армий, борьбу за укрепленные позиции у Рожан и Пултуск, переправу через Нарев, борьбу на случайных и малоподготовленных тыловых позициях и взаимодействие разных родов войск.

Первый период сражения продолжался 4 дня и закончился переправой германцев через Нарев. Левый фланг 8-й герм. армии оставался против крепости Осовец, которая приковала к себе целый корпус противника. Ударная группа армии продолжала наступать на промежуток между Ломжа и Остроленка. Здесь у русских была на правом берегу Нарева весьма сильная позиция, где обе стороны пытались начать минную войну в дополнение к атаке и обороне. Пользуясь обилием снарядов, германцы четыре дня громили русские окопы, производили в них сильные разрушения, но их атака всякий раз отбивалась своевременным прибытием свежих резервов [3]).

На участке Остроленка—Рожан в этот период сражения было тихо, пока в ночь на 25(12) июля небольшой отряд германцев не перешел Нарева ниже Остроленка по найденному разведчиками броду. Лето 1915 г. было особенно жаркое, и Нарев значительно обмелел. Вскоре германцы укрепились на левом берегу, а на правом поставили сильную артиллерию, которая не позволяла сбросить их назад, но и сами германцы не имели возможности уширить занятый ими участок. Выше Рожан удалось перейти Нарев более сильному отряду германцев и они, устроив мосты, начали переправу, потеснив левый растянутый фланг 12-й армии [4])

---

1) Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918. ч. I, стр. 121.
2) Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 73.
3) Дело архива миров. войны № 147, стр. 343—439.
4) Дело арх. миров. войны № 21.972, стр. 90—95.

Рожанская предмостная позиция была атакована в ночь на 23(10) июля, что и послужило началом сражения. Атака оказалась внезапной и окончилась отходом русских на 2-ю линию обороны. В последующие дни здесь три герм. дивизии с многочисленной артиллерией вели борьбу с полутора русскими дивизиями. Русские с удивительным упорством держались все время, пока германцам не удалось переправить часть сил ниже Рожан и угрозой отрезать путь отхода заставить русских отойти на левый берег [1]).

Между Рожан и Пултуск, где отходили части наиболее пострадавшего в Праснышском сражении I Сиб. корпуса, германцам удалось сбить расположенную здесь рус. конницу и, преследуя ее, перейти Нарев. Переданным в 1-ю армию [2]) резервом фронта удалось задержать распространение противника.

Пултусская предмостная позиция была атакована с утра 23(10) июля и в течении двух дней отбивала натиск противника, но ее защитники, подавленные огнем и превосходством сил, принуждены были медленно отходить частью на левый берег Нарева, частью на Сероцскую предмостную позицию.

В течение 1-го периода сражения на р. Нареве германцам удалось в нескольких пунктах перейти реку, но переправа не так трудна, как трудно удержать за собою занятый плацдарм и обеспечить мосты. На выполнение этой задачи потребовалось 7 дней, что составляет 2-й период сражения. Эвакуация Варшавы продолжалась ускоренным темпом, но работы на основной позиции шли не так быстро и поэтому приходилось задержаться на несколько дней, т.-е. потребовать от войск новых усилий для упорной обороны и новых жертв, как плату за опоздание с эвакуацией Варшавы. Ошибка Ставки все еще сказывалась, как тормоз для отхода. Алексеев дал все необходимые указания для планомерного выполнения этого отхода: а) 2-я армия отойдет на правый берег Вислы, оставив часть сил на левом берегу, на варшавской укрепленной позиции до окончания эвакуации, после чего отойдет на Седлец, б) 1-я армия удерживается, пока 2-я не отойдет к Седлецу и возможно дольше поддерживает связь с Новогеоргиевском, в) 12-я армия согласует свои действия с 1-й и прочно удерживает район р. Бобр [3]). Эти указания не имели директивного характера и служили лишь для ориентировки и для предварительной подготовки путей отхода.

---

1) Дело арх. миров. войны № 147, стр. 343—367.
2) Дело арх. миров. войны № 433, стр. 137.
3) Дело арх. миров. войны № 433, стр. 153, 172.

С началом 2-го периода сражения на р. Нареве задача германцев заключалась в том, чтобы не только укрепить за собой левый берег реки, но и открыть свободный путь на Седлец и таким маневром отрезать отход 2-й рус. армии. Однако, здесь на участке Сероцк—Новогеоргиевск находились долговременные форты, прикрывавшие переправы через Нарев и хорошо укрепленная позиция у Сероцка, занимавшая фланговое положение по отношению р. Буго-Нарев. Далее, угол между реками Нарев и Зап. Буг заполнен многочисленными болотами, облегчающими оборону. Поэтому все попытки германцев переправиться ниже Пултуска были напрасны, им пришлось переправляться по обе стороны Рожан.

Путь от Пултуска на Вышков удалось преградить двумя корпусами, и здесь германцы были остановлены [1]), так как местность представляла ряд болотистых дефиле. Поневоле германцам пришлось все свои усилия направить в направлении Рожан—Остров. Здесь на стыке 1-й и 12-й рус. армий в течении семи дней происходил самый ожесточенный бой. Обе стороны направили сюда почти все свои резервы, и русские оказывали беспримерное упорство, многие части потеряли 65% своего состава [2]). Германцы, превосходя силами и артиллерией, днем и ночью производили бешеные атаки, много раз прорывали фронт русских [3]), которые частными контр-атаками стремились удерживать каждый шаг пространства [4]) и за семь дней сражения отошли только на 18 кил.

На остальном участке р. Нарев на обоих берегах во второй период сражения происходили не менее ожесточенные схватки, продолжалась минная война, и только отход на Рожан-Островском направлении заставлял русских постепенно очищать правый берег реки.

К концу сражения русские занимали правый берег на Ломжинской укрепленной позиции и далее на Остров и Сероцк, где также занимали позицию на правом берегу Нарева. Таким образом, за 11 дней упорных усилий армия Гальвица добилась только закрепления за собой участка на левом берегу Нарева, но ни на шаг не продвинулась к своей главной цели—к Седлецу. Такой малый успех объясняется, как недостатком сил (влияние второй ошибки Фалькенгайна), так и позицией русских. Фланги этой позиции прикрывались крепостями Осовец и Новогеоргиевск, вследствие чего

---

1) Дело арх. миров. войны № 127.918, стр. 19.
2) Дело арх. миров. войны № 148, стр. 66, 74.
3) Meyer. Durchbruch am Narew стр. 95, 103.
4) Дело арх. миров. войны № 82.063, стр. 405—479.

можно было развить натиск только на центральном участке. Лесисто-болотистый характер местности облегчал форсирование реки, давая скрытые подступы, но в то же время затруднял маневрирование и не позволял действие массой. Удар германцев разделился на ряд небольших ударов, каждый из которых был недостаточен для получения решающего значения.

Направление удара 12-й герм. армией было согласовано с направлением главного удара группы армий Макензена, но это направление не было для германцев выгоднейшим, а для русских опаснейшим, находясь далеко на запад от полосы хорды выпуклости русского фронта, которую Фалькенгайн стремился срезать.

Сражение на р. Нареве решало судьбу Варшавы. С отходом на варшавскую укрепленную позицию, 2-я рус. армия могла часть своих сил направить для содействия левому флангу 1-й армии. 9-я герм. армия, ослабленная для усиления армии Гальвица, теперь вновь была ослаблена назначением части сил для блокирования крепости Новогеоргиевск на левом берегу Вислы. Вследствие этого, германцы не могли использовать с выгодой для себя добровольный отход 2-й русской армии, а между тем те затруднения, какие встретила армия Гальвица при форсировании р. Нарева, казалось, требовали решительного наступления 9-й герм. армии, но слабость ее сил не позволяла что-либо предпринять для облегчения Гальвица. Таким образом, и здесь, на Варшавском направлении, сказывалось влияние второй ошибки Фалькенгайна.

Участок реки Вислы от Новогеоргиевска до Ивангорода имел большое стратегическое значение, но только в случае наступления на Германию, так как здесь находились обеспеченные и хорошие переправы, проходили железнодорожные пути и имелся готовый плацдарм, фланги которого были обеспечены крепостями. Однако, о таком наступлении не могло быть речи, поэтому этот участок Вислы сохранял лишь тактическое значение—сильной позиции, обеспечивающей центр выпуклости фронта и прикрывающей кратчайшие пути от северного фронта выпуклости к ее южному фронту, служившие для быстрой переброски войск. Требование ставки удерживать этот плацдарм не отвечало сложившейся обстановке и только связывало оперативную свободу Алексеева, стесняя его в принятии решений для планомерного отхода армий. Как только обязанность удерживать плацдарм была снята, надо было выиграть время для выполнения эвакуации Варшавы, а крепости Новогеоргиевск и Ивангород теряли значение крепостей и становились долговременно укрепленными позициями, имеющими

значение тактических опорных пунктов и не связывающих отхода армий.

Учитывая потерю значения названных крепостей, Алексеев на совещании в Седлеце 5 июля (23 июня) поднял [1]) вопрос об оставлении их. Вопрос об Ивангороде был решен в положительном смысле, а вопрос о Новогеоргиевске поставлен в зависимость от возможности его эвакуации, для чего требовалось около 1000 поездов. Таким образом, к началу 2-го периода наступления противника, крепость Ивангород не считалась крепостью и могла быть взорвана в подходящий момент, что развязывало руки.

Также следовало бы поступить с Новогеоргиевском, но недостаток железнодорожного оборудования и желание ранее эвакуировать Варшаву заставило оставить за Новогеоргиевском значение крепости. Как известно, эта крепость пала очень скоро и свыше 1.200 орудий и 80.000 пленных попало в руки германцев. Казалось бы возможным предвидеть такую участь крепости (примеры Льежа и Антверпена) и следовало предпочесть эвакуацию крепости, эвакуации Варшавы, в которой в конечном результате было брошено много материальных запасов.

2 авг. (20 июля) эвакуацию Варшавы признали законченной, и в ночь на 3 авг. (21 июля) Алексеев отвел 2-ю армию от Варшавы, оставив лишь конницу и небольшие авангарды для наблюдения за р. Вислой [2]). Такое промедление с оставлением Варшавы вызвало в Ставке сильное беспокойство, так как предполагали, что Алексеев не решается взять на себя ответственность за оставление Варшавы. Верховный главнокомандующий торопил его и принимал [3]) на себя все последствия, но Алексеев объяснил свою медлительность нежеланием оставить противнику лишний трофей. С этим нежеланием увеличить трофеи германцев не вяжется оставление Новогеоргиевска на волю противника.

Начало отхода 2-й армии сразу изменяет задачу 12-й и 1-й армий. От них теперь не требовалось большое упорство и высокая стойкость при обороне, они могли планомерно отходить с позиции на позицию, пока утром 9 авг. (27 июля) не достигли указанной Алексеевым и уже подготовленной основной позиции.

Обратимся к выполнению австро-германцами их главного удара против южного фронта русской выпуклости. На схеме показано положение сторон к началу 2-го периода насту-

---

[1]) Дело арх. миров. войны № 438, стр. 348.
[2]) Дело арх. миров. войны № 49981, стр. 413.
[3]) Дело арх. миров. войны № 433, стр. 179.

пления [1]). Между реками Пилица и Висла осталась одна группа Войрша (5 пех. и 1 кав. див.). Между реками Висла и Зап. Буг развернулись три армии: 4-я авст. (14 пех. див.), 11-я герм. (12 пех. див.) и Бугская герм. (8 пех. див.), а всего на фронте 140 кил. 34 пех. дивизии. На левом берегу р. Зап. Буг развернулись: 1-я австр. армия Пухалло (6 пех. и 3 кав. див.) и 2-я австр. армия Бем Эрмоли (9 пех. и 2 кав. див.). В полосе р. Злота Липа развернулась южная австро-герм. армия Ботмера (7 пех. див.) и на р. Днестре осталась 7-я австр. армия Пфланцер Балтина, силы которой уменьшились на одну кав. дивизию.

На стороне русских здесь находились: 4-я армия Эверта (10 пех. и 2$^1/_2$ кав. див.), от верховья р. Ходель до Грабовец 3-я армия Леша (13 пех. и 2 кав. див.), 13-я армия Горбатовского (13 пех. и 4 кав. див.). Далее по правому берегу р. Зап. Буг, вдоль р. Злота Липа и на р. Днестре находились армии Юго-западного фронта.

Выполнение главного удара проходило под руководством главного австрийского командования в лице Конрада. Он опасался контр-удара русских со стороны Владимира-Волынского и поэтому его план наступления вылился в такую форму [2]): а) для обеспечения слева группа Войрша должна наступать на Зволень и Новоалександрию, б) 4-я австр., 11-я герм. и Бугская герм. армии под общим командованием Макензена наступают с целью овладеть Люблином и Холмом, в) для обеспечения справа 1-я австр. армия, усиливаемая корпусом из Бугской армии, наступает на Владимир-Волынский, г) 2-я австр. армия содействует 1-й австр. армии.

Этот план далек от выполнения идеи „Канн", для чего надо было задерживать русских в районе Вислы и стремиться отрезать им пути отхода на восток назначением решающего удара вдоль левого берега Зап. Буга. Вместо этого удар, намечаемый Конрадом идет на широком фронте, русских на левом берегу Вислы отодвигают назад, способствуя их отходу, и Бугскую армию, наступающую на важнейшем направлении, ослабляют на целый корпус. Все это является последствием первой ошибки Фалькенгайна, и Конрад еще не отрешился от своего взгляда — обеспечить Галицию с севера.

Группа Войрша начала наступление на Зволень 16 (3) июля, прорвала фронт русских [3]) и постепенно заставила право-

---

[1]) На схеме не названы 1-я и 2-я австр. армии, расположенные на р. Зап. Буг в районе Сокаль и Каменка.

[2]) Schwarte. Der grosse Krieg, т. II, ч. 2, стр. 159.

[3]) Дело архива миров. войны № 658, стр. 22—50.

бережные части 4-й рус. армий отойти сначала к Висле, а потом в ночь на 22 (9) июля перейти на правый берег, кроме района Ивангорода, где удерживалась передовая крепостная позиция. Подойдя к Висле, Войрш решил форсировать реку выше устья Пилицы с целью удара в стык 2-й и 4-й рус. армий, после чего он мог продолжать удар в тыл одной из них по требованию обстановки. Для выполнения удара он предварительно производит перегруппировку—австрийские части с левого фланга перебрасывает к правому флангу, а германские части обратно перемещаются с правого фланга на левый [1]). Это делается, чтобы удар вести более надежными частями. На перегруппировку понадобилась неделя времени, и только в ночь на 29 (16) июля германцы форсировали Вислу в пяти пунктах.

Растянутая на широком фронте, конница 2-й и 4-й рус. армий не могла сбросить противника даже с поддержкой пехоты, которая была ослаблена выделением части сил в 1-ю рус. армию [2]). Для противодействия германцам обе рус. армии направили подкрепления, получился импровизованный отряд, который Алексеев подчинил 4-й армии [3]). Этому отряду не удалось оттеснить противника за Вислу, но создавшаяся здесь опасность была предотвращена. В то же время Ивангород задержал все попытки противника и надежно обеспечивал центр 4-й рус. армии. В силу обстановки, сложившейся на северном и южном фронтах выпуклости, Алексеев в ночь на 4-е авг. взорвал и очистил Ивангород [4]), и дальнейший отход 4-й армии перестал быть связанным с удержанием Вислы.

Для выполнения удара Макензен в связи с наступлением Гальвица на Седлец решает наступать в полосе р. Вепрж. Для главного удара он образует группу из 7 пех. дивизий, которую усиливает тяжелой артиллерией (22 батареи) до калибра в 30,5 сантим. [5]).

Этот удар был возложен на 11-ю герм. армию, а 4-я австр. и Бугская армии должны были оказать содействие наступлением на Новоалександрию и вдоль Зап. Буга. Наступление 4-й австр. и 11-й герм. армий привело к Красноставскому сражению. 4-я австр. армия наступала крайне вяло и не оказала существенной поддержки, вследствие чего вся тяжесть боя легла на 11-ю герм. армию, ударная группа которой наступала в полосе левого берега

---

[1]) Schwarte, Der grosse Kvieg, т. II, ч. 2, стр. 165.
[2]) Дело арх. миров. войны, № 49992, стр. 296—320.
[3]) Дело миров. войны, № 433, стр. 225.
[4]) Дело миров. войны, № 533, стр. 290.
[5]) Schwarte. Der grosse Krieg, т. II, ч. 2, стр. 159.

р. Вепрж. Это наступление началось с утра 16 (3) июля, и германцам удалось прорвать фронт 3-й рус. армии на участке до 20 кил. и до 4—6 кил. глубиной. Для поддержки расстроенных частей Леш вместо одновременного назначения из резерва целого корпуса посылает его по частям и едва сдерживает натиск противника [1]). 17 (4) июля германцы овладели Красноставом, 18 (5) и 19 (6) июля они пытаются развить успех, но обнаружился недостаток в боевых припасах, и Макензену поневоле пришлось остановить наступление. Этим лишний раз доказывается, что нельзя назначать решающего удара, не имея обеспеченного подвоза по железной дороге.

Чтобы не дать русским передышки, Макензен ведет наступление 4-й австр. армией с целью сбить левый фланг 4-й рус. армии с р. Ходель, но трехдневные усилия австрийцев были безрезультатны [2]). Однако, большие потери и обстановка на левом берегу Вислы заставили Алексеева отвести левый фланг 4-й и всю 3-ю армию на 1—1½ перехода [3]) назад на подготовленную позицию южнее железной дороги Люблин—Холм. В конечном итоге австро-германцы за 7 дней сражения продвинулись вперед на 12—14 кил. Результат не отвечал сделанной затрате сил и средств, а трудность подвоза заставила временно прекратить наступление, что для главного удара недопустимо.

Закончив устройство тыла, Макензен продолжает наступление по тому же плану [4]), что приводит к Люблинскому сражению. В нем принимают участие 4-я австр. и 11-я герм. армии и с другой стороны левый фланг 4-й и почти вся 3-я рус. армии. Сражение продолжалось с 26 (13) июля до 5 авг. (23 июля).

В первый день сражения ударная группа германцев прорывает фронт 3-й русской армии и прерывает линию железной дороги Люблин — Холм. Этот успех противника вывел Алексеева из равновесия, и он приказывает 4-й армии немедленно организовать сильное контр-наступление, снимая части даже из Ивангорода [5]). Однако, он очень скоро понял невозможность этого и тотчас общим распоряжением отводит назад весь южный фронт выпуклости [6]) на следующую тыловую позицию от Новоалександрии севернее Люблина на Лещины. Этим решением Люблин отдается против-

[1]) Дело арх. миров. войны № 49981, стр. 49—101.
[2]) Дело миров. войны № 49992, стр. 83—194.
[3]) Дело миров. войны № 658, стр. 45.
[4]) Schwarte. Der grosse Krieg. т. II, ч. 2, стр. 164.
[5]) Дело арх. миров. войны, № 433, стр. 225.
[6]) Дело миров. войны № 12480, стр. 41.

нику без боя, ибо окрестности города не давали никаких выгод для обороны.

Цель, поставленная Конрадом, с занятием Люблина была достигнута, но тяжелое положение Гальвица требовало продолжения наступления, и Макензен всю 11-ю герм. армию переводит на правый берег Вепржа [1]). 2 авг. (20 июля) Макензен еще раз прорывает фронт 3 рус. армии, резервы которой полностью расходуются на ликвидацию прорыва [2]). В виду окончания эвакуации Варшавы у Алексеева не остается больше причин медлить с отходом, и он сделал общее распоряжение о медленном отходе на основную позицию. С вечера 5 авг. австро-германцы прекратили свой напор, и только их авангарды шли за отходящими русскими, которые к утру 9 авг. подошли к основной позиции.

Согласно указаний Макензена, Бугская герм. армия, уменьшенная до 6 дивизий, начала наступление сутками раньше—15 (2) июля [3]). Это привело к Грубешовскому сражению, в котором приняли участие правый фланг и центр 13-й рус. армии. Наступление Бугской армии происходило на опаснейшем для русских направлении, но ее задача оказывалась второстепенной—содействовать удару 11-й герм. армии. Такая задача приводит Линзингена к допущению ошибки. Вместо одного сильного удара на Грубешов, он организует [4]) четыре небольших удара для прорыва русских на четырех участках между Грабовец и Грубешов, т. е. разбрасывает свои силы, разбивая огонь артиллерии на широком фронте.

Сражение продолжалось 7 дней с 15 (2) по 21 (8) июля. 13-я рус. армия четыре дня отбивала атаки германцев [5]) и могла бы еще держаться, но неуспех 3-й рус. армии заставил Алексеева отвести правый фланг 13-й армии на полперехода назад, поэтому германцам удалось прочно занять Грубешов, но развить успеха — по недостатку сил—они не могли [6]). За время сражения Бугская армия продвинулась на 16 кил. Успех надо признать крайне слабым, и Конрад торопится вернуть в Бугскую армию взятый у нее корпус.

С возвращением этого корпуса Линзинген немедленно продолжает наступать, что приводит к Холмскому сражению, продолжавшемуся 11 дней с 22 (9) июля по 1 авг. (19 июля). На этот раз Линзинген образует небольшую ударную группу в центре армии, но части 13-й рус. армии

[1]) Schwarte. Der grosse Krieg, т. II. ч. 2. стр. 166.
[2]) Дело миров. войны, № 49981, стр. 381—445.
[3]) Дело миров. войны, № 483, стр. 290.
[4]) Пельман. Бои на р. Зап. Буге летом 1915 г., стр. 16.
[5]) Дело арх. миров. войны № 658 стр. 9—34.
[6]) Пельман. Бои на р. Зап. Буге стр. 19.

продолжают с удивительным упорством отбивать противника. Линзинген [1]) два раза меняет план атаки, но не достигает никакого успеха, так как части 13-й рус. армии и левофланговый корпус 3-й армии все время ведут встречное наступление [2]) и парализуют усилия противника. События в 3-й армии заставили Алексеева [3]) в ночь на 30 (17) июля отвести армию правым флангом назад на Лещины. Этот отход уширил фронт армии при значительно уменьшившейся численности частей, положение получилось растянутым и оборона стала труднее. Благодаря этому, германцам 31 (18) июля удалось прорвать фронт 13-й армии [4]), и она была принуждена отойти правым флангом севернее железной дороги Холм-Ковель, а левый фланг 3-й армии очистил Холм, который не был укреплен. Так закончилось холмское сражение, в котором русские проявили удивительную стойкость, но стоило усталых бойцов заставить отходить, как начинается неустойчивость, и они потеряли до 21.000 пленными и одно орудие [5]).

В последующие дни 13-я армия в силу общей обстановки без боя отошла к утру 4 авг. на правый берег Зап. Буга от Опалина к югу.

Опасение возможности удара русских со стороны Владимира Волынского заставило Конрада наступать 1-й австр. армией, усиленной одним корпусом Бугской армии. 1-я австр. армия развернулась в полупереходе от Зап. Буга, имея в центре конницу. Главный удар должен был выполнить левый фланг на Владимир Волынский, а правый фланг должен был содействовать наступлением на Сокаль [6]). Наступление 1-й австр. армии было направлено против левого фланга 13-й и правого фланга 8-й рус. армий, занимавших растянутый фронт. Наступление началось 16 (3) июля и 18 (5) июля австрийцам удалось форсировать Зап. Буг в районе государственной границы [7]). Сравнительно легкий успех убедил Конрада в отсутствии какой—либо опасности на Ковельском направлении, и он остановил наступление, возвратив корпус в Бугскую армию [8]).

Наступление 1-й австр. армии свелось к так называемой усиленной разведке, для чего было бы достаточно имевшихся трех кав. дивизий. А между тем отвлечение корпуса из

---

[1]) Пельман. Бои на р. Зап. Буге, стр. 23—27.
[2]) Дело миров. войны № 658 стр. 51—116.
[3]) Дело миров. войны № 433 стр. 243.
[4]) Дело арх. миров. войны № 148 стр. 50.
[5]) Пельман. Бои на р. Зап. Буге, стр. 28.
[6]) Schwarte. Der grosse Krieg, т. II, ч. 2. стр. 161.
[7]) Дело арх. мировой войны № 658 стр. 28—46.
[8]) Schwarte. Der grosse Krieg, т. II, ч. 2, стр. 163.

Бугской армии затруднило наступление последней на важнейшем направлении.

С отходом южного фронта русской выпуклости 1-я и 2-я австр. армии 29 (16) июля вновь начали наступление и несколько потеснили фланги 13-й и 8-й рус. армий.

Заключение о 2-м периоде. Во 2-й период наступления австро-германцев должна была быть выполнена идея „Канн“ в меньшем, чем предполагалась вначале, масштабе. Достижение успеха требовало решающего наступления с целью отрезать пути отхода тем русским силам, какие находились западнее направления главных ударов. Однако, эти удары, как с севера, так и с юга производились недостаточными силами и были не в состоянии быстро преодолеть сопротивление русских при всем их печальном положении. Одновременно с главными ударами австро-германцы наступали западнее направления главных ударов и этим, хотя и оттесняли русских, но помогали им выйти из возможного мешка. Все эти ошибки повели к тому, что русские избегли окружения и благополучно ускользнули от сильного разгрома.

Русским пришлось не только отходить при самых неблагоприятных условиях снабжения, но и замедлять свой отход для выигрыша времени, необходимого для эвакуации Варшавы. Эта задача потребовала упорных боев и новых жертв, вследствие чего, некомплект в армиях Северо-западного фронта, почти не получающих пополнений, с 210.000 возрос до 650.000 чел. [1]). Вследствие этого, многие дивизии существовали только на бумаге, представляя из себя едва достаточные кадры для восстановления частей.

Мы видели, как неблагоприятно для русских сложилась обстановка. Их стратегическое и тактическое положение оказалось не в их пользу. Все неблагоприятные условия требовали быстрого отхода назад на такой рубеж, где бы войска могли продержаться неопределенно долгое время и выждать улучшения материального положения, сохранив живую силу для дальнейшей борьбы. Этому отходу в значительной степени мешало: а) стремление Ставки к соблюдению франко-русской конвенции, которая требовала от нее наступательных операций, б) решение Ставки удерживать район Варшавы, что сковывало оперативную свободу Алексеева, заставляя его принимать сражения при невыгодных условиях, в) хроническое уменьшение численности войск без надежды на скорое их пополнение и г) постоянный недостаток боевых припасов.

---

1) Дело арх. миров. войны № 269 стр. 245.

Несмотря на столь тяжелые условия борьбы с противником, у которого было превосходство сил и полное обеспечение боевыми припасами при большом числе орудий, русские армии отошли к основной позиции и не позволили противнику ни отрезать, ни окружить даже одной части. Однако, этот стратегический успех был куплен дорогою ценою. Постоянный отход, как результат тактических неудач, и проявляемое войсками крайнее упорство при обороне постепенно подтачивали моральные и физические силы частей. Однако, с прибытием пополнений армии нашли в себе силы еще полтора года продолжать борьбу. Эти пополнения были необходимы, так как выход русских армий из уготовляемого германцами мешка окупился потерями свыше 400.000. Этот подрыв сил не мог быть полностью восстановлен новыми пополнениями, основные кадры частей были расстроены. Даже улучшение материального положения не восстановило прежней мощи армий. Несомненно, что это ослабление моральных сил требовало их подъема, чего царское правительство не могло сделать.

Общее заключение.

В столь кратком изложении мы проследили причины зарождения идеи о необходимости для австро-германцев разгрома русских армий. Эта идея Фалькенгайном была превращена в идею „Канн“, и создался план срезать выпуклость русского фронта. Для выполнения любого оперативного плана сложившаяся обстановка была крайне неблагоприятна для русских, а для германского командования давала самые благоприятные условия. Фалькенгайн, несомненно, стремился к идейному руководству операциями австро-германских сил, но задача оказалась ему не по плечу, при выработке плана им были допущены две основные ошибки. Первая ошибка, вызванная отношениями к союзнику (Австро-Венгрии) заключалась в принятии частной обстановки на галицийском участке фронта за основание для постановки задачи для этого участка. Вторая ошибка, вызванная существованием служебных трений, повела к отвлечению части сил к крайнему левому флангу и, когда потребовалось организовать удар через Нарев, для выполнения этого не хватало сил.

Эти две основные ошибки проходят через всю операцию и порождают новые ошибки. Благодаря этому, первый период наступления оказался каким то однобоким и перед Фалькенгайном стала опасность полного срыва начатой операции,—опасность того, что столь возможные „Канны“ ускользнуть и разгрома русских не будет. Тогда Фалькенгайн вводит поправки, и „Канны“ большого масштаба заменяются „Каннами“ меньшего размера, но сила допущенных им ошибок такова, что и малые „Канны“ оказываются несбывшимися.

Ошибки Фалькенгайна являются нарушением требований теории военного дела. В основу оперативного плана должно ставить анализ общей обстановки и в то же время не допускать разброски сил, а сосредоточивать их на главном направлении. Требования теории военного дела добыты длинным опытом всех войн и становятся принци-

пами для всякой новой войны. Изменяется обстановка, изменяются условия для борьбы, но принципы всегда сохраняют свою силу. Отступление от них всегда будет ошибкой.

Положение русских, на сколько мне удалось выявить его, представлялось катастрофическим. В одном из своих докладов царю б. вел. кн. Николай Николаевич писал [1]): „войска совершают чрезвычайные подвиги, их действия сверх-отважны“, но нет снарядов, ружей, патронов и приходится принимать решения для отхода. „Будь все это, совсем было бы иное“.

Действительно со стороны австро-германцев было допущено столько ошибок, как результат указанных выше основных ошибок Фалькенгайна, что для русских представлялось много случаев нанести противнику сильнейшее поражение и в будущем изменить весь ход войны. Но без людей, без оружия и без боевых припасов воевать нельзя, а русские армии находились именно в таком положении. К довершению бед русская Ставка требовала удержания района Варшавы „на случай“ воображаемого наступления в Германию, во исполнение условий конвенции с Францией. Эта нелепая задача при создавшихся условиях толкала русские армии в ту западню, какую готовил им Фалькенгайн своим замыслом. Выполнение задачи Ставки вело русских к полной гибели и поэтому надо считать особой заслугой Алексеева, которому удалось настоять на отмене этой задачи и вывести русские армии из их возможного окружения.

Получив право свободно отводить армии назад, Алексеев стал перед вопросом такого же характера, какой в 1812 г. стоял перед Кутузовым. Этому полководцу приходилось решать вопрос—что выгоднее, спасти армию, отдав Москву без боя, или принять бой перед Москвой. Как известно, Кутузов решил вопрос в пользу сохранения армии и оставил Москву противнику. Последствия этого факта всем известны. Перед Алексеевым возник вопрос—сохранить живую силу, бросив Варшаву, или выиграть время для ее эвакуации и стало быть принять несколько сражений с колоссальными жертвами людьми.

Исключительно экономические соображения привели Алексеева к решению вопроса в пользу выполнения эвакуации Варшавы. Однако, как бы ни были правильны экономические предпосылки такого решения, как бы ни увеличили германцы свои материальные рессурсы взятием Варшавы, сохранение живой силы было более необходимо, что вскоре

---

[1]) Дело арх. миров. войны № 21.972 стр. 45.

и было подтверждено в операции, повлекшей прорыв нашего фронта у Свенцяны.

К концу второго периода наступления австро-германцев признаки удара войск Антанты на французском театре стали настолько тревожны, что Фалькенгайн принужден был все свое внимание отдать этому фронту. Руский фронт отходил на второстепенное место, отсюда надо было снять часть сил для резервов на французском фронте. Только теперь Фалькенгайн, но с потерей двух месяцев, дает Гинденбургу свое согласие на выполнение плана наступления на Вильно [1]). Этим согласием кончается вмешательство Фалькенгайна в операции на русском фронте.

Что же дало это вмешательство в действия Гинденбурга и Конрада? Каждый из них имел свой план для ближайших действий. Фалькенгайн совершенно правильно задался идеей выполнить „Канны“ в большом масштабе, но эта задача оказалась ему не по плечу. Он не взял на себя общего руководства операцией, предоставил ее проведение Гинденбургу и Конраду и допустил две ошибки, нарушив этим принципы теории военного дела. Мы видели, как плохо было русским и в каком выгодном положении были австро-германцы. Все говорило за то, что задуманная операция приведет к полному разгрому русских сил. В результате военная история еще раз доказала, что даже при столь благоприятных условиях для ведения борьбы, какие судьба дала австро-германцам, игнорирование принципов военного дела не проходит безнаказанно, что подтверждают „несбывшиеся Канны“, к которым привели неудачные стремления Фалькенгайна.

1) Schwarte. Der grosse Krieg т. II ч. 2 стр. 209.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Схема.
Расположение сторон к половине июня 1915 г
Масштаб
60 0 60 120
Условные знаки:
русские
австро-герм.
к половине июня
русские
австро-герм.
к 12 июля
русские: к 10 авг.
Виндава
Рижский залив
в Петроград
Рига
Митава
Либава
Балтийское море
в Москву
Бауск
Шавли
Поневеж
Двинск
в Полоцк
Уцяны
Вилькомир
Ковно
Свенцяны
Вильно
из Кенигсберга
Восточная Пруссия
Сувалки
Лык
Гродно
Лида
Минск
в Гомель
Осовец
Белосток
Волковыск
Барановичи
Мышинец
Млава
Плоцк
из Данцига
из Торна
Ломжа
Пултуск
Рожаны
Прасныш
Остров
Малкин
Новогеоргиевск
Варшава
Блоне
Венгров
Седлец
Луков
Брест-Литовск
Полесье
из Петрокова
Ивангород
Радом
Зволень
Новоалександрия
Люблин
Влодава
Остров
Опалин
Ковель
в Киев
Холм
Красностав
Грубешов
Владимир Волынский
Сокаль
Каменка
Ровно
из Кельцы
из Тарнова
Рава Русская
Перемышль
Львов
из Ясло
р. Днестр
Галич
в Жмеринку
р. Збруч
из Мункача
из Сигота
Черновицы
в Одессу
Буковина
Галиция

Карл фон-Вульфен

Майор штаба Варшавского Генерал-Губернаторства, состоявший в 1914—15 г. г. в Штабе 3-й гвардейской пехотной дивизии.

СРАЖЕНИЕ ПОД ЛОДЗЬЮ.

Описание, составленное по официальным данным, с 19 схемами.

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО.

МОСКВА.

Грандиозные размеры мировой войны превосходят все масштабы известных нам войн прошлого. Бои, еще вчера державшие в напряжении земной шар, сегодня уже почти забыты. Правда, начиная с 4-го августа 1914 года, благодаря сообщениям Штаба Верховного командования, немецкий народ из-за дня в день узнавал о происходящем на всех театрах военных действий. Но и при таком способе информирования внутренняя связь этих великих событий все-же должна была остаться недоступной для широких масс. На этом основании Штаб Верховного командования и решил допустить к обнародованию ряд отдельных описаний, в которых немецкому народу будут даны сведения о ходе важнейших боевых действий из текущей колоссальной борьбы народов. Конечно, эти описания не представляют собой истории войны. Пройдут годы, может быть даже десятилетия, ранее чем будет установлена внутренняя связь всех происходящих ныне событий. Это может случиться лишь в том случае, если кроме архивов немецкого и союзных генеральных штабов откроются и архивы наших противников. Но уже и в настоящее время немецкий народ должен получить представление о ходе важнейших сражений из трудов людей, принимавших участие в отдельных боях и имевших в своем распоряжении служебные источники. Вполне возможно, что позднейшими исследованиями картина в некоторых местах и будет изменена. Но последнее не является основанием, в особенности теперь при составлении настоящего описания, отказываться от использования официальных источников. Это послужило-бы только поводом к развитию слухов и легенд, которые легко укрепляются в умах народа, так что позже было-бы тяжело, если и не совсем невозможно установить истину. Труд назначен не для воен-

ной науки, но для широких масс немецкого народа—носителя тягот войны и, прежде всего, для участников ее, чтобы помочь им разобраться в великих событиях, за успех которых они сами охотно жертвовали своей кровью и жизнью.

Главная квартира. Осень 1917 г.

Штаб Верховного командования.

Восточная Пруссия освобождена от русских; Ренненкампф с остатками своей армии поспешно отходит за русскую границу. На основании этой радостной вести Высшее войсковое управление признало наше положение в Восточной Пруссии в конце сентября 1914 года „безусловно хорошим“. (Схема I). Не так обстояло дело на юго-восточном театре военных действий. Здесь австро-венгерские армии, после сражения у Лемберга (Львова), из опасения охвата значительно превосходящими русскими силами, отступили за Карпаты и за реку Сан.

Австро-Венгрии и Силезии угрожала опасность. Лишь разгрузкой австро-венгерского фронта от противника можно было улучшить положение. Генерал полковник фон Гинденбург получил приказ перебросить по железной дороге в Силезию силы, освободившиеся после поражения Наревской и Неманской армий, вступить в южную Польшу и обрушиться на русских с фланга и тыла. Эти операции дали блестящие результаты: русские отозвали крупные силы с австрийского фронта, чтобы, перейдя Вислу у Ивангорода и Варшавы, выставить их против немецко-австро-венгерских сил в Польше. В середине октября 1-я императорская и королевская армия, усиленная гвардейским резервным корпусом и частями XI и XX прусских корпусов, геройскими усилиями задерживала наступление русских у Ивангорода, в то время как Гинденбург с 9-й армией в районе юго-западнее Варшавы вел бой с продвигавшимися от Варшавы и Новогеоргиевска 4-й, 5-й и 2-й русскими армиями. Когда убедились, что немецко-австро-венгерские части 1-й и. и к. армии не в состоянии противостоять сильному русскому натиску под Ивангородом и когда вместе с тем, со стороны русских, насчитывающих более 10 корпусов, появился призрак обхода левого крыла 9-й немецкой армии юго-западнее Варшавы, Гинденбург в согласии с австро-венгерским командованием, в первых числах ноября, решил отвести 9-ю армию на линию Новорадомск—Серадзь, планомерно разрушая при отходе все искусственные сооружения и железные дороги. 1-я и. и к. армия достигла участка реки Ниды на линии Опатовец—Андреев, в то время как прочие армии Дунайской монархии, после многочисленных частичных удач, наконец, получили

приказ временно отступить на главный хребет Карпат и за р. Дунаец.

В Сербии австро-венгерское наступление продолжалось успешно; в это время Турция вступила в войну с Англией, Россией, Францией и Сербией.

Отступление армий центральных держав на востоке было отпраздновано в странах Согласия, как крупная победа. Вопрос каких-нибудь недель и Россия в Будапеште, Вене и Берлине будет диктовать условия предлагаемого союзниками мира. Ведь Генералиссимусу Великому Князю Николаю Николаевичу была подчинена величайшая, невиданная еще в мире, боевая сила. Она была в движении на Будапешт—Берлин. Трем миллионам русских, на общем фронте между Карпатами и Балтийским морем, союзники могли противопоставить едва один миллион бойцов. Надежда неприятеля, казалось, имела основание. Но его противником был Гинденбург. Он начал подыскивать решение и нашел его. Защита вдоль растянутой немецкой границы не обещала никакой надежды на успех, она таила в себе опасность, что сравнительно слабые силы будут раздроблены прославленным русским колоссом.

Благодаря трудно проходимым дорогам и повреждениям железнодорожных линий, русская армия в Польше могла лишь медленно продвигаться вперед. Она скоро потеряла соприкосновение с немецко-австро-венгерскими силами.

Известия, имевшиеся в Главной квартире Гинденбурга, позволяли судить, что Николай Николаевич своим главным силам (9-й, 4-й и 5-й армиям) указал направление на Силезию; на Познань же он наступал 2-ю и частью 1-й армий. (Схема 2). Охват и уничтожение более слабого северного крыла русской армии, что должно было иметь последствием развертывание всего русского боевого фронта, составляли новый план Гинденбурга.

Для этой цели 9-я армия, поступившая теперь в окончательное подчинение генерала от кавалерии Макензена, была к 10 ноябрю переброшена по железной дороге в район Ярошин—Торн и усилена I и XXV резервными корпусами, которые раньше входили в состав 8-й армии. Действующая в Восточной Пруссии 8-я армия, в виду своей малочисленности, не была в состоянии достичь решительного успеха над находившимися против нее значительными русскими силами; защищаться же она могла даже и с

более ничтожными силами, отходя, в случае необходимости, к крепости Летцен и на легко обороняемую линию реки Ангерапп.

Находящаяся на южном крыле 2-я и. и к. армия без значительных боев достигла линии Скала—Пилица—Кромолов; левее ее, в районе Ченстохова, была расположена армейская группа генерала-от-инфантерии фон-Войрша, состоящая из ландверного корпуса и 1-й гвардейской и 35-й резервных дивизий. 2-я и. и к. армия, перевозимая по железной дороге через Силезию на Люблинец и Крейцбург, должна была перейти под его начальство в то время, как он сам был подчинен высшему австро-венгерскому командованию. 4-я и. и к. армия была сосредоточена в районе Кракова. Задача этих сил была: для натиска на 4-ю и 9-ю русские армии наступать правым флангом от Кракова на Ново-Бржеско и левым от Крейцбурга на Дзялошин, между тем как состоявшие из гарнизонных частей корпуса „Бреславль“ и „Познань“, развертывание коих лишь предполагалось, должны были предстоящими наступательными действиями к северу от вышеуказанных сил, произвести демонстрацию против 5-й русской армии, дабы помешать ее отходу на север ко 2-й армии.

Желая дождаться восстановления связи с тылом, русские приостановили наступление. 11-го ноября 1914 года мы были в состоянии принять наступление 9-й, 4-й, 5-й и 2-й русских армий, с кавалерийским корпусом Новикова перед их фронтом, в районе м. Варты, приблизительно на линии Пинчов—Андреев—Пржедборж—Ласк—Унеев. Уступом за правым флангом армии в районе Ленчица—Кросневице стоял II армейский корпус в то время, как I армия—V сибирским корпусом у Влоцлавска и VI сибирским—у Плоцка запирала путь в долину Вислы, а VI армейским корпусом и 6-й кавалерийской дивизией находилась в районе Серпец—Липно.

Местность в районе Лодзи.

Большой фабричный город Лодзь находится на прямой линии Бреславль—Варшава, в расстоянии 180 километров от силезской и в 120 километрах от польской столиц. Две железные дороги через Згерж—Лович и через Колюшки—Скерневице связывают его с Варшавой; две другие через Колюшки—Томашев и через Колюшки—Петроков— с южной Польшей. Через Каттовиц, Остров, Торн, указанные линии соединяются с немецкими железными

дорогами. Уже при беглом взгляде на карту, нам рисуется своеобразная форма железнодорожной сети в Польше. Восточнее висло-наревской линии находятся часто разветленные и великолепно оборудованные железнодорожные пути, западнее же напротив, имеются лишь немногие указанные выше магистрали. Подобное распределение железнодорожных путей ни в коем случае не может быть оправдываемо экономическими требованиями страны. Лишь узко стратегические соображения привели к этой железнодорожной политике; сильно укрепленная висло-наревская линия должна была иметь хорошую связь с внутренними областями России, польские же области к западу от этой линии намечались лишь, как гласис и должны были предоставить противнику самые ничтожные средства сообщения. Из расположения шоссейных и грунтовых дорог также ясно видно их назначение для западной Польши. Количество шоссейных магистралей ничтожно; к тому-же они благодаря неудовлетворительной постройке и отсутствию ремонта не выдерживают критики по сравнению с немецкими. Грунтовые пути и многие дороги, обозначенные на картах в виде шоссейных, при плохой погоде становятся трудно проходимыми. Поэтому здесь осень и весна совершенно правильно называются „временем бездорожья“.

В соответствии с потребностями промышленного центра, в районе Лодзи имеется более хорошая сеть дорог. Для охвата противника нами должны были быть приняты во внимание и перерезаны следующие дороги, могущие служить связью для сосредоточенных здесь русских сил:

Из Лодзи на север через Згерж-Озорков,
„ „ „ сев.-вост. „ Стрыков—Гловно,
„ „ „ восток „ Новосольна—Брезины—Скерневице,
„ „ „ юго-вост. „ Куровице—Карпин—Томашев,
„ „ „ юг „ Ржгов—Тушин—Петроков,
„ „ „ „ „ Пабиянице—Длутов.

Польша, в целом, имеет чрезвычайно слабо выраженный рельеф. Большая часть ея площади находится на высоте 100—300 метров над уровнем моря, а потому представляет из себя низменность. Этим же об‘ясняется и тихое течение рек и ручьев с их, по большей части, болотистыми берегами, представляющими значительные препятствия при продвижении войск. В районе Лодзи местность слегка холмистая, самые значительные возвышенности (260—280 метров) находятся между Лодзью и Ново-

сольна. Здесь находятся истоки многочисленных ручьев, стекающих по всем направлениям в бассейны рек Вислы и Одера.

Начиная у Новосольны течет, проходящая между Андресполем и Бедоном, река Мязга; она протекает в 8 километрах к югу между Куровице и Карпиным и впадает в 2-х километрах к северо-западу от Бендкова в р. Вольборку. Последняя течет с востока от Тушина к Бендкову и дальше к Томашову, где и впадает в приток Вислы—Пилицу. Оба ручья текут среди болотистых лугов и поэтому являются сильными естественными преградами.

Река Нер, приток реки Варты, текущей из окрестностей Ченстохова, берет начало у Феликсина, охватывает Лодзь в расстоянии 8—10 километров с юга и юго-востока, у Ржгова поворачивает на северо-запад, протекает между Лодзью и Пабияницами и течет далее за Лютомерск.

Река Бзура, имеющая свой исток около Згержа, течет к северо-западу через Озорков к Ленчице, а затем, круто поворачивая на восток, протекает по болотистой низменности, являющейся восточным продолжением долины реки Нер, через Лович к Висле. Реки Нер и Бзура, равно как Мязга и Вольборка, с важными переправами у Бедона, Карпина и Бендкова сыграли большую роль в боях у Лодзи.

Р. Модзаница берет начало из нескольких глубоких ручьев севернее Новосольны и течет через Стрыков к р. Бзуре.

В северном направлении между глубокими обрывами течет ручей Мрожица, имеющий свой исток в котловине у Брезины, и впадающий у Гловно в реку Мрогу.

Р. Мрога берет начало юго-западнее Брезин, обтекает по глубокой долине в 4—6 километрах с юга и востока этот город и течет дальше на север к р. Бзуре.

К югу от Новосольна местность становится ровнее и южнее железной дороги, идущей через Галков в Колюшки, она делается более равнинной. Только находящаяся юго-восточнее Хойны, высота 222 возвышается видимым издалека конусом; с нее открывается великолепный вид на лежащий внизу полумиллионный город Лодзь с его многочисленными церквами и фабричными трубами; далее к востоку ограничивают обзор большие сосновые леса, подходящие на 5—10 километров с запада и юга к Брезинам. Эти леса благоприятствовали окружению, происходившему с 21-го по 24-е ноября, наших сражавшихся у Лодзи войск но-

выми русскими силами, подтянутыми от Вислы. Необходимо также упомянуть леса: Малчевский, Галковский и лес около Хрусты Старе.

Преимущественно песчанная почва благоприятствовала устройству стрелковых окопов, представляя выгоду „мастеру окопного дела“, и принося вред наступающим немцам. С 20-го ноября, когда наступили сильные морозы, обстоятельства стали для нас более благоприятными, так как русские не успели еще окончательно устроиться на своих позициях. С этого момента пахотная земля, вплоть до болотистых речных низменностей, стала проходимой для всех родов войск.

Наступление на Лодзь.

(Схема 2).

На основании обрисованной выше обстановки, генерал фон-Макензен с целью атаки правого фланга 2-й русской армии приказал войскам, находящимся в движении, 11 ноября достигнуть: XI корпусу, следуя через Лиондек, головными частями Голины, XVII корпусу—через Слупцы головными частями Клечева и XX корпусу—через Пиотрков головными частями Любранец в то время, как I резервному корпусу, двигаясь через Ловичек, наступать против линии Брест-Куявский—Венец, XXV резервному корпусу через Нешаву—против линии Венец—Влоцлавск и кавалерийскому корпусу Рихтхофена—на Любень.

Операцию против Лодзи командующий армией решил начать с внезапного разгрома V сибирского корпуса у Влоцлавска. I и XXV резервные корпуса должны были действовать с фронта, XX корпус охватом и I кавалерийский корпус с фланга и тыла. Командующий 2-й русской армией, генерал Шейдеман, казалось, и не подозревал о наступлении нашей 9-й армии. В то время, когда Макензен на широком фронте перешел границу, Шейдеман поручил своему начальнику конницы Новикову осветить местность в сторону Познани, предполагая, что там находятся крупные немецкие силы, назначением которых „несомненно“ было прикрытие стоящей у Ченстохова немецкой армии от обхода ея через Калиш. Нашим доблестным пограничным войскам и продвигавшемуся со стороны Калиша III кавалерийскому корпусу Фроммеля прекрасно удалось создать завесу.

11/XI—14. Перед немецкой конницей Новиков с 20-ю эскадронами отступил от Става к Варте, начав отход остальными частями через Хлево; части пехоты и артиллерии, входившие в состав XXIII русского корпуса, были с потерями отброшены от Турека.

Находившийся севернее перед фронтом 9-й армии кавалерийский корпус Рихтхофена (I кавалерийский) не смог 11 ноября достигнуть назначенной ему цели—Любеня. Плохие полевые дороги и многочисленные дефиле препятствовали быстрому продвижению кавалерии. Около полудня корпус вступил в бой: 9-й кавалерийской дивизией у Избицы и 6-й кавалерийской у Любранца. В этот-же день произошло первое столкновение с русскими на фронте обоих, находившихся на левом немецком фланге, корпусов. (Схема 3). 36-я резервная дивизия, под командой генерал-майора Круге, отбросила неприятеля к югу от Яранувека, 49-я же резервная дивизия, при своем наступлении на Влоцлавск заняла слабо защищенные деревни Яновице и Любане. К вечеру противник расположился на линии Бахорка—Венец—полуст. Бржезе.

Приказом по армии на 12-е ноября XX корпусу было указано направление на Ходеч—Крушин в то время, как оба резервные корпуса должны были наступать на линию Брест-Куявский—Венец—Влоцлавск. Рихтхофен преграждал путь отступления у Коваля.

12/XI—14. Бои у Влоцлавска. К полудню 36-я резервная дивизия заняла Фальборж и Венец; несколькими часами позже правый фланг 49-й резервной дивизии атаковал через открытый луг и многоводный ручей Згловиончку деревни Махнач и Марианка. На левом фланге бой протекал также благоприятно. В западных предместьях Влоцлавска с наступлением темноты бой продолжался еще с большим напряжением; штыки и приклады исполняли свое назначение. Из домов русских вытаскивали сотнями. Ружейный огонь почти затих. Генерал фон-Бризен, лично руководивший наступлением сначала на правом, потом на левом фланге своей дивизии, с чувством победителя переехал верхом на другую сторону железнодорожной насыпи, приказав штабному конвою обрекогносцировать находящийся в городе мост через ручей Згловиончку. Посланные помчались галопом по мостовой, как вдруг из всех домов снова поднялась бешенная стрельба. Четыре лошади упали на мостовую и похоронили под

собой всадников. Тут-же дивизия лишилась своего смелого вождя— генерал фон-Бризен, пораженный в шею, пал смертью героя.

Западная часть города была в руках 49-й резервной дивизии; 1.200 пленных были добычей дня; но V сибирскому корпусу всетаки удалось уйти от предрешенного ему окружения.

13/XI—14. Во время боя у Влоцлавска дивизия страдала от флангового артиллерийского огня с северного берега Вислы, ввиду того, что мост через Вислу был разрушен; 13-го ноября один баталион был переправлен через реку на лодках и выдвинут по дороге на Липно. (Схема 2.) В тот-же день отрядом Врохема, состоявшим из войск Торнского гарнизона, совместно с принадлежавшей к 50-й резервной дивизии бригадой Григори было занято Липно; накануне в кровопролитном бою у Кикола эти-же войска отразили большие силы VI русского корпуса.

VI сибирскому корпусу было приказано переправиться через Вислу у Плоцка, примкнуть к стоявшему в районе Ленчица—Кросневице II корпусу и принять на себя V сибирский корпус, отходивший от Влоцлавска через Коваль в долину Вислы и на Гостынин.

По приказу русского верховного командования, армии Северо-Западного фронта 14-го ноября должны были, перейдя в наступление, „глубоко вторгнуться“ в Германию и овладеть линией Ярошин—Остров—Крейцбург—Каттовиц.

Вечером 13-го ноября армия Макензена находилась на линии Брудзев — Коло — Пржедеч — Любень — Коваль. Отстала далеко сзади лишь одна 3-я гвардейская пехотная дивизия, которая лишь в этот день закончила выгрузку у Аргенау (Гневково), восточнее Гогензальца (Иноврацлав).

При взгляде на карту видно, какое разрушительное действие должен был иметь удар 9-й армии в тыл русских войск, если Николай Николаевич увлекся-бы наступлением на Силезию—Познань и какими последствиями грозило оставление 9-й армии для удлинения фронта у Ченстохова.

14/XI—14. Бой у Хелмно. 14-го ноября на всем фронте велось наступление армии против принужденного уже к обороне и стоящего на укрепленных позициях неприятеля. (Схема 4 и 5). Перед фронтом XI корпуса нашими летчиками было установлено присутствие русских на линии Хелмно — Грабина — Држевце. Генерал от инфантерии фон-Плюсков повел наступление на неприятеля 38-й дивизией с фронта и 22-й на правый фланг у

Држевце, с охватом через Глембе. Сильные фланговые заслоны были оставлены у Брудзева и в Коло. 38-я дивизия в 3 часа 15 минут дня заняла выдвинутую вперед неприятельскую позицию у Острова; немного позже части 22-й дивизии ворвались в Држевце. К вечеру дивизия стояла на северном берегу реки Нер на линии Лешно—Гаць. Атака занятой русскими гвардейскими частями деревни Хелмно, по слегка повышающейся и болотистой местности и под фланговым огнем с противоположного берега Нера, была для 38-й дивизии особенно тяжела и богата потерями. Тяжесть дня легла на 38-ю пехотную бригаду, в особенности же на находившийся в ея составе 96-й Тюрингенский полк.

Примыкая своим левым флангом непосредственно к дороге, наступала редкими цепями его 11-я рота и правее ея 12-я, 9-я и 10-я роты. Командир бригады генерал-майор фон-Ганштейн появился верхом, поговорил с полковым командиром полковником фон-Зелле и поехал дальше к выезду из Ржухова, чтобы лично убедиться в подготовке атаки. Кругом раздавался свист пуль. В тыл проходили первые раненые. Впереди широкое болото преграждало путь людским волнам, его можно было преодолеть лишь в некоторых местах и то только гуськом. Это препятствие стоило потерь. По ту сторону болота стрелковые цепи снова развертывались. Правее из лесочка к югу от р. Нер, отвратительно трещали пулеметы — немцев обстреливали фланговым огнем. Залечь-бы! Загудели первые шрапнели. Они рвались очень высоко. Огонь велся с дистанции больше чем 1.000 метров, но потери все увеличивались. В час дня на угрожаемый правый фланг пришел на помощь пулеметный взвод лейтенанта Греве. Это подняло дух бойцов. Правый фланг 3-го баталиона, несмотря на убийственный огонь, вел бой вблизи Хелмно; край деревни был уже достигнут. Лейтенант Фромм, во главе нескольких отделений 10-й роты, первым из полка отважно ворвался в деревню, которую он достиг под сильным градом пуль. Там, из всех домов с дикими криками на наших храбрецов набросились русские. Пришлось бегом вернуться на окраину деревни. Вдоль улицы, шипя и свистя, летали пули. Многим боевым товарищам лишь чудом удалось невредимо добраться под прикрытие мостового устоя. Они пробовали выставлять на край устоя каски, проходило немного времени и каски падали вниз простреленными.

Подкрепления были подтянуты, но враг не был еще поколеблен. Несмотря на это, Фромм с группой охотников решил предпринять вторую атаку деревни. Наступая по деревенской улице, он вплотную подошел к противнику; казалось, сейчас начнется рукопашный бой. Но тут Фромм был тяжело ранен в грудь и упал; только четверо из его спутников вернулось обратно невредимыми. Предпринятая русскими контр-атака была остановлена пулеметным взводом Греве. В это время лейтенант резерва Хирт со своими охотниками проник в сарай на краю деревни, из слухового окна которого производилась сильная стрельба. Осмотр был безрезультатен. При оставлении ими сарая, огонь возобновился. Сарай был подожжен. Огонь с жадностью охватил его. На обратном пути Хирт был тяжело ранен в ногу. Лишь позже, при предпринятой атаке, удалось вынести Фромма и Хирта. В ту-же ночь Фромм скончался от полученной раны на перевязочном пункте в Ржухове; у Хирта же через неделю пришлось ампутировать ногу.

Чтобы ликвидировать огонь с фланга, а прежде всего, чтобы воспрепятствовать попыткам русских обойти правый фланг, туда в 2 часа 30 минут дня была направлена 4-я рота.

Еще раньше, около 2-х часов дня, когда стало ясно, что один 3-й баталион не в силах сломить сопротивление русских, был подтянут 2-й баталион, находившийся до этого времени вместе с 1-м баталионом в лесу или под прикрытием домов в д. Ржухове.

Он двинулся вперед сначала колонной, прикрываясь длинным рядом домов, но скоро неприятельский огонь заставил его развернуться. Как это часто бывало на ученьях, одна цепь следовала за другой, рассыпаясь и усиливая первую линию. Дальше продвигались перебежками вверх по слегка повышающемуся лугу, ничтожным прикрытием на котором являлись лишь несколько стогов сена. Несмотря на это, местность была взята, хотя и со значительными потерями, ибо каждая перебежка стоила жертв. Здесь был убит лейтенант Шорхт, там лейтенанта Прэна догнала пуля, от которой он через 6 дней скончался. К ним присоединилось еще большое количество храбрых унтер-офицеров и неустрашимых солдат. Унтер-офицер 9-й роты Пауль был смертельно ранен в живот. Когда подползшие к нему санитары хотели его перевязать, он отказался. „Мне осталось жить очень недолго, помогите другим“, были его слова; скоро он получил другое ранение в голову, после чего и умер.

К счастью, действие нашей артиллерии теперь стало более заметным. 10-ти сантиметровые орудия 5-го Познанского пешего артиллерийского полка под командой капитана Понсе *), благодаря выдвинутому вплотную к линии боя наблюдательному пункту 96, работали великолепно. Гранаты и шрапнели с шумом летели в укрепленный госп. двор Хелмно. Скоро была достигнута чрезвычайная меткость стрельбы по русским окопам, защитников которых брали на мушку стоявшие на краю Ржухова пулеметчики капитана Берендса. Это продолжалось недолго—Хелмно запылало.

Около 3 часов 15 минут дня из первой линии 2-го баталиона раздался сигнал „насади: штыки"; сигнал пронесся дальше по рядам.

Когда баталионный горнист, сержант Мандель трубил, сигнал внезапно оборвался и послышались лишь несвязные звуки. Оказалось, что пуля пробила трубу. Это было мрачным предзнаменованием для горниста—на следующее утро его нашли мертвым на поле брани.

Чтобы принят участие в атаке, 1-й баталион был переведен на левый фланг полка. Уже темнело, когда явилась возможность атаковать русских. По сигналу поднялись лежавшие одна за другой цепи солдат с распущенными знаменами, барабанным боем 2-й, 1-й и 3-й баталионы стремительно двинулись вперед. От тяжелой раны в живот упал на землю лейтенант резерва Миттельсдорф, но и, лежа, он продолжал воодушевлять солдат. От подбадривающего приказа: „быстро вперед", наступление усилилось. Не останавливаясь ни перед чем, цепи устремились вперед в окопы и на стойкого противника. Некоторое время победа колебалась то в ту, то в другую сторону. Наконец, достигли желаемого, ибо русские, оставшиеся еще в живых, бросились в отчаянное бегство. Во время этого боя было взято несколько занятых неприятелем дворов. При взятии деревни, одною из первых жертв, пал смертельно раненым лейтенант резерва Шустер. Лейтенант Ян был ранен в грудь. Вправо от церкви, из которой извлекли 60 русских, находился пруд, препятствовавший дальнейшему бегству

---

*) Пал на поле брани 19/XI—14 у Житовице (южнее Лютомерска).

противника. Многие из русских нашли здесь свою смерть. 2-й баталион пробился через деревню Хелмно и окопался на ее восточной окраине. Часть 3-го баталиона, наступавшая левее деревни, укрепилась к востоку от нея, другая часть этого баталиона преграждала неприятелю путь через р. Нер к западу от Хелмно. Почти все с. Хелмно превратилось в развалину. Огонь пожирал деревянные постройки и соломенные крыши. Везде дымилось; дым поднимался почти до облаков. Ночное небо окрасилось в огненно-красный цвет. Нервы и тела людей жаждали покоя и отдыха. Сидящие на корточках люди грелись у огня, бросая на землю длинные тени. Кое-где были видны тесно прижавшись друг к другу для сна и отдыха воины. Некоторые приютились в полуразрушенном сарае. Слышались стоны и храп.

Взятие Домбе. Внезапно забили тревогу. Начальник находившегося в Хелмно отряда только что получил приказание от Главнокомандующего фон-Гинденбурга, в котором предписывалось закончить день занятием важной переправы через р. Нер у д. Домбе. Значить в эту же ночь нужно было занять деревню, расположенную в 6-ти километрах к югу от Хелмно.

Все начало приводиться в порядок, раздался стук оружия и кухонной посуды. Было 10 часов вечера, кругом было страшно темно. Позади, правда, еще тлели и потрескивали балки развалившихся домов, и тем страшнее казался мрак впереди.

По обоим сторонам дороги в первой линии двигался 2-й баталион, слева к нему примыкал 3-й баталион. За 2-м баталионом следовал взвод 55-го полевого артиллерийского полка, а за последним пулеметный взвод Шлунка. Далее шел 1-й баталион; левее его 95-й полк. Эти силы продвигались в темноте, имея впереди редкую завесу стрелков. Царила мертвая тишина. Итти приходилось по полям и через кладбище.

Вдруг среди жуткой тишины послышались грохот и треск. Все ожило. В непосредственной близости открылся неистовый огонь. Наступила критическая минута. Верхом на лошади появился генерал фон-Ганштейн. Разгорелся бой. Русские были уже между орудиями и запряжками и с криками „ура, ура“, садились на лошадей и передки. Заблистали штыки, засверкали пистолеты, затрещали ружейные приклады. Работали и руками, и ногами; сбивали, кололи, стреляли, топтали и душили отча-

янного противника. Неприятельские силы увеличивались; все смешалось. Тех, на ком в темноте можно было отличить шапку от каски, сбивали, кололи, топтали или просто душили, если не было в руках оружия. Ломали заборы, срывали ворота, старались проникнуть во дворы. Одним из первых пал раненый в сердце полковник Беттихер, сражавшийся в передних рядах своего баталиона.

Между 1-м и 2-м баталионами происходило что-то таинственное; здесь, обманув криками „Hurra Kamerad", ворвались русские и в них слишком поздно распознали врагов. Резко и пронзительно раздалась команда: „Вперед, ура"! Немцы быстро опомнились, кругом громко затрещали барабаны, по рядам раздались сигналы. С проклятиями и криками все ринулись вперед и в миг закипела дикая рукопашная схватка. В первой роте впереди всех бился ефрейтор Ройт; когда он упал, вокруг него уже лежали 7 русских, которых он успел сразить штыком и прикладом. Рукопашный бой продолжался. Неустрашимому оберлейтенанту Шлунку удалось установить пулеметы; с расстояния нескольких шагов затрещали они, сметая ряды вновь наступающих русских и преграждая им доступ к орудиям. На все это понадобилось несколько минут. Тут кто-то слева напал на 1-й баталион. Русские в тылу! Сейчас-же встречное нападение с холодным оружием! Лишь в последний момент разглядели каски. Благодаря суматохе, тьме, темным шинелям и обстоятельству, что часть подоспевшего подкрепления была в фуражках, различить своих от врагов было крайне затруднительно. К счастью схватку удалось предотвратить. Раздался сигнал: „стой". Шум битвы ослабел, хотя местами бой еще продолжался. Выстрелы раздавались реже. Русские бросились бежать раньше, чем прозвучал последний выстрел. Враг был разбит. Все вздохнули с облегчением.

Среди ночного безмолвия раздавались стоны раненых и умирающих. Благодаря темноте и утомлению людей, прошло много времени пока роты были приведены в порядок.

Наконец, наступление могло быть продолжено. Медленно и вяло двигались войска вперед. Шипя и со стоном пролетали тяжелые гранаты по направлению к Домбе. Они должны были преградить неприятелю путь к отступлению через мост. Скоро пламя возвестило успех нашей стрельбы. Зарево пожара явилось лучшим проводником: все, как попало, по полям, через окопы и

канавы шли на него. Наступление продолжалось при поразительной тишине и в 6 часов утра 15-го ноября полк, не встретив никакого сопротивления, вошел в Домбе. Русские очистили местечко, — ужасные потери сломили силу их сопротивления.

Бой у Домбровице. (Схема 5). II русский армейский корпус, позиция которого начиналась южнее Ходова и тянулась до Ланента включительно, был атакован одновременно обоими Восточно и Западно-прусскими корпусами. XVII корпус наступал через Страшков и Держбице, XX—через Домбровице и Ольшова. После полудня XVII корпус овладел неприятельской позицией у Ходова; наступление на южном фланге протекало хорошо. Стоявшие наготове у Завадки резервы XVII корпуса были назначены для охвата русских с юга у Собутки.

Сражение началось горячим боем за неприятельские передовые позиции на фронте XX корпуса. Штурм высот у Домбровице начал полковник Ницш *) со своим 147-м полком, носящим со времени Мазурской битвы имя победителя при Танненберге. Лишь к 7 часам вечера корпус очутился перед главной неприятельской позицией. Несмотря на темноту д. Островы была взята штурмом. На левом фланге успешно наступала 9-я кавалерийская дивизия в то время, как в центре, восточнее железной дороги, попытка штурмовать сильно укрепленные высоты у Воля Пирова не удалась.

При наступлении от Коваля на Гостынин I резервный корпус своей 36-й резервной дивизией натолкнулся на линии Петров—Марианка на крупные неприятельские силы, на которые, при поддерже 6-й кавалерийской дивизии, было произведено безрезультатное нападение. От Плоцка сюда уже подходил VI сибирский корпус для преследования отступавшего врага. В долине Вислы XXV резервный корпус виделил отряд из двух баталионов и одной батареи под командой майора Шмидта; вечером отряд остановился у Домб Вельки, на довольно значительном расстоянии от окапывавшихся у Дунинов-Новы русских. Главные же силы корпуса, двигаясь за наступавшим на юг I резервным корпусом, достигли Любеня. На северном берегу Вислы у Лип-

*) Убит 16/XII—14 при штурме высот у Плихтова (северо-восточнее Лодзи).

но соединенный отряд Врохема—Грегори принудил к отступлению принадлежавшую к VI корпусу 4-ю пехотную дивизию, нанеся ей большие потери. С целью воспрепятствовать VI корпусу произвести переправу через реку у Плоцка, этот отряд уже под командой генерал-лейтенанта фон-Дикхут, после продолжительных победоносных боев, достиг 17-го ноября района Сикорж. Собранные в Торне силы подходили к Липно.

На крайнем правом фланге армии перед III императорским и королевским кавалерийским корпусом, Новиков держался пассивно. Ограничиваясь после бывших неудач лишь высылкой передовых частей за р. Варту, он занялся формированием и укомплектованием своих эскадронов, и лишь 15-го ноября он предполагал снова двинуться в район Турека.

Сражение у Кутно. Успех, достигнутый 14-го ноября, превзошел все ожидания штаба армии. Поэтому он решил возможно скорее использовать наличное превосходство сил, дабы отбросить разбитого противника к укрепленному участку р.р. Нер — Бзура ранее, чем могли-бы появиться на поле битвы значительные силы его 2-й армии. Дальнейшая задача на 15-е ноября заключалась в безостановочной атаке и уничтожении противника, находившегося на северном берегу рек Нера и Бзура. XVII корпус должен был достичь Ленчицы, чтобы отрезать противнику путь отступления; I же резервный корпус — защищать левый фланг у Плоцка.

15/XI—14. Бой у Гостынина. С рассветом 36-я резервная дивизия возобновила наступление; правее ея была 1-я резервная дивизия, которая накануне достигла местности к юго-востоку от Коваля (схема 6). В 12 часов 30 минут дня 54-м Померанским полком был взят приступом Петров; наступление 1-й резервной дивизии, особенно на ея правом фланге, протекало успешно. Враг был отброшен на 2000 метров; вечером он уже стоял на новой укрепленной позиции, которую он в течение ночи очистил. I резервный корпус преследовал русских через Гостынин на Гомбин — Лонцк и около полудня следующего дня возобновил бой к востоку от Гостынина. Левый фланг 36-й резервной дивизии встретил особенно сильное сопротивление у Рогожева, где сибиряки отчаянными контр-атаками пытались остановить наше наступление. Переправа у Плоцка, находившаяся в тылу у

них, должна была быть удержана для ожидаемого с нетерпением подкрепления. Бой кипел на всем фронте; с наступлением темноты позиция была взята немцами. В это время, приданный к корпусу отряд Шмидта, подтянутый через Клюсек, должен был отбиваться от значительно превосходящих русских сил у Станожента. В своем донесении о трофеях за оба дня генерал-лейтенант фон-Морген сообщил о 8000 пленных, взятых от обоих дивизий V сибирского корпуса и 14-й сибирской стрелковой дивизии, входящей в состав VI сибирского корпуса, а кроме того 11-ти орудиях и 20 пулеметах; таким образом ему вполне удалось исполнить возложенное на него поручение. Между тем уже был установлен подход других неприятельских сил, а именно—13-й сибирской дивизии, которая на пароходах была перевезена через Вислу. Кроме того, надо было рассчитывать и на приближение частей VI русского корпуса.

Бой у Ланенты. Русские не были в состоянии выдержать натиска XXV резервного корпуса на высоту восточнее Ланенты; после полудня 15-го ноября они поднятием рук заявили о сдаче. Несмотря на это, корпус не смог в тот-же день достичь намеченной ему цели—Кутно. Этому препятствовали неописуемо скверные дороги.

Между обоими резервными корпусами, западнее Соколова, сражалась кавалерия Рихтхофена. После падения Ланентской позиции неприятель и здесь оставил поле боя. I к. и и. кавалерийский корпус, намеревавшийся двинуться на юг в тыл II русскому армейскому корпусу и затем далее к Лодзи и Скерневицам, чтобы захватить главные квартиры Шейдемана и Великаго Князя, встретил новое сопротивление а именно: 6-й кавалерийской дивизией у Стржельце и 9-й восточнее Соколова, где ею было взято 800 человек пленных. Блестящий успех был одержан кавалерией, но она слишком поздно освободилась, чтобы, предварительно описав большую дугу восточнее Кутно, достичь намеченной цели.

Набег на Кутно. 6-я кавалерийская дивизия, наконец, поздно вечером подошла вплотную к Кутно. Генерал-лейтенант граф фон-Шметтов (Эгон) решил взять этот крепко занятый русскими город. Выходы из него были захвачены; спешенная кавалерия одновременно с разных сторон вошла в Кутно.

В кровавой рукопашной схватке было взято 1.200 пленных. Подобные дела крайне редко выполняются кавалерией; в каче-

стве примера, можно указать лишь на набег конницы Великого Курфюрста на Ратенов. Во взятии Кутно принимал личное участие принц Иоахим Прусский, вошедший в город с первыми эскадронами в 4 часа утра.

В 8 часов утра, 16-го ноября без ночного отдыха продолжался дальнейший поход. У Дворне, в 7-ми километрах восточнее Кутно, авангард 6-й кавалерийской дивизии взял в плен гражданского губернатора барона Корфа, ехавшего в автомобиле, в котором ему и разрешено было отправиться дальше, но уже не в Варшаву, а в Торн. После взятия Кутно, кавалерийский корпус снова встретил сопротивление русской пехоты и артиллерии, которое было сломлено только к вечеру, причем 6-й кавалерийской дивизии удалось достичь линии р. Бзуры у Орлова, другая же дивизия этого корпуса, которая сражалась у Жихлина, принуждена была остаться на месте.

Благодаря обходу, совершенному кавалерией Рихтхофена, задача, данная XXV резервному корпусу на 16-е ноября, была существенно облегчена: этот корпус беспрепятственно прошел на Пионтек через Кутно взятый фон-Шметтовым.

Взятие Воли Пировой. Уже 14-го ноября в бою восточнее Домбровице на долю XX корпуса выпал тяжелый день. 15-го ноября для обеспечения наступления всей армии, должны были быть взяты неприятельские позиции восточнее железной дороги. Генерал фон-Шольц знал, чего он мог потребовать от своих храбрых пруссаков. Около полудня генерал-майор Шмидт-фон-Кнобельсдорф с 41-й дивизией занял построенную несколькими ярусами, вооруженную пулеметами и сильно укрепленную позицию у Воли Пировой. Геройское наступление стоило многих жертв, но за то велик был и его успех—более чем 30 пулеметов, явившихся желанным подкреплением силе нашего огня и 5.000 пленных, оправдывали большой урон. При дальнейшем наступлении 16-го ноября из района юго-восточнее Кросневице, корпус вторично встретил сопротивление и только к полудню достиг у Кухары и Ктеры линии р. Бзуры. После форсирования реки, войска корпуса были отправлены на заслуженный отдых к юго-востоку от Ленчицы. Выполнить боевой приказ в полном об'еме, т. е. продвинуться возможно дальше к югу через Озорков, чтобы отрезать врагу путь отступления к востоку, к сожалению, не было возможно, ибо в течение по-

следних трех дней, войска совершили и без того сверхчеловеческие подвиги.

При преследовании разбитого врага XVII корпус 35-й дивизией в ночь с 14-го на 15-е ноября подошел к новым неприятельским позициям восточнее Ходова; утром эти позиции были заняты.

Взятие Ленчицы. После уничтожения крупных русских сил при Милонице, 36-я дивизия 15-го ноября овладела Ленчицей и заняла линию Вильчковице—Борки. Трофеи XVII корпуса пленными и пулеметами были значительны. 16-го ноября корпус, имея на правом фланге 36-ю дивизию и на левом 35-ю, вел тяжелый, продолжавшийся до ночи, бой на дуге от Здуны через Лезницу—Врублев—Ментлев; в этом бою принимали участие также и поставленные у Блоне (сев.-западнее Ленчицы) части тяжелой артиллерии XI корпуса.

После стремительной штыковой атаки, этот корпус 15-го ноября рано утром занял Домбе, отразив повторные контр-атаки 3-й русской гвардейской дивизии. Другая дивизия, принадлежавшая к составу XXIII русского корпуса, была замечена летчиком в движении от Вартковиц на Ленчицу. Это сообщение подтверждалось, дошедшим ночью до нашего сведения, приказом Шейдемана, который 16-го ноября намеревался перейти в наступление против линии Домбе—Ленчица. На этом основании XI корпусу приказом по армии, также от 16 ноября, было предписано во что-бы то ни стало удержать позиции на северном берегу р. Нер от Хелмно через Домбе до Гаць.

Сражение при Кутно было выиграно, участок р.р. Нер-Бзура занят. Около четырех русских корпусов 1-й и 2-й армий были потрясены неудачами и оставили в руках победителей 25.000 пленных, 70 пулеметов и 20 орудий; правый фланг русских войск, двинутый на Познань и Силезию, был разбит и отброшен.

Сражение у Лодзи.

(Схема 7).

Результаты двух последних дней были блестящи. Русские армии не только не приступили к предписанному им наступлению на запад для „глубокого вторжения“ в прусские пограничные округа, но были даже оттянуты на восток. Штаб армии в Гогензальца своевременно понял это и на 17-е ноября приказал, задержав отступавшего врага, атаковать его по всему фронту и

уничтожить. Рихтхофен должен был запереть шоссе Пабианице—Лазновска Воля—Томашов за р. Мязгой у Лазновской Воли; XX и XXV резервные корпуса должны были с рассветом достигнуть: первый Брезин и второй окрестностей Стрыкова; *) XI и XVII корпуса в то же время должны были перейти со своих позиций в наступление на юг и юго-восток. Находившаяся к югу от Ленчицы, 36-я дивизия была передана под начальство командира XI корпуса генерала от инфантерии фон-Плюскова, взамен которой в XVII корпус была включена, наступавшая северным берегом р. Нер через Ленчицу, 22-я дивизия.

17/XI—14. Переправа через р.р. Нер и Бзура. Мастера отступать—русские уничтожали за собой все годные для переправы войск мосты; лишь таким путем удалось им снова спастись от преследующего их противника. Нигде не встретив серьезного сопротивления, XI и XVII корпуса к вечеру расположились на ночлег, первый в районе Зыгры—Дзержанов, второй под Згержем.

Бой у Стрыкова. XX корпус своей правой колонной отбросил сильные арьергарды противника у Бялы в то время, как его 41-я дивизия сражалась за обладание Стрыковым. Неприятель очистил этот город лишь тогда, когда обозначилась опасность охвата со стороны повернутого на Брезины XXV резервного корпуса. Этот корпус, как и кавалерия, потеряв много времени на восстановление разрушенных мостов через р. Бзуру, не достиг цели своего наступления.

В это время от Аргенау через Сомпольно—Кросневице форсированным маршем, идя в среднем 50 километров в день, подошла к д. Модлна, составлявшая армейский резерв, 3-я гвардейская пехотная дивизия. (Схема 2).

3-й императорский и королевский кавалерийский корпус (Фроммеля), который должен был обеспечить наступление XI корпуса на его правом фланге, своей 7-й кавалерийской дивизией, находившейся под командой фельдмаршал-лейтенанта фон-Корда, достиг района Шадека; в то же время 8-я

---

*) Приказ по армии на 17-е ноября был выпущен 16-го в 6 час. вечера; в корпуса-же он попал около полуночи, поэтому наступление могло начаться лишь с опозданием на несколько часов. Из-за неожиданно быстрого продвижения в последние дни, телефонные отделения не смогли справиться с проводкой своих линий, почему и приказы могли передаваться исключительно по радиотелеграфу.

кавалерийская дивизия находилась у Зыгры и 5-я в районе юго-западнее Поддембице. Корпус „Познань“ в своем движении от Калиша достиг участка между Ставом и Вартой.

Если до сих пор можно было надеяться на почти беспрепятственное форсирование р. Бзуры, на преследование до полного расстройства разбитых корпусов и вовлечение в это поражение подтянутых новых русских сил, то упорное сопротивление у Стрыкова выдавало намерение врага осуществить соединение свежих корпусов с разбитыми в районе Лодзи.

Чтобы воспрепятствовать наступлению Макензена, Шейдеман перебросил правофланговый корпус своей 2-й армии от Унеева в направление на Домбе, остальные-же силы он двинул на северо-восток. Будучи оттеснен назад, он вечером 17-го ноября с XXIII, II сибирским, IV и частями II армейского корпуса занял укрепленные позици на линии Константинов—Згерж—Стрыков. 5-я русская армия, в своем отступлении на северо-восток, вошла в связь с оставшимся еще на месте левым флангом 2-й армии.

18/XI—14. Бои у Шадека, Яновице и Александрова. 3-й кавалерийский корпус, продвигаясь из района Шадек-Зыгры в направлении на Пабиянице, на линии Винцентов—Яновице столкнулся с неприятельским отрядом из всех родов войск, с которым всем трем кавалерийским дивизиями пришлось сражаться до темноты. Оставив против врага небольшие силы, кавалерийский корпус стал на ночлег у Шадека. XI корпус также встретился с врагом на линии Яновице—Александров. Около полудня у русских был вырван Лютомерск; после кровавой схватки они были отброшены на восток 128-м пехотным Данцигским полком с высот, находящихся к югу от города. В ночь с 18-го на 19-е ноября штаб корпуса донес в Гогензальца, что его 38-я дивизия находится на линии Пяски Вымыслов—Поршевицы, левый фланг 36-й дивизии у Александрова, и что на рассвете он намерен взять Пабиянице и двинуться дальше на Лодзь.

Бои у Згержа. 35-я дивизия XVII корпуса находилась в бою южнее Згержа, к полдню она имела перед собой сильного врага на линии Аниолов—Лагевники. В исключительно тяжелом положении, ввиду превосходства русской артиллерии, здесь оказался 71-й полевой артиллерийский полк. На горе с ветряными мельницами около Згержа, пал руководивший оттуда стрельбой подполковник Гехт.

После полудня командир XVII корпуса генерал-лейтенант фон-Панневиц усилил левый фланг корпуса Кассельской дивизией, шедшей на юго-запад через Лагевники — Мондржеве, и этим облегчил тяжелое положение своих пруссаков; правый-же фланг был оттянут от Аниолова к Згержу, так как сибирякам удалось прорваться в не замкнутый еще промежуток между Александровом и Аниоловым и проникнуть в лес западнее Згержа. Всю ночь продолжался упорный бой за обладание этим городом.

Бои у Стрыкова, Несулкова и Брезин. Новые поступившие о противнике сведения указывали, что I русский армейский корпус, двигаясь с юга, рано утром достиг головными частями района Вискитно—Андресполь. 37-й дивизии это известие сулило, наконец, надежду на встречный бой; очевидно, стремление обоих сторон заключалось в возможно скорейшем захвате высот у Новосольна. В это время 41-я дивизия при содействии 3-й гвардейской дивизии, вступившей в бой с противником у Несулкова, теснила за Липины отброшенного от Стрыкова врага. С колокольни в Добра, откуда открывался широкий гругозор, генерал фон-Шольц следил также и за происходившим в направлении на Брезины боем XXV резервного корпуса. К вечеру он со своим XX корпусом оказался победителем на высотах южнее Москуле Старе — Натолин — Липины; трофеями оказались 1.800 пленных, взятых в течение двух последних дней.

Генерал фон-Шеффер, которому была подчинена, состоявшая до этого времени в армейском резерве, 3-я гвардейская дивизия, имел намерение с XXV резервным корпусом пробиться через Брезины в направлении на Петроков. Его намерение соответствовало желанию штаба армии, который около полудня сообщил об успешном продвижении XX корпуса и рекомендовал, что резервному корпусу для достижения более глубокого охвата не особенно спешить выходом во фланг. Но сопротивление, которое встретила 49-я резервная дивизия на высотах южнее Брезин, было настолько упорно, что бой затянулся до вечера. Таким образом, генерал фон-Шеффер был вынужден отказаться от намеченного на 18-е ноября удара на юг. Он приказал сводному корпусу заночевать в Брезинах и к югу от указанного пункта от них, а 6-й кавалерийской дивизии, также подчиненной ему, у Лазновской Воли.

Бой за Малчев. 49-я резервная и 3-я гвардейская пехотная

дивизии нашли указанные им для квартир места, за исключением Брезин, по большей части еще занятых русскими. Здесь повсюду дело доходило до ожесточенных схваток. 5-й гвардейский полк только к полуночи, после тяжелых боев, захватил Малчев; в этих боях пали капитан фон-Зеелер и много храбрых гренадер. В ясную звездную ночь полк должен был отразить еще три бешенных контр-атаки значительно превосходящих сил врага. На рассвете перед его расположением лежало около 800 убитых русских, кроме того было взято в плен не ранеными 4 офицера и 250 солдат; но, конечно, дома, как в деревне, так и в имении были переполнены своими ранеными.

Утром 9-я кавалерийская дивизия, оставленная в районе Белявы в качестве заслона против линии Лович—Жихлин, сообщила, что по сведениям, полученным от пленных, Лович очищается русскими, которые отходят к Скерневицам. Из этого можно было заключить, что в ближайшее время угрозы с востока не предвиделось. По этому генерал-майор фон-Шметтов (Эбергард) получил приказание оставить на Бзуре для выполнения прежней задачи только один полк, а с остальными полками 9-й кавалерийской дивизии следовать на юг.

Отданный 18-го ноября в 6 часов 30 минут вечера приказ по армии на 19-е ноября обрисовал положение армии благоприятным. Надежда на то, что охват русских удастся довести до конца, начала оправдываться. (Схема 8). В то время, как корпус „Бреславль“ продвигался с юго-запада к Видаве и Серадзю и корпус „Познань“ развертывался на линии Здунска Воля—Шадек, III кавалерийский корпус наступал через Ласк на Вадлев, а Тюрингенский (XI) и Западно-прусский (XVII) корпуса своим натиском сдерживали противника с фронта; Шольц же (XX) и Шеффер (XXV резервный) должны были достигнуть сначала линии Видзев—Буковице—Бендков, находящейся восточнее и юго-восточнее Лодзи, а затем оттеснить русских вплоть до дороги Лодзь—Тушин—Монкошин. Кавалерийский корпус Рихтхофена должен был замкнуть кольцо около Петрокова. При удаче операции, для чего требовалось выполнение грандиозных маршей, быстрых и решительных боев и неутомимое преследование врага, можно было надеяться, что у Лодзи—Манчестере востока, 20-го ноября разыграется такая-же победоносная битва, как у Ганнибала 2-го августа 216 года до Р. Х. при Каннах, у Мольтке 1-го сентября 1870 года под Седаном и у Гинденбурга 28-го августа под Тан-

ненбергом. Но меры противодействия, предпринятые Великим Князем не были плохи. На юге он двинул 17-го ноября 9-ю и 4-ю армии в наступление против австрийцев и Войрша; последний с своей стороны должен был поддерживать операцию у Лодзи наступлением своего левого фланга в направлении на Новорадомск. 5-я же русская армия в это время находилась в движении для соединения со 2-й.

Бой у Есенна. Наступлению корпусов „Познань“ и III кавалерийского на Ласк оказывали упорное противодействие атаки Новикова и части XIX корпуса с линии Боршевице—Вржещевице; благодаря этому фланговому прикрытию, главным силам XIX русского корпуса удалось продвинуться на север и нанести чувствительный удар 38-й дивизии, наступавшей на Пабиянице. К тому же, направленная на Каролев (юго-западнее Пабиянице), 76-я бригада должна была быть у Яновице повернута на юг. На высотах у Есенна решалась участь боя, атаки сменялись контратаками. Здесь во главе 96-го полка пали командир его полковник фон-Берг и рядом с ним адʼютант обер-лейтенант Вейнерт. С наступлением вечера дивизия, под угрозой охвата правого фланга, отошла на линию Юлианов—Флорентинов и, таким образом, вошла в связь с 36-й дивизией, которой своим левым флангом удалось продвинуться на один километр к востоку от Александрова.

Отход за р. Нер. Полученные вечером сведения о наступлении 5-й русской армии, побудили штаб армии отдать приказ об отводе 38-й дивизии ночью обратно на северный берег Нера на линию Пучнев—Константиновек, что и было выполнено без особых препятствий со стороны наступавшего врага.

На фронте XVII корпуса, стоявшего у Згержа, на рассвете 19-го ноября прекратился, продолжавшийся всю ночь, ружейный огонь; противник отступил. 35-я дивизия тотчас-же перешла в наступление и в 9 часов утра, в снежную бурю достигла правым флангом р. Бзуры южнее Аниолова. Ее левый фланг вошел в связь с 22-й дивизией, продвигавшейся правым флангом в юго-западном направленяи на Жабенец. К вечеру противник, за исключением некоторых частей XXIII, II сибирского и IV корпусов, находился на линии Соколов—Рожки.

Бои у Новосольны. Около полудня XX корпус сообщил, что он ведет бой с противником, окопавшимся у д. Новосольна и в лесу к востоку от нее, и что сводная 72-я бригада Шаера обходит

неприятеля слева через Иорданов. Встретив всюду упорное сопротивление, корпус не мог достигнуть назначенной ему штабом армии линии, так как он еще под вечер тремя своими бригадами находился в серьезном бою с противником, который занял линию Буда—Сикава—Новосольна—лесная опушка, южнее Липины, и беспрерывно получал все новые и новые подкрепления. 72-я же бригада, ведя бой, почти достигла участка реки Мязки к северу от Бедона. Трофеями дня были 2000 пленных, много орудий и пулеметов; чрезвычайное утомление войск исключало всякую возможность продолжения наступления ночью. Вследствие неоднократной порчи телефонных проводов, донесения о положении XX корпуса дошли до штаба армии лишь к полуночи.

Бои у Бедона и Карпина. Согласно приказа па армии, генерал фон-Шеффер двинул 3-ю гвардейскую дивизию на переправу у Карпина, XXV резервный корпус на Бендзелин—Бендков, а 6-ю кавалерийскую дивизию на Петроков. В сильную снежную бурю и густой туман, препятствовавшие деятельности разведки, и по размокшим дорогам началось наступление из Брезин, как вдруг на правый фланг 3-й гвардейской дивизии было произведено неожиданное нападение. 6-я гвардейская бригада, отбросив врага, получила от дивизии приказ форсировать переправу через р. Мязгу у Бедона в то время, как 5-я гвардейская бригада вместе с штабом дивизии продолжала движение на Карпин. При наступлении на Бедон, войска генерал майора Фридебурга вошли в связь с 72-й бригадой. В жестоких стычках, с одного участка на другой, от одного леса к другому, от деревни к деревне враг отбрасывался к р. Мязге. Но хотя бой и продолжался до позднего вечера, вырвать переправу из рук противника не удалось. 5-я гвардейская бригада, не встретив сопротивления, достигла половины растянутой на 6 километров д. Борово и здесь попала под жестокий артиллерийский огонь со стороны Куровице. Несмотря на это, переправа у Карпина была взята штурмом еще до наступления темноты и враг был отброшен за Волю Ракову. К вечеру 19-го ноября 3-я гвардейская дивизия находилась двумя, разделенными друг от друга широким лесом, группами на берегу р. Мязги, упорно защищаемому неприятелем у Бедона. XXV резервный корпус почти без боя занял район Крушев—Бендков.

6-я кавалерийская дивизия, которая вследствие многочисленных потерь и расхода людей, требуемого боевой обстановкой

представляла незначительную боевую силу, к вечеру расположилась у Бабы против значительно превосходящих сил противника, наступавших от Петрокова и Вольборжа; 9-я же кавалерийская дивизия в это время находилась в движении от Брезин. Сводный отряд этой дивизии, посланный на Скерневице, в 10 часов утра атаковал у Липце русский бронированный поезд, направлявшийся на названный город; при этом был убит начальник отряда, майор 2-го гусарского полка Эвальд. Командование принял майор Королевского уланского полка фон-Альтен, который с отрядом в 1 час 30 минут дня достиг Дембовой Гуры (в 6-ти километрах к югу от Скерневиц). Прибывшие сюда от Варшавы русские отряды хотя и остановили дальнейшее продвижение, но тем не менее было точно установлено, что штаб Великого Князя накануне покинул царский дворец. Возложенное на отряд поручение взять в плен Великого Князя не удалось, но зато удалось разрушить восточнее и южнее Скерневице железнодорожную линию Варшава – Скерневице—Петроков.

Известия о ходе боя на остальном фронте армии не доходили до XXV резервного корпуса; в особенности трудно было генералу фон-Шеффер, не знавшему о местонахождении правого фланга армии, который в этот вечер должен был продвинуться от Ласка на Вадлев. Попытки осветить местность в направлении Вадлева были безрезультатны; установить радиотелеграфную связь не было возможно. Так как обход правого неприятельского крыла XXV резервным корпусом, повидимому, удался, была надежда на крупный успех. Из донесений, полученных от шестой кавалерийской дивизии, можно было заключить, что, в случае дальнейшего продвижения на запад или северо-запад, необходимо оставить сильный заслон против Петрокова.

Бои у Гомбина. Обход, совершенный с 17 по 19-го ноября частями 9-й армии вызвал образование между ней и I резервным корпусом большого, почти в 60 километров шириной, разрыва занятого первоначально 9-й кавалерийской дивизией, оставленной на р. Бзуре, а затем лишь одним 19-м драгунским полком. (Схема 9). Примкнув своим левым флангом к озеру Лонцк, генерал лейтенант фон-Морген утром 17-го ноября своим правым флангом вступил в бой у Щавина Костельного, что около 10 километров к западу от Гомбина, на фронте почти в 2 мили с VI и V сибирскими корпусами и частями VI русского армейского корпуса. На правом фланге наступление на сильно укрепленную

неприятельскую позицию, казалось, неосуществимым, тем более, что вследствие густого тумана, артиллерия не могла оказать необходимого содействия. Наоборот, на левом фланге бой развивался хорошо, а в центре 1-му пехотному резервному полку удалось к вечеру даже захватить неприятельские позиции и взять 1000 пленных. Отряд Шмидта, находившийся в боях еще с 16-го ноября, отбросил противника и достиг Гуры, что в 6-ти километрах южнее Плоцка.

Чтобы сломить сопротивление врага также и на правом фланге 1-й резервной дивизии, генерал майор Барре получил приказ левым флангом 2-й резервной бригады, имевшей вечером 17-го ноября, после удачи 1-го резервного полка, большой успех, продвинуться вдоль озера через Гомбин и затем ударить во фланг и тыл неприятелю, стоявшему против 72-й резервной бригады.

Бой у Буды Сузерской. Кроме того был также намечен охват русских и с юга. Из Гостынина ночью был послан отряд в составе двух баталионов, пулеметной роты, четырех орудий и шести всадников, под командой подполковника фон-Штейбера, с задачей достигнуть с рассветом через Модржев—Буда Сузерска района Щавина Борового, чтобы отсюда действовать во фланг и тыл противника. Отряд, еще несколько недель тому назад покрывший себя славой в Восточной Пруссии, надеялся окружить врага, другими словами устроить ему Танненберг в миниатюре. Случилось, однако, совсем не так. Путь для обхода левого неприятельского крыла не был свободен, его запирали сильные позиции на флангах и внушительные силы вокруг и внутри Буды Сузерской. Конный дозор,—три добровольца—улана, наткнулся на врага. Командир головной роты, обер-лейтенант Лакнер захватывал один двор за другим, а вслед за ним немедленно разворачивались и другие роты 2-го баталиона 3-го резервного полка. От начавшегося с фланга пулеметного обстрела передняя рота потеряла своего командира и большое количество своего состава. Потери росли ужасающе. Русские начали наступать. Отряд спокойно, как на учебном поле, брал на мушку одетых в папахи сибиряков, причем, прибывшие только за день до этого рекруты соперничали со старыми солдатами. Вправо от баталиона находился первый баталион 148-го полка, а между ними на кладбище была расположена пулеметная рота. Русское наступление было приостановлено, но зато по небольшому немецкому отряду был открыт сильный артиллерийский огонь. Много часов выно-

сили его оба храбрые баталиона. Подполковник Штейбер был тяжело ранен; командование принял майор фон-Лукк. Кавалерийская бригада Бернера находилась в это время у Сусержа. В три часа дня началось новое наступление больших русских сил. Одна рота за другой доносили, что патроны на исходе; русское наступление развивалось все быстрее. В некоторых местах сибиряки подошли уже на расстояние около 100 метров; еще максимум $^1/_4$ часа и получился бы прорыв нашего фронта. Спасением из этого отчаянного положения явился огонь одной немецкой 10-ти сантиметровой пушечной батареи, развернувшейся у Щавина Костельного и перенесшей свой огонь на юг. Русское наступление затормозилось и враг был не только задержан, но даже принужден к отходу; было видно, как он очищает Щавин Костельный. Наступление бригады Барре, двинувшейся на юго-запад от Гомбина, стало сказываться. Итак, израсходовавший все свои патроны, отряд Штейбера был сохранен от уничтожения, но не дешева была победа, одержанная над значительно превосходящими силами противника.

Нападение на д. Санники. В стремительном продвижении севернее озер, 3-я резервная дивизия, достигшая своим левым флангом Вислы, была также направлена через Гомбин. Вступить в бой ей не пришлось, так как неприятель поспешно отступил на восток и юго-восток. 19-го ноября преследование продолжалось до дороги Люшин—Осмолин—Санники. Расположившиеся здесь для ночного отдыха немецкие передовые отряды, с наступлением темноты подверглись внезапному нападению; особенно тяжело было отряду Шмидта, который перед этим выдержал целый ряд самостоятельных и всегда удачных боев и которому, в данном случае, после ряда тяжелых уличных схваток, пришлось отступить из Санников под давлением значительных русских сил.

Несмотря на эту небольшую неудачу, генерал лейтенант фон-Морген всюду остался победителем над превосходящими силами неприятеля; ему также удалось задержать, брошенный на Влоцлавск, V сибирский корпус и связать три дивизии, подтянутые до этого через Вислу и воспрепятствовать их удару в тыл и фланг 9-й армии.

На северном берегу Вислы генерал-лейтенант фон-Дикгут с Торнским отрядом и бригадой Грегори 19-го ноября после небольших стычек достиг Плоцка; мост через Вислу там уже был разрушен отступившими русскими войсками. (Схема 5).

Как Шейдеман смотрел 19-го ноября на положение, в которое его поставил энергичный немецкий натиск, видно из его обращения о помощи, посланного в различных формах из Пабиянице своему генералиссимусу в 5-ю и 1-ю армии, и ставшего нам известным впоследствии, после взятия в плен одного из высших русских штаба:

„Армия обойдена, немцы сильно теснят левый фланг у Константинова. Положение серьезно. Один немецкий корпус овладел районом Брезины—Колюшки—Галков, при этом обойдено правое крыло нашего первого корпуса... 6-я армия еще не подошла. Где она? Почему она не наступает? Мы рискуем гибелью всей операции!“ (Схема 8).

И в то время, когда сам командующий неприятельской армией признавал, что смело задуманный немецкий натиск мог быть удачен, французские и английские газеты были полны известиями о поражении немецкой армии в русской Польше и о взятии в плен 40.000 немцев, которые якобы были окружены; эти газеты называли даже имена неудачных вождей.

20/XI—14. (Схема 10). Боями 38-й дивизии еще 19-го ноября было установлено присутствие подошедшего через Ласк XIX русского корпуса. Далее, в главной квартире генерала фон-Макензена стало известно о подходе 5-й армии и о том, что восточнее XIX корпуса двигался I сибирский корпус по направлению к Константинову, а V армейский через Карчмы на Тушин. Кроме того, поступили сведения, что к 21-му ноября ожидаются подкрепления через Скерневице и что Ренненкампфу с его 1-й армией предписано перейти к повторному наступлению через Лович. Обстоятельства требовали, чтобы XX и XXV резервные корпуса непрерывным наступлением отбросили бы противника ранее, чем обозначится подход указанных выше свежих сил.

Бои у Здунска Воля и Шадека. Плюскову и Панневицу была дана задача удержать свои позиции; в то-же время корпуса „Познань“ и III кавалерийский должны были из района Здунска Воля—Шадек ударить в тыл и фланг неприятеля, преследовавшего 38-ю дивизию.

Повидимому, еще было возможно закончить предпринятое окружение 2-й русской армии; для этого, более чем когда либо, требовалась быстрота действия.

К сожалению, силы, состоявшего из гарнизонных войск, корпуса „Познань“ были настолько истощены боями 19-го ноября,

что генерал-лейтенант фон-Кох должен был уклониться от предписанного ему наступления. Бригаде Дуссина все-же удалось сильным фланговым ударом отбросить врага к лесам восточнее Вилямова в то время, как, благодаря встречному удару 5-й и 8-й кавалерийских дивизий, было остановлено продвижение сильного неприятеля у Магнусы. Одновременно с этим у Здунска Воля австро-венгерская кавалерия и, принадлежавшая к корпусу „Бреславль", бригада Шмидеке задержали конницу Новикова.

Бой у Несенцина. Находившийся против 38-й дивизии неприятель не ввязывался в бой, он ограничился лишь артиллерийским огнем с противоположного, более высокого берега реки Нер, мешая ее окопным работам. Но за то дивизия Гейнециуса была принуждена отражать стремительные атаки русских. Здесь, находившейся на правом фланге 36-й дивизии, Данцигской бригадой (5-й гренадерский и 128-й пехотный полки) после штыкового боя с большими потерями, были оттеснены, брошенные вперед в пьяном виде, русские массы.

По наступлении темноты русские густыми рядами двинулись из деревни Несенцин. Мы не препятствовали им: было приказано подпустить их возможно ближе. Внезапно раздался грохот русских ручных гранат, — это было чуть ли не первое применение их в русской армии. В этот-же момент в темноте пронеслась немецкая команда: „Беглый огонь". Началась бешеная стрельба; в ней потонула тысячеголосое русское „ура". Все это продолжалось только несколько минут, затем стрельба начала утихать и лишь в отдалении еще слышно было русское „ура". В боевой линии враг был почти совершенно уничтожен; лишь несколько тяжело раненых лежало под грудами наваленных здесь трупов. Правее густые массы русских прорвались через нашу слабую передовую линию. Там, смешиваясь с славянским криком, раздавалось громкое немецкое „Hurra",—последние свежие роты 5-го гренадерского полка и здесь приготовляли русским кровавую баню. В рукопашном бою они были побеждены; лишь немногие из них были взяты в плен, остальные пали смертью храбрых.

Бои южнее Згержа и у Роги. Части генерал-лейтенанта фон-Панневица, отражавшие в ночь с 19-го на 20-е ноября сильные атаки сибиряков и русских, с рассветом перешли в наступление: правым флангом 35-й дивизии против укрепленной неприятельской линии южнее Соколова, левым флангом 22-й ди-

визии — против фольварка Юлианова. За туманным рассветом наступил первый ясный морозный день, благодаря чему русским, артиллерия которых занимала по большей части командующие позиции, удалось развить сильный огонь. Наше наступление поэтому приостановились, врагу-же удалось во многих местах прорвать фронт 22-й дивизии и проникнуть в незамкнутый еще промежуток между XVII и XX корпусами. Но не долго продолжалось торжество врага; в следующую ночь тюрингенцы и гессенцы вернули свои позиции, причем находившийся на левом фланге Мейнингенский полк, под личным руководством подполковника фон-Вагенгейма *), при повторном занятии Роги, причинил русским очень крупные потери. В этих боях особенно отличился резервист 9-й роты 32-го пехотного полка Бауман. Когда полк попал под очень сильный фланговый обстрел из одного далеко впереди лежащего дома, Бауман с дозором из охотников пробрался к дому, поджег его и под сильным огнем вернулся невредимым обратно. Железный крест 1-го класса был наградой храбрецу.

Враг, проникший в прорыв, был отброшен обратно резервами XX корпуса, подтянутыми через фольв. Москуле. Этот корпус также участвовал с рассвета в тяжелом бою. Около 11-ти часов утра многие дополнявшие друг друга донесения внезапно отвлекли общее внимание на тыл, ибо от Ловича на Гловно наступала сильная неприятельская колонна. Слабая огневая сила, стоявшего здесь 19-го драгунского полка, была недостаточна для задержания неприятеля на участке реки Мроги; полку с боем пришлось отступить через Братошевице. На поддержку тотчас-же было послано на Стрыков несколько рот и батарей. Своевременно прибывавшие сюда части XXV резервного корпуса присоединялись через Брезины к сражающимся здесь войскам.

Если можно было ожидать, что прикрывавшим отрядам удастся устранить непосредственную угрозу тылу, то общая обстановка теперь тем более требовала ускорения наступления. Усилиями обоих, медленно наступавших дивизии, к вечеру удалось достигнуть лишь линии Москуле Старе—Новосольна—Теолин—Ксаверов.

Так как необходимо было вторично отозвать часть сил с фронта 37-й дивизии, и без того ослабленной отправкой

*) Убит 10/VII—16 при Вердене.

прикрытия к Стрыкову для заполнения расширившегося разрыва между ней и 22-й дивизией, быстрое продвижение XX корпуса было возможно достигнуть лишь при условии, если сражавшуюся у Бедона 72-ю бригаду этого корпуса вместе со всей 3-й гвардейской дивизией использовать для непосредственного нажима на правое крыло неприятельского расположения у Новосольна. Эти соображения штаба корпуса были изложены в приказах и директивах, посланных из Добра в бригаду Шаера, в XXV резервный корпус, в бригаду Фридебурга и в 3-ю гвардейскую пехотную дивизию в 10 часов вечера с офицерами, ординарцами и вестовыми. Когда эти приказы достигнут своего назначения предсказать было очень трудно. Так как с XX резервным корпусом, телефонное отделение которого не могло поспеть за своим быстро продвигавшимся штабом, никакой телефонной связи не было, то отсутствие станций беспроволочного телеграфа в XX корпусе в этом случае было крайне чувствительно, ибо необходимо было согласованность действий обоих этих корпусов.

21-го ноября утром генерал-майор Шаер получил указанный выше приказ, но выполнить его было немыслимо, так как бригада сама была связана неприятелем. С раннего утра 20-го ноября она находилась в тяжелом бою с превосходящими силами противника, сильно укрепившимися на западном берегу р. Мязги; в таком-же положении была и, примыкавшая к ней с юга, бригада Фридебурга.

Бои у Бедона и Калино. 6-я гвардейская пехотная бригада возобновила атаку с целью захвата переправы через р. Мязгу. Неприятель в течение ночи укрепился в домах Бедона и, в особенности, в заросшем частым кустарником парке замка и, будучи скрытым от взоров, обстреливал атакующих убийственным пулеметным огнем. Медленно и с большими потерями бригада пробивалась вперед, наконец, и это продвижение прекратилось; казалось, что атака не удастся. В этот критический момент полковник фон-Гумбольдт и, по его примеру, баталионные командиры учебного пехотного полка бросились в первую линию и увлекли за собой солдат. Тяжело раненым был вынесен из боевой линии полковой командир. Переправа у Бедона оказалась в руках полка и, примыкавших к нему с севера, гвардейских стрелков. Более 1000 пленных и 6 пулеметов явились трофеями гвардейской бригады.

Значительная доля в достигнутом успехе принадлежала четырем батареям 5-го и 6-го гвардейских полевых артиллерий-

ских полков и тяжелой батареи, которые по указанию генерал-лейтенанта Литцмана заняли позиции южнее Буковице для флангового обстрела, находящегося против бригады Фридебурга, неприятеля; оставшиеся части 3-й гвардейской дивизии (5-я гвардейская бригада), в то-же время была двинута в атаку против находившегося на линии Тадзин—Калино сильно укрепившегося неприятеля. Новые русские силы проходившие через далеко растянутую деревню Калинко, на некоторое время затормозили это наступление, пока подтянутые через Романов резервы, в свою очередь не оттеснили выдвинувшийся правый фланг неприятеля и не дали возможности возобновить наступление. Позиции у деревни были заняты с развевающимися знаменами в 3 часа 30 минут дня. Спасавшийся бегством неприятель был отброшен на Ржгов; дальнейшее преследование приняла на себя, вступившая в город с юга, 49-я резервная дивизия.

Бой у Феликсина. Благодаря удачному наступлению 5-й гвардейской бригады, снова увеличился промежуток между частями 3-й гвардейской дивизии. К счастью, можно было использовать, прибывшую в полдень в Волю-Ракову 9-ю кавалерийскую дивизию, которой и было поручено установить связь между обоими бригадами. Через Стружа—Хута-Шклянна она должна была ударить в тыл, стоявшего против бригады Фридебурга, противника. Но уже южнее Феликсина она натолкнулась на хорошо оборудованную русскую позицию, которую конница не была в состоянии взять даже с помощью приданного к ее дивизии 2-го баталиона 54-го Померанского пехотного полка.

Взятие Ржгова. Защиту с фланга и тыла от наступавших от Петрокова неприятельских сил генерал фон-Шеффер поручил 50-й резервной и 6-й кавалерийской дивизиям; сам-же он с 49-й резервной дивизией намеревался двинуться на Лодзь через Тушин-Ржгов. Не обращая внимания на совершенное со стороны неприятеля нападение из леса южнее Грабина-Воля, дивизия выступила по указанному направлению, предоставив 50-й резервной дивизии самостоятельно разделаться с врагом*). Большой лес северо-западнее Тушина был пройден несколькими колоннами. В то время, как на опушке леса дивизия подготовлялась к атаке на Ржгов, на правом фланге 5-й гвардейской бригады кипел бой около Калина. Когда около 4-х часов дня поступил приказ о

*) Эта дивизия насчитывала лишь 7-м баталионов; оставленная на северном берегу Вислы, бригада Грегори находилась у Плоцка.

наступлении 3-й гвардейской дивизии, тотчас же было отдано распоряжение в кратчайший срок достигнуть Ржгова. Скоро показались сомкнутые колонны, двигавшиеся от Калино на Ржгов, которые были нами приняты за части этой дивизии. На самом же деле это были, отступавшие перед бригадой Белова, русские силы, которые теперь, к сожалению, могли достигнуть города не будучи обстрелянными с нашей стороны.

О положении 50-й резервной дивизии штабом корпуса не было получено никаких известей. Для установления связи еще ночью от 3-й гвардейской дивизии был послан в Тушин 2-й баталион 5-го гвардейского гренадерского полка. 50-я резервная дивизия, ввиду полученного известия о движении неприятельских колонн на юго-запад через Сроцк и Ренкорай, перешла в наступление. В окрестностях Подолина она обрушилась на противника и после стремительного боя отбросила его назад. Ночь она провела юго-западнее и западнее Бендкова.

Неприятельский натиск от Петрокова, в связи с известием о движении русских отрядов от Вольборжа, принудил генерал-лейтенанта графа Шметтова (Эгона) оттянуть 6-ю кавалерийскую дивизию обратно к Бендкову.

Неприятель, отброшенный 5-й гвардейской бригадой на Ржгов и той же бригадой, совместно с 49-й резервной дивизией, дальше на Лодзь, очевидно, имел задачу прикрывать с востока правый фланг русской армии. Повидимому, наступление 49-й резервной дивизии с юга явилось для противника полной неожиданностью. Эта дивизия и 5-я гвардейская бригада уже стояли в тылу врага, расположенного фронтом на север против 9-й немецкой армии. От дальнейшего продвижения на север нельзя было ожидать серьезных последствий. В случае, если бы правому крылу 9-й армии, в соответствии с планом штаба армии, удалось к вечеру достигнуть окрестностей Пабиянице, то можно было ожидать полного окружения и уничтожения противника. Однако, было сомнительно, удастся ли, действительно правому крылу проникнуть так далеко; XXV резервный корпус не смог установить с ним связи. О том, что неприятель против охватывавшего его кольца подтягивает с юга новые силы, стало известно после событий, имевших место у 50-й резервной дивизии, из донесений 6-й кавалерийской дивизии и бумаг, найденных у взятого в плен под Тушином русского летчика. Но, казалось, что речь идет о

сравнительно слабых неприятельских силах. Поэтому генерал фон-Шеффер питал надежду добиться положительного результата у Лодзи раньше, чем противник действительно начнет серьезно угрожать тылу резервного корпуса.

Стоявшему под Плоцком корпусу Дикгута, генерал фон-Макензен послал с летчиком приказ о немедленной переброске бригады Грегори на южный берег Вислы и наступлении ея через Гомбин на Лович, где она должна была поступить под начальство генерала фон-Морген. Остатки корпуса должны были выступить немедленно после наводки через Вислу у Плоцка, подвозимого из Торна, понтонного моста. 20-го ноября корпус Моргена с боями достиг линии юго-западнее Кернозя—Санники—Слубице (схема 9); выполнить приказ штаба армии о разделении своих сил для наступления через Лович, корпус, хотя и снова захвативший много пленных и 12 орудий, не мог, ввиду значительного превосходства стоявших против него неприятельских сил. Все же корпус Моргена надеялся 21-го ноября достичь Ловича.

Сведения о положении дела, полученные штабом армии в Гогензальца до вечера 20-го ноября, подтверждали решение генерала фон-Макензена завершить начатое окружение врага.

21/XI—14. Наступление на Ласк. (Схема 11). На крайнем правом фланге армии части корпуса „Бреславль“ вели бои за переправы через Видавку у местечка Видава; севернее этот корпус с бригадой Шмидеке держал под ударом русских у Здунска-Воля. Еще далее к северу приходилось считаться с отходом Новикова в восточном направлении. Поэтому корпуса Фроммеля и Коха получили приказ наступат на Ласк; 38-я дивизия XI корпуса сражалась на своем левом фланге против серьезных сил противника, на правом же фланге она еще не была атакована и должна была продвинуться за р. Нер по направлению Пабиянице для соединения с Фроммелем. Но уже при наступлении юго-восточнее и восточнее Шадека, оба фланговые корпуса вновь натолкнулись на неприятельские части, с которыми они уже сражались накануне. Поэтому предписанное наступление на Ласк было почти не выполнено; то же было и с принадлежавшей к XI корпусу дивизией Эша, которая к вечеру отозвала обратно свои, уже перешедшие р. Нер, части.

Северное Лодзи XVII корпус, как и накануне, принужден был отразить повторные яростные атаки, что и удалось при поддержке

артиллерии XX корпуса. Сведения, полученные штабом XX корпуса от штаба армии от 6-ти часов утра, гласили: что 49-я резервная и половина 3-й гвардейской дивизий находятся в тылу неприятеля, сражающегося с 37-й дивизией (это было подтверждено офицером для связи от гвардии) и что от Ловича могут наступать лишь части 14-й русской дивизии, уже утомленные боями с первым резервным корпусом. Отчаянные атаки, произведенные на XVII корпус, а в особенности на его 22-ю дивизию, усиливали впечатление о стремлениях неприятеля прорваться на север. Можно было ожидать большого успеха, если XX корпус не допустит прорыва русских на север и северо-восток и если дивизиям, стоявшим в тылу неприятеля, удастся оттеснить противника. Многочисленными директивами, предписывавшими 41-й дивизии во что бы то ни стало взять покрытый лесом холм у Теолина, преследовалась цель, возможно скорее войти в тесную боевую связь с сражавшимися южнее леса частями корпуса и этим еще более стянуть кольцо вокруг неприятеля.

К полдню наше положение становилось все более и более неблагоприятным. По сообщениям летчиков, от Ловича надвигались новые сильные русские подкрепления; поезда, стоявшие под парами на железнодорожной станции Лович, указывали на прибытие новых русских эшелонов. Действия же корпуса Моргена не замечалось. Движение неприятельских войск в районе Пабианице—Тушин—Длутов могло быть истолковано и как отход русских на юго-восток, и как наступление против XXV резервного корпуса. Наконец, одна растянувшаяся на 3 километра в длину неприятельская пехотная колонна, шедшая со стороны Скерневице, в 11 часов утра достигла Ежова.

Бой у Стрыкова. Генерал фон-Шольц решил приложить все усилия, что бы еще в этот день очистить от врага фронт перед своим корпусом. В то время, как это наступление медленно подвигалось вперед, русские между 3—4 часами дня в свою очередь перешли в наступление на линии Скошевы—Стрыков. Это ставило тыл и левый фланг корпуса в очень серьезное положение, тем более, что тыловая связь XXV резервного корпуса и 3-й гвардейской дивизии была уже прервана. Для отражения натиска этого нового врага была двинута сводная бригада под начальством генерал-майора Рейзера.

Не получив распоряжения штаба армии, генерал фон-Шеффер приказал генерал-лейтенанту Литцману перейти в наступление:

6-й гвардейской бригадой на Олехов и 5-й на Гурки-Старе и далее—к востоку от них; в то же время 49-я резервная дивизия должна была продвинуться от Ржгова в северном направлении на Хойны. (Схема 12). 50-я резервная дивизия получила новую директиву—войти в связь с корпусом через Тушин—Ржгов.

Полученный в 7 часов 20 минут утра приказ по армии предписывал корпусу немедленно перейти в наступление в тыл неприятеля восточнее и западнее Лодзи. Распоряжения штаба корпуса, таким образом, вполне совпали с намерением армии.

Следуя, посланному по дальним дорогам через Карпин—Галков—Иорданов, приказу по 3-й гвардейской дивизии (другие ординарцы, посланные по ближним дорогам, везде натолкнулись на неприятеля), генерал-майор Фридебург, оторвавшись от противника, ранним утром находился в движении через Виснева на Волю-Ракову; южнее Андресполя он получил через XX корпус приказ по армии с задачей совместно с 72-й бригадой атаковать противника в направлении на Милешки. В это время наступление на сильно укрепленную позицию русских у Феликсина, несмотря на присоединение к сражавшимся левее стрелкам 9-й кавалерийской дивизии, не продвигалось вперед.

Генерал-лейтенант Лицман с усиленной 5-й гвардейской бригадой двигался двумя колоннами от Тадзина и Гродзиско. Окружение русских теперь должно было закончиться.

Бои у Вискитно и Домбровы. Близ Вискитно правая колонна под начальством генерал-майора фон-Белова попала под сильный артиллерийский огонь со стороны Олехова, на который тотчас же стали отвечать тяжелые батареи, находившиеся на позиции южнее Вискитно. Перед этим, те же батареи очень удачно обстреливали ту часть города Лодзи, где, по рассказам одного еврея, должна была находиться главная квартира Великого Князя. Благодаря превосходству русской артиллерии, пехота под начальством подполковника Рандта очутилась в очень тяжелом положении, но бравые гренадеры 5-го гренадерского полка, не думая о потерях, продолжали вести наступление, как будто они производили упражнения дома на своем Шпандаусском учебном плацу; полевые батареи, видвинутые в боевую линию, соперничали с ними в храбрости. Взять приступом сильно укрепленную деревню Олехов все-же не удалось.

Майор Рейнгард в 9 час. 30 мин. утра левой колонной достиг деревни Юлианов, лежащей в 2-х километрах юго-восточнее

Лодзи; здесь он попал под обстрел со стороны Домбровы. Благодаря удачному огню артиллерийского дивизиона Шмидта, поставленного на позиции южнее Юлианова, дер. Домброва была скоро взята 5-м гвардейским полком. Отсюда были ясно видны многочисленные ряды русских окопов, тянувшиеся один за другим от Видзева через Милешки на Новосольна. Дальнейшее наступление этого маленького отряда являлось бессмысленным и было приостановлено.

В 3 часа 30 минут дня во всех церквах Лодзи послышался колокольный звон. После этого начались сильные атали русских со стороны Олехова и Лодзи. Они были отбиты с потерями, но создавшееся положение заставило некоторые сильно выдвинувшиеся вперед части с наступлением темноты отойти на высоты у Гурки Старе. С этих высот открывался чудный вид на освещенный массой огней крупный город Лодзь. Вдруг на ясном звездном небе появились ярко красные прожекторные лучи ввиде громадных столбов — сначала один на юге, а затем еще три на востоке. Можно было предположить, что этими сигналами русские подкрепления извещали о своем прибытии.

Бои у Ржгова. 49-й резервная дивизия также образовала две группы, из которых одна,—южная, под начальством полковника Крендера прикрывала фланг против Пабиянице, а другая—северная, под начальством полковника фон-Кamптц, наступала через Старову Гуру на Лодзь. Последняя группа состояла лишь из 10 слабых рот и 4 батарей.

Уже при выходе из Старовой Гуры ее авангард попал под сильный артиллерийский огонь с высот у Хойны. Скоро также начался оживленный огонь сзади и слева от Гатки Старе. В 10 часов 30 минут утра из лесистой местности восточнее Руда, русские ринулись в атаку. Это атака была отбита огнем, снявшихся на близком расстоянии батарей, и встречным ударом обоих баталионов 225-го резервного полка. Продолжать наступление через Хойны было совершенно невозможно. Поэтому, на дивизию выпала другая задача—прикрывать фланг и тыл корпуса Шеффера, наступавшего на север вдоль западного берега р. Мязги. Командир первого баталиона 225-го резервного полка не находил себе места при одной мысли об обороне. Ведь, может быть, только один энергичный натиск, думал он, и русские сдадутся. Во главе своего баталиона, уже несколько поредевшего в предыдущих боях, майор фон-Циммерман ринулся в атаку, но превосходящие рус-

ские силы отбросили баталион к Старовой Гуре, причинив ему очень тяженые потери. Большинство офицеров было убито или ранено; сам командир баталиона получил 3 пулевых и 4 штыковых раны. Поддержанные двумя ротами 3-го баталиона, остатки первого были отведены лейтенантом фон-Марэс к Ржгову. В первом баталионе из всех офицеров он один несмотря на полученное довольно серьезное ранение остался в строю. Две оставленные здесь в резерве роты в 9 час. утра были двинуты по дороге на Руду, чтобы окопаться юго-восточнее от дер. Гатки Старе в качестве прикрытия стоявших там батарей. Не более часа проработали они над сооружением окопов, как вдруг сзади раздалось громовое русское ура, а вслед за этим два страшных взрыва; было слышно, как осколки падали на замерзшую землю. Русские, не будучи замечены обоими окапывающимися ротами, подкрались, взяли в плен 9-ю батарею 49-го резервного артиллерийского полка и взорвали два зарядных ящика. Таким образом обе роты были отрезаны. Полковник фон-Кamптц вместе с лейтенантом фон-Марс, и наспех собранными солдатами, бросился к батарее. Все находившиеся в Ржгове силы были немедленно присланы сюда. Оба полковых командира, полковник фон-Кронхельм и подполковник Вагнер, сначала бросились с докладом к бригадному командиру генерал-лейтенанту фон-Тизенгаузен, а затем с ружьями в руках встали во главе остатков своих полков. В тумане ярко светили прожектора и пользуясь ими наша артиллерия обстреливала занятую русскими позицию нашей 9-й батареи. Ружья были разряжены, артиллерийский огонь смолк. Бесшумно двинулись вперед сомкнутые ряды немцев. Скоро были взяты окопы перед батареей; оставшиеся в них русские были уничтожены или взяты в плен. На рассвете этого дня поминовения усопших, через батарею под жестоким ружейным и пулеметным огнем продолжалось наступление наших войск далее ко второй позиции, расположенной на высотах в расстоянии 200 метров сзади первой. Внезапно наступление затормозилось. Стало видно как люди отходят назад к первой линии своих окопов. Большинство наших офицеров, в том числе и оба полковых командира, лежали мертвыми или ранеными на промерзшем поле. Ближе всех к неприятелю находилась 5-я рота 228-го полка в количестве не более 100 человек. Ее командир, лейтенант Кулов, проявил безумную смелость; он бросился вперед, за ним последовали его верные солдаты; раздалось стоголосое немецкое

„Hurra“; русские выскочили из окопов, бросили оружие, подняли вверх руки и сдались. Батарея, а также и вторая линия окопов—оказались в наших руках.

В южной группе 49-й резервной дивизии эта суббота была днем очень тяжелых боев. Русские во что бы то ни стало пытались прорваться, производили многочисленные атаки на отряд Креднера, расположенный между фольварком Господарж и горой с ветряными мельницами к югу от Ржгова. Уже на рассвете одним русским полком была произведена атака через Чижеминек. Огнем 21-го егерского резервного и 228-го пехотного полков эта атака была отбита, но вскоре за ней по долине р. Нер последовала новая атака с севера через Гатки Старе. Все далее вперед русские продвигали свое правое крыло по направлению на Гузев; все новые и новые атаки следовали от Гатки Старе и вдоль большой дороги от Пабиянице, а позднее и от Гузева. Положение становилось серьезным. Около 11-ти часов вечера, после продолжительного обстрела ф. Господарж тяжелой артиллерией, противник снова двинулся в атаку большими силами. Наши потери были велики, патронов оставалось мало и некоторые стрелки израсходовали уже свои последние обоймы. За 8 дней до этого дивизия потеряла у Влоцлавска своего начальника, после которого ею доблестно руководил генерал-лейтенант фон-Тизенгаузен. В этот день во время боя командование над дивизией принял новый начальник генерал-лейтенант Венкер. При следовании с запада, его автомобиль застрял на песчанной дороге, недалеко от Стрыкова; в повозке 5-й обозной колонны он добрался через Брезины в Борово, откуда в дивизию его доставил проезжавший мимо автомобиль штаба корпуса. Конечно, он и не подозревал, что через 48 часов здесь в Борово его постигнет геройская участь его предшественника. Последние часы 21-го ноября он провел под жестоким обстрелом на ветряной мельнице севернее Ржгова; позднее, когда он находился под таким же сильным огнем в пасторском дом, к нему начали поступать все более печальные известия, а именно—о разгроме 2-го баталиона 225-го полка, о бешенном натиске русских на южную группу, о потере 9-й батареи и о последовавшем затем прорыве в районе расположения дивизии.

Положение его войск, находившихся в чрезвычайно тяжелом бою, было облегчено вечером 50-й резервной дивизией, которая

поддержала их сначала своим наступлением между Ржговым и Калинко, а позднее, существенно помогла присылкой в Ржгов, согласно полученного ею около полуночи приказа по корпусу, бригады Фриделя.

50-я резервная дивизия 21-го ноября на рассвете двинулась со своего бивака западнее Бендкова в наступление, и южным берегом Вольборки к 9 часам 15 минут утра своевременно достигла Тушина. Четверть часа спустя русские атаковали этот пункт с северо-запада, запада и юга. Вместе с гвардейским баталионом Дрезова удалось отбить все атаки врага; но неприятель все-же проник между расположением 50-й и 49-й резервных дивизий и перерезал шоссе из Тушина в Ржгов. В виду этого 60-я резервная дивизия двинулась через Калинко на указанную ей позицию севернее р. Вольборки. Лишь подчиненный ей гвардейский баталион был оставлен для обороны переправы через ручей у Модлицы и Руты, где он вошел в связь с 6-й кавалерийской дивизией, которая с боем медленно продвигалась на Дальков.

Бой в Брезинах. От сражавшейся южнее Феликсина 9-й кавалериской дивизии в полдень были посланы три эскадрона в Брезины для обеспечения связи с тылом. В 4 часа 30 минут дня они соединились южнее города с отошедшим от Скерневице отрядом Альтена. В самых Брезинах около 2 часов дня также шел бой, ибо одна из слабых частей наружной охраны отступила перед наступавшими с востока крупными силами русской конницы в то время, как в Брезинах находились 4-й лазарет 3-й гвардейской дивизии с 693 ранеными и часть проходившего в это время через город боевого эшелона XXV-го резервного корпуса, которые и подвергались опасности быть захваченными в плен. К счастью в Брезинах нашелся истинный сын своей родины — лейтенант фон-Вицман. Раненый накануне в шею при атаке Калино 5-м гвардейским полком, он лежал в полковом лазарете, где из его раны только-что была извлечена пуля.

С горстью быстро собранных людей он прогнал из города казаков и поставил наружные караулы. Около 4 час. 15 мин. дня у северного края послышалось громкое русское „ура“. С наступлением темноты русская пехота, ворвавшись в город, захватила лазарет, выбила в нем окна, расхитила все медикаменты и с громкими криками медленно направилась на базарную площадь.

Вицман с десятком солдат бросился туда же; собрав по дороге еще около 20 человек разных частей, он расставил свой маленький отряд поперек совершенно темной улицы. Когда русские подошли на 15 шагов, он дал по ним три залпа, а затем открыл по густым толпам беглый огонь, после чего бросился в штыки. Два офицера и 80 рядовых было взято в плен. 4-й полевой лазарет, персонал коего уже приготовился к отправке в плен и все раненые были освобождены. Ночью колонны и полевой лазарет отошли на юг.

Не так посчастливилось 9-му полевому лазарету, который, для облегчения расположенного с 19-го ноября в Брезинах 4-го лазарета, двигался туда через Карпин. Днем он между Борово и Брезинами подвергся нападению и,вопреки международному праву, вместе со всем персоналом и имуществом был взят русскими в плен.

I резервный корпус, надеявшийся 21-го ноября достигнуть Ловича, встретил южнее Кернозя стойкое сопротивление русских и после полудня должен был донести, что начать наступление на сильно укрепленный Лович он сможет лишь на следующий день. Бригада Григори не окончила еще переправу через Вислу, по которой шел сильный лед.

Полученные вечером 21-го ноября показания русских пленных довольно точно обрисовали положение противника. На основании этих данных проходившая через Гловно 43-я дивизия получила приказ перейти в наступление на Стрыков—Брезины. Кавалерийский корпус Шарпантье был направлен на Колюшки, в то же время Новиков должен был вести наступление на Ржгов и Тушин. Как волновался Шейдеман из-за охвата его армии с юга XXV резервным корпусом и 3-й гвардейской дивизией, показывает, найденная нами после взятия Лодзи, радиограмма. „В течении ночи с 20-го на 21-е ноября канонада продолжалась по всему фронту. Заметно движение противника для углубления охвата нашего правого крыла через Ржгов—Пабиянице и его намерение прорвать наш левый фланг у Константинова, с целью удара в тыл XXIII и I сибирского армейского корпусов“.

На основании полученного от XXV резервного корпуса в полдень донесения, что там создалось впечатление о намерении противника пробиться на юг; штаб армии, в связи с другими поступившими известиями, пришел к выводу, что неприятель занимает позиции под Лодзью лишь своими ариергардами. На самом деле это обстояло не так.

22/XI—14. (Схема 11). Корпус „Познань" и III кавалерийский, которым было приказано наступать на Ласк, после чего должен был последовать прорыв кавалерии в направлении на Вадлев, были отчасти сами атакованы русскими, отчасти встретили сопротивление превосходящих сил противника, расположенного на сильно укрепленных позициях. Только 7-й австро-венгерской кавалерийской дивизии совместно с частями корпуса „Бреславль" удалось взять деревню Гайевники, находящуюся северо-восточнее Здунской Воли. Шедшая через р. Нер на присоединение к 8-й кавалерийской дивизии, правофланговая бригада XI корпуса также отбросила врага и продвинулась до Чарныш, левая-же бригада 38-й дивизии, ввиду значительного превосходства неприятельской тяжелой артиллерии, не была в состоянии переправиться через р. Нер.

Против расположения XVII корпуса, в особенности-же против правого крыла 35-й дивизии, русские в течение ночи произвели несколько сильных атак, которые были успешно отбиты. В течение дня были штурмом взяты две русские линии; но развить успех было невозможно ввиду того, что с фронта нужно было увести часть войск для прикрытия нашего тыла у Бялы.

Очищение Новосольны. (Схема 13). Приказом по армии от 9-ти часов вечера 21-го ноября на XX корпус и 3-ю гвардейскую дивизию была возложена задача „энергичным наступлением уничтожить неприятеля, стоявшего восточнее Лодзи"; в то-же время XXV резервный корпус должен был воспрепятствовать в районе Ржгова отходу других русских сил на юго-восток. Предполагая, что 22-го ноября все будет зависить от одновременного энергичного натиска южнее и западнее большого леса у Новосольны, генерал фон-Шольц послал 3-й гвардейской дивизии этот приказ через занятый противником лес с тремя отдельными офицерскими раз'ездами. О том, что эта дивизия, двумя далеко отделенными друг от друга группами, находилась в тяжелом бою, ему не было известно.

Поступившие в течение утра донесения о наступлении неприятельской колонны от Брезин на Геленов, а также и на Липины, заставили генерала фон-Шольца принять тяжелое решение—отказаться от исполнения предписанного наступления на линию Милешки — Виончин, так как иначе в направлении от Брезин возможен был прорыв фронта между сражавшимися у Стрыкова частями 41-й дивизии и дивизией Штаабса, а в свя-

зи с этим и частичный разгром сдерживаемого неприятельскими силами XX корпуса. (Схема 11). Когда русские стремительно бросились в атаку через р. Модзаницу на линии Скошевы — Стрыков — Свендов, командир корпуса со своим начальником штаба, полковником Гелль, должен был придти к еще более тяжелому решению,—отказаться от завоеванной с такими большимы жертвами позиции у Новосольна и для поддержки бригады Рейзера отвести 37-ю дивизию на линию Москуле—Добра. С наступлением темноты этот отход был осуществлен, после чего штаб дивизии перешел из Добра, находившейся уже с полудня под сильным артиллерийским обстрелом—в Згерж, в штаб-квартиру XVII корпуса. Выбор пал на этот город по тем соображениям, чтобы по личному соглашению со штабом названного корпуса установить единство действий для отражения врага, одинаково угрожавшего обоим корпусам.

В течение дня все попытки штаба XX корпуса установить связь с 72-й бригадой были тщетны. В то время, как 6-й гвардейской бригаде 20-го ноября удалось отбросить русских у Бедона за р. Мязгу, генерал-майор Шаер находился в тяжелом бою на восточном берегу этой реки, южнее Виончина.

Бой под Адамовым. (Схема 13). В 8 часов 30 минут утра прикрывающий тыл 2-й эскадрон 10 драгунского полка донес, что он вынужден отступить перед подошедшими из Брезин к Адамову крупными силами русских.

Для противодействия новым неприятельским силам, к Адамову была направлена, вызванная с западного фронта, пулеметная рота 18-го и несколько рот 59-го полков. Подполковник Маркус повернул батареи своего 79-го полка; между орудиями расположилась пехота, пулеметы и спешенные части этого эскадрона. Русские подходили; они появились сначала с севера из большого леса, а затем с востока и с запада. Начался ураганный огонь из всех орудий, ружей и пулеметов. Русские наступали густой коричневой массой. Многие падали, но коричневая масса продвигалась почти безостановочно вперед. Пруссаки уже могли различить лица сибиряков, неприятель был в ста шагах от орудий. Орудия гремели, снаряды рвались в пятидесяти метрах перед дулом, производя страшное опустошение и расстраивая русские ряды. Наступавшие приостановились, дрогнули и бросились назад и только коричневый вал трупов остался перед нашими окопами. Сибиряки пытались наступать

еще два раза, но их наступление каждый раз отражалось. Вал трупов рос в вышину. Если последовал бы еще хоть один натиск русских, мы не смогли бы его отразить, ибо патроны и снаряды были на исходе. Но тут в 3 часа дня появился адъютант 79-го полевого артиллерийского полка, который проехал ночью верхом из Галкова через занятый казаками лес, и через Карпин установил связь с гвардией. Генерал-лейтенант Литцман принял на себя командование; бригаде приказано было свернуть на Волю Ракову. К счастью, вслед за последней атакой русских спустился легкий туман, под покровом которого при наступлении сумерок войска имели возможность спокойно отойти.

Штурм Феликсина. Генерал-майор фон-Фридебург в 8 часов утра двинулся в наступление на фронт Андресполь—Виснева Гура. Бурно ринулись вперед полки, справа от шоссе учебный пехотный полк, слева—гвардейские стрелки. Феликсин был взят приступом; пионеры капитана Лангенштрасса—не раз обнаруживавшего свое искусство при постройке дорог и мостов во время наступления в Польше—соперничали теперь с „майскими жуками", на фронте которых они сражались в качестве бойцов. Между тем справа от соседней бригады Шаера в течение дня поступили важные известия и просьбы о поддержке. Просьбы эти исполнены быть не могли, так как примыкавшая слева 9-я кавалерийская дивизия была уведена с фронта, с целью задержать продвижение неприятеля по дороге Брезины—Липины. Бригада Фридебурга вечером стояла против сильно укрепленного фольв. Болеславова. Для штурма не хватало войск; протянуть руку бригаде той-же дивизии, находившейся в тяжелом бою под Олеховым, она в этот вечер не была в состоянии. Ряды 6-й гвардейской бригады сильно поредели после ожесточенных и кровопролитных четырехдневных боев у Бедона—Андресполя. Большая часть офицеров была убита или ранена. Приходилось соединять две роты в одну; полки состояли только из двух баталионов по три роты в каждом. Пленные, которых в этот день взяли около 1.600 человек, в данном положении являлись лишь страшной обузой.

Бой под Олеховым. У 5-й гвардейской бригады бой начался на восточном выступе сильно растянутой деревни Олехов. Чтобы здесь добиться решительного успеха 5-й гвардейский полк был подтянут походным порядком из Гурки Старе через Вискитно и

направлен на юго-западный выступ деревни, откуда фланкировалось наступление 5-го гвардейского гренадерского полка на восточную часть деревни. Земля промерзла, как камень; она не позволяла применять лопаты. Пехота бросилась вперед в долину ручья через лишенный прикрытия луг и, несмотря на сильный артиллерийский огонь неприятеля, продолжала наступление далее на выше лежащую деревню, поддерживаемая смелой батареей Ланселля, которая на левом фланге следовала за пехотой до южной окраины Олехова, которая пылала во многих местах.

При наступлении темноты, бригада Белова овладела всем юго-западным участком деревни; наступлению же на восточную часть мешал фланговый огонь с высот Августова; все меры были приняты, чтобы и здесь отбросить противника.

Бои у Ржгова. С рассветом противник возобновил наступление на 49-ю резервную и прилегавшие к ней части 50-й дивизий. Севернее леса около Тушина пришлось выдержать тяжелые бои. Русские неоднократно бросались в атаку на господский двор Господарж. После нескольких атак в лесу внезапно наступила тишина. За недостатком офицеров генерал-лейтенант фон-Венкер выслал на разведку патруль с интендантским чиновником Крампе во главе. Ружейный залп встретил этот патруль; лишь один из ординарцев вернулся живым в штаб дивизии.

После неудавшегося прорыва у Ржгова, русские удвоили свои усилия у Старого Гура против правого фланга 49-й резервной дивизии и ея пулеметов, которые, для заполнения образовавшейся здесь после отхода 5-го гвардейского полка бреши, заняли позицию на высоте у Гурки Старе. После повторного штурма неприятелю к вечеру удалось занять эти высоты. Он медленно следовал за нами и, наконец, остановился не доходя до д. Вискитно; благополучно доставленные в эту деревню пулеметы замечательно увеличили боевую силу гвардии. В полдень снова начались атаки на Господарж. Со всех сторон был открыт сильный огонь по усадьбе, где находился главный перевязочный пункт. Несмотря на попадание тяжелых гранат, врачи доблестно исполняли свое дело. Девять тяжело раненых и только-что перевязанных в сенях, одной разорвавшейся здесь гранатой, были избавлены от дальнейших страданий; облако известковой пыли медленно опускалось на бледных, забрызганных кровью воинов. Этот день, в полном смысле слова, явился днем

поминовения усопших. Ружейные пули пробивали стены и окна. Но незначительная группа защитников стойко отбивала все попытки русских продвинуться через парк имения.

Против стоявшего на р. Вольборке прикрытия 50-й резервной дивизии, противник открыл сначала артиллерийский огонь. После полудня же у Модлицы и Руты стала наступать его пехота; критический момент настал, когда 6-я кавалерийская дивизия была вынуждена отступить перед более сильным врагом, наступавшим от Бендкова по обоим берегам р. Мязги; она отступила от Галькова к линии Вардзин—Куровице. Как только противнику удалось переправиться через р. Вольборку, стало ясным, что 6-я кавалерийская дивизия и, отправленные на юг слабые части 50-й резервной дивизии, не будут в состоянии прикрыть с севера, запада и юго-запада тыл находящегося в тяжелом бою корпуса Шеффера. Приходилось также опасаться, что противник может захватить переправу через р. Мязгу у Карпина, вследствие чего прекратился-бы всякий подвоз. В дальнейшем положение еще больше обострилось, когда в 3 часа 30 минут дня было получено донесение от 9-й кавалерийской дивизии, что части ея, стоявшие у Брезин, утром отступили перед сильным неприятелем к юго-западу и, когда стало известно, что бригада Шаера была атакована в тыл русскими с северо-восточного направления. Поэтому, вне всякого сомнения, нужно было ожидать полного окружения войск генерала фон-Шеффера, если они и 23-го ноября остались-бы на своих теперешних позициях.

Решение, принятое штабом корпусом в Хута Вискитска, у всех вызвало тяжелое настроение. Прорыв на запад являлся невозможным. Следовательно оставалось только попытаться прорваться к северу или востоку для присоединения к XX армейскому корпусу. Штаб армии, с которым, наконец, удалось опять восстановить радиотелеграфную связь, уже около 11 часов утра на свой запрос получил исчерпывающее донесение о положении корпуса.

После 4-х часов дня генерал фон-Шеффер посетил командира 3-й гвардейской пехотной дивизии вблизи Вискитно, чтобы здесь лично ознакомится с обстановкой. На северо-восточном выходе из деревни оба генерала хотели присесть для переговоров около зажженого костра, как в нескольких шагах от них в навозную кучу упала тяжелая граната, которая к счастью не

разорвалась. Скоро последовала другая, и обоим генералам пришлось прямиком через поле уйти в находившуюся в 1.000 метрах к юго-востоку крестьянскую избу. Был замечательный момент, когда оба вождя прощались после совещания. В скромной польской избе мутный фонарь бросал свой трепетный свет на обе фигуры, когда генерал-лейтенант Литцман крепким рукопожатием пожелал командиру корпуса фон-Шефферу „благополучия и победы“. Как только его превосходительство генерал фон-Шеффер уехал, в штабе дивизии было получено тревожное известие, что русские будто-бы почти вплотную подошли к западной окрайне в Вискитно. Как уже упоминалос ранее, русские остановились не доходя этой деревни между ней и Гурки Старе.

Генерал фон-Шеффер вернулся в свой штаб в Хута Вискитска и около 7 часов вечера получил от штаба армии следующую радиограмму: „Новый враг наступает на XX корпус через Брезины и Стрыков. XXV резервный корпус с наступлением ночи отходит за участок р. Мязги. Завтра назначается наступление на Брезины для поддержки XX корпуса и восстановления связи с своим тылом. 3-я гвардейская с частями 41-й дивизии прикрывает наступление. I кавалерийский корпус освобождается и отходит в район Бендкова, с целью прервать у русских пути подвоза через Петроков—Вольборж.

Мысль о прорыве на север была теперь оставлена. Но начальник 3-й гвардейской дивизии все-таки просил по телефону командира корпуса оставить указанное им направление для прорыва на север, об‘ясняя это тем, что из Гогензальца не так ясно видна обстановка и, что при предписанном отступлении все равно придется пробиваться, находясь при этом еще под угрозой с тыла со стороны наступавшего от Лодзи противника. Кроме того прорыв на север мог-бы, после предыдущих боев, показаться войскам продолжением наступления, предписанная же операция— отступлением и отдачей, храбро и с тяжелыми жертвами завоеванной, территории. Генерал фон-Шеффер приказал руководствоваться приказом по армии.

Несмотря на то, что критическое положение обрисовывалось все яснее, генерал фон-Шеффер все еще настаивал на наступлении на Лодзь. Ведь только лишь от решительных действий XXV резервного корпуса штаб армии ожидал победы под Лодзью. Не взирая на столь рискованное

положение корпуса, генерал фон-Шеффер отдал приказ отступить лишь тогда, когда на это последовал приказ штаба армии. Размеры опасности были видны только в его штабе. Было ясно, что корпус предоставлен самому себе; он был окружен со всех сторон. Железное кольцо должно было быть разорвано. Направление прорыва было дано штабом армии по радиотелеграфу.

При выполнении этого приказа, однако, нужно было преодолеть значительные трудности. Главнейшая заключалась в том, что пехота всех 3-х дивизий находилась в непосредственном соприкосновении с неприятелем. Поэтому было сомнительно, удасться ли незаметно оторваться от противника. Начни противник теснить, особенно с юга, тогда отход, который, главным образом, должен был совершиться по единственной, ведущей на Карпин дороге, оказался бы чрезвычайно затрудненным. Уже 22-го ноября после полудня шоссе между Бройце и Карпиным временами обстреливалось неприятельской артиллерией со стороны Далькова. Было также сомнительно—окажутся ли свободными переправы через р. Мязгу. Если неприятель, который согласно донесениям, наступал восточнее р. Мязги от Бендкова на север, учтет общую обстановку, то еще ночью он должен был стремиться всеми силами преградить переправу на восточный берег р. Мязги у Карпина. События, разыгравшиеся после полудняу Бедона в тылу 72-й бригады, где переправа через р. Мязгу, которая была атакована еще 20-го ноября 6-й гвардейской бригадой, все-же осталась в руках русских, оправдали это предположение. В наилучшем случае главные силы гвардии могли еще воспользоваться переправой, находящейся юго-восточнее Буковице, между Карпиным и Бедоном; главным же силам резервного корпуса была назначена переправа у Карпина. Таким образом от обладания этим мостом зависел исход боя следующего дня. Для охраны его были посланы эскадрон 13-го гусарского и 8-я рота гвардейского фузилерного полков; они выстроили около старого моста еще второй мост. Пехоте удалось сбить низко летевшего русского летчика, который был послан на разведку моста. Кроме сражавшихся войск, переправой у Карпина должны были воспользоваться повозки с продовольствием и фуражем обоих резервных дивизий, колонна с ранеными, состоящая из многих сотен фур, пленные захваченные в течение последних дней, муниционная колонна и большой обоз гвардии и обоих кавалерийских дивизий,

а также и боевой обоз корпуса*). Можно было предвидеть, что отступление этих длинных колонн войск и обозов продлится всю ночь, но все же к рассвету р. Мязга должна была быть перейдена всеми частями. Исходя из этих соображений генерал фон-Шеффер приказал:

5-й резервной дивизии выступить в 9 часов вечера через Вардзин—Карпин на Лазновскую Волю, оттеснить неприятельскую кавалерию, стоящую у Далькова, и обеспечить переход остальных частей корпуса.

49-й резервной дивизии выступить в 10 часов вечера по дороге Ржгов—Воля Ракова—Карпин—Борово—Брезины. У Куровице выждать прохода авангарда 50-й резервной дивизии. Пехоте и артиллерии, по возможности, воспользоваться мостом, лежащим в двух километрах северо-западнее Карпина.

3-й гвардейской с частями 41-й дивизий выступить не ранее 12 часов ночи; выдвинуть фланговые заслоны южнее Бедона; идти на Буковице и запереть переправы на линии Бедон—Карпин.

I кавалерийскому корпусу прикрыть: 6-й кавалерийской дивизией переправу 50-й и 49-й резервных дивизий с юга и запада и 9-й кавалерийской дивизией осветить другую сторону р. Мязги в восточном и северном направлениях.

Принятие мер к отступлению и отдача распоряжений для отхода в ночной темноте колонн войск и обозов, раненых и пленных требовали от генерального штаба больших усилий.

В тылу армии у I резервного корпуса обстоятельства в этот день сложились также неблагоприятно: в районе Кернозя корпус, встретив значительно усилившегося севернее Ловича противника, вступил в тяжелый бой и, несмотря на все увеличивавшееся количество пленных, не был в состоянии овладеть Ловичем. На основании полученных от корпуса донесений, штаб армии мог рассчитывать на его содействие по захвату переправы через р. Бзуру,

---

*) После перехода через реку Бзуру корпус оставил свой остальной обоз и колонны у Пионтека. Начальник этого главного эшелона самостоятельно решил отступить отсюда через Стрыков, но ввиду того, что эта дорога была занята русскими, колонны направились на Згерж в то время, как большие обозы, из-за угрозы русских с востока, были отведены из Пионтека на запад к Ленчице.

чем, конечно, можно было предотвратить создавшуюся угрозу тылу и левому флангу армии.

Таким образом положение армии, раньше внушавшее столько надежд, сильно ухудшилось.

23/XI—14. (Схема 11). На правом фланге армии кавалерийский корпус Фроммеля 23-го ноября пытался прорваться через Здунска Воля, но натолкнулся здесь на продолжение неприятельского фронта и должен был приостановиться. Сражавшаяся у Чарныша правофланговая бригада 38-й дивизии, которая примыкала к стоявшему у Шадека корпусу „Познань„, отбила несколько русских атак, но после того как неприятелю, при новой атаке в 9 часов вечера, удалось прорвать фронт этой бригады, она должна была ночью снова отойти на северный берег р. Нер.

Бой у Бялы. XVII корпус также с тяжелыми потерями для врага отбил несколько стремительных русских атак. Оттесненный накануне в тылу корпуса у Бяла неприятельский отряд, усилившись, заставил отойти к югу в направление к Згержу части, которые прикрывали тыл XVII корпуса. Когда утром южнее Пионтека нашими летчиками была установлена еще одна неприятельская колонна, шедшая, повидимому, к Озоркову, то в согласии с штабом XX корпуса, было решено только лишь удерживать позиции к югу и востоку, чтобы, парализовав создавшуюся угрозу тылу, сохранить свободу действий в северном направлении. Сюда поэтому были собраны все войска, которые можно было взять из 35-й, 22-й и 37-й дивизий, а именно:

Под начальством командира 176-го пехотного полка полковника Фельдкеллера—2½ баталиона, 3 полевых и 2 тяжелых батареи.

Под начальством командира 75-й пехотной бригады полковника Кюстера—5 баталионов, 7 полевых и 1 тяжелая батареи.

Наступление на Бялу хотя и сразу остановило продвижение неприятеля, но не привело к желанной быстрой развязке. Последняя была необходима, так как согласно полученного в час дня приказа, XX корпусу было предписано немедленно оказать поддержку XXV корпусу в направлении на Брезины. Насколько необходима была эта помощь в XX корпусе было ясно, ибо было определенно известно, что с 20-го ноября, кроме обоза, посланного штабом XX корпуса из Стрыкова, ни огнестрельные припасы, ни продовольствие на юг в XXV корпус проникнуть не могли.

Но до того времени, пока не была устранена угроза тылу всей армии, нельзя было и думать о посылке войск к Брезинам тем более, что XX корпус должен был также защищаться от стремительных атак неприятеля на всем своем сильно растянутом и очень редком фронте.

Вечером I резервный корпус донес, что он занял командующие высоты к северу непосредственно у Ловича и что ему возможно освободить одну бригаду, которая и достигла переправы через р. Бзуру у Собота (в 20 километрах западнее Ловича). (Схема 16). Задача корпуса заключалась в следующим: одной этой бригаде напасть в тыл врагу, находившемуся у Бяла, отправив другую бригаду рано утром с аналогичным поручением против неприятеля, расположенного в районе Стрыкова; остальными же силами запереть подступ к Ловичу с запада и юго-запада.

Бригада Грегори находилась в движении от Плоцка к Ловичу. Остатки же корпуса Дикгута были еще на северном берегу Вислы у Плоцка, так как дальнейшая переправа, а также и постройка мостов через Вислу вследствие сильного ледохода, были невозможны. Соответственно представленному проекту, корпус получил приказ оставить сводную бригаду у Плоцка и отойти к Торну, чтобы присоединиться к армии южным берегом Вислы.

Вечером в Гогензальца пришла телеграмма от Его Величества Императора, в которой командующему армией было поручено передать храбрым войскам 9-й армии, участвовавшим эти дни в славных боях против превосходящих сил неприятеля, его благодарность, а также его Императорский привет и лучшие пожелания на будущее.

Прорыв на Брезины.

(Схема 14).

С вечера 22/XI—24/XI—14. После кроваво-красного захода солнца мороз постепенно усиливался. Резкий ветер дул по голым, серо-желтым возвышенностям, казавшимся особенно пустынными при мутном ноябрьском свете, и разогнал на вечернем небе последние снежные тучи. Когда ночь спустилась над полем битвы, и на небесном своде засияли звезды, мало-по-малу замолкли орудия и лишь местами ружейный огонь нарушал наступившую тишину. Ночь была без-

лунная. Холод пронизывал до костей. После 36-ти часового ожесточенного боя все были страшно голодны и онемели от холода. А впереди ни признака теплого жилья, ни продовольствия, ни отдыха! От 10-ти градусного мороза кофе замерз в походных фляжках; кто еще имел кусочек хлеба, пытался оттаять его во рту.

Прошло много часов, пока всюду был получен приказ об отступлении и пока войска были выведены из сферы огня. Лишь после 11-ти часов вечера XXV резервный корпус тронулся с места. Старший начальник—генерал фон-Шеффер ехал верхом вместе со штабом I кавалерийского корпуса при авангарде 49-й резервной дивизии. Неприятель, утомленный сражением, прекратил всякое наблюдение и поэтому порвать связь с ним удалось вполне. Начни неприятель преследовать—катастрофа была бы неминуема. Но он спал, спал несмотря на шум от сбора наших войск со всеми их обозами, колоннами, имуществом и пленными. Фырканье голодных лошадей, скрип и стук колес по промерзшей земле нарушали ночное безмолвие. Далеко раздавался стук повозок. Солдаты тащились с окаменелыми, сонными лицами, мечтая лишь скорее выбраться отсюда! Войска медленно двигались среди темной безконечной ночи. Повозки сталкивались одна с другой и врезывались в колонны войск. Одна остановка следовала за другой. Стуча от холода зубами, стояли войска в ледяной темноте; одни смертельно уставшие бросались на промерзшую землю, что бы уснуть, другие топтались на месте, глубоко засунув руки в карманы. Шедшие по приказанию генерал-лейтенанта Литцмана с севера через Вискитно для прикрытия фланга у Вардзина с юга, гвардейские баталионы и батареи под начальством майора Рейнгардта внезапно пересекли дорогу. Затем колонна безнадежно двинулась дальше к неизвестной цели, с холма на холм, мимо покинутых домов, соломой крытых хат и пустых сараев.

Генерал-лейтенант Литцман в 3 часа утра в Вискитно приказал арьергарду своей дивизии начать отступление; но последний задержался, так как до сих пор не удалось доставить всех раненых под Олеховым на главный перевязочный пункт в Вискитно. Врачи и санитары здесь, как и в XXV резервном корпусе в Ржгове и Господарже, приложили сверхчеловеческие усилия. 550 человек 5-й гвардейской бригады, раненые в тяжелых боях двух последних дней, были доставлены, состоявшей в ведении штабного врача Штира, 3-й санитарной ротой из линии огня на перевязочный пункт и там перевязаны. Каких трудов стоило

нагрузить их на повозки, чтобы не оставить их в руках врага? *) Ни один из раненых героев не должен был остаться позади и без помощи только потому, что наступающий день призывал к поспешности; ни одна повозка, ни одно орудие не уехали оттуда, не приняв раненых. Очень многие из них поместились лишь на открытых польских телегах, которые за недостатком лошадей везли пленные. Здесь, к сожалению, раненые не были защищены от холода и некоторые из храбрецов в эту страшную ночь не были в состоянии больше бороться со смертью. Лишь с наступлением холодного, мрачного зимнего утра, наконец, могли уехать последние повозки с ранеными.

На землю опустился благоприятный для нас туман. Под его покровом мы легче могли выбраться из петли.

Арьергард 3-й гвардейской дивизии в 7 часов утра достиг шоссе у фольварка Гемзова. Здесь на покрытом гололедицей шоссе, тесно прижавшись друг к другу, стояли 3—4 колонны, частью обращенные еще фронтом на Лодзь. Несмотря на все усилия начальников и их помощников, ни одно орудие, ни одна повозка не могли двинуться дальше, так как у Коровице произошла закупорка движения. Артиллерийский огонь, начавшийся от Далькова и со стороны Воли Лазновской принудил сделат остановку. Оттуда, через обе дивизии I-го кавалерийского корпуса, прикрывавшие по обоим берегам р. Мязги переправу у Карпина, русская артиллерия пыталась держать шоссе под обстрелом. Лишь обходным путем в северном направлении через поля удалось привести в движение безконечные колонны; некоторые гранаты все же достигали своей цели.

Со стороны Вардзина теперь также начал доноситься гром орудий; там сражалось фланговое прикрытие под начальством майора Рейнгардта. Русская пехота двинулась в атаку, но на расстоянии 800 метров, она была задержана, отлично направленным огнем дивизиона Дица, после чего противник начал окапываться в промерзшей земле. В 11 часов 30 минут утра Рейнгардт получил приказ об отступлении; ему без труда удалось оторваться от неприятеля. Русские следовали за ним лишь на почтительном расстоянии.

---

*) В двух дивизиях XXV резервного корпуса, благодаря такой же самоотверженной работе врачей, удалось вывезти около 1400 раненых.

В 2 часа утра в Феликсине генерал-майор фон-Фридебург получил приказ об отступлении; ему также удалось вывезти всех раненых, уложив их в повозки и незаметно оторваться от неприятеля. Переход через р. Мязгу, произведенный на рассвете, через совершенно замерзший брод оказался необычайно тяжелым. Каждую повозку приходилось тащить через брод на людях, так как лошади, подкованные на летние подковы *), скользили по обледенелому берегу. У Гура Зелиона авангард натолкнулся на противника, который после нескольких часов боя был отброшен в лес.

Генерал фон-Шеффер в 6 часов утра переправился через мост у Карпина. Семь ужасных ночных часов прошло после выступления из Хута-Вискитска, пройдено же было всего 12 километров. На дороге лежал перевернутый зарядный ящик с 6 лошадьми и 3 ездовыми, слегка занесенными снегом; окоченевшие ездовые еще сидели в седлах, напоминая опрокинутых оловянных солдатиков. Теперь начался безконечный переход колонн через мост. Генерал фон-Шеффер стоял с обоими штабами у распятия на перекрестке дорог в деревне Карпин. Длинной пестрой лентой тянулись мимо него пулеметные отделения, искровый телеграф, телефонные части, муниционные колонны, обозы, боевые эшелоны, артиллерия, повозки нагруженные ранеными и пленные. Части 49-й и 50-й резервных дивизий, а также и 3-й гвардейской дивизии перемешались друг с другом.

Командир корпуса со своим штабом приводил в порядок колонны, радовался сравнительной свежести и выносливости людей, создавал новые соединения, обсуждал с начальниками создавшееся тяжелое положение, сохраняя при этом все время непоколебимое спокойствие. В новом взятии Брезин он видель единственную возможность спасения из создавшегося положения, а потому он и направил туда свои три пехотные дивизии; для прикрытия тыла была оставлена лишь одна кавалерия. Для намеченного поворота на север дивизиям были даны следующе задания: 50-й дивизии двигаться вперед через станцию Рокицины и Хрусты-Нове; 49-й дивизии—через Борово; 3-й гвардейской дивизии на Галков через лес западнее Борово. I кавалерийскому корпусу прикрывать движение: 6-й кавалерийской дивизией с

---

*) Вследствие энергичного наступления ни одна воинская часть не была снабжена зимними подковами и другими зимними вещами.

юга и 9-й—с востока. Подполковник же Куковский получил приказ с 4 баталионами и 5 батареями 41-й дивизии, по пополнении из боевого эшелона XXV корпуса огнестрельных припасов, совершенно растрелянных в предыдущих боях у Бедона, следовать, как резерв корпуса, за наиболее слабой колонной—50-й резервной дивизией.

С рассветом русскиее начали преследование. Они везде встретили сопротивление наших арьергардов. На севере 6-я гвардейская пехотная бригада удерживала высоты у Буковице, на юге слабое прикрытие вместе с несколькими баталионами гвардии отстаивало холмы у Вардзина; далее к востоку 6-я кавалерийская дивизия прикрывала путь отступлений с юга. На большом Ржговском шоссе арьергард 49-й резервный дивизии, отражая неприятеля, шаг за шагом следовал за последними повозками XXV резервного корпуса.

23-го ноября около 9 час. 30 мин. утра, почти все части XXV резервного корпуса перешли через мост у Карпина. Адьютанты и офицеры-ординарцы штаба корпуса были заняты приведением в порядок необозримой массы повозок, находившихся в бесчисленных колоннах одна около другой в котловине между Борово и Гура Зелиона, а также и восточнее Борово.

Бои на железно-дорожной насыпи у Борово. Борово—узкая, длиной 6 километров деревня, населенная немецкими колонистами, которые приняли горячее участие в наших раненых. С обоих сторон деревни тянется лес: с западной стороны на протяжении 2-х километров, с восточной—почти на столько же, отстоящий в общем лишь на несколько сот метров от деревенской улицы. В стремлении преодолеть возможно скорее этот лесной пояс и тем облегчить разведку своей слабой кавалерии, генерал-майор фон-Саукен с авангардом, состоявшим из 6-ти рот 227-го резервного полка, 2-х батарей 49-го резервного полевого артиллерийского полка и одной полевой тяжелой гаубичной батареи, продолжал безостановочно двигаться вперед через Борово Здесь он ни справа, ни слева не был прикрыт авангардами других дивизий, так как 50-я резервная дивизия только после 49-й могла воспользоваться переправой у Карпина, а 3-я гвардейская дивизия, ведя бой частями 6-й гвардейской бригадой у Гура-Зелиона и удерживая наседающего неприятеля отрядом Рейнгардта у Варзина, своими главными силами теперь лишь приближалась к Буковице.

Слева в стороне от Борово, по опушке леса русская кавалерия сопровождала смертельно измученную походную колонну. То там, то здесь раздавались выстрелы. Приказано было итти все вперед и вперед, чтобы вырваться из кольца. В 7 час. 30 мин. утра авангард 39-й резервной дивизии перешел железнодорожную насыпь к юго-востоку от Галкова. Адский огонь справа, слева, в пол-оборота слева и сзади принудили пехоту развернуться. Кнуты кучеров свистели по совершенно истощенным лошадям, батареи неслись галопом через рельсы и становились непосредственно за пехотой на позиции на высоте 229. В эту самую минуту затрещали первые выстрелы по массам неприятельской пехоты у фольварка Галкувек и по стоявшим в походном порядке и застигнутым врасплох русским батареям. Направленная густыми массами от фольв. Галкувека и Пшановице атака была отбита; в этом принимали участие и, расположенная с правой стороны уступом назад за полевой артиллерией, тяжелая полевая гаубичная батарея майора Ангера. Но волна за волной все снова появлялись серые фигуры с востока, с запада, а также и с севера против защищавшегося на все стороны храбраго отряда. Фланговым пулеметным огнем с подошедшего от Колюшек паровоза было убито несколько канониров, но после трех удачно направленных выстрелов паровоз ушел обратно. Вдруг в тыл и фланг авангарда из леса к северу от железной дороги устремилась волна драгун и казаков. Больше половины всадников растаяло в огне 2-й и 11-й рот 227-го полка; все-же более чем сто сабель заблистали над головами наших артиллеристов. Волна прокатилась дальше через железнодорожную насыпь, обрушилась на передки и легкие мунационные колонны, сметая все подобно вихрю. Галопом понеслись они к штабу дивизии, находившемуся в 400 метров к югу от железной дороги. Генерал-лейтенант фон-Венкер с своим начальником штаба и наскоро собранными людьми всех родов войск—артиллерийскими и колонными ездовыми, штабной охраной, телефонистами, радиотелеграфистами и самокатчиками штаба корпуса, сбили нескольких всадников. Из бросившихся в атаку едва ли кто-нибудь вернулся обратно живым.

Генерал фон-Венкер направился по деревенской улице, чтобы произвести осмотр своей дивизии. Его глазам всюду предстала картина разрушения. Русская артиллерия сильно побушевала на прямой, как стрела, деревенской улице. Опрокинутые, расстрелянные или разбитые повозки, брошенные лошади и мертвые ездо-

вые! Внезапно из промежутка между домами затрещал пулеметный огонь, им был убит генерал. Генерального штаба капитан Мойер был тяжело ранен и перенесен в один из домов. Вторично, за короткий срок, в этот тяжелый момент генерал-лейтенант фон-Тизенгаузен принял командование дивизией. Он был еще далеко у южного выхода из длинной деревни, где он лично руководил посылкою подкреплений окруженному авангарду. Боевые обозы авангарда, точно также как и телефонное и радиотелеграфное отделение XXV резервного корпуса, стояли тем временем на улице деревни беззащитными от стрелкового огня из Хрусты Старе и, особенно, слева из Галковского леса. Обозные лошади падали массами. Многие из раненых, нагруженных ночью, были избавлены неприятельской пулей от своих страданий.

Было 11-ть часов утра. Генерал-лейтенант фон-Тизенгаузен отдал приказ майору Доналиес, с тремя только что прибывшими слабыми баталионами (I/228, III/225 и II/227) вместе с сражавшейся у Гура Зелиона 6-й гвардейской пехотной бригадой пробиться к авангарду правым флангом вдоль деревни в северном направлении.

Полковник фон-Камптц с двумя баталионами 228-го резервного полка находился на западном берегу р. Мязги у Куровице для поддержки 6-й кавалерийской дивизии. Он должен был, после принятия этой задачи приданным дивизии 21-м резервным егерским баталионом, двигаться вперед через Хрусты Старе и присоединиться к авангарду на железнодорожной насыпи. Было уже темно, когда около 5 часов вечера ему и Доналиесу удалось приблизиться к насыпи. Но насыпь уже не была в руках авангарда. Больше десяти часов сопротивлялись шесть слабых рот и батареи повторным бешенным атакам противника в количестве более дивизии. Одно орудие за другим выбывало из строя. На лицо были лишь три орудия способные к бою; снаряды были на исходе, прислуга перебита. Майор Риббентроп лично произвел два последних выстрела, после чего на батарею ворвались русские. С остатками способных еще к бою людей, майор Риббентроп пробился к Ружице, только что взятой вторым баталионом 225-го полка; генерал-майор фон-Саукен с 24 человеками пробился на юг. Авангард сражался с самопожертвованием. Он был уничтожен. Русские зажгли костры и плясали при их свете вокруг захваченных орудий.

Бой у Ружице. Около полудня генерал фон-дер Гольц с своей 50-резервной дивизией подошел к Лазновской Воле. Состоя всего лишь из 8 слабых баталионов (включая сюда и 2-й баталион 5-го гвардейского гренадерского полка) она своим 229-м полком в 3 часа 30 минут дня достигла линии железной дороги восточнее Ружицы, т. е. в то самое время, когда неприятель левее бросил значительно превосходящие силы на остатки авангарда другой дивизии корпуса. Оживленный огонь со стороны Жаковице и Пшановице препятствовал выдвижению через железнодорожную линию несмотря на то, что наступление деятельно поддерживалось выехавшими на опушку леса батареями. Неприятель вводил все новые и новые силы; дивизия была принуждена к обороне, наконец, обойденная на своем правом фланге, она должна была загнуть этот фланг назад. Когда наступила полная темнота, русские бросились снова в атаку. Но сильному встречному удару соединенных под командой капитана Гесслера егерей и пионеров они не могли противостоять и после отчаянного сопротивления были отброшены от самого опасного места. Нового нападения они не посмели произвести. Победа бригады Риделя имела громадное значение для всего резервного корпуса. Будь бригада разбита, 50-я резервная дивизия лишилась бы остатков своей пехоты для встречи неприятеля и, находившаяся левее ея 49-я резервная дивизия, которая была сильно стеснена и на своем фронте, была бы подставлена еще и под сильный фланговый удар.

С расположенным значительно правее на отдыхе у Бендзелина отрядом Куновского установить связь удалось лишь на следующее утро.

Штаб корпуса Шеффера после полудня и вечером 23/XI. (Схемы 11 и 14). Установить связь с 3-й гвардейской пехотной дивизией, которая должна была продвинуться через лес западнее Борово, было совершенно невозможно. Положение штаба корпуса после полудня 23/XI было крайне тяжелое. Около 1 ч. 15 м. дня по радиотелеграфу был получен приказ штаба армии, согласно которому корпус должен был достигнуть Брезин еще 23-го ноября. Одновременно было сообщено, что левый фланг XX корпуса отошел на линию Москуле—Добра—Свендов и что этот корпус также получил приказ 23-го наступать в направлении на Брезины. В виду этого, новый приказ по корпусу, отданный после полудня, предписывал дивизиям: „сегодня-же передовыми частями пехоты во что бы то ни стало достичь Брезин, и во

всяком случае форсировать р. Мрогу". Командир корпуса наблюдал за боем с высоты, юго западнее Хрусты Старе. Масса впечатлений было вынесено им от происходившего в непосредственной близости от него боя. Он видел, как направленный с севера, с запада или востока в сторону Борово неприятельский огонь рассеивал колонны и обозы, сопровождаемые тысячами русских пленных. Одно печальное известие за другим следовало от храбро сражавшихся впереди войск. Как лев бросился генерал-лейтенант фон-Венкер со своими войсками на врага, но его авангард, не имея поддержки ни с востока, ни с запада, не имея помощи от резерва своей дивизии, был уничтожен. Сам он был убит, а его испытанный в боях начальник штаба ранен. Боевые силы, вследствие больших потерь, оказались ничтожными, резервы во время не были подтянуты. На железнодорожной насыпи и южнее ее мы были совершенно скованы русскими. Было гадательно—удасться ли кавалерийским дивизиям дальше удержать неприятеля с фланга и тыла, ибо со стороны Скерневице должны были подойти новые неприятельские силы. От 3-й гвардейской дивизии еще не было никаких известий. От 50 дивизии было известно, что она успешно отбила неприятельские атаки. Наступление должно было быть продолжено на следующий день. Если-бы оно не удалось, корпус должен был-бы, пробиваясь штыками за недостатком огнестрельных припасов, истечь кровью. Но командующий и его ответственные помощники были твердо уверены, что прорыв удастся всему корпусу с захватом с собой всех повозок, всех дрожащих от боли, беспокойства и холода раненых, а также и со всеми пленными. Генерал фон-Шеффер знал свои войска. В этом смысле в штабе корпуса в Хрусты Старе в 8 ч. 45 м. вечера и был отдан приказ для следующего дня; „наступление продолжается. Железная дорога должна быть перейдена в 6 час. утра. Наступать: 50-й резервной дивизии в направлении восточнее Брезин, 49-й резервной дивизии на Брезины и 3-й гвардейской дивизии в направлении западнее Брезин". В остальном приказ для частей, принадлежавших к корпусу, не оставлял сомнений в том, что лозунгом на 24-е может быть лишь „победа или смерть".

Тяжело было в темноте разослать приказ по корпусу по замершим и частью заваленным повозками дорогам, но еще тяжелее было дивизиям передать его в рассеянные части войск.

Но это удалось. Только третий офицер генерального штаба корпуса, капитан фон-Понсе под сильным шрапнельным и пулеметным огнем тщетно пытался найти через выселки „к Галкову“ 3-ю гвардейскую пехотную дивизию. Дальнейшие попытки 49-й резервной дивизии, пославшей в конце концов целый экадрон в направлении выселок „к Галкову“, где предполагали штаб левой соседней дивизии, остались также безрезультатными.

Прорыв главных сил пехоты 3-й гвардейской дивизии на Брезины. (Схемы 14 и 15). Вследствие многочисленных остановок во время марша 23-го ноября, отход 3-й гвардейской дивизии также затормозился. Только с 10-ти часов утра части 5-й гвардейской бригады, а также артиллерия и обозы начали переходить р. Мязгу у выселок „к Буковице“. Для обеспечения переправы, на западном берегу были оставлены две батареи и две пулеметные роты в то время, как прибывший лишь около 1 часа 30 мин. дня, вместе с отрядом Рейнгардта, полевой гаубичный дивизион Дица занял позиции на восточном берегу р. Мязги у высоты 213, находящейся у южной окраины дер. Борово. Дивизион 5-го гвардейского полевого артиллерийского полка Руштрата уже стоял у Гура Зелиона в качестве прикрытия фронтом на северо-запад; тяжелые батареи для марша были приданы к 49-й резервной дивизии.

Как первую цель для наступления своей пехоты генерал-лейтенант Литцман указал опушку большого леса у Галкова. Прикрытие дивизии с тыла было поручено командиру 3-й гвардейской полевой артиллерийской бригады генерал-майору графу Швейниц, в распоряжение которого, кроме его трех артиллерийских дивизионов и обоих пулеметных рот, находились еще две с половиной роты *) 5-го гвардейского гренадерского полка под начальством майора Роосен.

Около полдня 6-я и, левее ее, 5-я гвардейские бригады перешли в наступление через лес шириной в 3 и глубиной в 6 километров. Неприятель оказывал упорное сопротивление в заросшем во многих местах густым кустарником лесу; его приходилось отбрасывать из чащи в чащу.

В 1 час дня в узкой панской избе д. Гура Зелиона состоялось совещание начальника дивизии и его начальника штаба. Отряд

*) Кроме того одна рота охраняла 6000 пленных, взятых армейской группой.

Рейнгардта должен был прибыть с минуты на минуту. Преследует-ли неприятель дивизию и в каких силах—не было известно. После ухода Рейнгардта, Шметтов (Эгон) убедился, что он со своей 6-й кавалерийской дивизией из-за недостатка огнестрельных припасов не в состоянии больше держаться на западном берегу р. Мязги. Для поддержки дивизии он задержал восточнее Куровице два баталиона 227-го полка.

В связи со всеми полученными им сведениями, ген.-лейтенант Литцман пришел к выводу, что армейская группа Шеффера находится в мешке, в котором ей угрожает верная гибель, если неприятель начнет теснить с запада и юга. На быстрый и успешный прорыв 49-й и 50-й резервных дивизий ген.-лейтенант Литцман рассчитывать не мог; казалось, что масса колонн и обозов, собранных у Гура Зелиона с уложенными на них многочисленными ранеными должны быть принесены в жертву. Огнестрельных припасов в дивизии было мало. Боевая сила ее, благодаря тяжелым потерям обоих последних дней, упала; в 3-й гвардейской дивизии осталось не более 4000 штыков *). Хотя большая часть офицеров пехоты была убита или ранена и войсковые части, как пехоты, так и артиллерии, в беспрерывных боях и схватках сильно поредели, но их руководитель был все-же в них уверен. Генерал-лейтенант Литцман принял тяжелое и ответственное решение, а именно, не обращая внимания на сражавшиеся восточнее него войска, пробиться с имевшейся на лицо пехотой 3-й гвардейской дивизии через большой лес к северу от Гура Зелиона не взирая на предстоявшее наступление темноты и трудность управления войсками в густом кустарнике. Залогом успеха было то, что генерал-майор граф Швейниц был в состоянии с находившимися в его распоряжении силами прикрывать пехоту с тыла. Ему был оставлен баталион Роозена, а также и 3-й баталион 5-го гвардейского гренадерского полка, находившийся при 50-й резервной дивизии. В худшем случае артиллерия вместе со всеми колоннами и обозами была-бы принесена в жертву. Но в этом критическом положении было-бы уже много достигнуто, если-бы удалось сохранить от угрожавшего уничтожения хотя-бы главную массу пехоты дивизии. Можно было также надеяться, что после удачного прорыва появление этих сил в тылу у русских окажет решительное влияние на разрыв находящегося

---

*) Во всей армейской группе находилось не более 8000 штыков.

вокруг отряда неприятельского кольца. Целью прорыва являлся захват узла дорог в Брезинах. Ибо овладение им лишало неприятеля, находившегося против XXV резервного корпуса его тыловой связи и ослабляло силу его сопротивления.

Между тем, со своим отрядом прибыл майор Рейнгарт. В 2 ч. 30 мин. дня он выступил из Гура Зелиона. Без боя он достиг лесной дороги, что в 500 метрах к югу от железной дороги, и здесь он соединился со своим 1-м баталионом. Часть леса, пройденная им, носила явные следы бывших незадолго перед тем кровавых боев.

В 3 часа дня, когда штаб дивизии уже садился на лошадей, позади только-что исчезнувших в лесу баталионов Рейнгарта, откуда-то появились сибиряки, открывшие с близкой дистанции бешенный огонь по стоявшим здесь колоннам и обозу дивизии. Кучера схватились за возжи и кнуты, ударили по своим лошадям и, как-будто гонимые какой-то невидимой силой, повернули свои повозки направо—бросаясь в дикое бегство через открытое поле. Это была ужасная картина, которую не может вообразить себе самая пылкая фантазия. Казалось, катастрофа неминуема, но быстро подтянутая пехота отбросила врага.

Вскоре после этого, далее к северу, несколько русских рот совершенно неожиданно, стремительно бросились из густого леса на фланг дивизиона Рустрата и захватили правофланговую батарею. Оттуда они направили сильный огонь на другие батареи, что угрожало потерей всего дивизиона. Но орудия остальных двух батарей были быстро повернуты и направлены против потерянной и тут-же с криками „ура" она была взята обратно. Майор Рустрат пал, пораженный в грудь. Тяжелы были наши потери, но еще тяжелее пострадали русские; ускользнули лишь немногие из тех, кто взял гвардейскую прусскую батарею.

Под прикрытием полувзвода пехоты, на правом фланге которого в качестве стрелка шел также и член военного суда, начальник дивизии в 3 ч. 30 мин. дня отправился в лес, чтобы лично руководить боем на железнодорожной насыпи.

Наконец заговорили и немецкие орудия; подошедшая батарея, поставленная на лесной полянке, открыла огонь по русским, окопавшимся на железнодорожной насыпи и выемке. Волшебное лунное сияние озарило поле битвы. Вдруг слева раздалось громкое „ура" и во главе 1-й роты 28-го пионерного баталиона со шпагой в руке генерал-лейтенант Литцман со своим штабом бросился

в атаку на железнодорожную выемку, что около домика железнодорожного сторожа у Галкова.

Галков был взят и здесь в курятнике сторожки, в 7 час. 25 мин. вечера был отдан короткий приказ: „Продолжать марш на Брезины. После взятия города за приказом являться на рынок в старую квартиру занимавшуюся штабом дивизии 18-го ноября". Генерал-майору графу Швейниц был послан приказ подтянуть артиллерию и колонны к Галкову, штабу XXV резервного корпуса было отправлено донесение*) об удачном прорыве и о предполагаемом дальнейшем наступлении на Брезины.

Между тем силы войск все более и более таяли. Начальники просили о продолжительном отдыхе. Но начальник дивизии требовал немедленного исполнения принятого в полдень в Гура Зелиона решения.

Походная колонна была втянута, но в наличности оказался лишь половинный состав четырех полков дивизии. Колонна тронулась. У западно выхода из Галкова дорога была оставлена—дальнейший путь пролегал через промерзшие пашни без дорог и тропинок на север вдоль лесной опушки. Пронизывающий холод, сильный голод и бессонная ночь, проведенная в бою и в походе, страшно изнурили войска. Смертельно уставшая колонна еле продвигалась вперед, люди спотыкались и падали, вставали и тащились далее. Они спали в движении, спали стоя. Вдруг справа раздались выстрелы русской сторожевой заставы; колонна бросилась на землю, но огонь быстро смолк и марш был продолжен дальше к Галкувеку. Здесь дома были окружены, спящие разбужены и взято 80 очередных пленных. Наступил 1 час ночи; дорога казалась безконечна, проводников не было; но когда войска подошли к знакомому месту боя 5-го гвардейского полка и увидели могилу пять дней тому назад павшего в бою у Малчева капитана фон-Зеелера; возникшее сомнение о направлении марша исчезло.

Уличный бой в Брезинах. В 3 часа утра на высотах юго-западнее Брезин было произведено развертывание; стрелки были рассыпаны на широком фронте, чтобы одновременно с юга и юга-запада ворваться в лежащий в котловине город. Двинулись с заряженными ружьями. Один из русских наружных караулов, стоявший на дороге, был уничтожен штыками. Пехота ги-

---

*) Ординарец с донесением не достиг штаба корпуса.

визии вошла в город без выстрела. Гренадеры и фузилеры бесшумно бросились в первые дома Тех, кто не сразу сдавался прикалывали штыками. Пощады не было. Благо и спасение своих войск требовали, чтобы все было сделано, пока еще не поздно. Внезапно из всех окон и дверей был открыт огонь. Особенно яростно сражались на улицах у базарной площади, где одним из первых пал обер-лейтенант резерва 5-го гвардейского пехотного полка Гинце. Первоначальная тишина сменилась шумом боя, грохот которого разносился в узких улицах; затем все смолкло.

Окончательно изнуренные баталионы сначала должны были завоевать себе квартиры. Лишь немногие русские ушли; остались они еще, главным образом, в восточной части города, для очистки которой не хватало войск. Командир IV сибирского корпуса ускакал верхом, часть его штаба попала в плен, его автомобиль и корпусное казначейство были захвачены.

В 5 час. утра в аптеке на базарной площади был отдан приказ об отходе. Отсюда в штаб корпуса, расположенный в Хрусты Старе, был послан отряд самокатчиков с донесением о взятии города и соответствующим приказом генерал-майору графу Швейниц.

Небольше часа продолжался ночной покой. Когда стало светать, большие русские силы, сбив храбро защищавшийся наружный караул, проникли с востока и юга в город. (Схема 15). Шум боя заглушил раздавшийся в 6 час. 30 мин. утра сигнал к тревоге. Под градом пуль бравые пионеры бросились вперед и подожгли восточную часть города, чтобы выкурить еще скрывавшихся в домах русских. На улицах закипел тяжелый бой.

В 9 час. утра на высотах к северо-востоку от города появилось несколько походных колонн, они перешли в северо-восточном направлении дорогу на Стрыков. Баталион учебного полка Герольда стоял в качестве единственного резерва у северного выхода из города, но и он был слишком слаб для защиты от угрозы тылу. Казалось, теперь должна решиться судьба пехоты дивизии. На разведку был послан офицерский патруль; попав под огонь, он все-таки продолжал скакать дальше к колоннам и вернулся к дивизии вместе с „неприятельским" начальником — генерал-майором фон-Фриденбург. Оказалось, что после штурма железнодорожной выемки он с частью своей бригады пробился к северной опушке Галковского леса. Приказ о наступлении дивизии до него не дошел и, избегая столкновения с превосходящими силами

противника, он с рассветом у Галкувека свернул на север мимо Витковице.

Кроме оставленных при артиллерии и 50-й резервной дивизии двух баталионов, а также и трех еще отсутствующих рот, теперь налицо была вся пехота дивизии. Даже считавшиеся потерянными четыре орудия были найдены вместе с боевым обозом на дороге через Малчев на Брезины.

Около 11 часов утра на горизонте к югу от города стали заметны дымки разрывов—признак того, что бой XXV резервного корпуса приближается.

Окончательный разрыв русского кольца.

(Схемы 14 и 15).

Штаб корпуса провел ночь в Хрусты Старе. Здесь, на рассвете на деревенском выгоне доблестный, впоследствии убитый, священник 50-й резервной дивизии фон-Водтке отслужил молебен. Серьезные и возвышенные слова священника произвели глубокое впечатление на людей резервов, мунизионных колонн, обозов и раненых. После молебна генерал фон-Шеффер со своим начальником штаба майором фон-Масс остался у креста на улице д. Хрусты Старе. Вдали была слышна канонада; ружейный и пулеметный огонь раздавался еще сравнительно слабо. Несмотря на это, наступление не продвигалось, так как войска были изнурены и крайне нуждались в отдыхе. Положение могло спасти только лишь вмешательство XX корпуса с севера и вследствие этого в 6 час. 45 минут утра в штаб корпуса была послана следующая радиотелеграмма: „XXV резервный корпус вперед не продвигается. Громадный недостаток в огнестрельных припасах и продовольствии. Просим немедленной помощи в направлении на Брезины. Положение серьезное".

На крайнем левом фланге, западнее 49-й резервной дивизии находился ген.-майор граф Швейниц с артиллерией 3-й гвардейской пехотной дивизии без четырех орудий и баталиона Розена. На основании полученного в 9 час. вечера, 23-го ноября, в д. Борово приказа по дивизии, он назначил выступление своего отряда из д. Гура-Зелиона на 12 час. ночи. Произведенная к этому времени разведка установила, что образовавшийся на железной дороге после прорыва промежуток снова занят русскими и что их силы все еще находятся в лесу между

Гура-Зелиона и железной дорогой. Поэтому казалось бессмысленным направить в лес в темноте и по узкой дороге мало подвижный и, особенно, трудно управляемый отряд. Генерал решил произвести марш на Галков вне леса вдоль д. Борово. Когда же обнаружилось, что лежащая южнее железной дороги группа домов выселков „к Галкову“ прочно занята неприятелем, наступление было отложено до рассвета. По получении дальнейших сведений, что у выс. „к Галкову“ находятся лишь вынесенные вперед позиции и что главные русские позиции тянутся сзада нее вдоль железной дороги, стало ясно, что отдельное продвижение пехоты, лишь одного слабого отряда невыгодно и необходимо совместное действие с 49-й резервной дивизией. Поэтому в 5 часов утра ген.-майор граф Швейниц отправил в штаб корпуса следующее донесение: „По приказу 3-й гвардейской пехотной дивизии вся артиллерия, колонны и обозы дивизии должны следовать на Галков. Я располагаю артиллерию (8 батарей) между Борово и лесом для того, чтобы на рассвете поддержать 49-ю резервную дивизию“.

К 8-ми часам утра положение в корпусе Шеффера представляло следующую картину: на левом фланге в лесу южнее выс. „к Галкову“, главные силы баталиона Роозена были готовы к наступлению; к востоку и западу от д. Борово батареи 5-го и 6-го гвардейских полевых артиллерийских полков находились в бою в то время, как Ланселю с его 2-й батареей на южной окрайне деревни на высоте 213 было поручено прикрытие тыла против Куровице. Один взвод фузилерного баталиона 5-го гвардейского гренадерского полка запирал в районе Гура Зелиона переправу у Буковице. Противник окопался здесь на западном берегу реки Мязги и через лес обстреливал артиллерией д. Борово. Один дивизион гвардейской артиллерии под командой майора Дица был придан 49-й резервной дивизии. Перед ним, пересекая дорогу из Борово, окопались 5 рот 228-го резервного полка, сзади них находился майор Доналиес с 11-м баталионом 227-го полка и остатками 11-го баталиона 225-го полка. Вся артиллерия дивизии, часть которой снималась с передков под сильным неприятельским огнем, для совместного действия против высоты 229, заняла позицию в районе Хрусты Старе. Против этой цели атаки с фланга уже действовал полковник фон-Камптц с пятью сводными ротами, которые он рассыпал южнее железной дороги у Ружицы. С востока к нему примыкал 11-й баталион 5-го гвар-

дейского гренадерского полка. Правее, между дорогой ведущей на Жаковице и железной дорогой—50-я резервная дивизия, на основании приказа по корпусу от 23-го ноября, вечером производила необходимые перегруппировки и приготовления. Подчиненный ей отряд фон-Куновского (72-й егерский баталион) был двинут через железнодорожную насыпь для охвата с востока.

В час. утра граф Швейниц отдал приказ о наступлении на высылки „к Галкову" и железнодорожную насыпь южнее Галкова. Редкими цепями продвигался майор Роозен со своими ротами против огнедышащей группы домов, галопом вылетали вперед сквозь стрелковую линию батареи 5-го гвардейского полевого артиллерийского полка, чтобы с расстояния 1.200 метров взять под обстрел дома. Тоже самое делали далее вправо и развертывавшиеся к западу от окраины д. Борово, батареи 6-го гвардейского полевого артиллерийского полка.

Перекатами, обгоняя взвод за взводом, артиллерия следовала не только вплотную за пехотой, но и выносилась галопом вперед за стрелковые цепи, пролагая дорогу родной пехоте.

Смелым штурмом были взяты русские окопы у выселок „к Галкову", вскоре за этим была занята и пылавшая группа домов. Перед нашим фронтом лежала сильно занятая неприятелем железнодорожная насыпь.

Огонь русской артиллерии быстро развивался; некоторые гранаты, залетавшие от Буковице, заставили муниционные коконны и обозы перейти в северную часть поля боя.

В это время подталкиваемая сзади повозками, колонна пленных вышла на прикрывающую ее высоту; но здесь она подвергалась ураганному обстрелу и, ища спасения, залегла на землю; эта сомкнутая, как будто для удара, „немецкая бригада" произвела на русских впечатление наших сильных резервов. Пули американской шрапнели стоили жизни многим одетым в полушубки фигурам.

Наступил критический момент боя. Неприятель усиливался все более и более; он постепенно накапливался также и на опушке леса к юго-западу и к югу от „к Галкову". От страшного обстрела с трех сторон наступавшие принуждены были залечь. Отдельные небольшие группы войск были повернуты на нового врага. Наступавшие из леса русские, которых можно было ожидать каждую минуту, должны были видимо уничтожить наши незначительные силы и забрать всю артиллерию. Поло-

жение было крайне серьезно. Надо было подумать о спасении штандарта 1-го гвардейского резервного уланского полка, что граф Швейниц поручил лежащиму возле него ротмистру фон Леттову. Последний ползком добрался до лошади, стоявшей у прикрытия, вскочил на нее и галопом помчался в лес, где штандарт был разделен по частям. Один улан взял древко, другой оправу, сам-же Леттов спрятал под свой мундир полотнище. Отсюда они направились к востогу через Хрусты Старе.

Соседняя 49-я резервная дивизия заметила трудное положение товарищей; там чувствовали, что от исхода боя соседних частей зависела и их собственная участь. В 9 час. 10 мин. утра, на основании приказа по корпусу, отданного вечером 23-го ноября, было предписано наступать по обоим сторонам дороги Борово — Пшановице. В дело были пущены все резервы; дивизия сражалась не на жизнь, а на смерть. Под сильным обстрелом спереди и со стороны Галкова, обстреливаемая также с фланга и тыла со стороны Буковице, дивизия боролась за ключ позиции—высоту 229 и лежащую перед ней железнодорожную насыпь на участке восточнее Борово. Три батареи 49-й резервной дивизии подошли к железной дороге на расстояние одного километра, откуда они открыли меткую стрельбу вдоль железнодорожной насыпи. Но какова была участь 50-й резервной дивизии, никто не знал. Бывшие накануне тяжелые бои, а вместе с тем все усиливавшийся недостаток в снарядах, неоставляли никакого сомнения о ее тяжелом положении. В виду этой неопределенности, штаб корпуса с напряженным вниманием следил из своего расположения в Хрусты Старе за ходом боя. Генерал фон-Шеффер даже предупредил командира своего кавалерийского корпуса о своем намерении бросить конницу в атаку восточнее железной дороги в северном направлении на участке Рокицины—Колюшки. Генерал-лейтентан фон-Рихтхофен уже сделал все нужные распоряжения, когда прибывший в 10 ч. 30 м. утра патруль самокатчиков от учебного пехотного полка, под начальством унтер-офицера Алкенингса, сообщил изумительную весть, что Брезины ночью взяты гвардией. С видимым облегчением и радостью было принято генералом фон-Шеффером, его штабом и всеми присутствующими сообщение генерал-лейтенанта Литцмана: „Железнодорожная насыпь в указанном районе взята штурмом в 6 час. 45 мин. вечера. Галков очищен от противника. В Галкове взято 80 пленных. Сильно изнуренная дивизия своими

главными силами в 4 часа утра достигла и захватила Брезины. Во время боя на улицах города убит обер-лейтенант Гинце. Убедительно прошу на сегодня прекратить дальнейшее движение дивизии".

Уже при оставлении Брезин самокатчики попали под неприятельский обстрел; они без потерь доехали до вновь занятого русскими Малчева. Избегая населенных мест, через поля, ехал Алкенингс к северо-западному углу Галковского леса, затем вдоль его опушки, а потом лесом прямо на Галков. На улице деревни было много русских. От железнодорожной сторожки ему был виден тыл русских позиций у выселков к Галкову, находившихся под сильным огнем немецкой артиллерии. Сам он, будучи обстрелян на жезезнодорожной насыпи стрелками, скрылся в лес и, несмотря на свирепый холод, весь в поту, продвинул свои самокаты благополучно через железную дорогу и дальше через чащу, пока промерзшая тропинка не позволила ему более быстрой езды. Скоро Алкенингс увидел немецкую цепь, стоявшую у Борово фронтом к лесу; он помахал каской, приветствуя товарищей и быстро направился далее к Хрусты Старе, где командир корпуса лично от него получил богатое содержанием донесение, которое в 11 час. 52 мин. утра по радиотелеграфу достигло штаба армии в Гогензальца и рассеяло там все опасения. Железный крест 1-го класса явился достойной наградой за совершенный подвиг унтер-офицера; его спутник ефрейтор Мюллер получил железный крест 2-го класса.

В приказе по корпусу, отданном в 11 час. 25 мин. утра генерал фон-Шеффер выразил дивизии свою благодарность. Положение, однако, было еще серьезное. Начальник 49-й резервной дивизии, генерал-лейтенант фон-Тизенгаузен, охарактеризовал его следующими словами: „Нет никакого сомнения, что если мы не пробьемся сегодня вечером, то завтра все будем или перебиты, или находиться на пути в Сибирь". С быстротой молнии радостная весть передавалась от человека к человеку, от колонны к колонне; больше всех радовались тысячи раненых, которые, страдая от жестого холода, со спокойным мужеством ожидали своей участи.

В штаб XXV резервного корпуса, вскоре после получения донесения 3-й гвардейской пехотной дивизии, поступили благоприятные известия и от 50-й резервной дивизии. Около 8 час. 15 мин. утра она выступила и скоро заняла район по обоим сто-

ронам железной дороги Рокицины — Колюшки. Вечером 23-го ноября после короткого удара отряда Хесслера, русские ночью очистили поле битвы. Когда были получены сведения, что на дорогах, ведущих от противника, ничего не заметно и что, напротив, перед 49-й резервной дивизией русские еще держатся, генерал-лейтенант фон-дер Гольц приказал главным силам своей дивизии атаковать русским во фланг. Его пехота, без отряда Куновского, силой в общем едва-ли более 1.000 штыков была, конечно, слишком слаба для наступления. Итак, обстановка представляла следующую картину: на левом фланге на высотах к западу от Жаковице залегли 2-й баталион 5-го гвардейского гренадерского полка и 229-й полк, далее к северу, у Колюшки—231-й полк и 22-й резервный егерский баталион. Вплотную сзади них, частью на открытые позиции, выехали 50-й резервный полевой артиллерийский полк, полевой тяжелый гаубичный баталион и 2-й баталион 15-го тяжелого артиллерийского полка. Отряд Куновского был отправлен в Лисовице для нападения на русских с тыла и затруднения им отхода на Брезины. Известие о вступлении генерал-лейтенанта Литцмана в Брезины начальник дивизии получил от прибывшего к нему командира XXV корпуса. Из башенки одной из дач д. Жаковице они оба наблюдали за полем боя между железной дорогой Колюшки—Лодзь и низменностью р. Мроги. Продолжавшийся в течение немногих часов огонь артиллерии 50-й резервной дивизии имел самое могущественное действие. Русские батареи, хотя и были хорошо прикрыты от артиллерии 49-й резервной и 3-й гвардейской дивизий, но большей частью стояли беззащитными от флангового огня с востока. Снаряд за снарядом попадали в цель, уничтожая орудия, прислугу, запряжки. Через кратчайший промежуток времени русские оставили свои орудия и скрылись под ближайшее прикрытие. При повторных попытках вынырнуть, перекрестный огонь немецкой артиллерии рядами скашивал прислугу и лошадей. Взлетевшие на воздух зарядные ящики увеличивали расстройство и скоро можно было видеть, как все, еще не лежавшие убитыми или ранеными не земле, бросились оттуда пешком или верхом. Некоторым батареям или орудиям, которым удалось уйти с позиций, огонь, направленный вслед, препятствовал стать снова на позиции и еще раз принять участие в бою. Батареи отряда Куновского со стороны Колюшки также ввязались в бой. Особенно удачно действовал тяжелый

артиллерийский баталион Кунце, который привел к молчанию 18 орудий противника. После разгрома неприятельской артиллерии шрапнель за шрапнелью, граната за гранатой, шипя, полетели в широкие, густые русские стрелковые цепи. Это продолжалось недолго, затем массы коричневой пехоты последовали примеру их товарищей артиллеристов и бросились в поспешное, беспорядочное бегство, в направлении высот у Брезин. В этих беспорядочных массах, благодаря беспрерывному немецкому огню, который их преследовал, смерть собрала обильную жатву.

Еще один короткий и напряженный момент,—в расстоянии нескольких сот метров за одной из стоящих перед железнодорожной станцией Колюшки батарей 50-й резервной дивизии вдруг появился поезд с русской пехотой. Батарея повернула орудия; достаточно было нескольких хорошо направленных в поезд гранат, чтобы сидящие в нем обратились в поспешное бегство под прикрытие находящегося по ту сторону станции леса.

Между тем на участке 49-й резервной дивизии кипел бой за железнодорожную насыпь. Справа от Борово наступал полковник фон-Камптц; слева от этой деревни полковник Креднер со своими сильно поредевшими и к тому-же слабыми частями. Майор Диц, жертвуя легким гаубичным дивизионом, выдвинул его вперед для последнего отчаяного решительного удара. Пройдя стрелковую цепь 49-й дивизии, батареи заняли позицию, которая позволила фланкировать насыпь на всем ее протяжении. Теперь генерал-лейтенант фон-Тизенгаузен направил в наступление вправо от дороги свой последний резерв—баталион Доналиеса; поддержанный батареями, с которыми их полковой командир полковник фон-Этцель галопом достиг стрелковых цепей, полковник Креднер с криками „ура“ бросился на злосчастную высоту 229. Почти одновременно с ним, с востока достиг высоты 229 и полковник фон-Камптц. Благодаря натиску 50-й резервной дивизии, последний получил возможность штурмовать железнодорожную насыпь, а затем занять и Пшановице. Блестяще поддержанный под'ехавшими к линии его цепей батареями, которые снимались с передков непосредственно позади родной пехоты, он мог отбросить врага на север. Затем он по собственной инициативе повернул свои части на высоту 229, так как оттуда его группа сильно обстреливалась с фланга. В 11 час. 30 мин. утра вся неприятельская позиция была целиком в немецких руках.

800 пленных, 6 пулеметов и 8 орудий попали в руки победителей. Кроме того нами были захвачены и потерянные накануне немецкие батареи. Быстро собрав людей, майор Риббентроп достал снаряды и в отместку за ночное нападение начал посылать свои огненные поклоны вслед за отступающим врагом. Батареи со всех сторон спешили к высоте и скоро русские бросились в бегство на Брезины и в западном направлении, преследуемые нашим губительным артиллерийским огнем. Но на железнодорожной насыпи южнее Галкова они все-таки упорно сражались. Наконец, около 3-х часов некоторое облегчение почувствовал и сильно теснимый противником баталион Розена. Неприятель был отброшен в лес к западу и юго-западу от Галкова. Теперь было сломлено и последнее его сопротивление.

Лишь на короткое время удалось отходящим на север жалким остаткам V сибирского корпуса задержаться в дворах на участке р. Мроги, затем они бросились к высотам у Витковице, вероятно с намерением еще раз оказать нам сопротивление.

Около полудня войска генерал-лейтенанта Литцмана, находившиеся у Брезин, отбросили неприятеля к востоку от города на Пржеславл, а 5-й гвардейский пехотный полк с значительными потерями взял лежащий южнее фольварк Св. Анна. Все освободившиеся силы были стянуты для новых операций к лежащей южнее города высоте 237. Все напряженно смотрели на юг; раздававшийся оттуда все отчетливее гром канонады не оставлял сомнений, что XXV резервный корпус продолжает двигаться вперед. Принятое ранее решение наступать на юг через Витковице, было отменено, когда западнее названной деревни показались колонны артиллерии противника направлявшиеся на Малчев. Они были взяты под верный обстрел четырьмя нашими орудиями, занимавшими позицию на высоте 237; в то же время другие русские батареи, приближавшиеся с юга к фол. Святая Анна расстреливались пехотой и ротой пионер, а толпы бегущих сибиряков сдавались без боя.

В 3 часа 30 минут дня к генерал-лейтенанту Литцману прибыл от генерал-майона графа Швейниц с докладом ротмистр фон-Леттов. На основании его слов надо было опасаться больше всего за артиллерию. Поэтому и было приказано продолжать удар на юг. Полки уже двинулись, как вдруг было получено новое радостнсе известие, и наступление приостановлено. Одновременно с этим на горизонте показались передовые части победоносного XXV

резервного корпуса. Непосредственно за ними следовали обозы и колонны с ранеными 49-ой резервной дивизии,—через Хрусты Старе—Жаковице, и 3-й гвардейской дивизии—через фол. Галкувек и Витковице. Пленные, представляя собой полки в походных колоннах, помогали их продвижению вперед по раз‘езженным и промерзшим дорогам.

Генерал фон-Шеффер во главе своих войск в 5 часов вечера в‘ехал в город. Его настроение лучше всего передают слова, с которыми он обратился к генерал-лейтенанту Литцману на базарной площади в Брезинах: „Поздравляю Вас со вчерашней победой, которая сделала возможными спасение и успех моему корпусу. Благодарю Вас за это“.

На поле битвы спустился мрак. Массы валявшихся на дороге и около нее трупов, разбитых орудий и повозок являли картину еще недавно кипевшей здесь жестокой битвы. Фура за фурой, колонна за колонной гремели до поздней ночи, устремляясь по промерзшей дороге и по сторонам от нее к Брезинам.

Кавалерийский корпус Рихтхофена, между тем, дал у Лозновской Воле бой превосходящему в силах отряду Новикова.

Отступая перед наседающим неприятелем с высоты на высоту от рубежа к рубежу, оби кавалерийские дивизии остановили его на р. Мроге; в то-же время гвардия обеспечивала с запада и юго-запада наступление армейской группы против определившегося наступления русских на Липины; 49-я резервная дивизия с кавалерией приняла на себя обеспечение фланга с юга, а 50-я резервная дивизия с кавалерией с востока.

В двухдневном горячем бою немецкие войска разорвали русское кольцо.

Императору были сохранены 3 пехотных и 2 кавалерийских дивизии, а отечеству возвращены его сыны. Около 1500 трупов покрывали насыпь, было насчитано около 2800 раненых, из которых около 2.000 захватить с собой. Длинная колонна повозок, на которых были положены раненные, 25-го прибыла в Стрыков. Много повозок везли или тащили на себе пленные. Взятые у неприятеля орудия и пулеметы были привязаны к фурам или тащились пленными, ввиде бесконечной пестрой ленты. Шествие производило радостное и глубокое впечатление на зрителей, которые едва-ли мечтали увидеть кого-либо из армии Шеффера.

„Одна из самых блестящих операций текущей кампании“, как выразился штаб главнокомандующего в приказе по войскам

от 1-го декабря была закончена, не было потеряно ни одного орудия, были подобраны почти все раненые, к тому-же было взято 16.000 пленных, 64 орудия и 39 пулеметов. Такова оказалась русская „победа", хвастливо разглашенная по всему свету русско-англо-французской прессой. Уже вечером 23-го ноября было известно, что на перегоне Скерневице—Варшава были приготовлены пустые поезда для эвакуации плененной немецкой армии, состоявшей из трех армейских корпусов и двух кавалерийских дивизий. Но сутками позже русские должны были признать, что, к сожалению, неприятелю, благодаря образцовой перемене фронта, удалось избежать плена. В издающихся в Петрограде враждебных немцам „Биржевых, Ведомостях" от 4-го декабря, военный обозреватель Шумский писал: „Большое число немецких баталионов проникших до Ржгова и Тушина, было окружено со всех сторон огромным количеством русской кавалерии. Но эти войска силою в три корпуса, *) геройскими боями проложили себе дорогу сквозь русских чем заслужили уважение всего русского военного мира".

Геройское мужество и самопожертвование старой гвардии и молодых резервных частей довершили это дело. Полон трудностей и опасности был путь, указанный командующим. Соответственным образом его поддержали и начальники дивизий. В то время, как Литцман в ночном бою прорвался сквозь неприятеля и решительным наступлением и настойчивым немедленным использованием успеха в эту же ночь овладел Брезинами, выйдя таким образом в тыл русским, граф Швейниц и фон-Тизенгаузен стойко удерживали неприятеля с фронта, дав этим фон-дер-Гольцу время напасть на него с фланга. Одновременно кавалерийские дивизии Рихтхофена обеспечивали тыл.

До взятия Лодзи.

После событий, происшедших 22-го и 23-го ноября, штаб армии правильно оценил обстановку, создавшуюся вследствие обхода с востока и юга русских подкреплений. Вечером 23-го в штабе армии господствовала полная неопределенность о судьбе армейской группы Шеффера. Была взвешена мысль оттянуть армию от

---

*) На самом деле только три слабых пехотных дивизий, силой едва ли около 8000 тысяч штыков.

Лодзи, чтобы дождаться за участком р. Бзуры подхода подкреплений. Но только лишь при настоятельной необходимости генерал фон-Макензен хотел привести в исполнение это соображение. В доверии к своим войскам он решил сражаться до конца и этим одержать победу, тем более, что сюда подходили подкрепления: II корпус двигавшийся через Калиш, и 1-я пехотная дивизия— через Торн. Главнокомандующий твердо держался этого решения.

24/XI—14. (Схема 16). 24-го ноября обстановка на остальном фронте армии была следующая: генерал-лейтенант фон-Ментес с одной колонной корпуса „Бреславль" овладел переправой через р. Видаву у Видавки; другой—бригадой Шмидеке он занимал укрепленную позицию юго-восточнее Здунска Воля. Ген. ф. Фроммель, совместно с корпусом „Познань", препятствовал продвижению русских у Шадека. Такое же поручение имела 8-ая кавалерийская дивизия, находившаяся южнее Малина.

Воздушная разведка, посланная XI корпусом, установила сосредоточение крупных сил в районе Ласк — Яновице, и наступление двух колонн неприятеля против правого фланга 38-й дивизии. Развившееся здесь после полудня наступление противника угрожало прорывом фронта дивизии, сражавшейся на фронте шириной до 17 километров, но это наступление было приостановлено заградительным артиллерийским огнем.

На фронте 36-й дивизии и примыкавщего к ней слева XVII корпуса происходили менее значительные бои, но тем сильней были атаки, направленные русскими против правого фланга XX корпуса. Отданный корпусу уже накануне приказ по армии о спешной посылке на Брезины сил на помощь XXV резервному корпусу, был повторен штабом армии в настоятельной форме. Но этот приказ не был выполнен, так как корпус сам был скован на своем фронте. Казалось, что со связанными руками, должен будет смотреть генерал ф. Шольц как обрушится катастрофа на армейскую группу Шеффера, в состав которой входят и части его собственных войск.

Около полудня у Бялы неприятель начал отступать; одновременно с этим под немецким артиллерийским огнем ослабели сильные русские атаки, направленные через Сведов. Отряд Кюстера, совместно с левым флангом 41-й дивизии, сильной контратакой занял Стрыков и вечером проник еще далее вперед до линии Стрыков—Козле, причем было взято свыше 1000 пленных.

Угро за тылу этим была устранена; кроме того поступили сведения одного летчика об удачном прорыве армейской группы Шеффера.

Этот беспримерный успех мог послужить также поводом к замеченному летчиком оживленному движению поездов на перегоне Скерневице—Варшава. Это были либо пустые поезда приготовленные для эвакуации немецкой „армии“, возвращавшиеся в „Сибирь“ без пленных, либо под‘езжавшие с новыми подкреплениями.

Посланная из I резервного корпуса через Соботу на Бялу 70-я резервная бригада отбросила у Монколице сопротивлявшегося ей противника и своим появлением на фланге ускорила отступление разбитого при Бяла и Сведноводе неприятеля.

1-я резервная дивизия, сражавшаяся под Ловичем фронтом на юг, была рано утром атакована на своем левом фланге превосходящими силами врага. Положение стало критическим,—неприятель двинулся в наступление также и из города. Фланговый удар, подходивших со стороны Кернозя бригады Грегори и отряда Шмидта, своевременно остановил атаку. Ввиду громадного превосходства неприятеля и на основании приказа по армии, который требовал обеспечения левого фланга армии, находящегося на северном берегу р. Бзуры с востока. Генерал-лейтенант ф. Морген решил ночью своим корпусом снова взять высоты от Здуны—Редки—Неспуша.

25/XI—14. В течение 25-го ноября русские ощупывали эту позицию только своей разведкой; но после наступления темноты они решились на прорыв у Неспуша, где им и удалось потеснить немецкий левый фланг. Когда же вечером сильные неприятельские обходные колонны были обнаружены еще дальше к северу у Осмолина и Львовека, генерал-лейтенант ф. Морген опять воспользовался ночной порой, чтобы оторваться от неприятеля и отойти за участок р. Присовой. Выбором этой позиции он думал создать благоприятную обстановку для подчиненной ему 1-й резервной дивизии, которая в движении через Коваль должна была 27-го достигнуть Гостынина.

Направлением наступления 3-й гвардейской дивизии был назначен Несулков, а XXV резервного корпуса—Гловно, в то же время XX корпус, наступлением через Стрыков, должен был достигнуть соединения с гвардией у Сержни, а кавалерийский корпус Рихтгофена задержать неприятеля у Брезин.

Прорыв на Брезины избавил, правда, армейскую группу Шеффера от окружения превосходящими силами противника, но

все же не дал ему возможности протянуть руку соседнему XX корпусу. Между Брезинами и Стрыковым еще зиял промежуток около 15 километров, и, несмотря на успех 23-го и 24-го ноября все-же являлась опасность охвата со стороны Лодзи и Скерневице.

Люди и лошади были изнурены, обстановкв—невыяснена, а потому отправка обоза в ночь на 25-е в тыл была исключена, так как надо было еще до отхода боевых сил прикрыть отправку этой значительной массы обозов. XXV резервному корпусу было поручено прикрытие в восточном и юго-восточном направлении, а 3-й гвардейской дивизии — в западном и юго-западном. Снабжение и нагрузка этого большого количества раненых, при недостатке повозок, требовали много времени; лишь после полудня 50-я резервная дивизия, а вслед за нею и 49-я, могли выступить на Волю Цирусову, после того, как колонны и обозы уже были в движении на названную деревню и на Несулков. (Схема 17). 3-й гвардейской дивизии, добивающейся связи с XX корпусом у Стержни, была указана дорога от Брезин на Стрыков, где ей пришлось вступить в новые бои.

В лежащем на этой дороге фол. Бучек по сведениям находился неприятель; внезапно по дивизии, находящейся западнее Брезин, был открыт сильный артиллерийский огонь. Фольварк был взят, а также захвачена и лежащая юго-восточнее его деревня Полик. Через д. Москву и Липины сюда двигались значительные русские силы. На высотах у Полика около полудня закипел бой дальше же к северу у Янинова находился в бою, с подошедшим через Скошевы неприятелем, капитан ф. Делиус *). Уже горели западные дома Полика, когда русские все новыми массами двигались, чтобы добиться, неудавшегося за день перед тем, уничтожени противника. Они и на этот раз не имели успеха: их нападение рушилось в заградительном огне нашей артиллерии. Но, направленный от Скошевы, огонь русских тяжелых орудий запер дорогу на Стрыков. Тогда для дальнейшего похода был избран путь ведущий восточнее леса через Домбровку.

В 7 часов вечера, бой снова разгорелся. Разбитый враг в темноте восстановил фронт, двинулся опять вперед и напал на несколько батарей, стоявших в походных колоннах. При блеске огня горящего Полика русских узнали по фуражкам и штыкам лишь на самом близком расстоянии. Только немногие орудия

---

*) С тремя ротами, которые 24-го еще не могли установить связь с дивизией.

могли открыть огонь. Несшиеся упряжки увеличивали наступившее смятение и батареи казались уже потерянными. Но энергичным контр-ударом подполковнику графу ф. Шуленбургу удалось с двумя ротами своего гвардейского фузилерного полка спасти их и отогнать врага.

Лишь поздно ночью последние части дивизии достигли участка р. Мрожницы у Несулкова в то-же время, кавалерийский корпус Рихтхофена, усиленный отрядом Куновского, образовал арьергард в районе Тадзин—Калацин.

На остальном фронте армии произошла перегруппировка сил с целью притянуть ближе к его правому флангу; подчиненный XI-му корпусу, корпус „Познань", кавалерийский же корпус Фроммеля получил задачу прикрыть подход собранного у Калиша II корпуса.

26/XI—14. (16). В течение 26-го ноября удалось без серьезных боев закрыть большой промежуток, существовавший ранее между XX и I резервным корпусами. С левым флангом XX корпуса, продвигавшимся от Стрыкова на Стрежню, 3-я гвардейская дивизия установила связь. Примыкавший к этой дивизии XXV резервный корпус овладел участком р. р. Мрожницы и Мроги до Сопеля, где кавалерийский корпус Рихтхофена и сводный отряд XX и I резервного корпусов загораживали р. Бзуру через Псары—Белявы. На северном берегу р. Бзуры у Соботы силы I резервного корпуса старались войти в связь с другими частями.

Таким образом, армия образовала сомкнутый фронт. И хотя, вследствие малочисленных боевых сил, растянутые позиции были только слабо заняты, начальники войсковых частей могли спокойно встретить грядущие события.

Одна классическая стратегическая операция была совершена. Генерал ф. Макензен выразил это в следующем приказе:

„XXV резервный корпус, 3-я гвардейская пехотная дивизия, части XX армейского корпуса и I кавалерийский корпус в составе 6-й и 9-й кавалерийских дивизий с 23-го по 25-е ноября должны были совершить отход при самых тяжелых условиях. Если этот отход не только был приведен в исполнение без шероховатостей, но при этом был разбит сильный враг и было захвачено большое количество пленных, масса орудий, пулеметов и военного имущества, то это—подвиг, на который могут смотреть с гордостью все его участники. Я высказываю мою благодарность и полную признательность несравненной доблести этих войск.

Благодарность отечества, которое было избавлено от тяжелого поражения, Его Величество Император об'явил тем, что назначил генерал-полковника ф. Гинденбурга генерал-фельдмаршалом и командующего 9-й армией генерала ф. Макензена наградил орденом „Pour le mèrite“. Такое же отличие получили и генерал ф. Шеффер и генерал лейтенант Литцман.

Кроме уже названных подкреплений в движении с западного на восточный фронт находились следующие дивизии: 25-я — на Врешен и XXIV корпус, состоящий из 48-й и 47-й резервных дивизий—на Крейцбург. Последняя дивизия была по просьбе австро-венгерского командования направлена на Краков.

27—30/XI—14. В центре всего фронта армии последующие дни прошли в горячих позиционных боях, однако, без какого-либо решительного успеха; кавалерийский корпус Рихтхофена, усиленный отрядом XX корпуса не только отражал неприятельские атаки, но и принимал выдающееся участие в наступлении на участок р. Мроги. Перед фронтом I резервного корпуса, благодаря постоянному наростанию неприятельских сил севернее р. Бзуры обстановка складывалась менее благоприятно. Части проникшие от Соботы до Орлова в долину реки Бзуры угрожали флангу корпуса и тылу армии и, лишь благодаря удару 1-й пехотной дивизии, под начальством генерал-лейтенанта ф. Конта, направленному через Кернозя на коммуникационную линию неприятеля, русские силы вечером 29-го отошли опять обратно к Соботе. Победоносным наступлением I резервному корпусу к 30-му удалось снова овладеть позициями на высотах к северо-западу от Ловича.

Из числа назначенных для левого крыла армии подкреплений, 26-я дивизия достигла 27-го окрестностей Гостынина, приближавшийся от Торна отряд Вестернгагена — Красневице. От применения отправленной сюда из Восточной Пруссии 4-й кавалерийской дивизии пришлось отказаться, ввиду невозможности снабжения ее фуражем; она должна была остаться в окрестностях Влоцлавска впредь до восстановления железной дороги.

Из донесений летчика стало известно о наступлении от Варшавы новых войск; деятельное железнодорожное движение в направление на Лович наводило на мысль о перевозке новых подкреплений. Из других источников было известно, что русские сосредоточивают крупные силы за своим фронтом. Поэтому надо было рассчитывать на попытки прорыва по обоим сторонам

р. Бзуры, что в свою очередь настоятельно требовало разгрузки от неприятеля слабого левого немецкого крыла. Подобная разгрузка могла быть проведена в исполнение лишь при наступлении со всеми свободными силами на южное крыло противника.

Поэтому от штаба австро-венгерской армии было потребовано привлечь, к назначенному на 1 декабря наступлению, армейскую группу Войрша. Генерал ф. Войрш последние дни сам принужден был отбиваться от стремительных атак, но все таки он приказал 2-й австро-венгерской армии, усиленной 1-й гвардейской резервной бригадой, поддержать наступление 9-й армии ударом в направлении на Петроков.

1/XII—14. (Схема 16 и 18). Двигаясь с линии Здунска Воля—Шадек, генерал ф. Линзинген со II корпусом 1-го декабря достиг через Ласк участка Добронь Марковка, в то-же время как к северу от него корпус „Познань" отбросив неприятеля к линии Юлиянов—Апполония, вошел в связь с перешедшими через р. Нер частями 38-й дивизии.

По приказанию к-ра XXIV корпуса, генерала от инфантерии ф. Герок, 48-я дивизия форсированным маршем достигла участка р. Видавки и после упорного боя захватила переправу, благодаря чему переход этого участка стал возможен также и для корпуса „Бреславль" и кав. корпуса Фроммеля.

Согласно приказа по армии на 2 декабря кавалерийский корпус Фроммеля должен был наступать на дорогу Вадлев—Пабиянице, корпус „Познань" севернее Пабиянице и 38-я дивизия—между корпусом „Познань" и р. Нер.

2/XII—14. После отбития сильных, направленных на Добронь, контр-атак, генерал-лейтенант фон-Троссель 2 декабря с 3-й дивизией взял штурмом высоты, лежащие южнее деревни; но новые, устроенные на опушке леса и сильно укрепленные позиции мешали дальнейшему проникновению на восток; 4-й дивизии также не удалось сломить упорное сопротивление противника севернее Добронь.

С тяжелыми боями пробивался корпус „Познань" к линии Житовице—Залев. Сильнее всего бой кипел за позиции на высоте 181, южнее Вехцице. На этой, господствующей над долиной р. Нер, высоте с кладбищем 94-й полк две недели тому назад прикрывал отход 38-й дивизии на северный берег; сегодня высота должна была быть опять взята им.

С своими бравыми тюрингенцами подполковник фон-Тайсен ворвался на позицию. Начался рукопашный бой. Штурм удался. Но с наступлением темноты последовала первая контр-атака против сильно поредевшей немецкой части, к которой, чтобы увеличить силу сопротивления утомленных войск, были подтянуты орудия Наумбургской артиллерии. В лучах прожекторов гранаты вырывали широкие проходы в атакующих массах, которые были взяты также и другими батареями 55-го полка во фланг и тыл с северного берега р. Нер. Под влиянием страшных потерь атакующие бросились назад. Еще пять раз русские повторили свои ночные атаки, но их сила была сломлена и 887 сибирских трупов покрыли узкое поле битвы возле деревянного креста д. Бехцице.

3/XII—14. На остальном фронте армии в обстановке не произошло никаких существенных перемен. 3 декабря 5-й бригаде удалось после упорного боя на правом фланге II корпуса, в котором особенно выделился 9-й гренадерский полк, прорвать в лесу главную неприятельскую позицию и пробиться до Павликовице; соседней слева 6-й бригаде противник также оказал в этот день стойкое сопротивление.

От колонии Хехло, где шоссе на Пабиянице исчезает в лесу, наступающим померанцам оказывали упорное сопротивление броневые автомобили. Сержант Сандер был убит со знаменем в руке. Майор фон-Кнобельсдорф, командир 3-го баталиона 42-го полка, подхватил святыню. Но и его, также как и павшего около него баталионного ад'ютанта лейтенанта Эйхштедта, вскоре после этого догнала смертоносная пуля. Тяжелые потери были также в 34-м фузилерном полку и в примыкавшей справа ландверной бригаде Шмидеке.

48-я резервная дивизия утром с боем заняла переправу через р. Грабя у д. Карчмы. При преследовании разбитого II корпусом неприятеля, находясь в движении на Павликовице, она была атакована на правом фланге 7-й русской дивизией, которая, однако, к вечеру с большими потерями была отброшена через Елутов в северо-восточном направлении.

Наступление армейской группы Войрша развивалось успешно, противник в различных местах отходил назад.

Напротив, на левом фланге армии Макензена в этот день наступление I резервного корпуса на Лович почти не развивалось. Здесь были установлены новые русские подкрепления.

Желая придать большую силу нашему продвижению на Лович, чтобы потом ударить в важнейшем направлении на русский тыл, генерал фельдмаршел фон-Гинденбург приказал, вновь подвезенному, III резервному корпусу, находившемуся под начальством генерала фон-Безелера, действовуя через Торн, стать на левом крыле армии. Туда-же должна была направиться и подходившая через Влоцлавск 25-я резервная дивизия, которая вместе с сражавшейся восточнее Кернозя 26-й дивизией образовала XIII корпус.

4/XII—14. На южном крыле армии генерал ф. Линзинген еще в ночь на 4 декабря оттеснил врага до линии Павликовице—Колония Хехло—Вымыслов. Для поспешного преследования он поднял по тревоге, подчиненный ему по его просьбе, кавалерийский корпус Фроммеля, но этот корпус не смог достаточно быстро перейти через р. Грабя. Левее II корпуса корпус „Познань“ и 38-я дивизия преследовали отступавшего перед ними противника. У Кудровице—Флорентинов враг должен был быть снова атакован. Он оказал и здесь настолько сильное сопротивление, что почти не было надежды достигнуть в этом направлении быстрого результата. Непосредственное же наступление на Лодзь являлось также бесполезным, т. к. город был сооружен по типу крепостей и т. к. число русских тяжелых мортирных батарей увеличивалось там ежедневно. Поэтому генерал ф. Макензен решил ночным движением справа обойти сильные неприятельские позиции у Лодзи, с целью оттеснить противника. Этот удар должен был быть направлен из района Длутова с охватом левого неприятельского крыла.

5/XII—14. Произведенная в ночь на 5 декабря разведка выяснила, что левый неприятельский фланг растянулся значительно далее на юго-восток, чем предполагалось. Генерал ф. Линзинген поэтому отказался от охвата, двинул одну бригаду с фронта, а со второй бригадой попытался прорваться у большой дороги на Пабiянице. Корпус „Познань“ и 38-я дивизия присоединились к наступлению; их поддержала с фланга 36-я дивизия с тяжелой артиллерией, расположенной на северном берегу р. Нер. Но донесение летчика, полученное в полдень, о том что неприятельская дивизия в движении от Ржгова уже достигла головными частями Пабiянице, заставило генерала ф. Линзинген отказаться от продолжения атаки на этот город. Наступление должно было быть продолжено лишь 7 декабря, после того, как произойдет перегруппировка сил.

Между тем левое крыло армии находилось в тяжелом бою с превосходящими силами противника; наступление на Лович не подвигалось вперед. Считаться с попытками 25-й резервной дивизии пока нельзя было, а III резервный корпус еще только сосредотачивался, имея головные части у Коваля.

6/XII—14. Утром произошла полная перемена обстановки.

5 декабря по наступлении темноты русские, под сильным артиллерийским и пехотным огнем, начали наступление на фронте XX корпуса, 3-ей гвардейской дивизии и XXV резервного корпуса. Атака, предпринятая густыми пехотными массами, особенно у Несулкова, против 3-й гвардейской дивизии и у Гловно против XXV резервного корпуса, была отбита с тяжелыми потерями.

Лишь утром стало известно, что эта атака должна была служить прикрытием начавшегося отхода от Лодзи.

Около 6 часов 30 минут утра перед фронтом II корпуса и корпуса Герока стало заметно движение противника. Тотчас же было приступлено к преследованию выдвижением левого фланга через Руды на Вискитно. Корпус „Познань“ следовал южнее, Лодзи, а 38-я дивизия получила приказ запереть город с юга. 36-я дивизия двигалась на Реткиня, 22-я с севера на Лодзь, 35-я преграждала выход на северо-восток.

Неприятель везде очистил поле битвы. Ночью в туман русские увезли все свое техническое имущество, а также увели и войска. Летчики донесли об оживленном движении колонн обозов по многим дорогам; но движения войск не было замечено нигде; войска двигались только ночью.

Перед левым флангом армии, начиная с д. Скошевы, русские остались на своих позициях; таким образом здесь перед фронтом 41-й дивизии находилась ось его движения, которое оканчивалось за р. р. Мязгой и Вольборкой.

В 4 часа 45 минут дня XI корпус вступил в полумиллионный город.

Армия Макензена выиграла сражение под Лодзью.

Когда храбрые войска XI, XVII и XX корпусов проходили с криками „ура“ по обагренным их кровью местам боев последних недель, они находили не только великолепно оборудованные неприятельские укрепления, но и следы собственного наступления и ряд окопов покрытых трупами сраженных врагов.

Действительно, дни под Лодзью не были легки ни для войск, ни для начальников, ни для штаба армии. Необходимо вспомнить о русских непрерывных попытках прорыва с превосходящими силами, об угрозе правому флангу армии у р. Нер, затем, левому у Ловича—Кернозя, о смелых неприятельских попытках направленных против наших коммуникационных линий, о сражении около Бяла непосредственно в тылу за серединой общего фронта, о не избежной растянутости позиции, которая требовала введения последних резервов, о неблагоприятной погоде, о трудностях доставки продовольствия и огнестрельных припасов и, наконец, о катастрофе, угрожавшей войскам генерала Шеффера.

Войсками и военачальниками были совершены сверхчеловеческие подвиги. Сколько преодолели они препятствий и затруднений, сколько перенесли лишений и тягот, и сколько ими было проявлено стойкости будет известно всем, когда будут точнее установлены соотношение сил и изучены действия обоих сторон. Величайшего удивления достоин дух этих солдат, которые держались, несмотря на то, что они были окружены врагами и в четырехдневных кровавых боях растаяли на одну треть своих сил. Солдаты, которые при такой обстановке прокладывают себе путь с штыками в руках через густое кольцо врагов, чтобы сохранить своих раненых, пленных и весь обоз и этим нанести неприятелю ощутительное поражение, вообще не могут быть побеждены. В мировой истории еще не было примера, гласит один из приказов Императора, чтобы столь слабая армия могла выполнить подобное дело.

Шумя как ураган, от победы к победе прошла армия Макензена через Северную Польшу. Взятие Лодзи увенчало ее славные дела. Хотя сражение под Лодзью и не окончилось уничтожением численно превосходящего противника, а также и решительной, действительной победой, но в тяжелых длившихся неделями боях, за которыми с напряжением следил весь мир, Германия осталась победительницей.

Число отправленных по железной дороге пленных и количество военной добычи за время с 12/XI до 5/XII достигало не менее 531 офицера и 78.000 солдат, более 160 орудий и 220 пулеметов.

Русское наступление внутрь Германии, как это задумал Великий Князь и на которое надеялись Франция и Англия, было

расстроено. Когда на востоке операции затихли, исход сражения приобрел еще большее политическое значение.

Величину успеха еще лучше возможно было бы об‘ять если подумать о последствиях возможного разгрома немцев в Северной Польше. Не удайся прорыв на Брезины и будь армейская группа генерала Шеффера уничтожена, то между Стрыковым и позицией I резервного корпуса к северо-востоку от Ловича образовался-бы промежуток шириной, примерно, 40 километров, для закрытия которого 24-го ноября не имелось в распоряжении ни одного человека. Разгром был-бы тогда вероятной участью 9-й армии и русская „громада“ могла-бы без помехи катиться через немецкую границу.

Стратегии Гинденбурга блестяще удалось об‘явить противнику шах. Она встретила поддержку союзной Австро-Венгрии, которая, как верная союзница частью своих сил перешла в наступление, пытаясь другими своими частями задержать превосходившие силы русских—переброскою их на север.

Памяти героев.

Прошло три года. В то время, как вдали на новых фронтах продолжают кипеть бои, в местности вокруг Лодзи снова вернулись к мирной работе. Истоптанные поля уже третий раз принесли жатву, почти все разрушенные деревни снова воскресли. Лишь отдельные развалины еще напоминают о тяжелых боях ноября—декабря 1914 года.

Могилы бойцов, рассеянные на далеких полях сражений и служившие немыми памятниками ужасного всемирного события, также исчезли с полей и из лесов. Верная заботливая товарищеская рука снесла и похоронила вместе тела храбрых друзей и врагов на деревенских и на вновь устроенных в большом количестве военных кладбищах. Более 39.000 храбрых немцев и русских потеряли свою жизнь в тяжелых боях у Лодзи. Почти 30.000 человек похоронено только на военных кладбищах, служащих памятниками кровопролитнейших боев.

Ряд заново устроенных кладбищ ясно указывает на то железное кольцо, которое в конце ноября 1914 г. замыкалось с запада, севера и востока вокруг Лодзи и должно было окружить находившуюся здесь русскую армию. Узкое пространство на юге между Ржговом и Пабіянице было еще свободно; закрыть его

тогда немецким войскам не было суждено. Угрожаемые с севера, юга, востока и запада они должны были пробиться назад. И дальше к югу от Ржгова, на дороге Лодзь—Петроков, кладбище у д. Грабина Воля указывает на происходившие здесь бои, в которых храбрые немецкие бойцы отразили русское наступление со стороны Петрокова во фланг и тыл окруженных южнее Лодзи немецких войск.

Наибольшая часть павших немецких героев установлена поименно. На деревенских и военных кладбищах вокруг Лодзи покоятся:

II армейского корпуса	352	офицера и солдата.
XI „ „	1551	„ „
XVII „ „	1159	„ „
XX „ „	1434	„ „
I резервного корпуса	1222	„ „
XXV „ „	756	„ „
Корпуса „Познань“	302	„ „
Корпуса „Бреславль“	399	„ „
3-й гвардейской пех. дивизии	788	„ „
1-й пех. дивизии	570	„ „
26-й пех. дивизии	653	„ „
1-го кав. корпуса (Рихтхофена)	104	„ „
3-го „ „ (Фроммеля)	175	„ „
Всего	9465	героев.

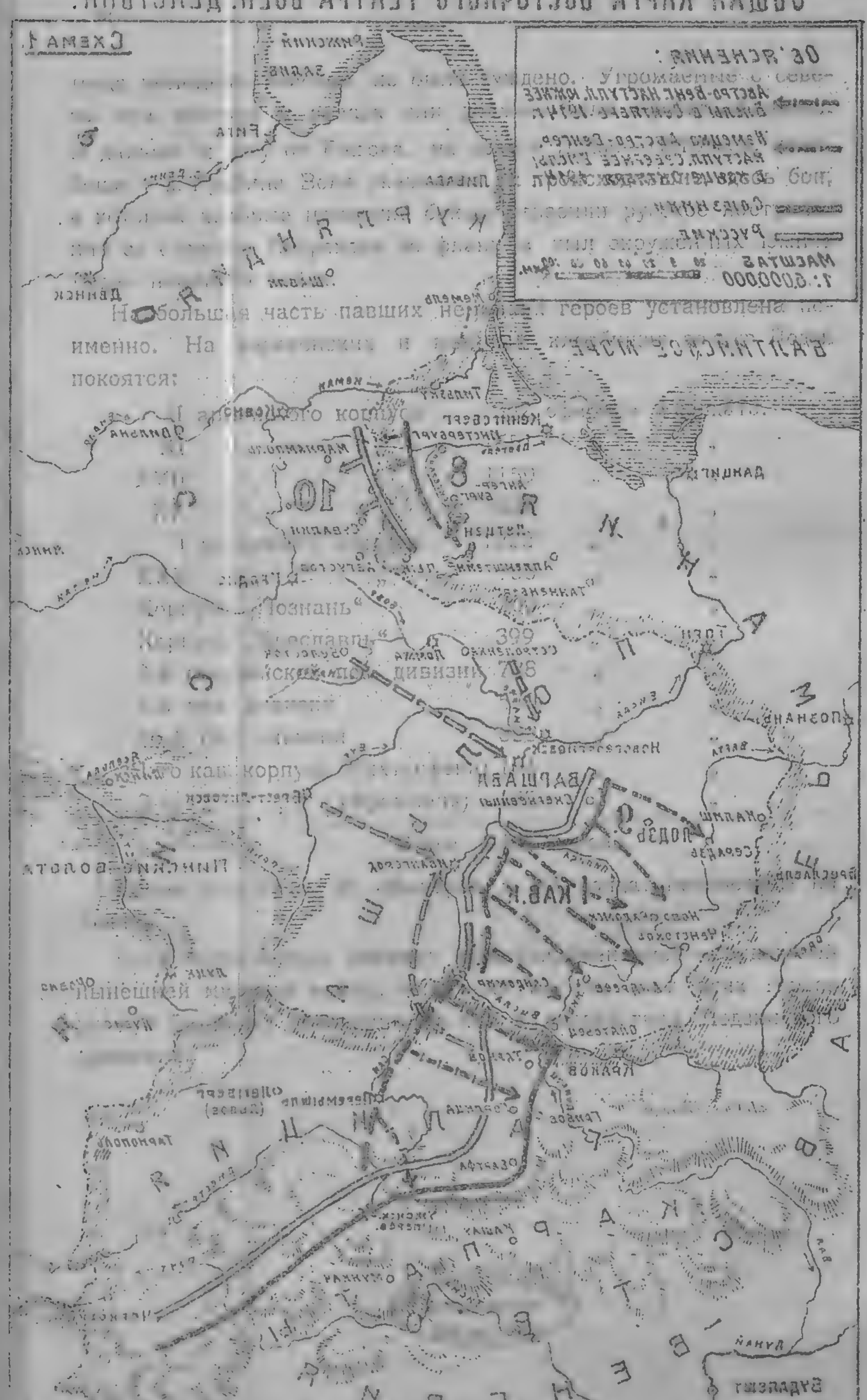
Кроме того тела 36 офицеров и 53 солдат перевезены на родину.

Если когда нибудь онемеют уста современников—свидетелей нынешней мировой войны, то все-же могилы всех этих героев укажут будущему поколению на бои и последствия Лодзинского сражения.

Общая карта восточного театра воен. действий.

...дено. Угрожаемое с севе...

Но большая часть павших немецких героев установлена поименно. На ... покоятся:

1 ... корпус

Корпус «Познань»

... Бреславль

...ской ... дивизии 7/8

...о как корпус...

нынешней ...

СХЕМА 2.
Положение 11 ноября 1914 г.
Об'яснения:
Двухколейн. ж. д.
Одноколейн. ж. д.
Реки
Государ. граница
Позиции союзников
Русских
Вро. - Отряд Врохема
Масштаб 1: 1.700.000
ЗАП. ПРУССИЯ
ВОСТ. ПРУССИЯ
ПОЗНАНЬ
СИЛЕЗИЯ
ГАЛИЦИЯ
Лысые горы
Коннц
Грауденц
Остероде
Алленштейн
Танненберг 28.8.14.
Ортельсбург
Лык
Августово
Граево
Гродно
Оссовец
(Грегори) 1/2 50 РЕЗ.
Страсбург
Сольдау
Бромберг
Торн
XXV.Р.
I.Р.
Рыпше
Млава
I. Турк.
Прасныш
Ломжа
Белосток
Остроленка
Рожаны
Остров
Пултуск
Нарев
Киколь
Липно
Нешава
VI.
Серпец
9
XX.
Александрово
Стрельно
Влоцлавск
Сикэрж
VI СИБ.
Плоцк
1.
Плонск
Гнезен
Гопло
Петроков
V СИБ.
Любранец
Коваль
1. КАВ.
Изабелин
Гостынин
Любень
Гомбин
Новогеоргиевск
Сероцк
Вислa
Вржешен
XVII.
Слупцы
Пейзерн
Голина
Конин
Кловава
Коло
Кросневице
Кутна
Жихлин
Сохачев
ВАРШАВА
Седлец
Брест-Литовск
В Москву
Варта
XI.
Ярошин
Брудзев
Турек
Дамбе
Дзевче
II.
Бзура
Ленчица
Пионтек
Ловичь
Унеев
XXIII
Стрыков
Згерж
2
Скерневицы
3. КАВ.
7. КАВ. Д.
Калиш
Александров
II. СИБ.
ЛОДЗЬ
Лютомирск
Константинов
Брезин
Липце
Рава
Ст. Колюшки
Кротошин
Острово
Став
Шадек
IV
Ласк
Пабианице
Ржгов
Сирадзь
Белхатов
Томашов
Лапчев
Влодава
Ивангород
Ново-Александрия
Видава
I. СИБ.
Петроков
XIX.
5
V
Радом
Люблин
Холм
Велюнь
35 Р.
БРЕСЛАВЛЬ
Дзялошин
Пожедворце
Ново-Радомск
Гр.
Ландвер
Крейцбург
XVI.
4.
Кельцы
Опатов
Красник
Ченстохов
Войрш
2 ИМП. К.
Сппельн
Люблинец
1. Г. Р.
Жарки
XVII
Андреев
Сандомир
9.
Прадла
Кромолев
Пилица
Вольбром
Г.
XXV. XIV XVIII
Пинчов
Нида
Нейссе
Тарновиц
Северж
Бейтен
1 ИМП. К.
Катовиц
Скала
Опатовец
Сенява
Сан
Ратибор
Бжеско
Ново
КРАКОВ
4 ИМП. К.
Тарнов
Дунаец
в Грабов 50 к. до Барт за 90 км.
ЛЕМБЕРГ

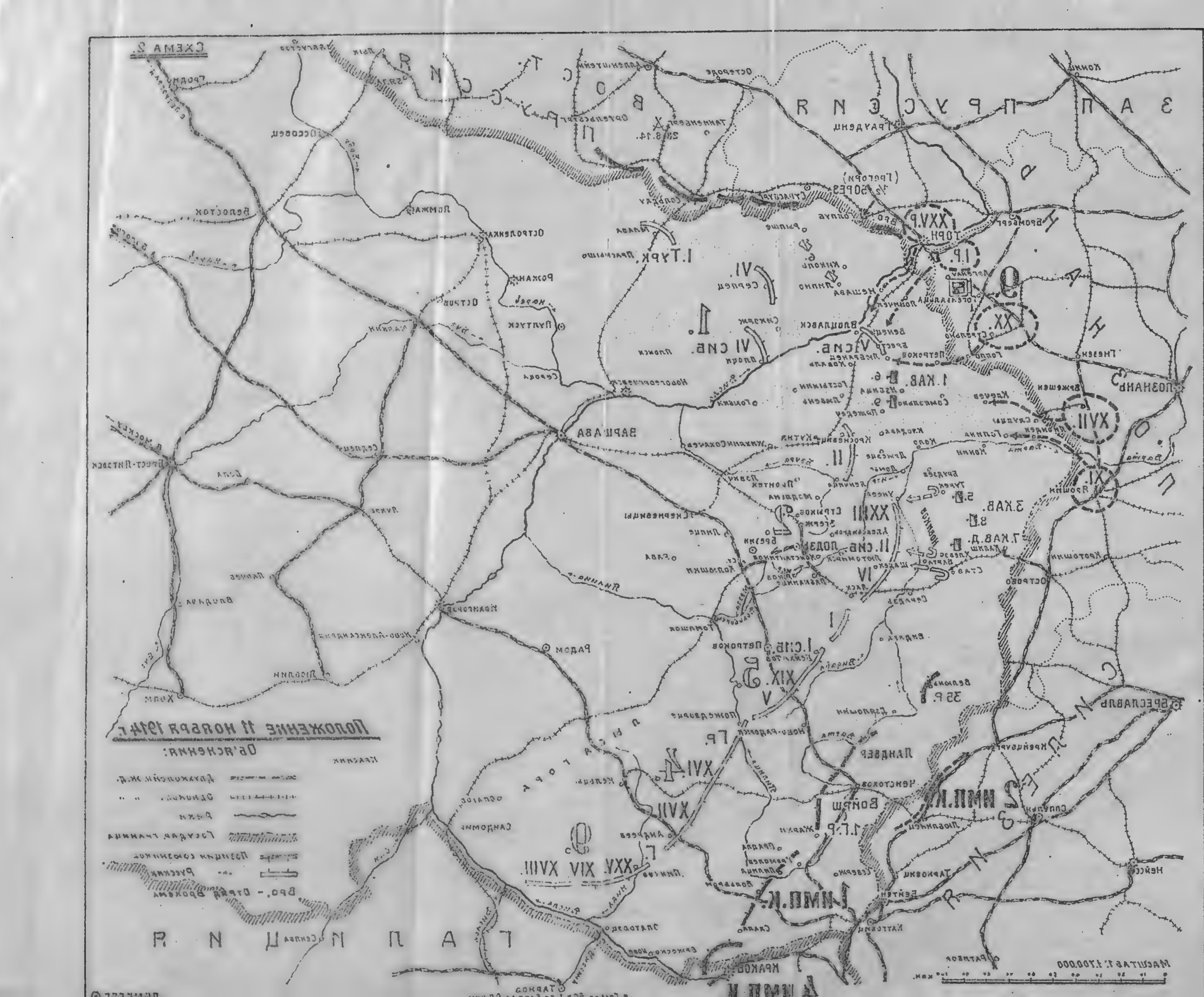
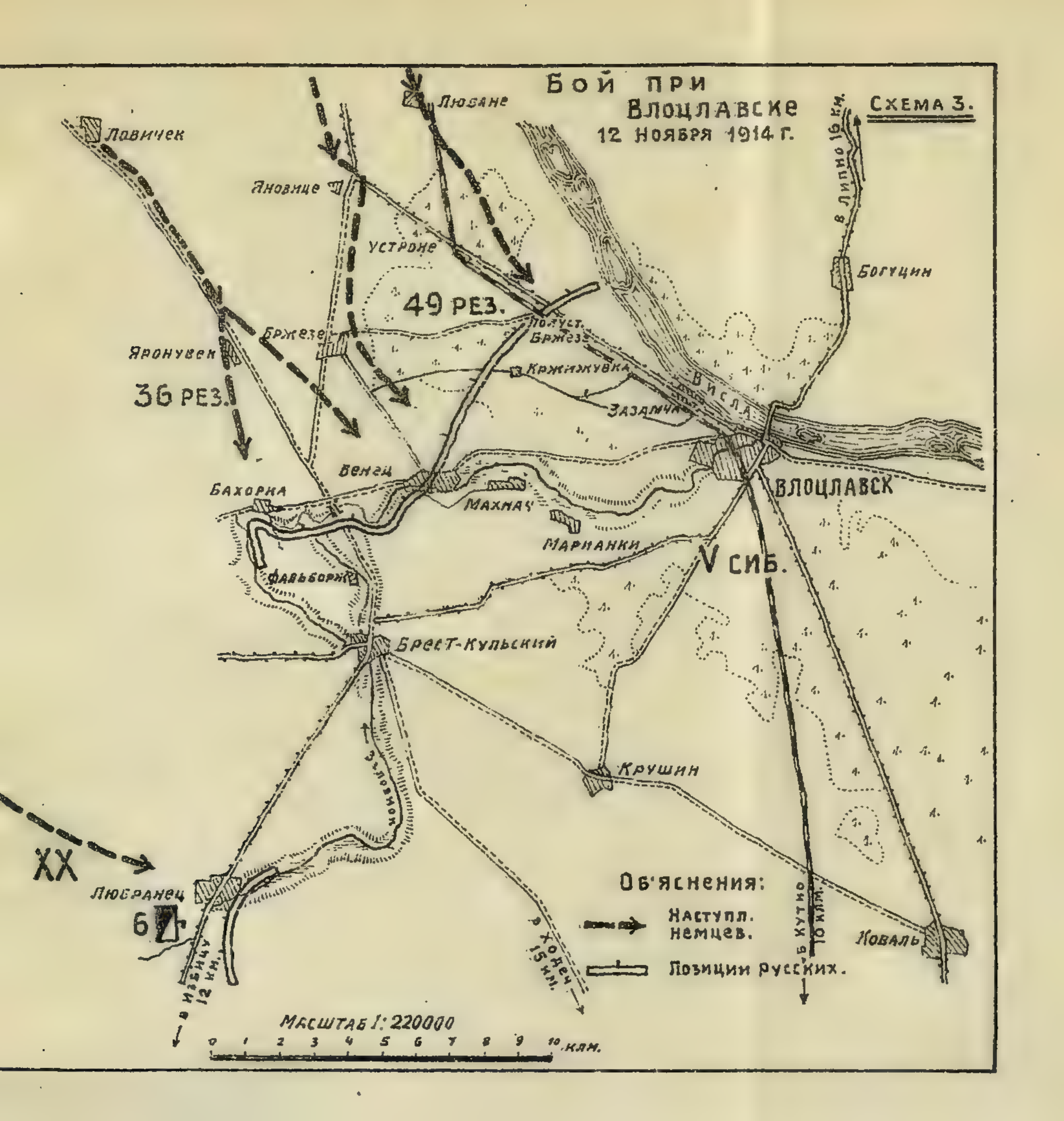
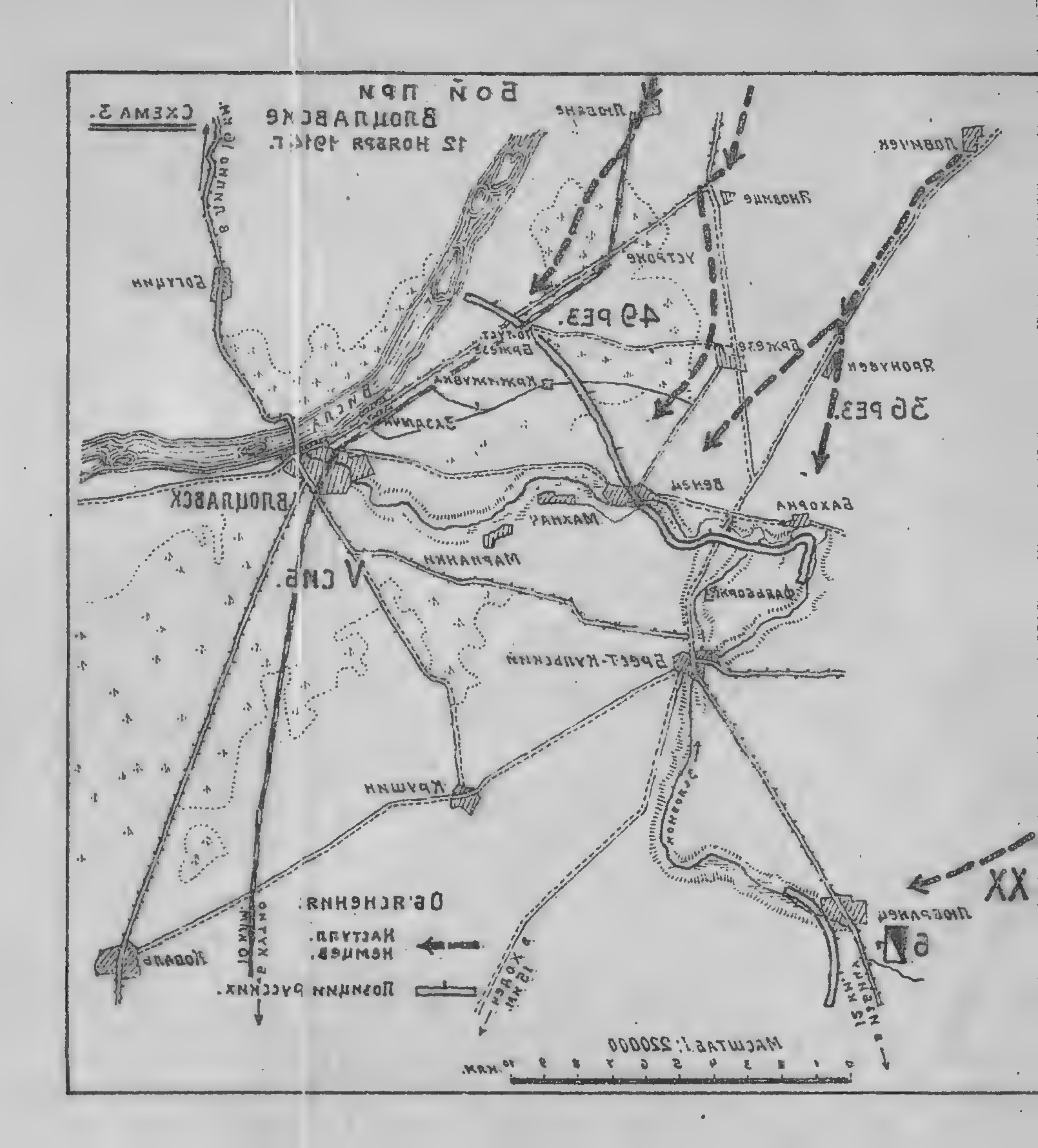
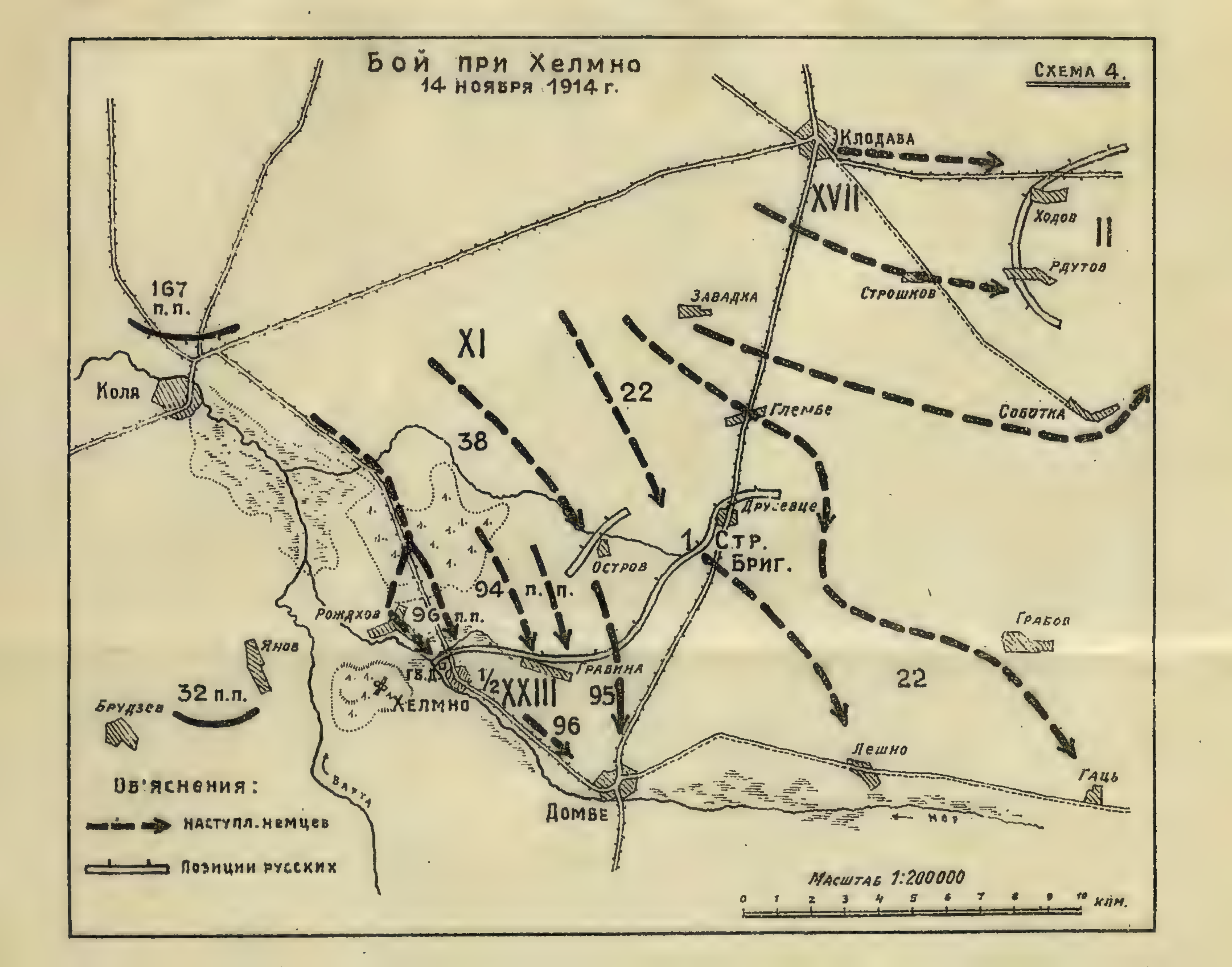

СХЕМА 2.
Положение 11 ноября 1914 г.
Об'яснения:
Двухколейн. ж.д.
Одноколейн. ж.д.
Реки
Государ. граница
Позиция союзников
Русских
ВАРШАВА
ПОЗНАНЬ
БРЕСЛАВЛЬ
ТОРН
КРАКОВ
ВОСТ. ПРУССИЯ
ЗАП. ПРУССИЯ
ПОЗНАНЬ
СИЛЕЗИЯ
ГАЛИЦИЯ
Масштаб 1:1700000

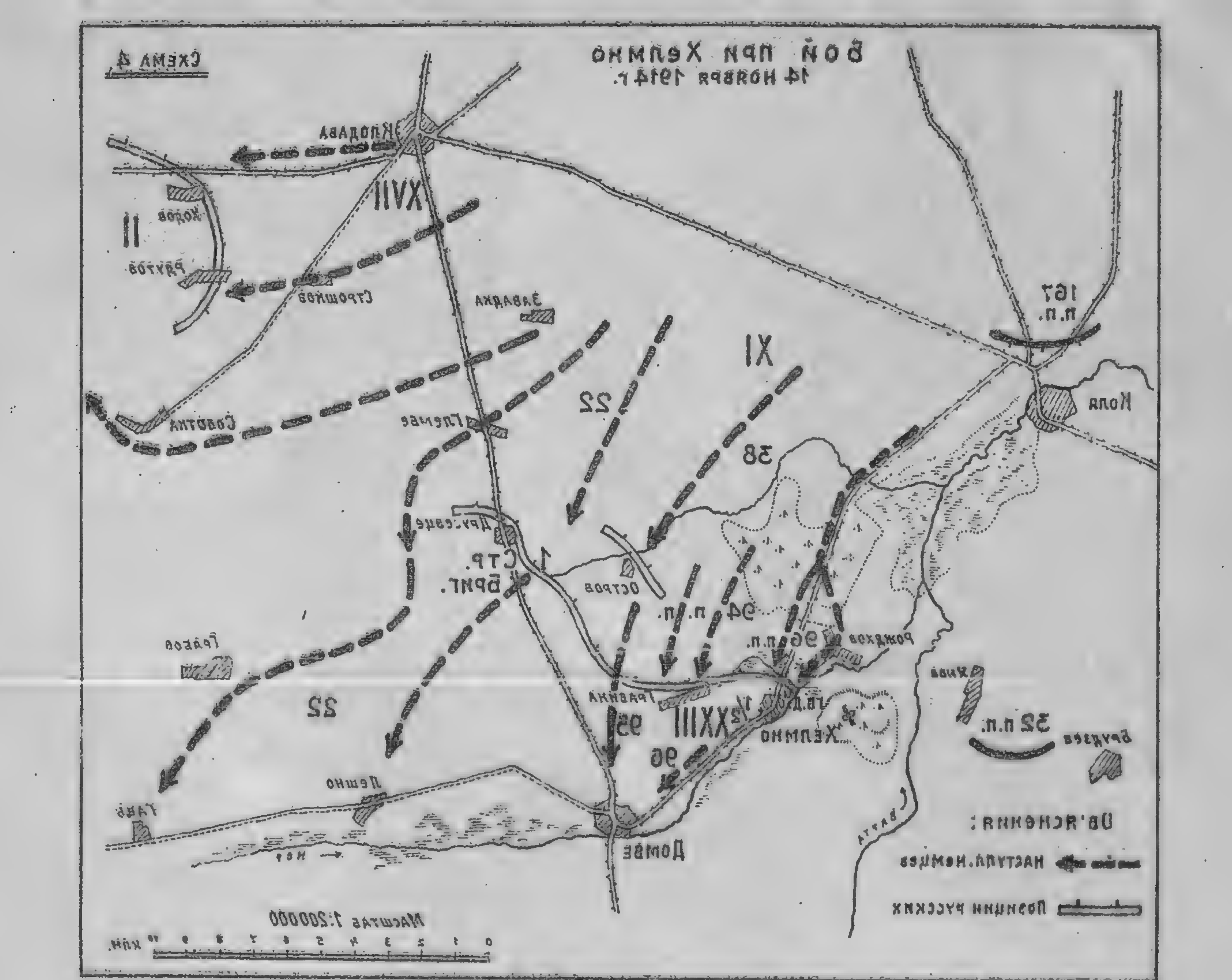

Бой при
Влоцлавске
12 ноября 1914 г.
Схема 3.
Любане
Лавичек
Яновице
Устроне
49 рез.
Полуст. Бржезе
Бржезе
Яронувек
36 рез.
Кржижувка
Зазамче
Висла
в Липно 16 км.
Богуцин
Венгц
Бахорна
Махнач
Марианки
Влоцлавск
V сиб.
Фальборж
Брест-Куявский
Крушин
Згловячка
XX
Любранец
6
в Избицу 12 км.
р. Ходеч 15 км.
в Кутно 16 клм.
Коваль
Об'яснения:
Наступл. немцев.
Позиции русских.
Масштаб 1: 220000
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 клм.

Бой при Влоцлавске 12 ноября 1914 г.
Схема 5.
Влоцлавск
Брест-Куявский
Висла
49 рез.
36 рез.
V сиб.
XX
Объяснения:
Наступл. немцев.
Позиции русских.
Масштаб 1:220000

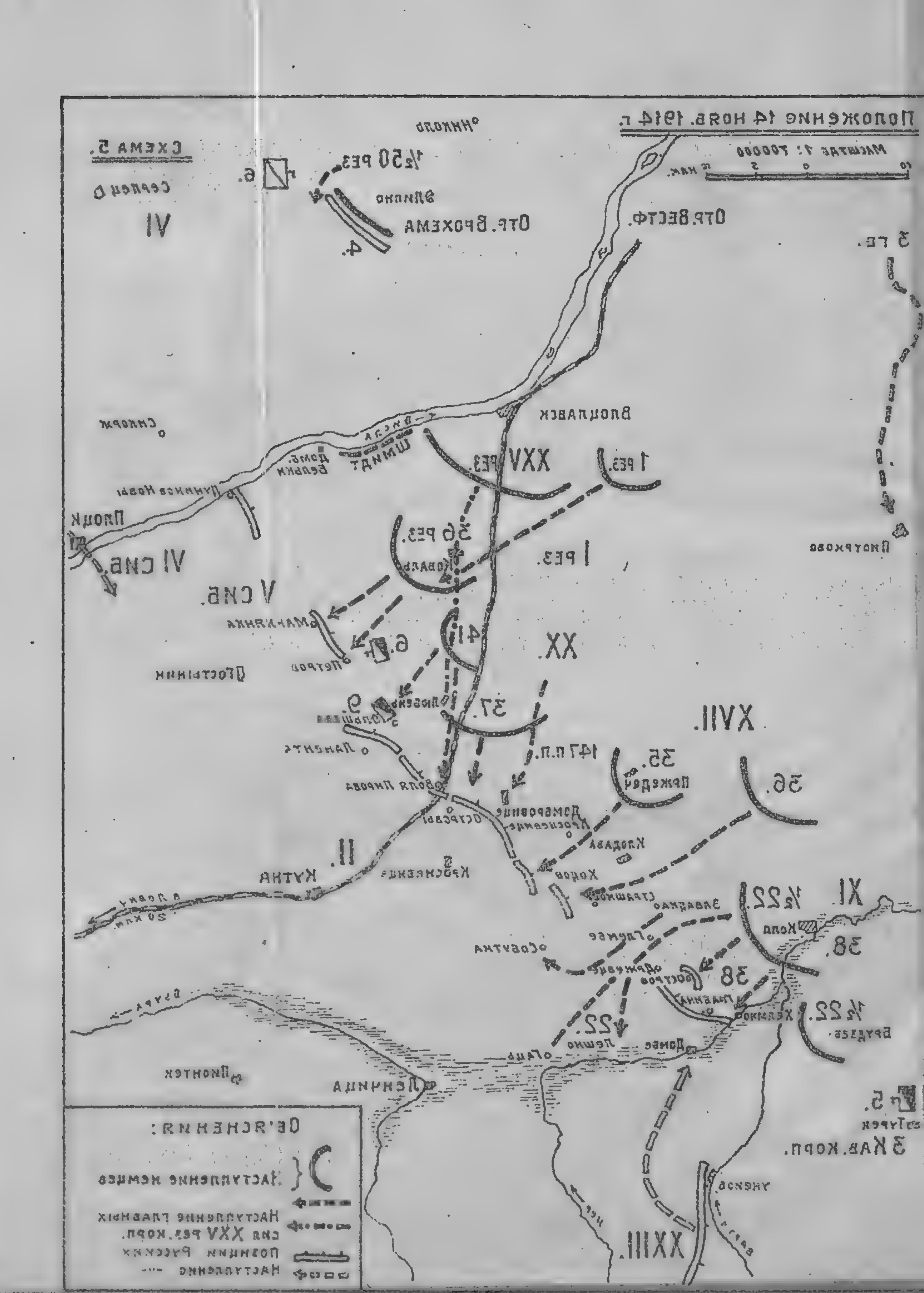

Бой при Хелмно
14 ноября 1914 г.
Схема 4.
Клодава
XVII
Ходов
II
Рдутов
Строшков
Завадка
XI
22
Глембе
Собoтка
167
п. п.
Коля
38
Друсевце
1. Стр.
Бриг.
Остров
94
п. п.
Рожджов
96
п. п.
Грабов
22
Янов
гв. д.
1/2 XXIII
Гравина
95
32 п. п.
Брудзев
Хелмно
96
Лешно
Гаць
Варта
Домбе
Нер
Об'яснения:
Наступл. немцев
Позиции русских
Масштаб 1:200000
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 клм.

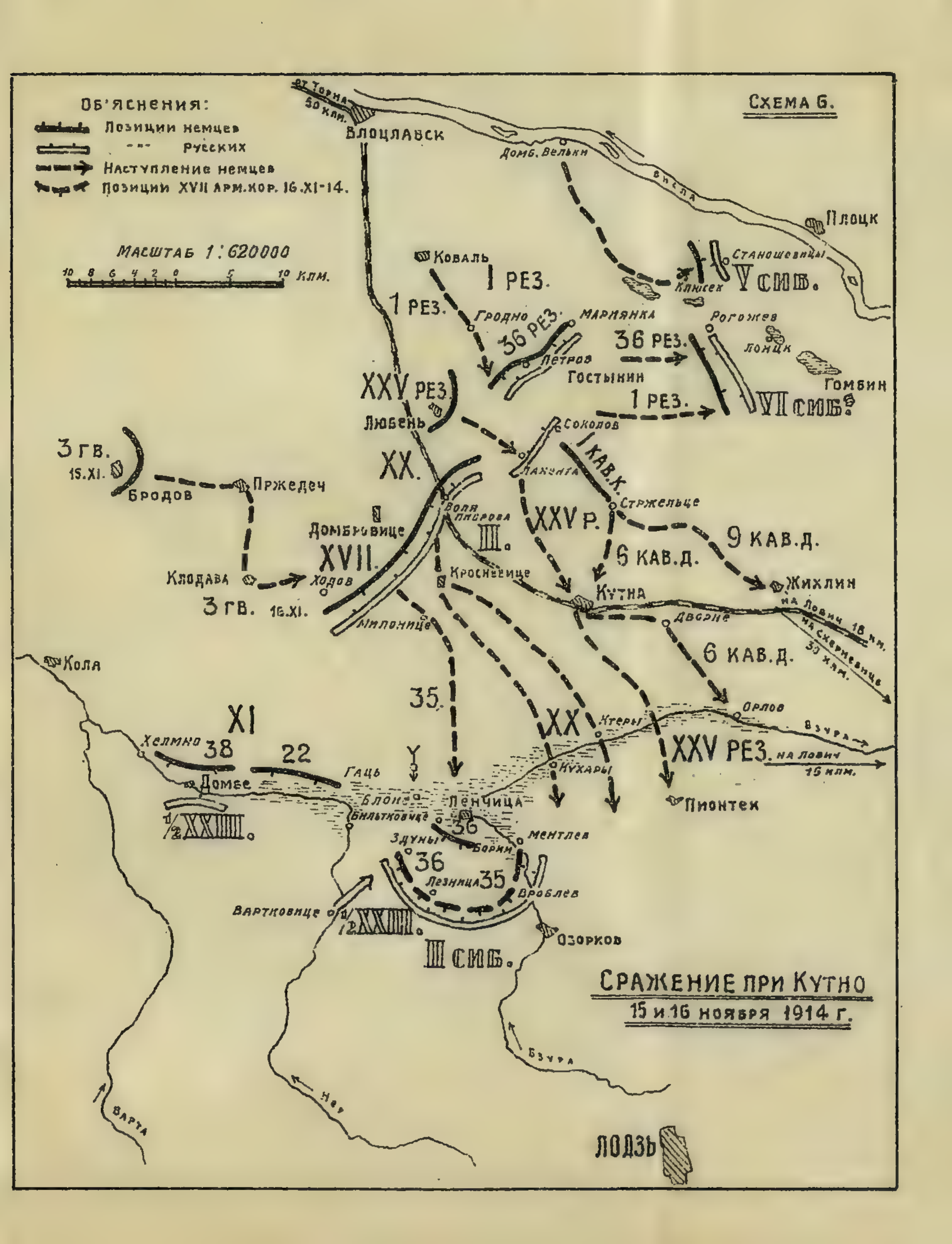

Бой при Хелмно
14 ноября 1914 г.
Схема 4
Масштаб 1:200000
Обозначения:
Наступл. немцев
Позиции русских

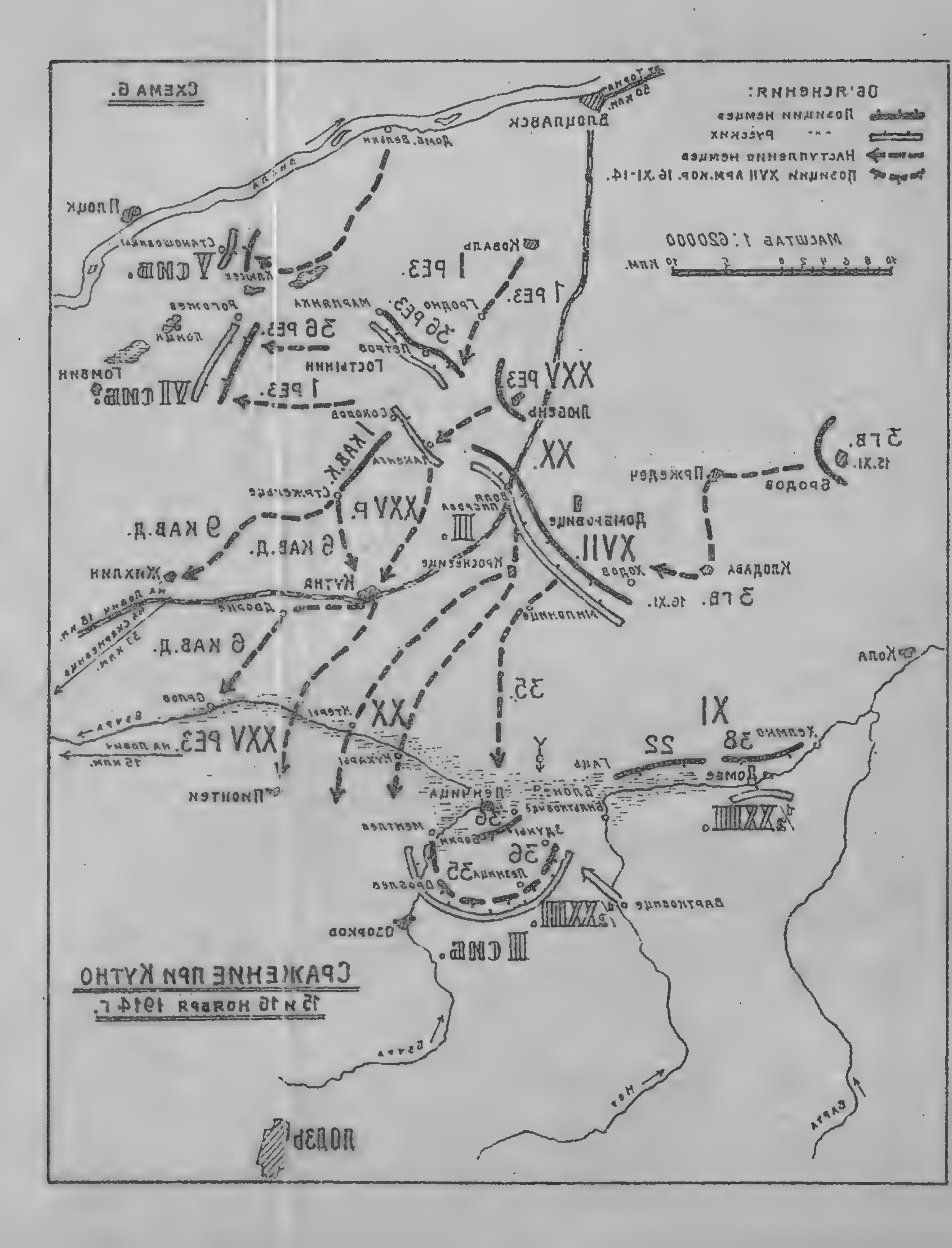

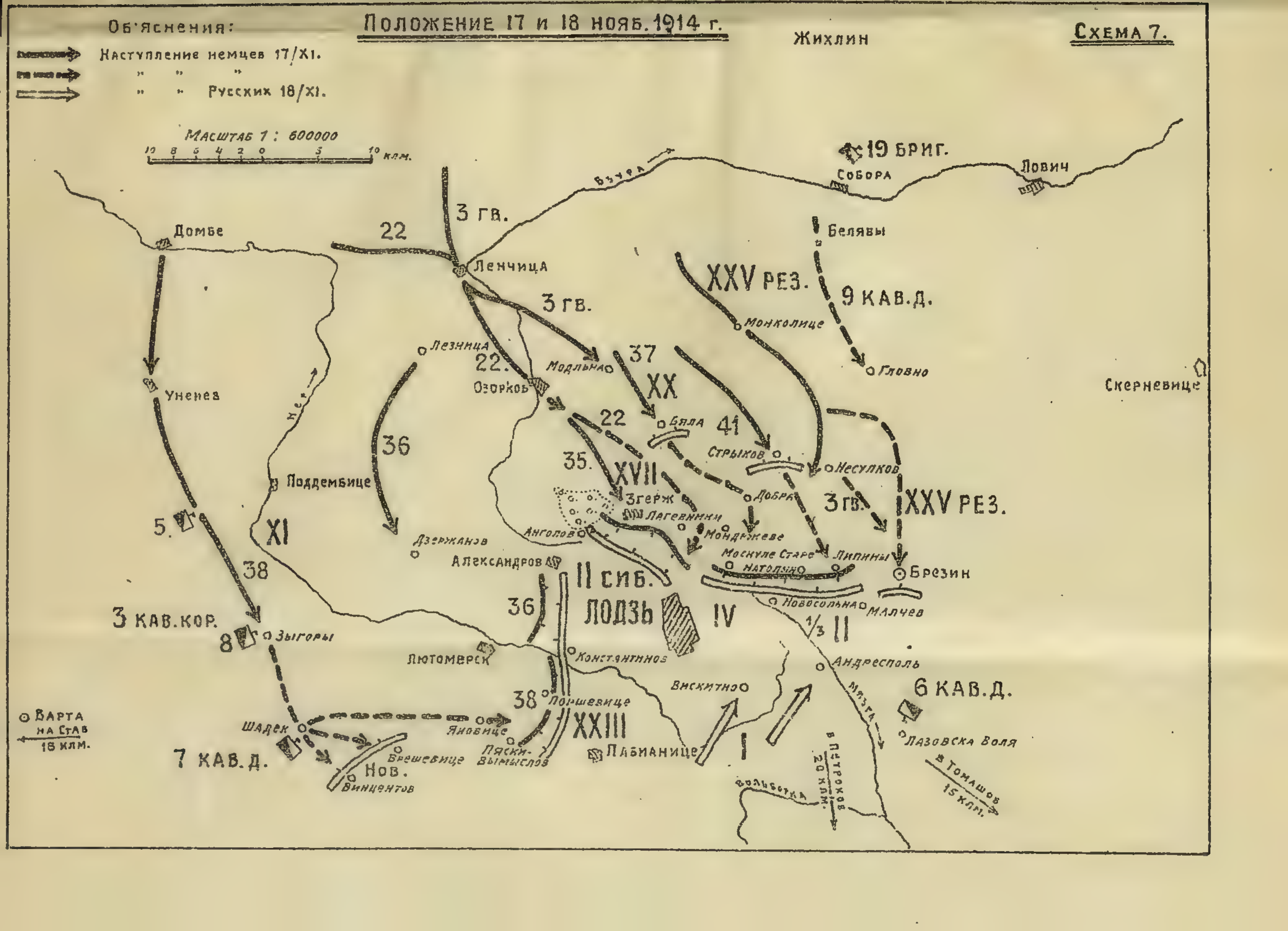
Положение 14 нояб. 1914 г.
Масштаб 1: 700000
10 0 5 10 клм.
Схема 5.
Николь
1/2 50 рез.
6.
Липно
Отр. Вохема
4.
Серпец
VI
Отр. Вестф.
3 гв.
Влоцлавск
Висла
Шмидт
Домб. Бельки
Сикорж
1 рез.
XXV рез.
Дунинов Новы
Плоцк
36 рез.
I рез.
Коваль
VI сиб.
Пиотркова
V сиб.
Маньянка
XX.
41
6.
Петров
Гостынин
37.
Любень
9.
Ольшова
XVII.
35.
147 п.п.
Лангнта
36.
Пржедеч
Воля Лирова
Домбровице
Кросневице
Острсвы
Клодава
II.
Ходов
Кросневице
Кутна
XI
1/2 22.
Страшков
Завадка
в Ловичъ 20 клм.
Кола
Глембе
38.
Собутка
Држевце
38
Остров
Грабина
Бзура
1/2 22.
Хелмно
Брудзев
22.
Домбе
Лешно
Гаць
Ленчица
Пионтек
5.
Турек
3 Кав. корп.
Об'яснения:
Наступление немцев
Наступление главных сил XXV рез. корп.
Позиции Русских
Наступление -"-
Ункеов
Варта
Нер
XXIII.

Положение 14 нояб. 1914 г.
СХЕМА 5.
Масштаб 1: 700000
Отр. Брохема
Отр. Вестф.
XXV рез.
1 рез.
36 рез.
I рез.
VI СИБ.
V СИБ.
XX.
XVII.
II.
XI.
XXIII.
3 Кав. корп.
Влоцлавск
Плоцк
Кутна
Ленчица
Об'яснения:
Наступление немцев
Наступление главных сил XXV рез. корп.
Позиции русских
Наступление

Схема 6.
Об'яснения:
Позиции немцев
" " русских
Наступление немцев
Позиции XVII арм. кор. 16.XI-14.
Масштаб 1:620000
10 8 6 4 2 0 5 10 клм.
от Торна 50 клм.
Влоцлавск
Домб. Вельки
Висла
Плоцк
Коваль
I рез.
Станошевицы
V сиб.
Клюсек
1 рез.
Гродно
36 рез.
Марянка
Рогожев
36 рез.
Лонцк
Петров
Гостынин
Гомбин
XXV рез.
1 рез.
VI сиб.
Любень
Соколов
3 гв.
15.XI.
XX.
Лаченга
Кав. к.
Бродов
Прждеч
Воля Пасрова
Стржельце
Домбровице
III.
XXV р.
9 кав. д.
XVII.
6 кав. д.
Клодава
Ходов
Кросневице
Жихлин
3 гв. 16.XI.
Кутна
Дворне
на Лович 18 км.
на Скерневице 35 клм.
Милонице
Кола
6 кав. д.
35.
XI
Орлов
Хелмно
38
22
XX
Кторы
Бзура
XXV рез.
на Лович 15 клм.
Гаць
V
Кухары
Домбе
Влоне
Ленчица
Пионтек
1/2 XXIII.
Вильтковице
36
Ментлев
Здуны
Борки
36
Лезница
35
Вроблев
Вартковице
1/2 XXIII.
Озорков
III сиб.
Сражение при Кутно
15 и 16 ноября 1914 г.
Бзура
Нер
Варта
Лодзь

СХЕМА 6.
ОБ'ЯСНЕНИЯ:
Позиции немцев
— " — русских
Наступление немцев
Позиции XVII арм. кор. 16.XI-14.
МАСШТАБ 1:620000
10 КИЛ.
Влоцлавск
Плоцк
Ковальб
Гостынин
Кутно
Крошневице
Жихлин
Пржедеч
Клодава
Бродов
Кола
Ходов
Домбровице
Гомбин
Ленчица
Пионтек
Озорков
Лодзь
Варта
Нер
Бзура
I РЕЗ.
36 РЕЗ.
XXV РЕЗ.
XXV Р.
XX.
XVII.
XI
XXV РЕЗ.
XX
35.
22
38
36
35
XXIII
V СИБ.
VI СИБ.
II СИБ.
I КАВ.К.
9 КАВ.Д.
5 КАВ.Д.
6 КАВ.Д.
3 ГВ. 15.XI.
3 ГВ. 16.XI.
СРАЖЕНИЕ ПРИ КУТНО
15 и 16 ноября 1914 г.

Схема 7.
Положение 17 и 18 нояб. 1914 г.
Об'яснения:
Наступление немцев 17/XI.
" " "
" " Русских 18/XI.
Масштаб 1 : 600000
10 8 6 4 2 0 5 10 клм.
Жихлин
19 бриг.
Собора
Ловия
Бзура
Домбе
22
3 гв.
Ленчица
3 гв.
Белявы
XXV рез.
9 кав. д.
Монколице
Лезница
22.
Модльна
37
Озорков
Гловно
Скерневице
Унеиев
Нер
36
XX
Бяла
22
41
Стрыков
Несулков
35.
XVII
Поддембице
Згерж
Лагевники
Добра
3 гв.
XXV рез.
5.
XI
Анголов
Мондржеве
Дзержанов
Москуле Старе
Липины
Натолино
Александров
Брезин
38
II сиб.
36
Лодзь
IV
Новосольна
3 кав. кор.
Малчев
8
Зыгоры
1/3 II
Лютомерск
Константинов
Андресполь
Вискитно
6 кав. д.
Мязга
38
Поршевице
Варта
на Став
18 клм.
Шадек
Яновице
XXIII
Лазовска Воля
Пляски-Вымыслов
Пабианице
I
7 кав. д.
Брешевице
в Петроков 20 клм.
в Томашов 15 клм.
Нов.
Винцентов
Вольбортка

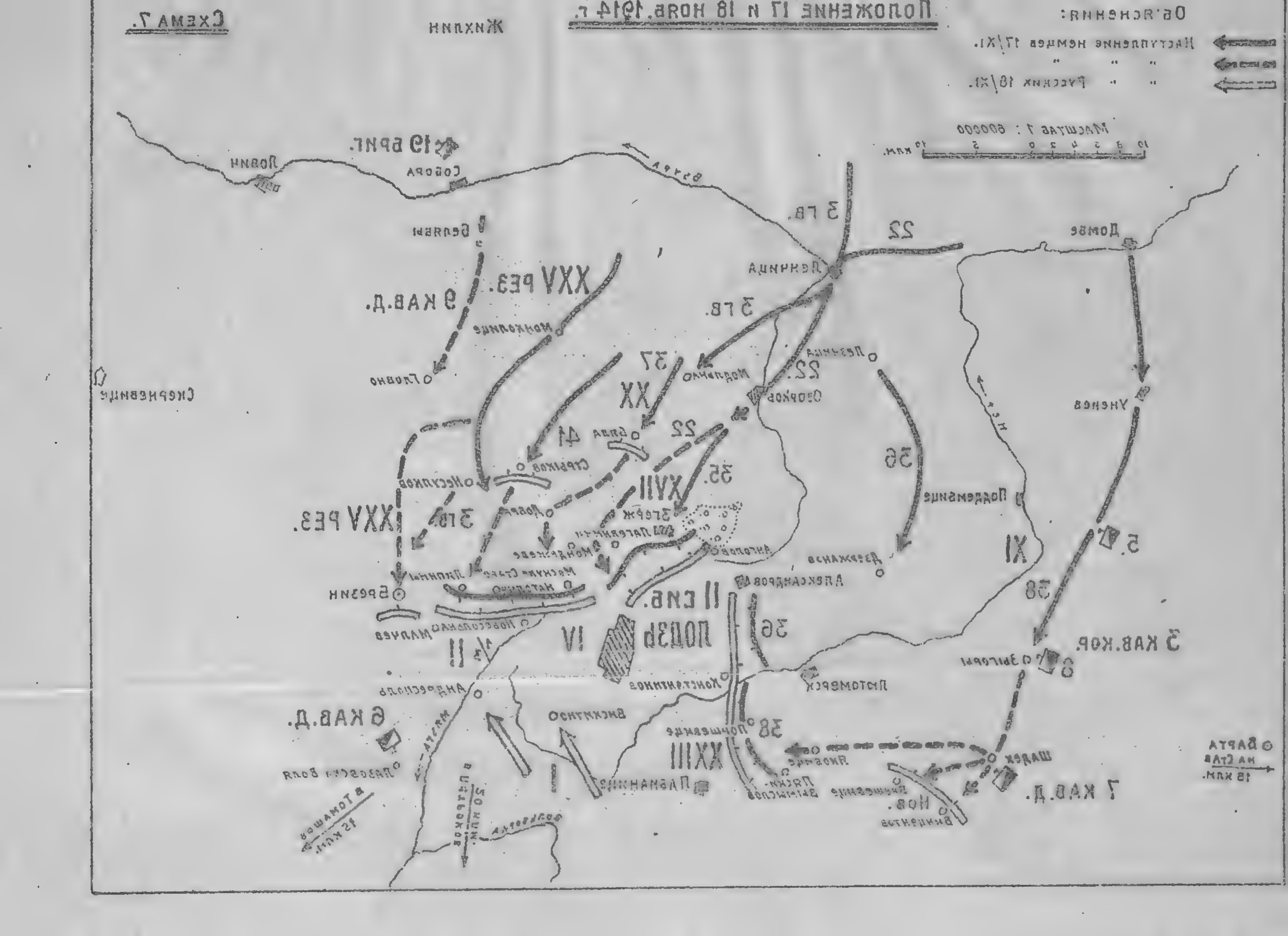
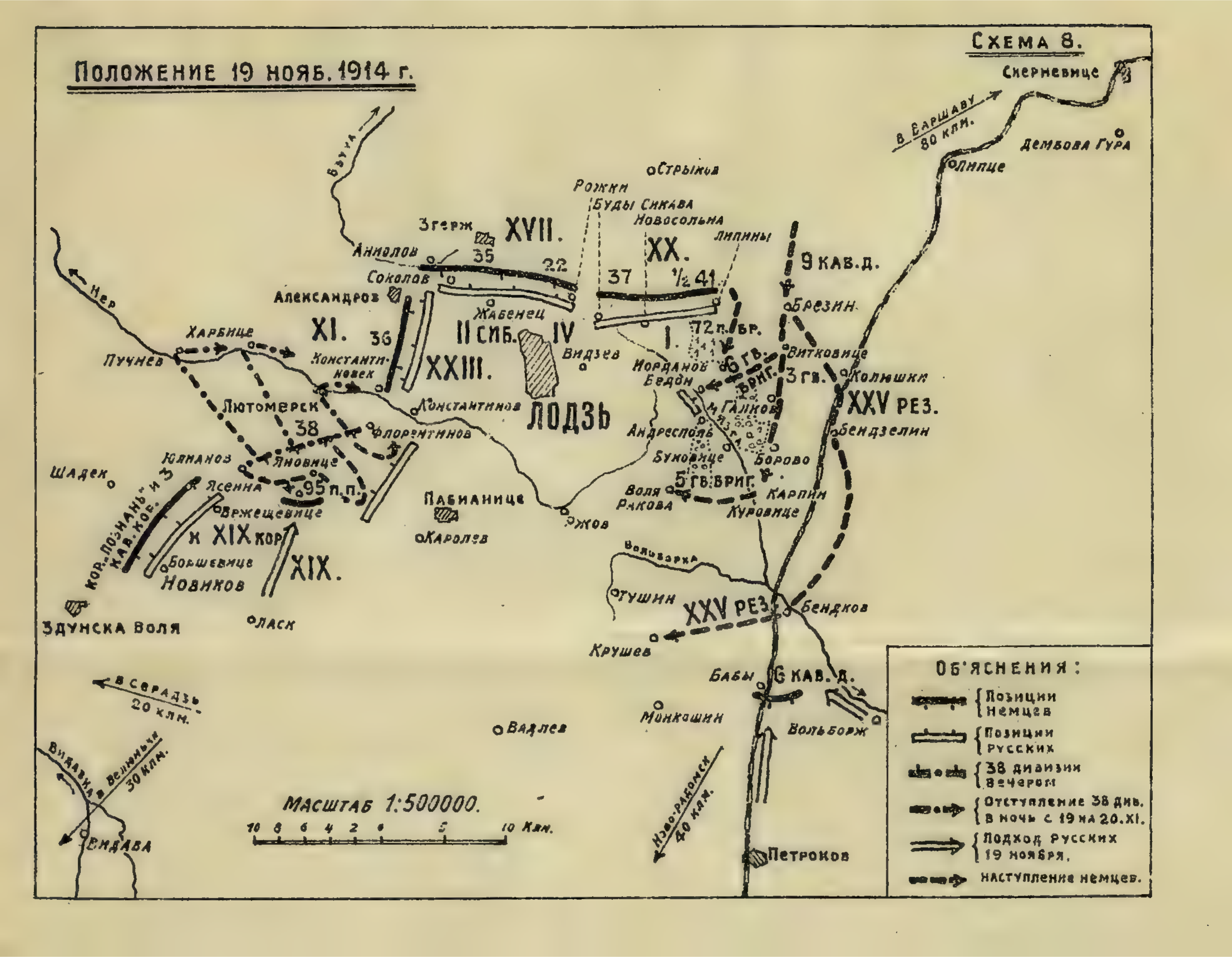
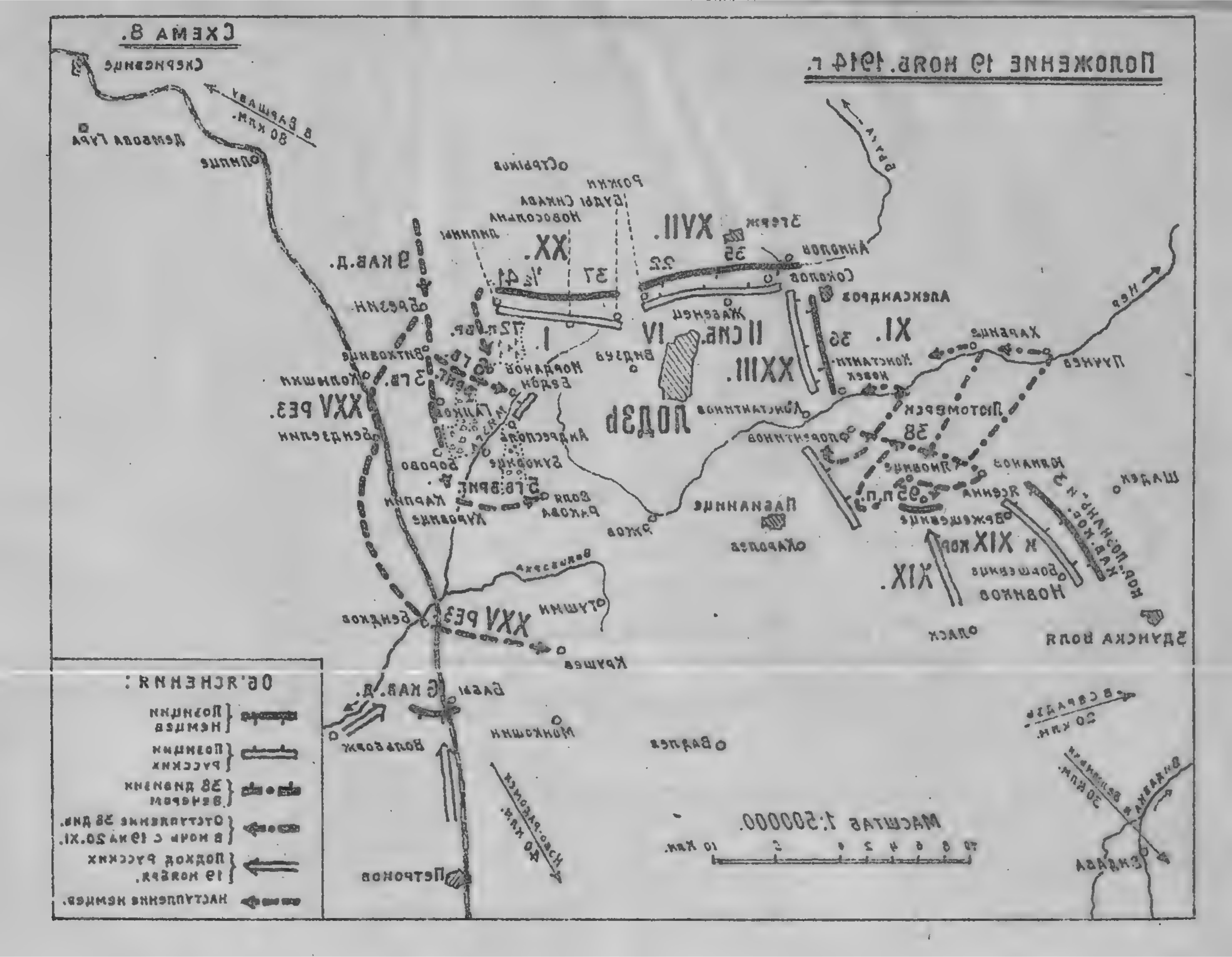
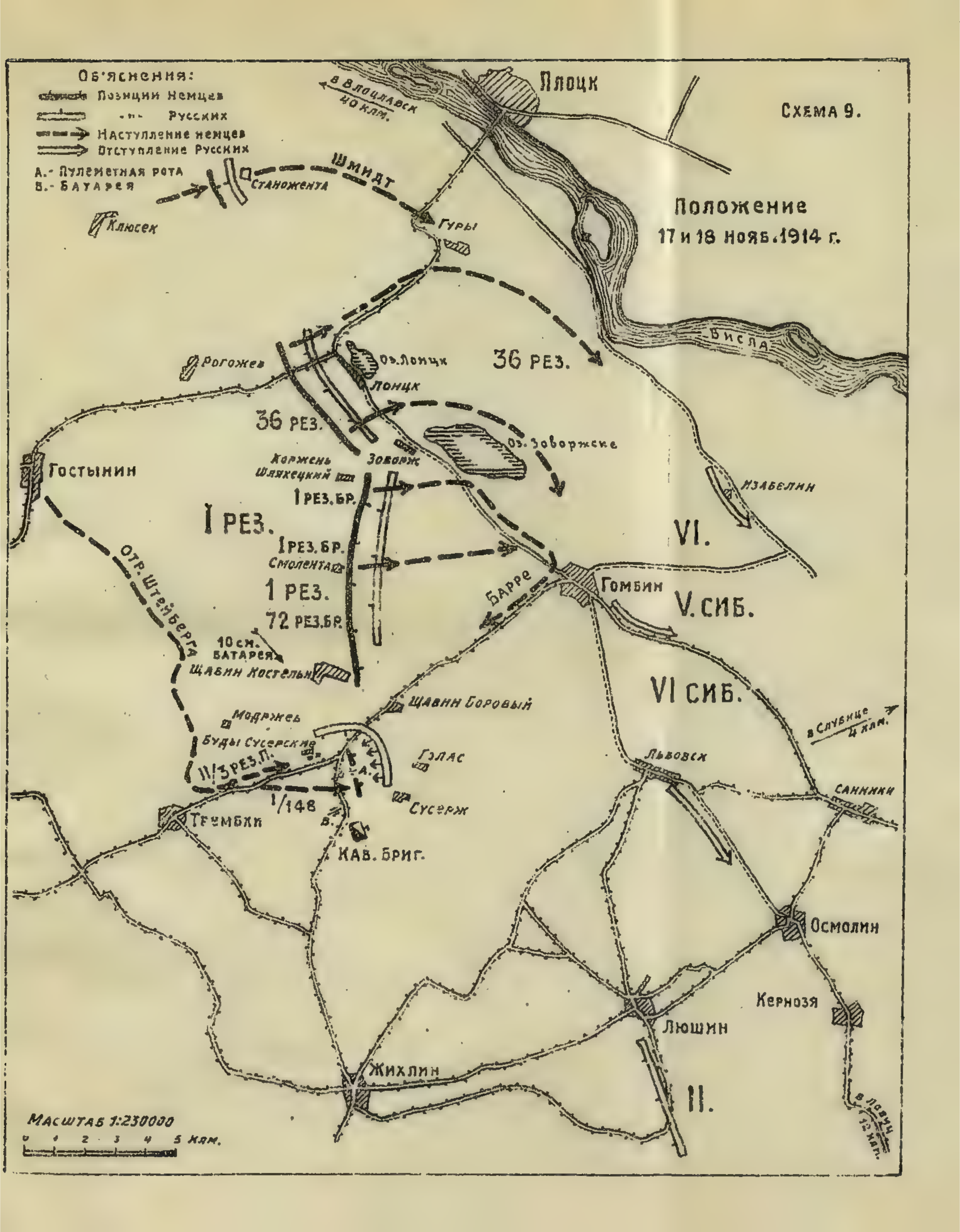

Схема 7.
Положение 17 и 18 нояб. 1914 г.
Об'яснения:
Наступление немцев 17/XI.
" " Русских 18/XI.
Масштаб 1 : 600000
19 БРИГ.
XXV РЕЗ.
9 КАВ. Д.
XX
XVII
II СИБ.
IV
ПОДЗБ
XXIII
XI
3 КАВ. КОР.
7 КАВ. Д.
6 КАВ. Д.
Жихлин
Ловин
Собота
Бзура
Ленчица
Домбе
Унеева
Скерневице
Глована
Пеюлида
Озорков
Згерж
Александров
Константинов
Лодзь
Пабианице
Ласк
Шадек
Здуньска Воля
в Томашов 15 клм.
Варта на Став 18 клм.

Схема 8.
Положение 19 нояб. 1914 г.
Скерневице
в Варшаву 80 клм.
Дембова Гура
Липице
Стрыков
Рожки
Буды Сикава
Новосольна
Липины
Бзура
Згерж
XVII.
Аниолов
35
22
XX.
37
½ 41
9 кав. д.
Нер
Соколов
Александров
Жабенец
Брезин
Харбице
XI.
36
II Сиб.
IV
72 п. бр.
Пучнев
Константиновек
XXIII.
Видзев
Иорданов
Бедон
6 гв. бриг.
Витковице
3 гв.
Колюшки
XXV рез.
Лютомерск
Константинов
Лодзь
Галков
Андресполь
Бендзелин
38
Флорентинов
Юлианов
Яновице
Буковице
Борово
Шадек
Ясенна
95 п. п.
5 гв. бриг.
Воля Ракова
Карпин
Куровице
Кор. Познань и 3 кав. кор.
Вржещевице
Пабианице
Ржов
К XIX кор.
Королев
Борщевице
XIX.
Вольборка
Новиков
Тушин
XXV рез.
Бендков
Здунска Воля
Ласк
Крушев
в Серадзь 20 клм.
Бабы
6 кав. д.
Минкошин
Вадлев
Вольборж
Видавка
Велюньчк 30 клм.
Масштаб 1:500000.
10 8 6 4 2 0 5 10 клм.
Ново-Радомск 40 клм.
Видава
Петроков
Об'яснения:
Позиции немцев
Позиции русских
38 дивизии вечером
Отступление 38 див. в ночь с 19 на 20.XI.
Подход русских 19 ноября.
Наступление немцев.

Схема 8.
Положение 19 нояб. 1914 г.
Масштаб 1:500000.
10 клм.
Об'яснения:
Позиции немцев
Позиции русских
38 дивизия вечером
Отступление 38 див. в ночь с 19 на 20.XI.
Подход русских 19 ноября.
Наступление немцев.
Лодзь
XX.
XVII.
XI.
XXIII.
II Сиб.
IV
I.
XIX.
XXV рез.
9 кав. д.
6 кав. д.
Петроков
Здунска Воля
Новосольна
Соколов
Александров
Константинов
Бендков
Скерневице
Ласк

Об'яснения:
Позиции Немцев
-„- Русских
Наступление немцев
Отступление Русских
А.- Пулеметная рота
В.- Батарея
Схема 9.
Положение
17 и 18 нояб. 1914 г.
Плоцк
в Влоцлавск 40 клм.
Шмидт
Станожента
Клюсек
Гуры
Висла
36 РЕЗ.
Оз. Лоцк
Лонцк
Рогожев
36 РЕЗ.
Оз. Зоворжске
Зоворж
Коржень Шляхецкий
Гостынин
1 РЕЗ. БР.
I РЕЗ.
Изабелин
VI.
1 РЕЗ. БР.
Смолента
1 РЕЗ.
72 РЕЗ. БР.
Отр. Штейберга
Барре
Гомбин
V. СИБ.
10 см. БАТАРЕЯ
Щавин Костельн
VI СИБ.
Щавин Боровый
Модржев
Буды Сусерские
II/3 РЕЗ. П.
Гэлас
в Слубице 4 клм.
Львовек
Санники
1/148
Сусерж
Трембки
КАВ. БРИГ.
Осмолин
Кернозя
Люшин
Жихлин
II.
в Ловичь 12 клм.
Масштаб 1:230000
0 1 2 3 4 5 клм.

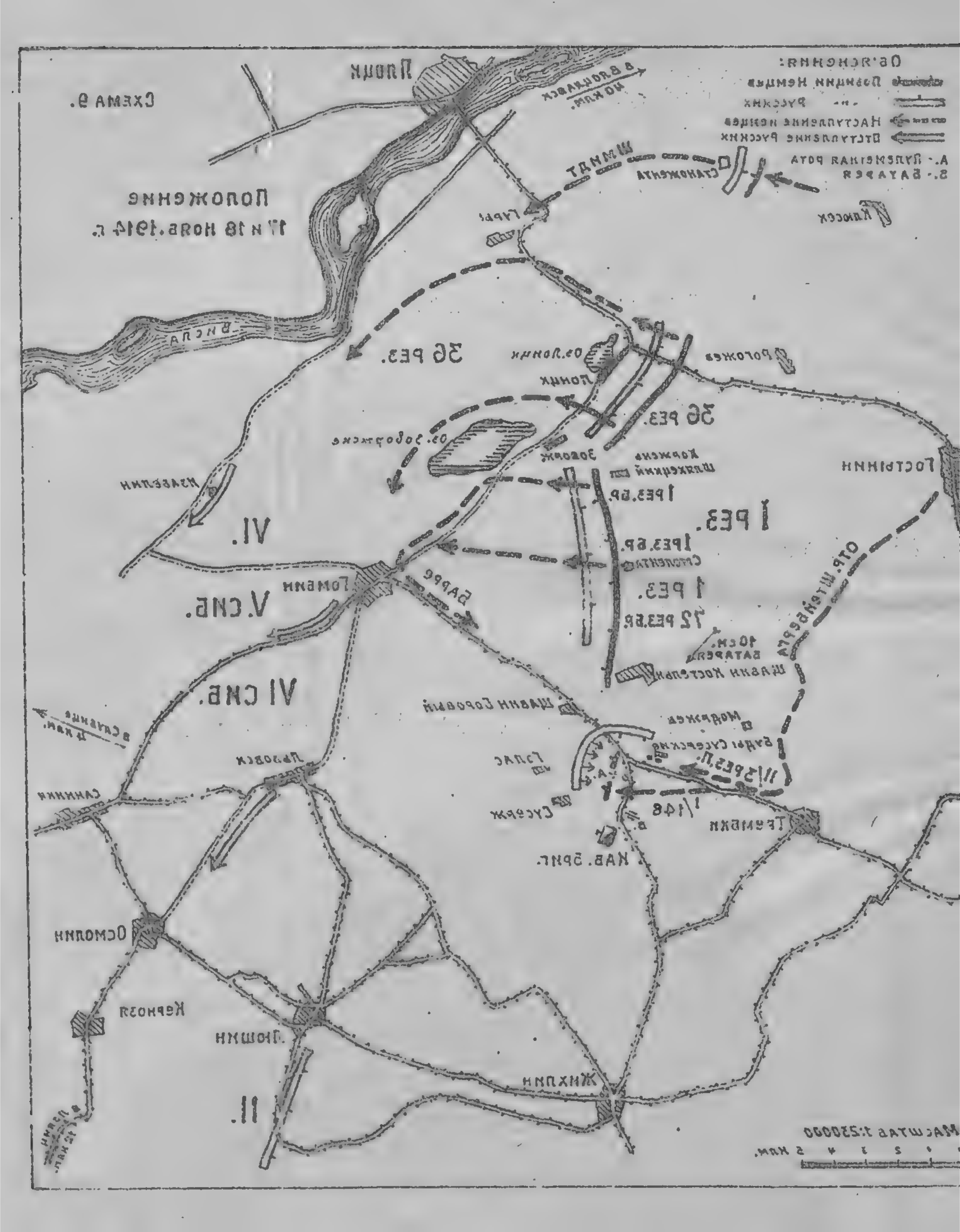

Схема 9.
Положение
17 и 18 нояб. 1914 г.
Плоцк
Об'яснения:
Позиции Немцев
-"- Русских
Наступление немцев
Отступление Русских
А.- Пулеметная рота
Б.- Батарея
Шмидт
Висла
36 рез.
Рогожев
1 рез.
1 рез. бр.
Гостынин
VI.
Гомбин
V. СМБ.
Барре
Отр. Штейнберга
72 рез. бр.
10 см. батарея
VI СМБ.
Галас
1/148
Трембки
Кав. бриг.
Осмолин
Керноза
Жихлин
II.
Масштаб 1:250000

Схема 10.

Положение 20 нояб. 1914 г.

Об'яснения:

Немцы

Русские

Масштаб 1:500000.

10 8 6 4 2 0 5 10 клм.

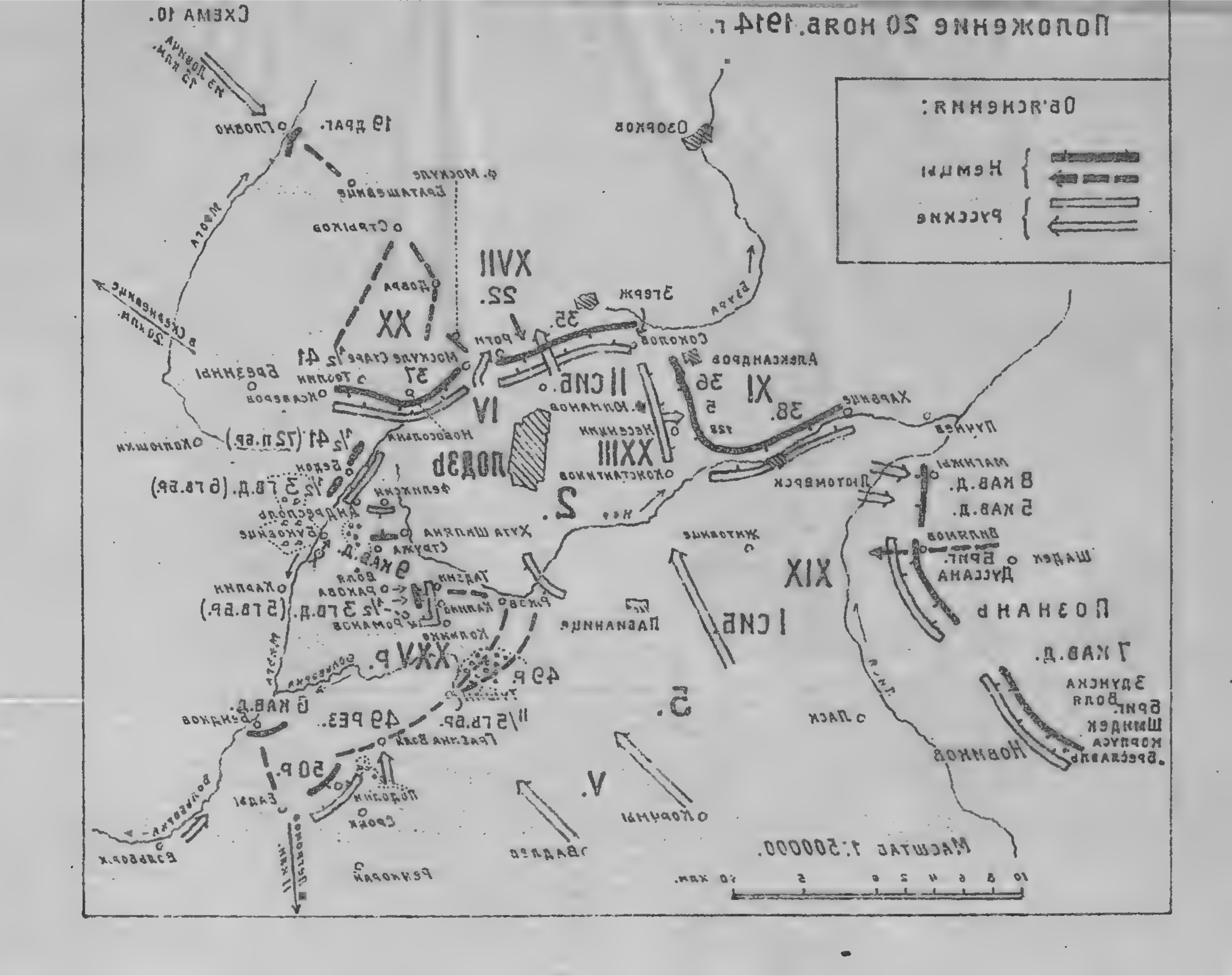
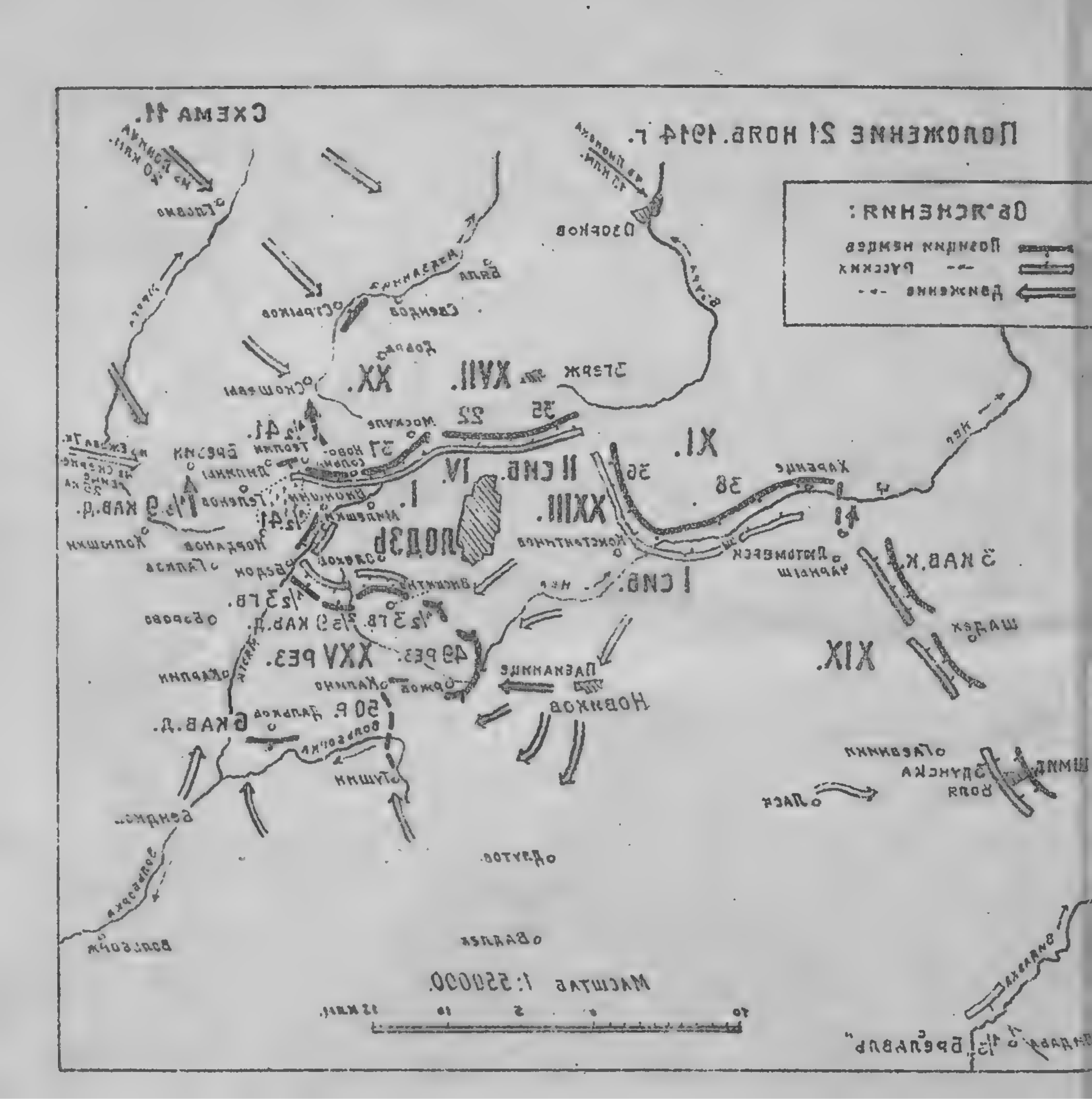
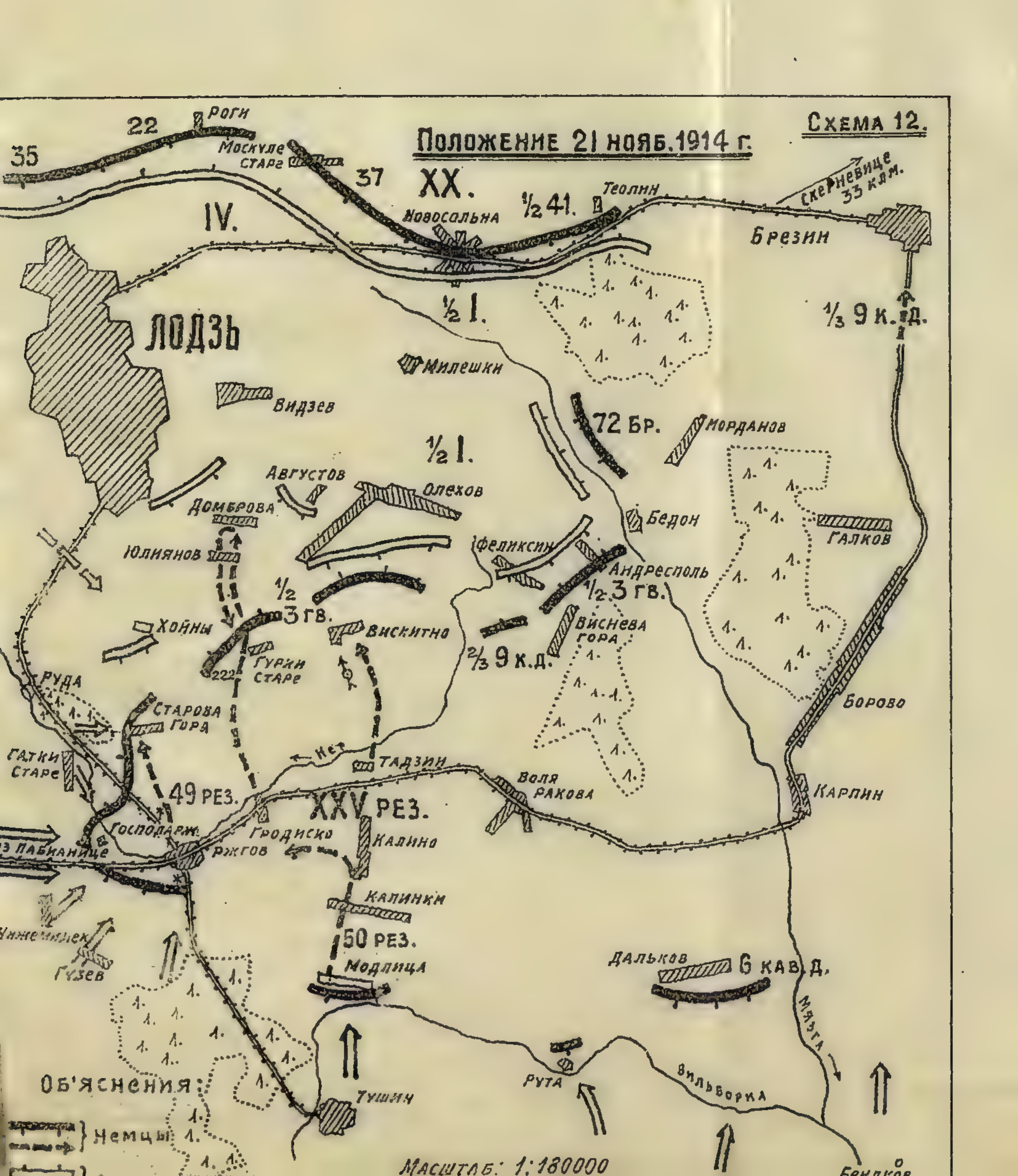

Схема 10.
Положение 20 нояб. 1914 г.
Объяснения:
Немцы
Русские
Масштаб 1:500000.

СХЕМА 11.
ПОЛОЖЕНИЕ 21 НОЯБ. 1914 г.
ОБ'ЯСНЕНИЯ:
Позиции немцев
" русских
Движение " "
Озорков
Бзура
Нер
Згерж
XVII.
XX.
Бяла
Свендов
Стрыков
Скошевы
Главно
Москуле
35
22
XI.
36
38
Харбице
II СИБ.
IV.
I.
XXIII.
37
Теолин
Брезин
Липины
Геленов
Милешки
ЛОДЗЬ
1/3 9 КАВ.Д.
Колюшки
Константинов
Лютомерск
Чарныш
3 КАВ.К.
I СИБ.
Нер
Вискитно
Бгдон
1/2 3 ГВ.
2/3 9 КАВ.Д.
Борово
Шадек
XIX.
49 РЕЗ.
XXV РЕЗ.
Карпин
Пабианице
Новиков
Калино
50 Р.
6 КАВ.Д.
Гаевники
Шмиц
Здунска Воля
Ласк
Тушин
Бендков
Длутов
Вольборка
Видавка
Вадлев
Вольборж
Масштаб 1: 550000.
10
0
5
10
15 клм.
Видава
1/3 "Бреславль"

Схема 11.
Положение 21 нояб. 1914 г.
Обозначения:
Позиции немцев
— " — русских
Движение
XX.
XVII.
XI.
XXIII.
XIX.
XXV РЕЗ.
Лодзь
Масштаб

Схема 12.
Положение 21 нояб. 1914 г.
Роги
22
35
Москуле Старе
37
XX.
IV.
Новосальна
½ 41.
Теолин
Скерневице 33 клм.
Брезин
ЛОДЗЬ
½ I.
⅓ 9 к. д.
Милешки
Видзев
72 Бр.
Морданов
½ I.
Августов
Олехов
Домброва
Бедон
Галков
Юлиянов
Феликсин
Андресполь
½ 3 гв.
½ 3 гв.
Хойны
Вискитно
Висньева Гора
⅔ 9 к.д.
222
Гурки Старе
Руда
Старова Гора
Борово
Гатки Старе
Нет
Тадзин
49 рез.
Воля Ракова
XXV рез.
Карлин
Господарж.
Гродиско
Калино
Пабианице
Ржгов
Калинки
Нижевинек
50 рез.
Гузев
Модлица
Дальков
6 кав. д.
Мязга
Рута
Вильборка
Об'яснения:
Тушин
Немцы
Масштаб: 1:180000
Бендков

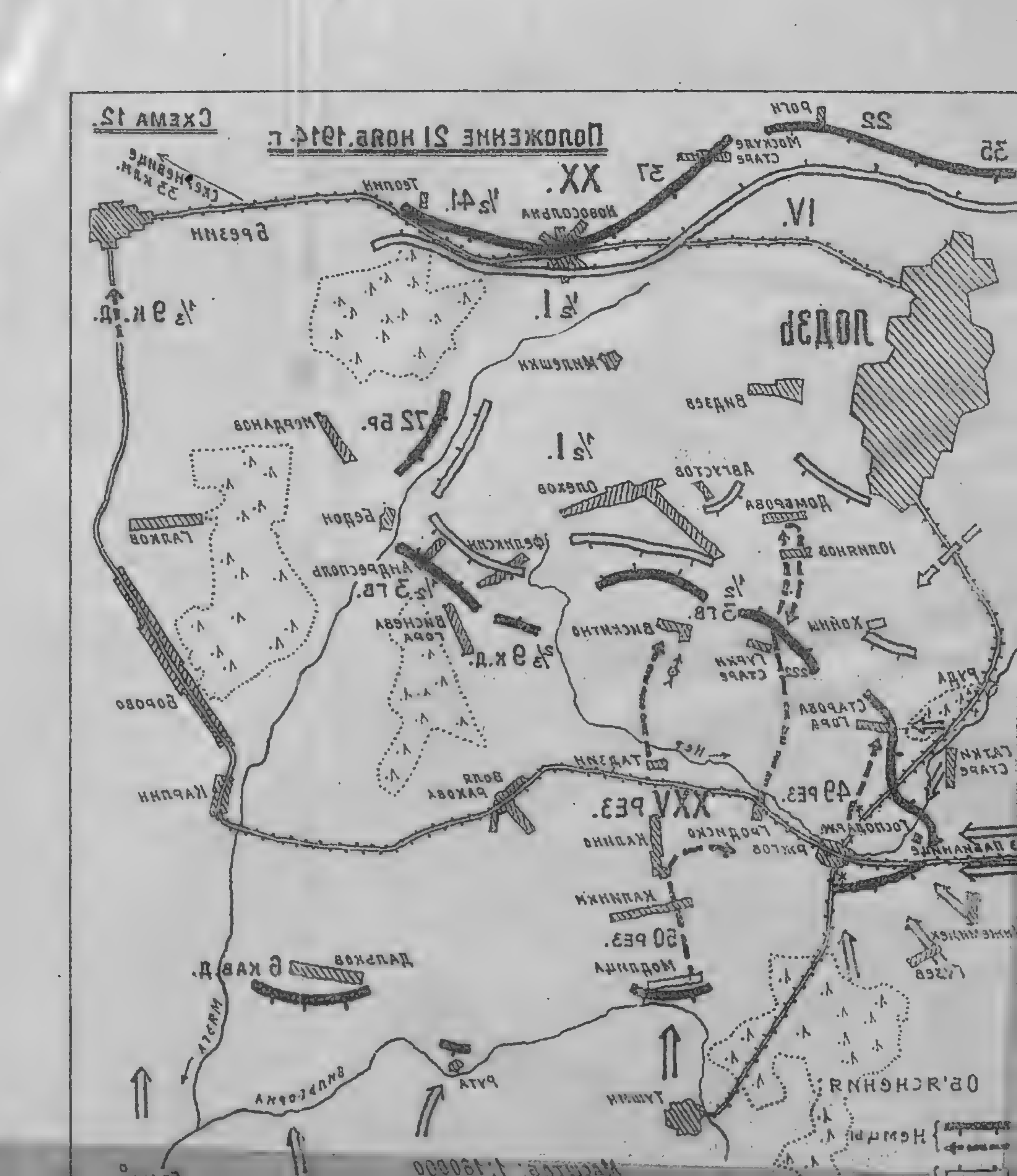

Схема 12.
Положение 21 нояб. 1914 г.
XX.
IV.
Лодзь
Брезин
Скерневице 33 клм.
1/3 9 к. д.
Теолин
1/2 41. д.
Новосольна
37
Роги
22
35
Москуле старе
1/2 1.
Милешки
Видзев
72 бр.
1/2 1.
Августов
Олехов
Домброва
Бедон
Галков
Феликсин
Андреспол
Юлианов
1/2 3 гв.
1/2 3 гв.
Вискитно
Хойны
Вишнева гора
2/3 9 к. д.
Гурки старе
Руда
Старова гора
Борово
Тадзин
Нер
Гатки старе
49 рез.
Карпин
Воля Раковая
XXV рез.
Гродзиско
Господаржице
Пабианице
Кадино
Калинки
50 рез.
Модлица
6 кав. д.
Дальков
Мрога
Рута
Тушин
Гузев
Об'яснения
Немцы
Масштаб 1:160000

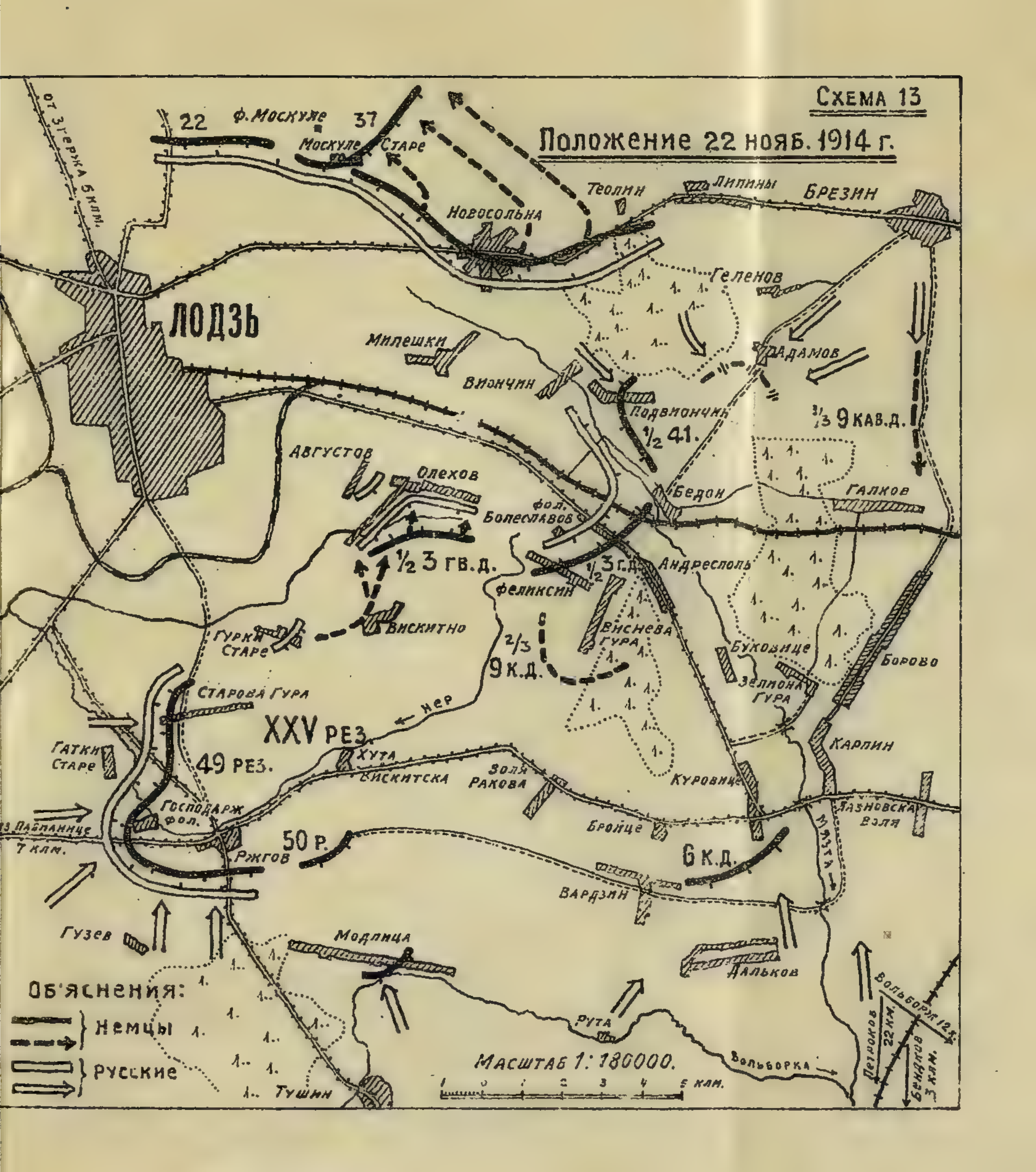
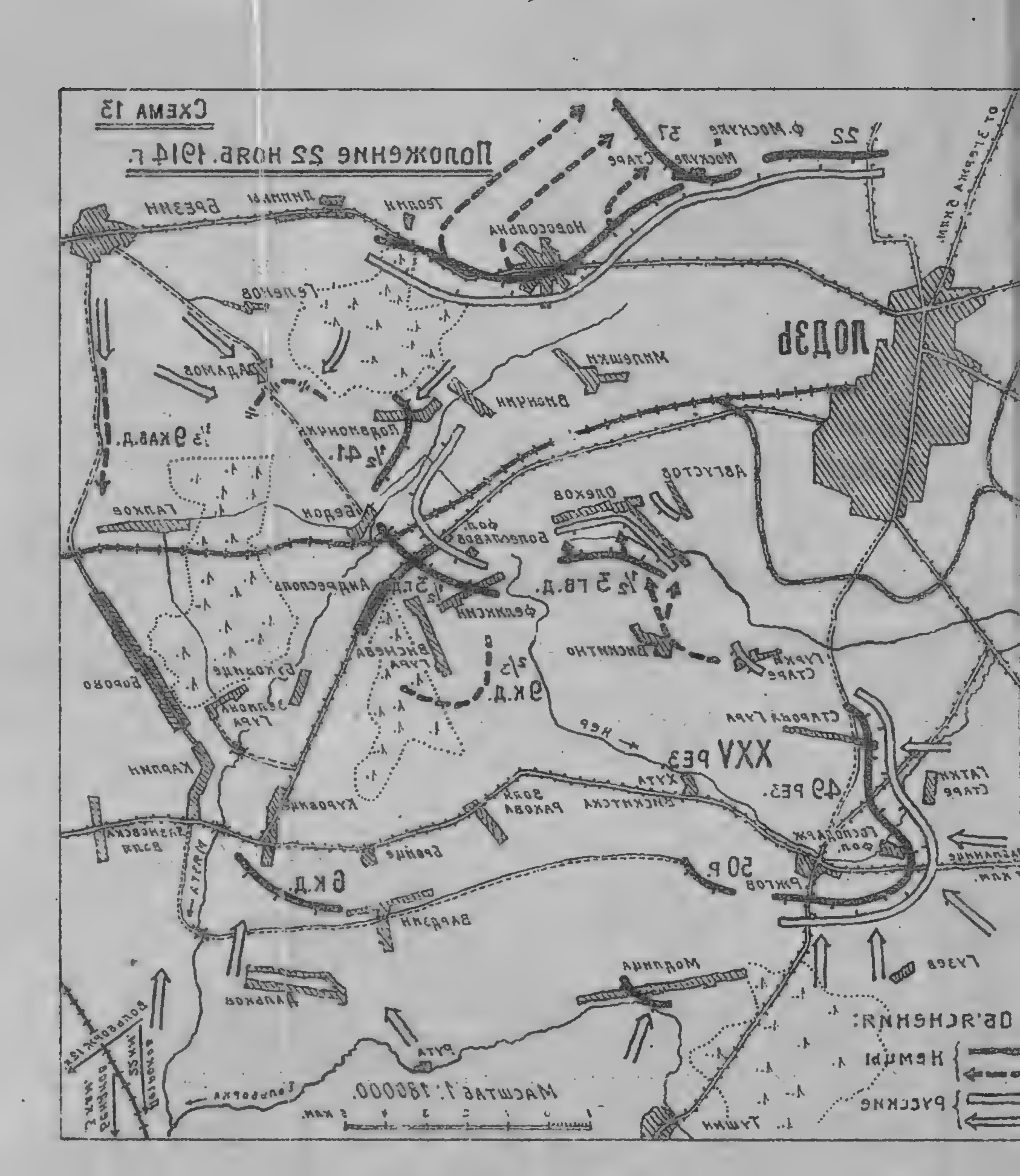

Схема 13
Положение 22 нояб. 1914 г.
Лодзь
Брезин
Липины
Теолин
Новосольна
Москуле Старе
ф. Москуле
22
37
Геленов
Адамов
Милешки
Вионччн
Подвиончин
1/2 41.
1/3 9 кав. д.
Августов
Олехов
Бедон
Галков
фол. Болеславов
1/2 3 гв. д.
1/2 3 г. д.
Андресполь
Феликсин
Вискитно
Гурки Старе
Виснева Гура
2/3 9 к. д.
Буковице
Зелнона Гура
Борово
Старова Гура
Нер
XXV рез.
Гатки Старе
49 рез.
Хута Вискитска
Воля Ракова
Куровице
Карпин
Господарж фол.
Ржгов
50 р.
Бройце
Мазнювска Воля
6 к. д.
Вардзин
Мялга
Гузев
Модлица
Дальков
Об'яснения:
Немцы
Русские
Рута
Вольборка
Масштаб 1: 180000.
Тушин
Вольборж 12 км.
от Згержа 6 клм.
Пабяннце 7 клм.

Схема 13
Положение 22 нояб. 1914 г.
Лодзь
1/3 9 кав. д.
1/2 41.
1/2 5 гв. д.
2/3 9 к. д.
XXV рез
49 рез.
6 к. д.
50 р.
Масштаб 1:180000.
Обозначения:
Немцы
Русские

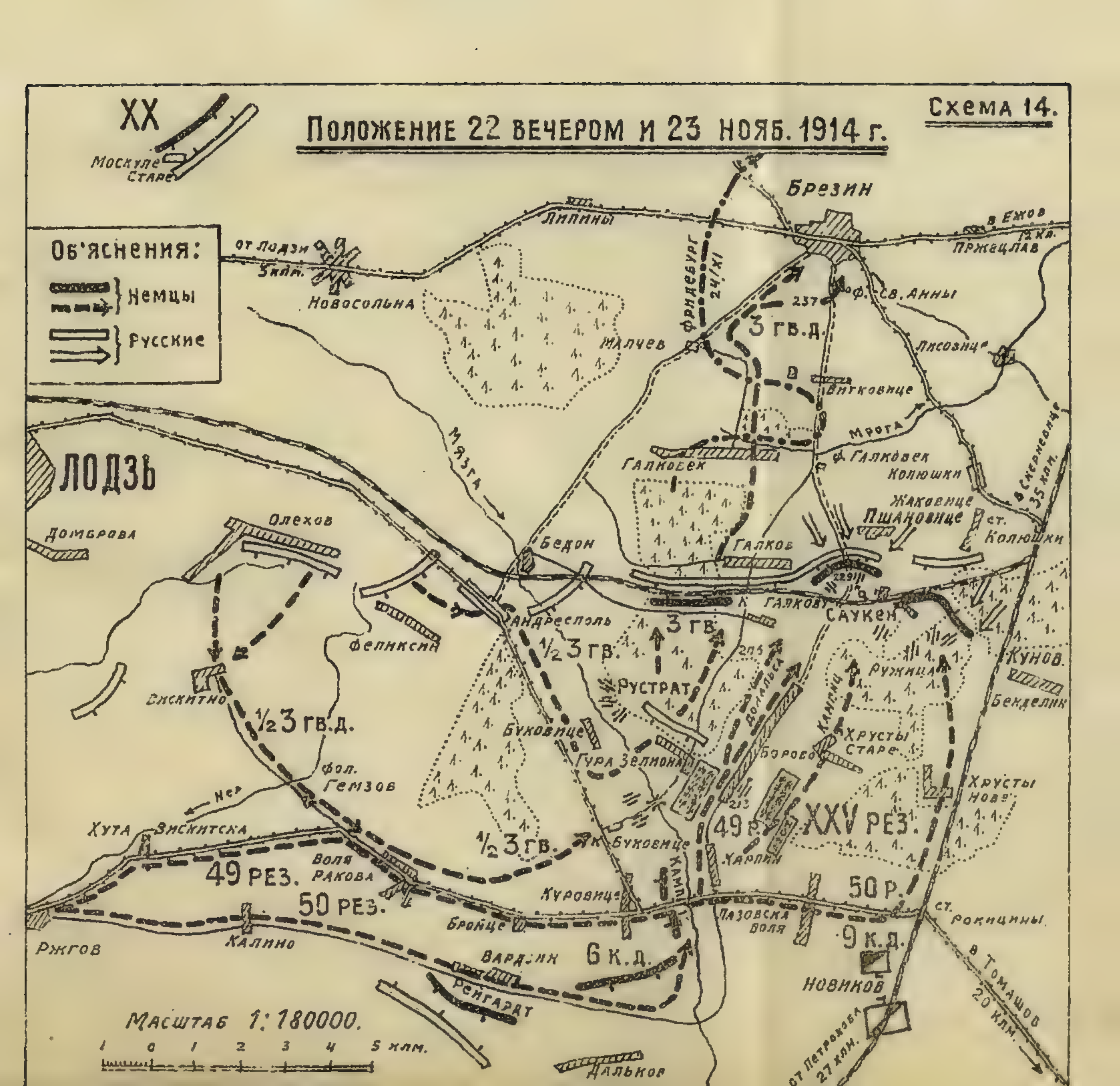

Схема 14.
Положение 22 вечером и 23 нояб. 1914 г.
XX
Москуле Старе
Об'яснения:
Немцы
Русские
Брезин
Липины
от Лодзи 5 клм.
Новосольна
в Ежов 12 км.
Пржецлав
ф. Св. Анны
Фридебург 24/XI
3 гв. д.
Жалчев
Лисовице
Витковице
Мрога
Галковек
Колюшки
Жаковице
Пшановице
ст. Колюшки
в Скерневице 35 клм.
Лодзь
Домброва
Олехов
Мязга
Бедон
Галков
к Галкову
Саукен
Андресполь
Феликсин
1/2 3 гв.
3 гв.
Рустрат
Ружица
Кунов.
Бенделин
Вискитно
1/2 3 гв. д.
Буковице
Гура Зелиона
Воля
Каммиц
Хрусты Старе
Борово
Хрусты Нове
фол. Гемзов
Нер
Хута Вискитска
49 р.
XXV рез.
1/2 3 гв.
к Буковице
Харпин
Воля Ракова
49 рез.
50 рез.
Куровице
50 р.
Ржгов
Калино
Бройце
Лазовска Воля
ст. Рокицины
9 к. д.
6 к. д.
Вардзин
Рейгардт
Новиков
в Томашов 20 клм.
Масштаб 1: 180000.
1 0 1 2 3 4 5 клм.
Далькое
от Петрокова 27 клм.

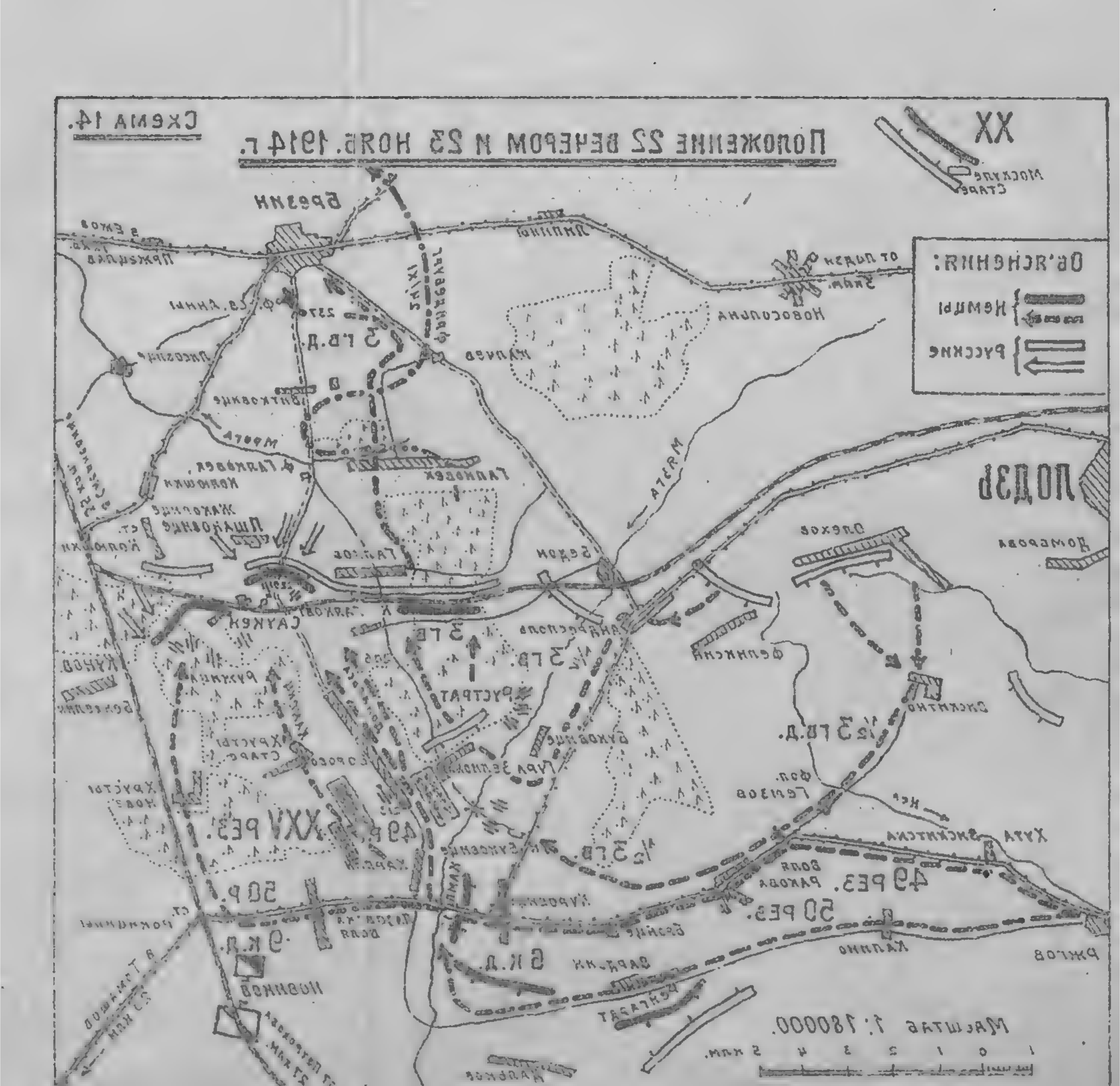

Схема 14.
Положение 22 вечером и 23 нояб. 1914 г.
Об'яснения:
Немцы
Русские
XX
Брезин
Лодзь
3 гв. д.
½ 3 гв. д.
½ 3 гв.
3 гв.
XXV рез.
49 рез.
49 р.
50 рез.
50 р.
9 к. д.
6 к. д.
Новосольна
Галковек
Рустрат
Пшиловице
Новиков
Ржгов
Масштаб 1: 168000.
0 1 2 3 4 5 клм.

Схема 15.
Положение 24.XI.1914.
от Стрыкова 14 клм.
Брезин
Липины
от Лодзи 10 клм.
Пржецлав
в Ежов 11 клм.
3 гв.
ф. Св. Анны
Малчев
Витковице
Лисовице
Эуфемнинов
Иорданов
Галкувек
ф. Галкувек
Мрога
Колюшки
50 рез.
Пшановице
Жаковице
Ст. Колюшки
Галков
от Лодзи 10 клм.
Бедон
Андреспoль
Мрога
к Галкову
Ружица
Бендзелин
49 рез.
Швейнице
Букзанце
XXV рез.
Хруды Старе
Хруды Нове
Борова
Гора Зеленая
Об'яснения:
Немцы
Русские
Карпин
Курзянце
от Ржова 9 клм.
6 к.д.
Лазиновска Воля
Ст. Рокицины
9 к.д.
от Томашова
от Петрокова 30 клм.
Масштаб 1:140.000
1 0 1 2 3 4 5 клм.
Новиков

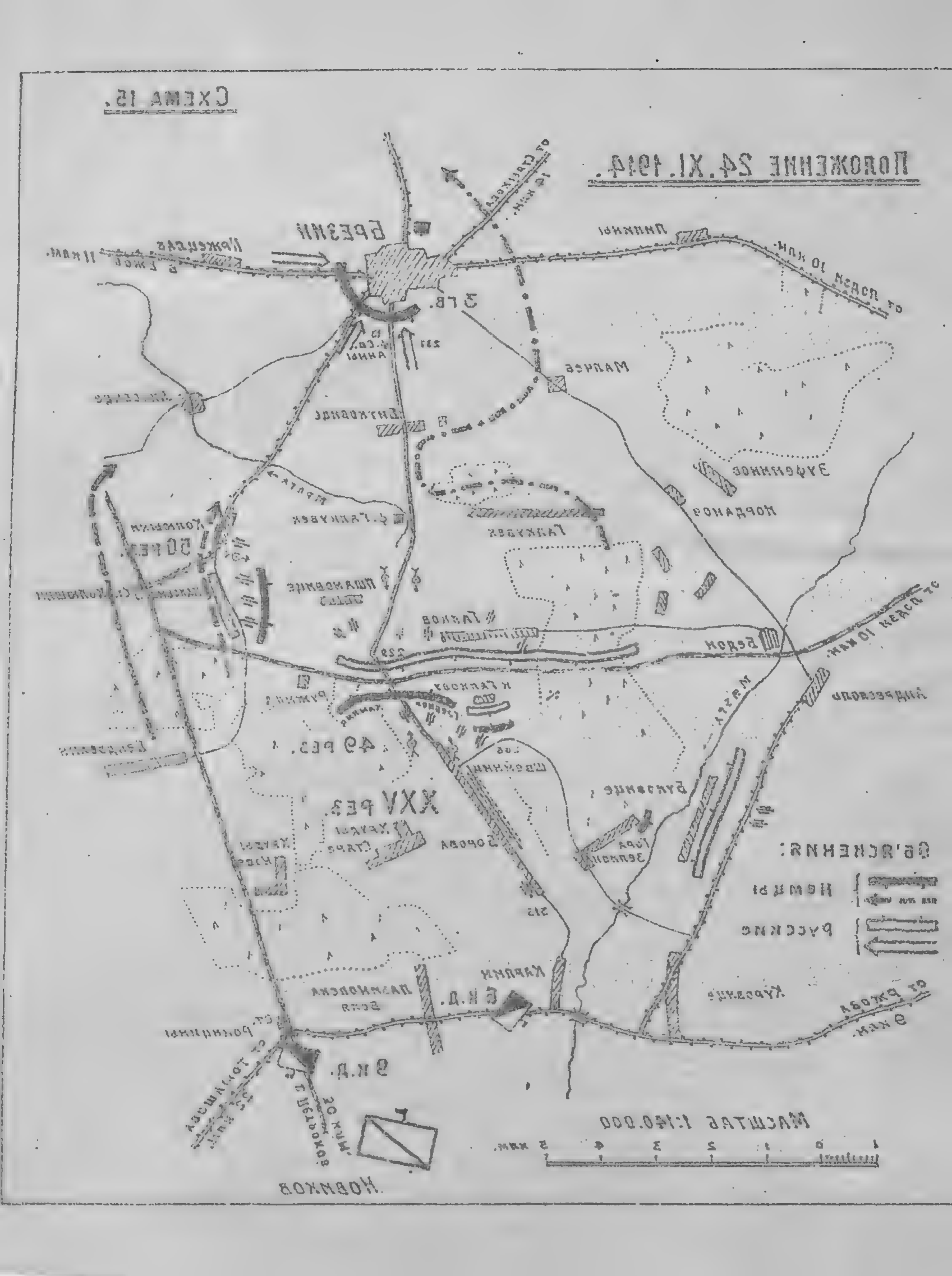

Схема 15.
Положение 24.XI.1914.
Брезины
Малице
Бедонь
Андреспол
XXV рез.
49 рез.
50 рез.
3 гв.
6 к.д.
9 к.д.
Карпин
Борова
Объяснения:
Немцы
Русские
Масштаб 1:140.000

СХЕМА 16.
Положение 24 нояб. 1914 г.
Коваль
1 пех. д.
25.XI.
Плоцк
Гостынин
Гомбин
Висла
25.XI
Слубице
Ланента
Львовек
Саношхи
25.XI
Плов
Домбровице
Осмолин
Кросневице
Кернозя
Грегори
Кутно
Сохачев
Наслуша
Шмит
Плейна
Здуны
I. РЕЗ.
Бзура
Орлов
Ловичь
Белявы
Домбе
Ленчица
Пионтек
Псары
70 Р. БР.
Сопель
Доманевице
В Варшаву
70 клм.
Озорков
Глобне
Скерневицы
Козле
Бяла
II.
Свендов
XX
41
Згерц
35
XVII
22
37
Александров
Карнце
38.
XI
II СИБ.
IV
Брезин
Новосульва
Ежов
Малин
В КАВ.Д.
XXIII
ЛОДЗЬ
Бедон
Голков
50 РЕЗ.
3 КАВ.К.
Лютомерск
Апелония
Константинов
Нер
Олесов
I СИБ.
49 РЕЗ
XXV Р.
Шаден
Познань
XIX
Юлианов
Яновице
Пабианице
Карпин
6 КАВ.Д.
9 КАВ.Д.
Ржгов
Рокицины
Марновка
V
Добронь
Новиков
Здунска Воля
Тушин
Ласк
Вендков
Длутов
Задлев
Вольборж
Томашов
Варта
Бреславль
Видава
Масштаб 1:840000
Петроков
Об'яснения:
Позиции
Наступл.
Немцы
Русские

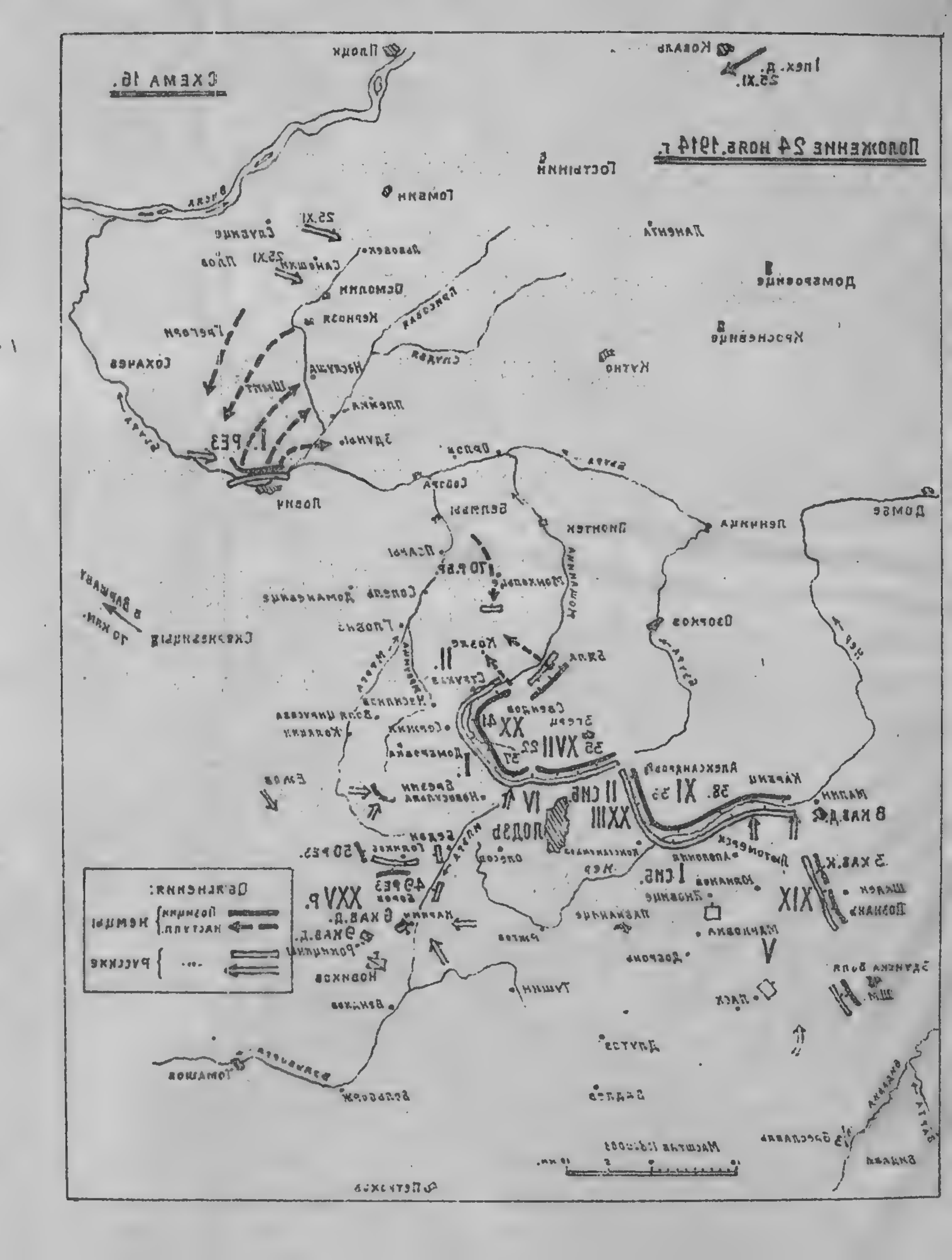

СХЕМА 16.
Положение 24 нояб. 1914 г.
Плоцк
Висла
1 пех. д.
25.XI.
Гостынин
Гомбин
Кутно
Домброване
Красневице
Сохачев
Лович
Бзура
Скерневицы
в Варшаву
10 клм.
Александров
Озорков
Пабианице
Ласк
Бржезины
Ласк
Обозначения:
Немцы
Позиции
Наступл.
Русские

Схема 17.
Положение 25 ноября 1914 г.
Об'яснения:
Немцы
Русские
Сопель
Глинник
Гловно
в Ловичъ 20 клм.
Козле
Воля Блендовая
Братошевице
Осины
Дмосин
ф. Оруселки
Тартак
Новоставы
Стрыков
Несулков
XX.
Воля Цирусова
Липка
Анелин
Сержня
XXV рез.
Мрога
Мрожица
Колацин
Скошевы
Янинов
Домброзка
Тадзин
I кав. к.
ф. Бучек
3 гв.
Москва
Лаппы
Брезин
Масштаб 1:150000.

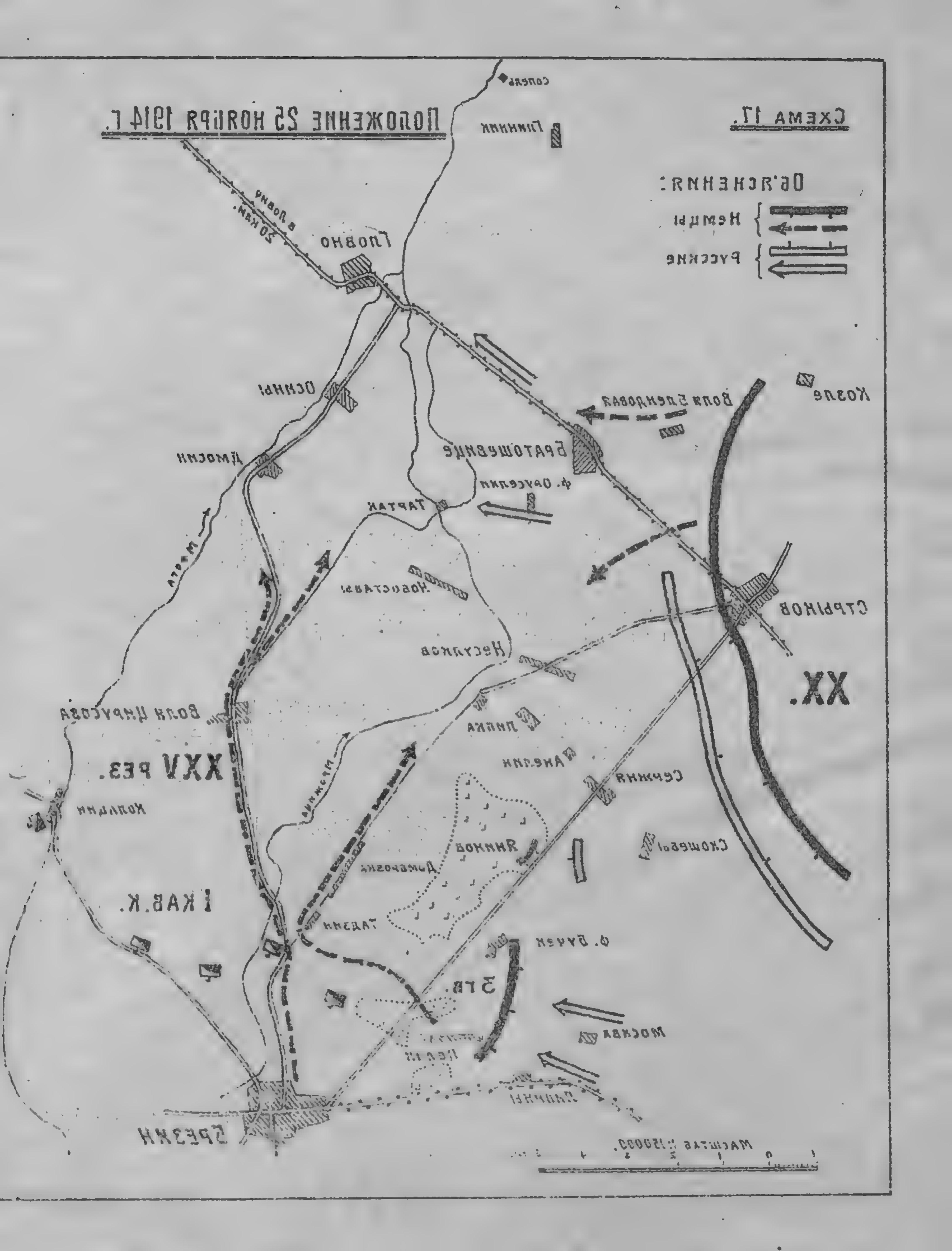

Схема 17.
Положение 25 ноября 1914 г.
Об'яснения:
Немцы
Русские
Гловно
Братошевице
Стрыков
Козле
Воля Бленцдовая
ф. Орсельки
Тартак
Новоставы
Несулков
Осины
Домосин
Воля Цирусова
XXV рез.
XX.
I кав. к.
3 гв.
Пипка
Анелин
Сербиня
Скошевы
Янинов
Домброва
Гадзин
ф. Будек
Москва
Брезин
Мроженица
Масштаб 1:150000.

Схема 18.
Положение с 2-5 декабря 1914 г.
XI.
36
38
Харбице
Лютомерск
Бехцице
181
Константинов
Реткиня
Лодзь
94 п.п.
55 пол.
арт. п.
Аполония
Залев
Флорещинов
Нер
4/XII
Юлиянов
Житовице
Яновице
Кудровице
Руда
Вымыслов
Пабианице
5/XII
от Ржова 6 клм.
Марковка
4.
Кол. Хехло
4/XII
Добронь
II.
6 бр.
Шм.
3.
Павликовице
Гута
Длутовска
5 бр.
Льдзань
Ласк
Грабя
4/XII
Длутов
Обяснения:
Атаки немцев
Позиции русских 2/XII
4/XII
7.
48 рез.
Масштаб 1:130000
1 0 1 2 3 4 5 клм.
Карумы
Вадлев
3 каз. д.

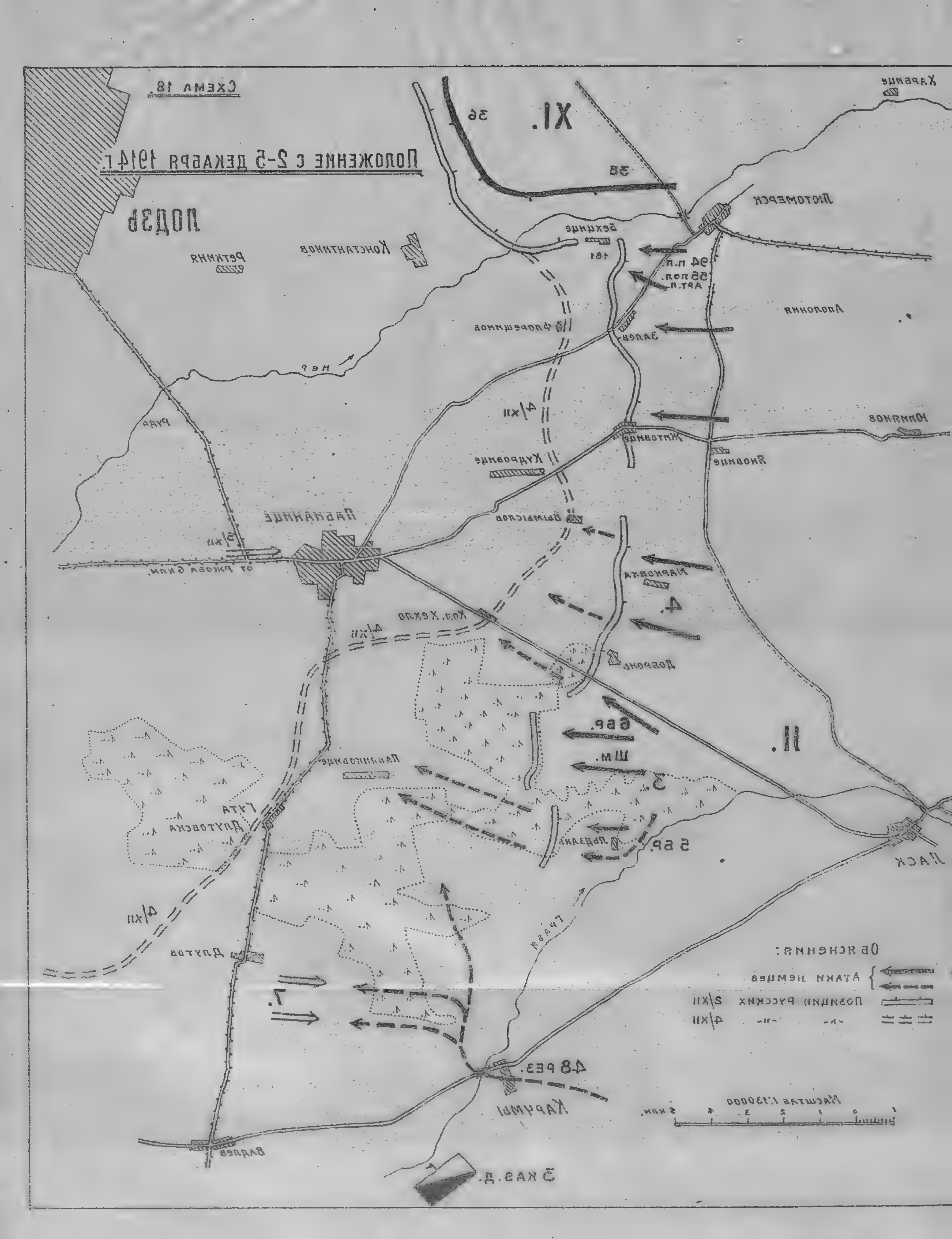

Схема 18.
Положение с 2–5 декабря 1914 г.
Лодзь
XI.
36
38
Константинов
Реткиня
Бехице
181
Лютомерск
94 п.п.
95 пол.
Арт. п.
Аполония
Залев
Нер
Руда
4/XII
Житовице
Кудровице
Яновице
Пабианице
Вымыслов
5/XII
Марковка
4.
Кол. Хехло
Добронь
6 бр.
Шм.
II.
3.
Павликовице
Гута Длутовска
5 бр.
Ласк
Длутов
7.
48 рез.
Карчмы
3 кав. д.
Объяснения:
Атаки немцев
Позиции русских 2/XII
4/XII
Масштаб 1:130000

